

001

У-91

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО

ПЕРВОМУ И ТРЕТЬЕМУ ОТДѢЛЕНІЯМЪ.

ТОМЪ I. ВЫПУСКЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
1852.

Получать можно въ С.-Петербургѣ у Коммисіонеровъ Императорской Академіи
Наукъ Глазунова и Эггерса, въ Лейпцигѣ у Л. Фосса.

Цѣна за томъ 2 р. сер.

«Ученыя Записки» будутъ выходить, покуда, безсрочными
выпусками, безъ опредѣленнаго числа листовъ въ каждомъ вы-
пу

001	N23791.
У-91	Ученые за- писки император- ской академии наук.
T-1	ч. 2 р.

издаваться немедлен-
нновенной величины
ть. Цѣна за каждый
дписчики могутъ по-
овъ Академіи, книго-
ого, иногородные под-
ованіями прямо въ
еміи Наукъ, откуда
ку «Ученыхъ Запи-

N23791.

001

601
7-91

5
4-91
П

Служебный
каталог

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

по

ПЕРВОМУ И ТРЕТЬЕМУ ОТДѢЛЕНІЯМЪ.

Л. Н. С. Г. 7

№ 23791.

Областная
библиотека им. Г. Г. Г. Г.
Фундаментальное
отделение

При последнемъ выпускѣ I-го тома этотъ заглавный листъ будетъ замѣненъ другимъ.

867.1
Возм. 3
Возм. 1
Возм. 1

И. Проверено

П

Напечатано по распоряженію III-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

17 Сентября 1852 года.

Испремльный Секретарь П. Фусъ.

Императорская Академия Наук
III-го Отделения
1852

И. 23451

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

Проверено

ВВЕДЕНІЕ.

ОБЪ УЧЕНЫХЪ СБОРНИКАХЪ И ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАВАНІЯХЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

съ 1726 по 1852 годъ,

и

ОБЪ ИЗДАВАНІИ «УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ».

Рѣшившись преобразовать московское государство, Петръ Великій видѣлъ, что прежде всего нужно увеличить и укрѣпить доставшіяся ему *матеріальныя* силы. Чтобъ упрочить это матеріальное могущество государства, онъ считалъ необходимымъ преобразовать русскій военный бытъ *на европейскомъ основаніи*, и въ этомъ духѣ дѣйствовалъ еще царственнымъ юношею, когда впервые принялся за образованіе регулярнаго войска, и еще рѣшительнѣе впоследствии, когда сталъ заводить флотъ. Въ выполненіи этой трудной задачи Петръ, безспорно, достигъ ея главнаго результата: возрожденная Россія осталась, по его смерти, побѣдоносною и грозною. Шведы и Поляки, такъ часто угнетавшіе московское государство, не могли теперь остановить его стремленіе къ органическому развитію и должны были дать ему мѣсто въ ряду первенствующихъ державъ, наравнѣ съ другими христіанскими государствами. Правда, Петръ не успѣлъ раззорить гнѣзда крымскихъ разбойниковъ и освободить отъ ига Персіи и Турціи жителей Грузіи, Молдавіи и Сербіи, такъ живо сочувствовавшихъ своимъ сѣвернымъ единовѣрцамъ; но мусульманскія государства узнали на опытъ, что съ европейскою Россією совсѣмъ не такъ легко бороться, какъ съ прежнею полу-азіатскою Московіей.

Основаніе, положенное Петромъ военному устройству, было такъ прочно, что не могло уже разрушиться по его смерти. Оставалось усовершенствовать это устройство, а для этого нужно было только продолжать дѣло въ духѣ его основателя. Дѣйствительно, все, чего не доставало въ устройствѣ арміи, какъ напр. по артиллеріи и инженерному искусству, или въ устройствѣ флота, все, что нужно было сдѣлать для улучшенія военнаго быта со стороны общаго образованія или техническихъ познаній, правительство могло довершить съ теченіемъ времени, предпринимая мѣры уже въ указанномъ направленіи. Однихъ спеціально-военныхъ училищъ, какъ напр. Морской Академіи, основанной Петромъ, и Кадетскаго Корпуса (съ 1731 года), при тогдшнемъ ихъ положеніи, конечно, было недостаточно для образованія искусныхъ офицеровъ и полководцевъ, которые могли бы стать на ряду съ военными людьми Голландіи, Англіи, Франціи и даже юной Пруссіи. Чтобы вполнѣ сравняться съ ними, необходимо было сильнѣе распространить *общее образованіе*; а это могло состояться только въ томъ случаѣ, когда науки, съ одной стороны, были бы введены самимъ правительствомъ и обработывались, подъ его надзоромъ и покровительствомъ, теоретически и практически, и когда, съ другой стороны, онѣ сдѣлались бы общедоступными посредствомъ литературы и въ училищахъ, чтобы и молодыя поколѣнія могли входить въ общее состояніе наукъ въ современной Европѣ.

Петръ Великій издавна понималъ, что безъ успѣховъ въ наукѣ и искусствѣ невозможно ни гармоническое развитіе всѣхъ сторонъ государственной жизни, ни облагороженіе отдѣльныхъ лицъ, какого желалъ онъ своимъ подданнымъ. Не смотря на то, что европейская ученость того времени отличалась склонностью къ педантизму и къ бесплоднымъ умозрѣніямъ, Петру Великому было ясно, что наука существуетъ не для одной касты ученыхъ, и что она заслуживаетъ тщательныхъ заботъ правительства, потому что даетъ ему прочное основаніе дѣйствовать на народъ систематически и глубоко, на его духъ и жизнь, просвѣщеніе и характеръ. Но, совершенно понимая цѣну науки и ея необходи-

мость для жизни, зная напр. приложение наукъ къ мореплаванію, къ военному искусству, къ промышленности, Петръ Великій не сѣбшилъ принимать рѣшительныя мѣры въ этомъ отношеніи: онъ понималъ, что водворить науки, искусства, высшія ремесла, утонченные нравы, водворить прочно и плодотворно, равно и произвестъ посредствомъ теоріи и практики наукъ существенное улучшеніе въ отжившихъ формахъ управленія и судопроизводства, по меньшей мѣрѣ не легче, чѣмъ образовать регулярную армію или завести флотъ. Съ другой стороны, отчасти и войны не позволяли ему до извѣстной поры дать своимъ планамъ обширные размѣры и взяться за ихъ выполненіе съ свойственною ему энергіею, хотя, правда, и среди военныхъ тревогъ онъ успѣвалъ принимать отдѣльныя мѣры, которыя оказали потомъ благотѣльные слѣдствія. Такъ, онъ вербовалъ въ Россію или оставлялъ при себѣ архитекторовъ, горныхъ инженеровъ, механиковъ, врачей, ботаниковъ, граверовъ и разныхъ другихъ мастеровъ: выписывалъ людей для заведенія улучшеннаго скотоводства и земледѣлія, завелъ газеты, велѣлъ собирать лѣтописи и переводить книги объ архитектурѣ, кораблестроеніи, юриспруденціи, издавать на русскомъ языкѣ древнихъ историковъ и новыхъ писателей по исторіи, географіи, по разнымъ частямъ военного искусства и т. д.

Но всѣ эти начинанія и усилія въ пользу народнаго просвѣщенія были, что капли въ морѣ, для великой имперіи. Только въ *последній годъ* жизни, именно по заключеніи мира съ Персіею въ сентябрѣ 1723 года, суждено было Петру Великому приступить къ выполненію своего любимаго, давно задуманнаго плана во всей полнотѣ его. И здѣсь какъ въ преобразованіи военного быта, онъ не останавливался на половницѣ, но хотѣлъ основать великое и прочное зданіе, достойное его имени и имперіи. Не ознакомить только думалъ онъ своихъ подданныхъ съ общимъ европейскимъ образованіемъ, но съ самаго начала рѣшился вести дѣло такъ, чтобы Русскіе со временемъ пріобрѣли умственную самобытность и сдѣлались въ свою очередь учителями для другихъ народовъ.

Могло статься, что ПЕТРЪ не представлялъ себѣ ясно всѣхъ трудностей задачи народнаго просвѣщенія: но, съ другой стороны, его исполинскій духъ и прежде не боялся трудностей, а теперь, послѣ многолѣтнихъ опытовъ, онъ взялся за дѣло съ твердою увѣренностію въ успѣхѣ. Какъ все преобразование Россіи началъ онъ съ самаго себя, такъ и въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія онъ самъ хотѣлъ быть непосредственнымъ распорядителемъ. Такимъ онъ является особенно по заключеніи мира съ Швеціей и Персіей, среди своихъ царственныхъ заботъ о просвѣщеніи. Чтобы создать посредствомъ переводовъ разнообразную дидактическую литературу для своихъ подданныхъ, онъ увеличилъ число бывшихъ доселѣ переводчиковъ свѣдущими въ славянскомъ языкѣ «Греками». Но для прочнаго водворенія наукъ въ Россіи, онъ считалъ необходимою ученость западной Европы.

Благороднѣйшіе умы того времени уже давно воздали ПЕТРУ дань восторженныхъ похвалъ. Еще въ 1696 году славный Лейбницъ предугадывалъ, чего должно ожидать отъ ПЕТРА, а съ 1711 онъ неразъ имѣлъ счастье объясняться съ нимъ лично и письменно. Въ этихъ-то сношеніяхъ великаго государя съ гениальнымъ ученымъ возникли первыя идеи объ учрежденіи «коллегій», въ томъ числѣ «ученой коллегіи» или «Collegium sapientiae». Если Лейбницъ († 1716) могъ быть для ПЕТРА живымъ представителемъ цѣлой академіи, какъ-бы олицетвореніемъ подобнаго учрежденія, то впослѣдствіи ПЕТРЪ нашелъ такое учрежденіе въ дѣйствительности — въ парижской академіи, посѣтивъ ее въ 1717 году. Бесѣдуя съ ея членами о наукахъ, въ то же время онъ мечталъ о подобномъ учрежденіи на берегахъ Невы. И замѣчательно, что первый собственноручный документъ ПЕТРА объ учрежденіи Академіи относится къ 1718 году *). Въ то время у него еще не кому было пользоваться его кунсткамерою соотвѣтственно ея

*) На одно предположеніе касательно обученія «Россійскихъ молодыхъ дѣтей» и образованія чиновниковъ и купцовъ ПЕТРЪ Великій, въ іюнь 1718 года, далъ слѣдующую «резолуцію»:

«Сдѣлать Академію, а нынѣ прискаты изъ Русскихъ кто ученъ, и къ тому склонность имѣетъ, также начать переводить книги Юриспруденціи, и прочія, кто сіе учинитъ сего году начало.»

значенію для науки; но онъ имѣлъ при себѣ людей, которымъ могъ давать ученія порученія. Изъ числа ихъ назовемъ прежде всѣхъ лейбъ-медика Лаврентія Блюментроста, который въ послѣдніе годы жизни государя велъ его переписку съ иностранными учеными. Приступивъ къ основанію, на берегахъ Невы, «ученаго зданія», государь употребилъ своего врача орудіемъ и цѣнилъ его услуги особенно потому, что попытка вызвать въ Россію Лейбница не удалась по причинѣ его смерти, а другая такая же относительно философа Хр. Вольфа — по причинѣ особенныхъ распоряженій прусскаго правительства, которыхъ вовсе не одобрялъ Петръ Великій.

Блюментрость, московскій уроженецъ, сынъ лейбъ-медика при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, началъ свой учебный курсъ въ Москвѣ, въ латинской школѣ извѣстнаго маріенбургскаго пастора Глюка, котораго Петръ Великій поощрялъ въ его педагогическихъ подвигахъ. Впослѣдствіи, молодой москвитянинъ отправился, по слѣдамъ государя, въ Голландію, и здѣсь, подъ руководствомъ знаменитаго Бургава (Boerhave), получилъ основательное общее образованіе и специальное — въ медицинскихъ и естественныхъ наукахъ. Съ 1719 года Блюментрость былъ лейбъ-медикомъ государя и имѣлъ главный надзоръ за его купеткамерой. Всегда находя въ немъ усерднаго исполнителя своихъ порученій, Петръ Великій, въ началѣ 1724 года или немного раньше, поручилъ ему составить проектъ Академіи Наукъ, и въ концѣ января помянутаго года Блюментрость представилъ проектъ на русскомъ языкѣ, можетъ быть, въ переводѣ съ латинскаго оригинала. Есть достаточныя причины думать, что всѣ существенныя части этого проекта принадлежатъ самому Петру, и что онъ изустно изложилъ своему врачу весь планъ предполагаемой Академіи. Сдѣлавъ на нѣкоторые параграфы проекта замѣчанія собственноручно, государь одобрилъ его и, не откладывая болѣе, велѣлъ въ слѣдующемъ февралѣ послать къ разнымъ ученымъ Германіи, Франціи и Голландіи приглашенія къ поступленію въ русскую службу при Академіи. Въ то же время въ иностранныхъ газетахъ было напечатано извлеченіе

изъ проекта Академіи, составленное, вѣроятно, также Блюментростомъ: при всей краткости, оно, по своему духу, ясно показывало, что на краю сѣверо-востока Европы занимается яркая заря — предвѣстница беспредѣльнаго царства науки.

И въ самомъ дѣлѣ, просвѣщенные народы Европы имѣли полное право ожидать великаго. ПЕТРЪ стоялъ выше не только своихъ подданныхъ, но во многомъ опередилъ даже свой вѣкъ вообще, — вѣкъ педантизма и владычества этикета. Почти у всѣхъ народовъ, считавшихся образованными, наука и жизнь были далеки другъ отъ друга и мало соприкасались. Такой отвлеченный взглядъ на науку не могъ усвоиться любознательному государю тѣмъ болѣе, что онъ судилъ о достоинствѣ наукъ преимущественно со стороны пракческаго ихъ приложенія, и только со временемъ, въ обращеніи съ образованными иностранцами внутри и внѣ Россіи, все болѣе и болѣе вникалъ въ собственное достоинство науки и собственнымъ опытомъ узнавалъ прелесть знанія. Въ то время, какъ ПЕТРЪ приступилъ къ основанію Академіи, онъ уже зрѣло понималъ, что наука сама по себѣ у всякаго народа можетъ привлекать и занимать только небольшое число людей изъ общей массы, и что для успѣховъ ея необходимо нужны покровительство и попеченія правительства. При всемъ уваженіи къ безусловному достоинству науки и къ посвященнымъ ей исключительно, ПЕТРЪ Великій хотѣлъ воспользоваться ею какъ средствомъ для своихъ высшихъ цѣлей. Понимая не хуже всякаго изъ современныхъ ему государей, если еще не лучше, что общее образованіе прочно основывается только на наукѣ и освѣжается по мѣрѣ ея успѣховъ, зная изъ опыта, какъ много значить наука для жизни во всѣхъ отношеніяхъ и какъ часто даетъ она уроки практикѣ, ПЕТРЪ Великій тѣмъ не менше считалъ своею главною задачей распространеніе въ народѣ результатовъ науки, разумѣя не механическую ихъ передачу, но органическое усвоеніе, которое сдѣлалось бы плодотворнымъ зародышемъ самостоятельнаго знанія.

При такомъ здоровомъ слѣдствіи, при этомъ мѣткомъ взглядѣ на жизнь и науку въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, ПЕТРЪ Великій,

копечно, не могъ не замѣтить, что учредить Академію съ тою цѣлью исключительно, для какой существовали подобныя заведенія въ Европѣ, было бы вовсе некетати для народа, которому прежде всего надобно внушить уваженіе и любовь къ наукѣ и искусству; и дѣйствительно, мысль Петра основать заведеніе, которое вводило бы науку и искусство въ жизнь, — мысль совершенно оригинальная для его времени. Онъ хотѣлъ, чтобъ это заведеніе непременно было приспособлено къ обстоятельствамъ государства, такъ долго отстававшего отъ другихъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Именно двухъ цѣлей желалъ онъ достигнуть учрежденіемъ Академіи. Хотѣлъ онъ, *во-первыхъ*, чтобъ и въ Россіи обрабатывалась наука въ своемъ высшемъ, безотносительномъ значеніи. Поощреніе чистой учености Петръ вмѣнялъ, съ одной стороны, въ обязанность государству, а съ другой — желалъ для славы отечества, чтобъ и оно наконецъ имѣло свою долю въ общемъ ходѣ успѣховъ науки. «Академики», говорилъ онъ, «должны приобрѣсть намъ въ Европѣ довѣріе и честь, доказавъ на дѣлѣ, что и у насъ работаютъ для науки, и что пора перестать считать насъ за варваровъ, пренебрегающихъ наукой.» *Во-вторыхъ*, это заведеніе должно было получить такое устройство, чтобъ отъ него, «чрезъ обученіе и размноженіе художествъ и наукъ, польза въ народѣ впредь была». Это двоякое назначеніе Академіи въ самомъ проектѣ изложено слѣдующимъ образомъ:

«При заведеніи простой Академіи наукъ обонъ намѣренія не исполняются, ибо хотя чрезъ оную художества и науки въ своемъ состояніи производятся и распространяются, однакожь де оны не скоро въ народѣ расплодятся, а при заведеніи Университета и меньше того. Ибо когда разсудить, что еще прямыхъ школъ, Гимназій и Семинаріевъ итъ, въ которыхъ бы младые люди началамъ обучиться и потомъ выше градусы наукъ воспріять и угодными себя учинить могли, то невозможно, дабы при такомъ состояніи Университетъ иъкоторую пользу учинить могъ.»

«И тако потребнѣе всего, чтобъ здѣсь таковое собраніе завѣдено было, ежебѣ изъ самолучшихъ ученыхъ людей состояло.» Главнымъ назначеніемъ этихъ самолучшихъ ученыхъ поставлено «науки производить и совершить»; но въ то же время имъ вмѣнялось въ обязанность «*публично* обучать молодыхъ людей, ежели которыя изъ оныхъ угодны будутъ», т. е. читать публичныя лекціи и, сверхъ того, «обучать *при себѣ* нѣкоторыхъ людей, которые бѣ и сами молодыхъ людей первымъ рудиментамъ [основательствамъ] всѣхъ наукъ паки обучать могли.» Каждому изъ вызываемыхъ академикомъ предоставлялось привезти съ собою въ Россію двоихъ воспитанниковъ и, кромѣ того, какъ прибавилъ самъ Пётръ въ примѣчаніи, каждому академику предполагалось дать еще по два воспитанника «изъ славенскаго народа^{*)}». Главнымъ назначеніемъ тѣхъ и другихъ было сдѣлаться въ свою очередь преподавателями (или, какъ называли ихъ послѣ, адъюнктами), а лучшимъ изъ нихъ предоставлялось быть, со временемъ, членами академической конференціи.

Такимъ образомъ, предполагалось «одно зданіе», состоящее изъ трехъ «собраній»:

1) Изъ «*совершенной академіи*», которой члены должны были «трудиться о совершенствѣ художествъ и наукъ», оказывать, въ случаѣ надобности, своими познаніями помощь присутственнымъ мѣстамъ и заботиться о распространеніи и заведеніи «вольныхъ художествъ и мануфактуръ».

2) Въ то же время Академія предназначалась быть «*университетомъ*», гдѣ преподавались бы публичныя лекціи о «художествахъ и наукахъ» только академиками.

3) При ней долженъ быть еще «*гимназіумъ*», въ которомъ адъюнкты («*élèves*») академикомъ должны были преподавать первыя основанія наукъ и готовить своихъ ученикомъ къ университету, къ должности учителей для будущихъ училищъ и т. д.

Первыя два собранія должны состоять изъ трехъ классовъ:

а) Изъ класса для математики и связанныхъ съ нею наукъ: астрономіи, географіи, навигаціи и мехаики.

^{*)} Слова, отмѣченныя въ нашемъ очеркѣ знаками «*и*», взяты изъ источниковъ.

б) Второй классъ обнималъ всѣ части физики, то-есть, по смыслу проекта, теоретическую и экспериментальную физику, анатомію, химію и ботанику.

в) Третьему классу предоставлено было въ «гуманіорахъ и прочемъ упражняться», и въ частности указаны «элоквенція и студіумъ антиквитатисъ, гисторія древняя и нынѣшняя, право природы и публичное купно съ политикою и этикою [правоученіемъ]», также «экономія».

Предаваясь учено-литературнымъ трудамъ по одиначкѣ или совокупными силами, академики, естественно, не могли обойтись безъ сношеній съ чужими краями, и самъ Петръ Великій поставилъ Академію въ обязанность поддерживать тѣсныя связи съ иностранными учеными. Не меньше заботился онъ и о томъ, чтобы русское юношество находило въ Академіи средства для изученія чужихъ языковъ. Ученыя сочиненія академиковъ, по прямому намѣренію Петра, должны были издаваться на общепотребительномъ ученомъ языкѣ, то-есть на латинскомъ. Сверхъ того, каждый академикъ обязывался дѣлать «экстракты» изъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій по своей части и «систему или курсъ въ наукѣ своей въ пользу учащихъ молодыхъ людей изготовить.» Для перевода такихъ трудовъ на русскій языкъ, при каждомъ классѣ предполагалось сперва по одному переводчику, которыхъ качества тщательно опредѣлены самимъ Петромъ.

Эти учено-литературныя и чисто-педагогическія задачи, возложенныя на Академію Наукъ, конечно, велики, и самъ Петръ, какъ кажется, предвидѣлъ, что онѣ не тотчасъ могутъ быть исполнены. Но могло также быть, что, взявшись за исполненіе своего любимаго плана, Петръ не хотѣлъ много обращать вниманія на предстоящія трудности. Слишкомъ тридцать лѣтъ употребилъ онъ на образованіе войска при помощи нѣсколькихъ тысячъ иностранныхъ офицеровъ, съ пожертвованіемъ миллионъ рублей и при постоянной практикѣ въ кампаніяхъ. Сколько усердія, силы воли и систематическаго постоянства нужно было, чтобы достигнуть наконецъ результата! За то и армія Петра Великаго, дѣйствительно, была, при его смерти, вѣрою

опорой престола, блюстительницей внутреннего порядка, грозою для враговъ отечества. Но и послѣ Петра сколько еще оставалось сдѣлать, чтобы поддерживать ея устройство не иностранцами, а изъ самихъ Русскихъ пополнять хорошо приготовленными офицерами! Тридцати лѣтъ, употребленныхъ Петромъ на образованіе войска, конечно, могло быть достаточно, чтобы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, осуществить въ извѣстной мѣрѣ трудный проектъ введенія и прочнаго водворенія въ Россіи науки и искусства; но на этотъ подвигъ *всего прежде нуженъ былъ Петръ Великій*, который съ рѣдкою энергіей умѣлъ выдерживать всякое предпріятіе и довершать начатое; нуженъ былъ геній, который бы умѣлъ такъ мѣтко выбрать и поощрять людей способныхъ, одушевлять равнодушныхъ, приучать эгоистовъ къ самопожертвованію для общаго блага, отстранять и побѣждать препятствія и всѣмъ подавать примѣръ самоотверженія, любви къ правдѣ и къ отечеству, неутомимой дѣятельности и постоянства.

Къ сожалѣнію, Петру Великому не суждено было призвать къ жизни послѣднее твореніе своего генія и при выполненіи проекта восполнить въ немъ пробѣлы и исправить недостатки. Онъ успѣлъ сдѣлать только первый шагъ къ открытію Академіи, пригласивъ нѣсколько иностранныхъ ученыхъ, и они изъявили готовность послѣдовать почетному для нихъ приглашенію. По увѣренію одного современника, Петръ Великій на смертномъ одрѣ взялъ обѣщаніе съ Императрицы Екатерины, что она не оставитъ его любимой мысли безъ исполненія, и Императрица не замедлила сдѣлать нужнѣйшія распоряженія, чтобы исполнить послѣднюю волю покойнаго государя *). 15 ав-

*) Въ числѣ этихъ распоряженій однимъ изъ первыхъ былъ именной указъ Императрицы князю Курякину, отъ 23 февраля 1728 года, гдѣ она говоритъ:

«...и понеже Мы всемѣрно желаемъ всѣ дѣла, зачатые трудами Его Величества, *особливо оное*, яко зѣло надобное дѣло въ пользу Государственную, на *«томъ же основаніи»* дѣйствительно исполнить... и тѣхъ людей (вызываемыхъ академикомъ) обадежте Нашею Императорскою милостію, чтобы по своимъ контрактамъ безъ сумнѣнія слѣдовали сюда, для которыхъ здѣсь все потребное прѣготовленіе учинено, и будутъ содержаны у Насъ въ особливомъ Нашемъ призрѣніи.»

густа 1725 г. Императрица принимала уже, въ лѣтнемъ дворцѣ, нѣкоторыхъ изъ прибывшихъ академиковъ, и послѣ ободряла ихъ своимъ вниманіемъ. 27 декабря 1726 года Академія была открыта публичнымъ собраніемъ. Къ Академіи были причислены кунсткамера и библіотека Петра, изъ которыхъ произошли нынѣшнія ея библіотека и музеумы.

Намъ, людямъ другаго вѣка, воспитаннымъ плодами общей европейской цивилизаціи, кажется легко рѣшить, хорошо или дурно выполнялись, въ теченіе XVIII вѣка, идеи, начертанныя Петромъ въ его проектѣ. Но чтобы вѣрно цѣнить успѣхи Академіи въ ея трехъ назначеніяхъ, надобно войти въ духъ того времени и разсматривать Академію въ связи съ ходомъ развитія государственной и народной жизни вообще. Петръ Великій, опередившій свой вѣкъ во многихъ отношеніяхъ, самъ былъ душою всего, что совершалось при немъ важнаго и необычайнаго. Естественно, что по его смерти никто не могъ замѣнить его генія, и потому не удивительно, если въ слѣдующее десятилѣтіе не были поддержаны всѣ его предпріятія: одни изъ нихъ, дѣйствительно, были оставлены почти безъ исполненія, а другія приводились въ исполненіе не совсѣмъ въ его духѣ. И Академія, это послѣднее твореніе Петра, существовавшее при немъ лишь на бумагѣ, не избѣгла потрясеній своего времени: она упала и преобразовывалась нѣсколько разъ, и даже Императрица Екатерина II была не въ силахъ дать ей прочное основаніе, которое положить суждено было только позднѣе, съ 1803 года, мудрымъ и великодушнымъ мѣрамъ двухъ Августѣйшихъ правнуковъ великаго преобразователя.

Такъ какъ при открытіи Академіи всеустраивающаго генія уже не было, то нельзя и ожидать, чтобъ его мысль была строго выполнена при окончательномъ устройствѣ Академіи въ 1726 и 1727 годахъ. Дѣйствительно, съ самаго начала были допущены важныя ошибки и недосмотры, которые вредно дѣйствовали на благосостояніе Академіи въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Не зная этихъ обстоятельствъ, неразъ впадали въ ошибки и приписывали однимъ отдѣльнымъ лицамъ то, что от-

части было слѣдствіемъ обстоятельствъ и неудовлетворительнаго состоянія организма русскаго государства до учрежденія министерствъ въ 1802 году.

Не распространяясь ни о судьбѣ академической *гимназій*, существовавшей до 1803 года и воспитавшей, подъ управленіемъ ректоровъ, подобныхъ Байеру, Ломоносову и Лепехину, государственныхъ мужей, ученыхъ и педагоговъ, ни о состояніи такъ называемаго академическаго *университета*, закрытаго въ 1766 году, коснемся здѣсь *ученой и литературно-педагогической* дѣятельности Академіи, сколько позволяетъ собственный предметъ настоящаго нашего обозрѣнія.

Учено-литературная дѣятельность Академіи періодически страдала отъ разныхъ переворотовъ, которымъ сама Академія подвергалась въ продолженіе своего существованія до окончательнаго преобразованія въ 1803 году. При всемъ томъ, отъ самаго основанія Академіи есть на что указать въ литературѣ. Когда современная русская литература представитъ вниманію отечественной публики полное библиографическое обозрѣніе ученыхъ трудовъ и учено-литературныхъ изданій Академіи, или по крайней мѣрѣ полный реестръ книгъ, изданныхъ Академіею до основанія московскаго университета въ 1755 году и до учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1802 *) , многихъ, быть можетъ, изумитъ огромная масса изданнаго Академіею не только на иностранныхъ языкахъ, но и на русскомъ. Правда, кто знаетъ весь ходъ развитія Россіи въ XVIII вѣкѣ, тотъ не можетъ вообразить, чтобъ этой массою изданій Академія исполнила великую задачу своего основателя; но, какъ фактъ, русскія изданія Академіи служатъ свидѣтельствомъ, что это учрежденіе, въ свое время единственный разсадникъ отечественнаго просвѣщенія, оказало существенную услугу, доставивъ любителямъ чтенія средства развивать въ себѣ склонность къ уметвеннымъ занятіямъ, знакомиться съ классическою и новѣйшими литера-

*) Историко-филологическое Отдѣленіе И. А. И., рѣшивъ въ засѣданіяхъ 16 апрѣля и 19 мая учредить особую бібліотеку литературныхъ трудовъ Академіи, предположило составить прежде всего полный каталогъ ея изданій.

турами и вообще распространять свои познанія и воззрѣнія. Но здѣсь намъ предстоитъ вопросъ гораздо меньшаго объема, — именно: какъ выполняла Академія задачу своего основателя, распространяя въ Россіи и внѣ ея ученія познанія и просвѣщеніе вообще, совокупною дѣятельностью своихъ членовъ, посредствомъ періодическихъ изданій?

Число такихъ изданій, со включеніемъ періодическихъ сборниковъ, довольно значительно; по своему содержанію и направленію они такъ разнообразны, что мы не можемъ здѣсь предпринять ни подробной ихъ характеристики, ни критической оцѣнки. Замѣтимъ только, что и здѣсь, какъ и во всей исторіи Академіи, надобно строго различать двѣ эпохи: первую — отъ 1726 года по 1803, вторую — отъ 1803 до 1852.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ, ОТЪ ОСНОВАНІЯ АКАДЕМІИ ДО ЕЯ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ.

Изъ періодическихъ изданій Академіи отъ 1726 года по 1803, исключая нѣкоторыя, нынѣ одни совершенно забыты, другія извѣстны весьма немногимъ. Чтобы правильно оцѣнить эти предпріятія и попытки, надобно прежде коснуться внутренняго устройства Академіи до 1803 г. вообще, и въ особенности взглянуть на судьбу ея до Императрицы Екатерины II. Это нужно тѣмъ болѣе, что тогдашнее устройство Академіи существенно отлично отъ нынѣшняго и теперь почти вовсе неизвѣстно, а обнародованіе «Портфёля служебной дѣятельности Ломоносова» послужило только поводомъ къ превратнымъ сужденіямъ объ исторіи Академіи. Чтобы правильно судить о ея исторіи, надобно подробно знать перевороты, какимъ она подвергалась, вмѣстѣ съ другими твореніями Петра, въ теченіе XVIII вѣка. Надобно войти въ тѣ неудобства и препятствія, съ какими она должна была бороться, чтобы вѣрно оцѣнить ея учено-литературныя предпріятія, способныя возбуждать при первомъ взглядѣ множество недоумѣній. Почему то или другое предпріятіе Академіи приводилось въ исполненіе вяло, или даже останавливалось въ самомъ началѣ, и почему мѣры, по видимому, самыя естественныя и полезныя для своего времени, никому не прихо-

дили въ голову? Подобныя вопросы столько же неизбежны, сколько и нерѣшимы для читателя безъ точнаго познанія историческихъ обстоятельствъ Академіи. Впрочемъ въ настоящемъ очеркѣ предлагается не прагматическая исторія Академіи, а только главныя нити, которыя могутъ вести читателя къ правильному разумѣнію дѣла.

Къ несчастію, Петръ Великій († 28 янв. 1725) оставилъ послѣ себя только *проектъ*, и въ немъ, относительно внутренняго устройства Академіи, болѣе намеки, чѣмъ обстоятельныя объясненія. Легко или трудно было выполнить эти общія идеи, ихъ во всякомъ случаѣ надлежало принять въ основаніе для устройства Академіи; а между тѣмъ проектъ, утвержденный Петромъ 22 янв. 1724 г., не былъ даже напечатанъ въ свое время, и во все продолженіе XVIII вѣка былъ извѣстенъ развѣ немногимъ изъ академиковъ и только нѣкоторымъ изъ президентовъ. Слѣдствіемъ этого незнанія было то, что многіе академики какъ первыхъ временъ, такъ и слѣдующихъ, невѣрно понимали основную мысль Петра о призваніи Академіи. Отсюда же объясняется и то, что съ проектомъ Петра, вѣроятно, вопреки его намѣренію, неразъ связывали (см. ниже стр. XXVIII) другой его проектъ, начертанный имъ 1 дек. 1724 года, — проектъ Академіи Художествъ (и Рукодѣліи).

Далѣе, какихъ послѣдствій можно было ожидать для Академіи, когда она, при многосложности и разнообразіи своихъ занятій, цѣлыя десятки лѣтъ была *безъ устава!* Нынѣ при благоустроенномъ государственномъ порядкѣ, едва понятное подобное состояніе; но въ то время, когда въ государственномъ устройствѣ не было еще министерствъ, оно было довольно естественно. Правда, академики давно почувствовали недостатокъ прочныхъ постановленій, но при Императрицѣ Екатеринѣ I успѣли начертать только проектъ устава. При Императрицѣ Аннѣ баронъ Корфъ также хотѣлъ устранить этотъ недостатокъ, но былъ оторванъ отъ своего намѣренія назначеніемъ въ посольство. Правда, въ 1747 году былъ изданъ «Регламентъ Императорской Академіи Наукъ и Художествъ въ Санктпетербургѣ»; но при его со-

ставленіи канцелярія Академіи не сочла нужнымъ обратиться къ академикамъ и къ ихъ опытамъ, вопреки прямому опредѣленію Петра. Такъ какъ этотъ уставъ вскорѣ оказался неудачнымъ въ цѣломъ и во многихъ частностяхъ, то онъ недолго имѣлъ законную силу и самъ собою уничтожился вслѣдствіе отдѣльныхъ реформъ 1766 года. Императрица Екатерина II имѣла особенныя причины оставлять подносимые ей уставы безъ утвержденія. Впрочемъ въ ея время недостатокъ устава нѣкоторымъ образомъ вознаграждало то обстоятельство, что Императрица, отдѣливъ Академію отъ вѣдомства Сената, «приняла ее въ собственное вѣдомство». Такимъ образомъ полное и органическое постановленіе, упрочившее состояніе Академіи, съ измѣненіемъ самаго ея назначенія, суждено ей было получить только въ 1803 году.

Не имѣя устава, ученая конференція Академіи лишена была необходимаго основанія для своей дѣятельности и безусловно обрекалась на жертву тогдашняго бюрократизма, который такъ мало похожъ на нынѣшнее министерское управленіе и на официальные отношенія Академіи къ своему министерству, что теперь трудно даже представить себѣ прежнія отношенія. Этотъ фактъ давно и неоднократно высказанъ въ литературѣ; но до сихъ поръ невѣрно понимали его происхожденіе. Петръ Великій имѣлъ наилучшія намѣренія касательно управленія Академіи: бывъ устроено по его мысли, оно всегда оказывало бы только содѣйствіе академикамъ, нисколько ихъ не стѣсняя. Но §, написанный имъ собственноручно о составѣ управленія, могъ производить желаемое дѣйствіе только при немъ самомъ, подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Онъ умеръ, не успѣвъ развить организма управленія въ дѣйствительности и правильно установить его отношенія къ ученой конференціи. Вслѣдъ за открытіемъ Академіи, при ней сама собою образовалась небольшая «канцелярія» и мало по малу присвоила себѣ главное управленіе и хозяйственными и учеными дѣлами. Такимъ образомъ, само собою возникло то, что именно хотѣлъ предотвратить Петръ Великій: канцелярія не только вообще затрудняла дѣятельность академиковъ, весьма рѣдко получившихъ возможность распоряжаться какою-либо суммой, но

часто останавливала ихъ, своимъ внимательствомъ, въ исполненіи даже главныхъ задачъ, возложенныхъ Петромъ на Академію. Впрочемъ послѣ переворота, произведеннаго Петромъ, подобныя явленія были неизбежны въ нѣкоторыхъ частяхъ государственнаго управленія до основанія министерствъ. Чтобъ улучшить положеніе Академіи, смѣняли начальниковъ канцеляріи, ставили другихъ; академики *) изображали яркими и вѣрными чертами вредныя дѣйствія канцеляріи; но почти никто не догадывался, что корень зла не въ лицахъ только, а во всемъ тогдашнемъ устройствѣ академическаго управленія. Реформа слѣдовала за реформой, но ни одна не истребляла зла въ основаніи до тѣхъ поръ, когда наконецъ, въ 1803 году, вслѣдствіе энергическаго представленія президента Академіи Новосильцова, Императоръ Александръ избавилъ ученую конференцію отъ власти канцеляріи, отъ которой потомъ не осталось даже имени **).

Недостатокъ устава въ продолженіе большей части XVIII вѣка давалъ себя чувствовать еще другимъ образомъ, именно: въ отношеніяхъ Академіи къ своему президенту, равно и въ отношеніяхъ конференціи къ канцеляріи во время отсутствія президента и въ тѣ промежутки, когда Академія вовсе не имѣла президента. Сначала, именно въ своемъ проектѣ, Петръ былъ того мнѣнія, что Академія должна «сама себя править» и хотѣлъ ей самой представить выборъ президента для засѣданій ученой конференціи. Мысль не невозможная, потому что Петръ Великій въ то же время предоставлялъ себѣ быть «Протекторомъ» Академіи, и по своему обычаю, хотѣлъ самъ направлять ея дѣятельность и даже присутствовать иногда въ ея обыкновенныхъ засѣданіяхъ. Когда его не стало, эта мысль не могла удержаться, тѣмъ болѣе, что и самъ Петръ, передъ своею кончиной, сознавалъ, что Академія, при расширеніи своей дѣятельности, не можетъ обойтись

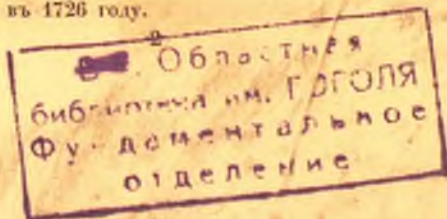
*) Припомнимъ только жалобы Ломоносова, уже извѣстныя въ литературѣ.

***) Иныя ученые дѣла отдѣлены отъ хозяйственныхъ. Комитетъ Правленія Академіи занимается собственно послѣдними. Чисто-ученыя дѣла, и въ томъ числѣ сношенія съ присутственными мѣстами объ ученыхъ дѣлахъ и съ чужими краями, сосредоточены въ рукахъ «*Непремѣннаго Секретаря*» ученой конференціи, состоящей изъ однихъ академиковъ.

безъ постояннаго президента, который бы, при нѣкоторой степени ученаго образованія, хорошо зналъ положеніе Россіи и имѣлъ доступъ ко двору, что особенно нужно было при отсутствіи министерствъ. Но такихъ людей въ то время было едва ли много, и въ XVIII вѣкѣ, въ царствованіе Императрицъ, успѣхи Академіи много зависѣли отъ выбора президента. Екатерина I возложила этотъ санъ на своего лейбъ-медика, на котораго, подъ конецъ своей жизни, рассчитывалъ и самъ ПЕТРЪ *). Владѣя ученымъ образованіемъ, Блюментростъ былъ не то-что равнодушенъ къ дѣлу отечественнаго просвѣщенія, но не имѣлъ творческаго ума и энергической воли, сколько нужно было для выполненія трудной задачи, возложенной ПЕТРОМЪ на Академію въ ея тройственномъ составѣ. Сверхъ того, онъ былъ довольно неразборчивъ въ выборѣ людей, которыхъ удостоивалъ довѣрія и кому поручалъ важныя должности. Наконецъ, еще къ большому неудобству, онъ, какъ придворный врачъ, долженъ былъ въ 1728 году переселиться вмѣстѣ съ дворомъ въ Москву, вслѣдствіе чего Академія, при тогдашней трудности сообщенія между столицами, какъ-бы осиротѣла. Непосредственнымъ слѣдствіемъ удаленія двора было то, что Академія, подобно другимъ учрежденіямъ ПЕТРА въ С. Петербургѣ, пришла въ упадокъ, не совершивъ и одного пятилѣтія со времени своего открытія. Канцелярія, или такъ называемая «Академическая Команда», властвовала по произволу, къ крайнему огорченію лучшихъ академикомъ, которые не могли печатать даже строго-ученыхъ трудовъ безъ особеннаго разрѣшенія канцеляріи. Число вызванныхъ членомъ вообще уменьшилось: одни умерли еще въ 1726 и слѣдующихъ годахъ; другіе, негодую на несправную выдачу жалованья и поступки канцеляріи, вышли въ отставку и возвратились въ чужіе края, или здѣсь поступили въ статскую службу. Съ возвращеніемъ двора, конечно, настали лучшія времена для Академіи; но и при Императрицахъ АННѢ и

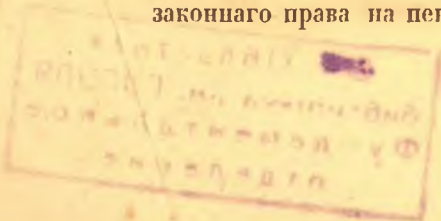
*) Говорятъ впрочемъ, что онъ имѣлъ еще въ виду барона Гейссена (Huysen = Heussen), — можетъ быть, единственнаго чловѣка, который строго и мѣтко судилъ объ окончательномъ устройствѣ Академіи въ 1726 году.

N 23791.

Елисаветъ она цѣлые годы оставалась безъ президента. Одинъ изъ лучшихъ президентовъ, баронъ Корфъ, въ 1740 году былъ отправленъ въ посольство. Напрасно академики старались обратить вниманіе на даровитаго и признательнаго воспитанника Академіи, князя Антиоха Каптемира, тогда какъ онъ, при своемъ одушевленіи къ отечественному просвѣщенію, былъ способенъ, можетъ быть, всякаго другаго возстановить Академію по мысли ея основателя. Напрасно и самъ Каптемиръ не разъ, какъ говорятъ его біографы, просилъ президентскаго кресла въ Академіи, какъ лучшаго и единственнаго вознагражденія за свою службу въ Лондонѣ и Парижѣ. Даже Екатерина II, при всей заботливости о благѣ Академіи и при высокомъ искусствѣ выбирать способныхъ людей для своихъ порученій, не могла найти президента, который бы оправдалъ ея ожиданія, и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ принуждена была возложить званіе «директора» на княгиню Дашкову, которая своею благонамѣренною заботливостью, конечно, пріобрѣла неоспоримыя заслуги, но не создала необходимости рѣшительныхъ мѣръ къ улучшенію Академіи, принятыхъ впоследствии.

Условія, на какихъ иностранцы ученые поступали въ Академію, также не благоприятствовали ея успѣхамъ. Не смотря на то, что имя Петра распространяло очарованіе во всѣхъ, посѣщенныхъ имъ, краяхъ Европы, предубѣжденіе противъ Россіи повсюду было еще сильно. Чтобы привлечь въ Академію первоклассныхъ ученыхъ, Петръ дозволилъ имъ заключать контракты только на пять лѣтъ, предоставляя по истеченіи этого срока выходить въ отставку или заключать новый контрактъ. Этотъ странній для нашего времени обычай продолжался отъ начала Академіи до нѣкоторыхъ лѣтъ царствованія Императрицы Екатерины II. Какъ бы ни были благонамѣренны нѣкоторые изъ нашихъ первыхъ академиковъ, могли ли они пріобрѣсть глубокую привязанность къ странѣ, которую считали для себя лишь временнымъ мѣстопребываніемъ? И какъ могли рѣшиться навсегда посвятить себя государству, когда оно еще не предоставляло имъ законнаго права на пенсію въ случаѣ болѣзни или старости, а

ИЗДАНИЕ

послѣ смерти, кромѣ временнаго пособія, ни чѣмъ не обеспечивало судьбы ихъ семейства *)? Поставленные въ тѣсныя границы управленіемъ Академіи, могли ль они думать о той обширной дѣятельности, какую указалъ имъ ПЕТРЪ, и сохранить въ себѣ столько усердія къ неутомимому труду, сколько нужно для ея всесторонняго развитія? Имѣя впередъ невѣрную будущность, къ чему имъ было учиться по-русски, изучать языкъ, тогда еще необработанный и почти лишенный литературы въ собственномъ смыслѣ слова, не говоря уже о томъ, что многіе изъ нихъ, какъ напр. математики, химики, латинисты и др. вовсе не нуждались въ русскомъ языкѣ непосредственно для своего предмета? — Соображая всѣ подобныя обстоятельства въ положеніи академикомъ, легко понять, почему нѣкоторые изъ нихъ, и именно лучшіе, не могли долго оставаться въ Академіи. Одни, какъ напр. Я. Германъ и Д. Бернулли, вышли въ отставку вскорѣ послѣ 1730 г. Позднѣе, въ 1741, выѣхалъ и Эйлеръ, и рѣшился возвратиться только при Екатеринѣ II. Байеръ умеръ въ 1738 году въ С. Петербургѣ также по выходѣ въ отставку вслѣдствіе справедливаго негодованія на канцелярію. Въ наше время, когда наука составляетъ особенный предметъ попеченій бдительнаго правительства и пользуется общимъ уваженіемъ и участіемъ, легко разсуждать, какимъ образомъ академики первыхъ генерацій могли бы лучше понять и исполнить свою задачу, наперекоръ всѣмъ затрудненіямъ своего времени. Правда, и на самихъ академикомъ падаетъ не малая доля вины застоя Академіи и вялаго исполненія мыслей Петра: какъ ученые, вызванные великимъ монархомъ, они должны бы были меньше давать значенія встрѣчаемымъ затрудненіямъ и съ большею энергіею имъ противодѣйствовать. Но, съ другой стороны, нельзя не принять въ соображеніе, что дѣятельность Академіи, по проекту Петра, была очень многосложна, и что въ то время было еще труднѣе, чѣмъ нынѣ, совмѣщать чистую ученость съ практическимъ направленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ знаменитыхъ академикомъ, при своемъ ученомъ трудолюбіи, были

*) Впрочемъ ПЕТРЪ Великій, кажется, не терялъ этого изъ виду.

мало способны дѣйствовать на чисто-педагогическомъ (учебномъ) и литературно-педагогическомъ поприщахъ, указанныхъ Петромъ Академіи. Къ тому же, въ первое десятилѣтіе послѣ Петра весьма немногіе изъ Русскихъ обнаруживали склонность къ ученью и къ умственнымъ упражненіямъ. Въ этомъ отношеніи служить для насъ важнымъ историческимъ источникомъ первая сатира Кантемира, написанная въ 1729 году: *На хулящихъ ученіе*, гдѣ онъ, конечно, не безъ основанія выставяетъ, какъ современники смотрѣли на строгую и бескорыстную науку. Сказанное въ этой сатирѣ княземъ Кантемиромъ довольно подтверждается, между прочимъ, исторіею нашей Академіи, которой неразъ случалось чувствовать недостатокъ учениковъ для своихъ учебныхъ заведеній^{*)}). При такомъ явномъ нерасположеніи къ наукѣ, надобно было имѣть особенный духъ, чтобы не усомниться, подобно академикамъ первыхъ десятилѣтій, въ лучшей будущности для Академіи.

Къ невыгодному положенію академикомъ въ XVIII вѣкѣ присоединялось еще то обстоятельство, что они не имѣли чиновъ. Въ «Табель о рангахъ», изданную въ 1722 году, они, конечно, не могли еще попасть; но по составленіи проекта Академіи, гдѣ они называются только академиками, а не профессорами, Петръ, говорятъ, намѣренъ былъ издать о томъ постановленіе. Бывали случаи, когда недостатокъ чина неприятно давалъ себя чувствовать академикомъ, и нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно получали чины. Въ ученой конференціи, конечно, можно было обходиться безъ «ранговъ»; но отсутствіе правъ на чины, по свидѣтельству современниковъ, хорошо знакомыхъ съ поло-

*) Самъ Кантемиръ, конечно, лучше воспользовался уроками Академіи и выражалъ ей свою признательность разнымъ образомъ, и, между прочимъ, посвященіемъ ей своего перевода сочиненія Фонтенеля «О множествѣ міровъ». Это посвященіе написано имъ въ Москвѣ, въ 1730 году:

«Знаменитѣйшей Императорской Академіи Наукъ Санктпетербургской, подъ покровомъ и чрезъ великодушіе Анны Иоанновны Августѣйшіи Императрицы къ приумноженію Ея Величества славы къ пользѣ пространнаго Россіи и всего человѣческаго рода цвѣтушей, въ знакъ своего благодарства за полученное отъ нея мудрыхъ членомъ воспитаніе и наставленіе сей переводъ усердно приносить и посвящаетъ Князь Антиохъ Кантемиръ.»

женіемъ дѣла, весьма невыгодно дѣйствовало на умноженіе воспитанниковъ Академіи. Молодые люди охотнѣе вступали на другія поприща, гдѣ давались чины. Примѣру ихъ послѣдовали двое изъ воспитанниковъ и адъюнктовъ Академіи, оба люди даровитые, достигшіе прекраснаго образованія для своего времени: оставшись въ Академіи, они могли бы оказать ей большія услуги, содѣйствуя ходу вещей особенно своимъ практическимъ направлениемъ. Но Адодуровъ, первый русскій адъюнктъ Академіи, оставилъ ее, былъ потомъ учителемъ русскаго языка при Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, далѣе — попечителемъ московскаго университета и кончилъ свое поприще сенаторомъ. Блестящая карьера Теплова, по выходѣ изъ Академіи, при Императрицахъ Елисаветѣ и Екатеринѣ II, извѣстна.

Великая задача, возложенная Петромъ на Академію, была такъ сложна, обнимала такую обширную область ученой, литературной, педагогической и вообще практической дѣятельности, что даже для приблизительнаго исполненія всѣхъ этихъ цѣлей нужно было весьма значительное число академикомъ, не смотря на то, что многія науки, нынѣ отдѣленные одна отъ другой, тогда составляли еще нераздѣльное цѣлое. И между тѣмъ, какъ скудно было число вызванныхъ академикомъ! Позднѣе Петръ Великій, по всей вѣроятности, вызвалъ бы больше, особенно когда замѣтилъ бы, что не изъ каждаго мальчика, взятаго въ гимназію, можно навѣрное сдѣлать настоящаго ученаго или учителя. Но число академикомъ, опредѣленное Петромъ для перваго раза, оставалось и при Екатеринѣ I. Вся Академія состояла только изъ двѣнадцати членомъ, которымъ предстояло взять на себя образованіе 48 адъюнктовъ, иностранныхъ и русскіхъ. О выборѣ адъюнктовъ сначала, разумѣется, можно было думать только изъ иностранцевъ; но и изъ нихъ не наполнили даже половины положеннаго числа. Между тѣмъ вскорѣ все учрежденіе адъюнктовъ получило новое назначеніе: вмѣсто того, чтобы брать частные уроки у профессоромъ-академикомъ и въ то же время быть преподавателями въ гимназіи, всѣ они были допущены въ конференцію, и такимъ образомъ систематиче-

скій порядокъ пзбранія въ академики, устроенный Петромъ, былъ разрушенъ. Впрочемъ и по допущеніи адъюнктовъ въ конференцію, нѣкоторыя мѣста академиковъ оставались праздыми, что происходило частію отъ недостатка матеріальныхъ средствъ, какъ напр. при Императорѣ Петрѣ II и при Императрицѣ Елисаветѣ. Число членовъ конференціи сокращалось иногда до послѣдней крайности. Какимъ же образомъ могла она поддерживать обширную ученую дѣятельность, или постоянно издавать энциклопедическіе журналы!

Не удивительно, что при открытіи Академіи были упущены изъ виду науки, которыя всего скорѣе могли бы ознакомить академиковъ съ положеніемъ русскаго государства и сблизить съ потребностями народа, и съ которыми русская публика, въ свою очередь, всего легче могла бы сблизиться: мы разумѣемъ такъ называемыя камеральныя науки и русскую исторію. Невниманіе, оказанное этимъ наукамъ при открытіи Академіи, имѣетъ связь съ другимъ того же рода явленіемъ въ продолженіе всей ея исторіи: отдѣленіе филологическихъ, историческихъ и политическихъ наукъ всегда имѣло менѣе представителей въ Академіи, чѣмъ отдѣленіе наукъ физико-математическихъ. Правда, въ отношеніи къ первымъ временамъ Академіи надобно взять въ расчетъ то обстоятельство, что камеральныя науки тогда не считались еще за самостоятельныя отрасли знанія, и первая лекція о собственно такъ называемыхъ камеральныхъ предметахъ даже въ нѣмецкихъ университетахъ дана только около того времени. Впрочемъ Петръ хотѣлъ, какъ кажется, ввести нѣчто подобное въ ученыя занятія Академіи, хотя ни онъ, ни Блюментростъ не понимали вполнѣ объема камеральныхъ наукъ. Въ «Проктѣ», кромѣ мѣста о мануфактурахъ, мы находимъ слѣдующее:

«Право природы и публичное купно съ политикою и этикою «(правоученіемъ).»

«Аще же притомъ экономія учена будетъ, то похвально и весьма полезно, ибо во общемъ жителствѣ ученіемъ ея великая «прибыль и польза чинится.»

Разъ Академія сдѣлала-было попытку открыть мѣсто для камеральныхъ наукъ, но встрѣтила большія препятствія; мало того, юридическій «факультетъ» третьяго отдѣленія, безъ того уже слабѣй, при Императрицѣ Елисаветѣ совершенно уничтожился *). Какъ ни горячо желалъ Ломоносовъ пріобрѣсть чрезъ Академію нѣкоторыя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи Россіи, онъ почти ничего не могъ еще достигнуть. Немного успѣлъ въ этомъ и юный Шлѣцеръ, одинъ изъ числа немногихъ ученыхъ, понимавшихъ важность статистики, тогда еще совершенно новой науки, для государства вообще, и въ частности для улучшенія управленія въ Россіи. Въ членахъ самой Академіи проекты Шлѣцера не находили себѣ особеннаго сочувствія. Когда онъ предложилъ Академіи пріобрѣтать статистическія свѣдѣнія официальнымъ путемъ, его мысль, по духу времени, принята за преступленіе и не хотѣли даже слышать имени статистики. Но сѣмя, брошенное Шлѣцеромъ, при содѣйствіи тогдашняго начальника академической канцеляріи, уже при Екатерицѣ II пришло, какъ увидимъ ниже, хорошіе плоды, а при Императорѣ Александрѣ открыты въ Академіи два мѣста для политическихъ наукъ; при нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ учреждено даже особое камеральное отдѣленіе при с. петербургскомъ университетѣ. Въ наше время легко понять, какой ощутительный пробѣлъ долженъ былъ оставаться въ періодическихъ изданіяхъ Академіи при совершенномъ отсутствіи цѣлой области столь общепользныхъ наукъ, какъ камеральныя.

*) О восточныхъ занятіяхъ, столь важныхъ для Россіи, въ проектѣ Академіи также нѣтъ еще ни слова. Самъ Петръ при разныхъ случаяхъ обнаружилъ нѣкоторую любознательность къ восточнымъ письменамъ и древностямъ, но въ то время онъ не могъ еще знать, что первые зачатки нашего, европейскаго образованія возникли въ древнемъ Египтѣ, и потомъ въ Вавилонѣ и Ассиріи, и что Греки, въ этомъ отношеніи, лишь азіатскимъ народамъ обязаны своимъ пробужденіемъ. Петръ, если вѣрить одному современнику, отечествомъ наукъ считалъ Грецію; насаждая ихъ въ Россіи, онъ надѣялся, что со временемъ отъ насъ онъ возвратится на свою первобытную родину, въ новую Грецію. Но вышанные имъ академики уже устремляли свои взоры на востокъ; при всемъ томъ восточныя занятія прекратились въ нашей Академіи уже при Елисаветѣ. Напрасно Ломоносовъ указывалъ на недостатокъ въ Академіи ориенталистовъ: восполнить этотъ недостатокъ суждено было только Императору Александрѣ.

Между тѣмъ почти также невыгодно было въ этомъ отноше-
 нии странное положеніе русской исторіи въ Академіи во все про-
 долженіе XVIII вѣка. Петръ уважалъ исторію: для него она
 была вовсе не ребяческимъ упражненіемъ памяти или пищею
 празднаго любопытства: онъ видѣлъ въ ней, такъ сказать, зер-
 цало нравственности народовъ и хотѣлъ употребить ее средствомъ
 для наставленія и облагороженія своихъ подданныхъ. Въ жиз-
 ни Петра есть яркія обнаруженія этого взгляда. Что касается
 русской исторіи, то о судьбѣ ея онъ почелъ нужнымъ озабо-
 титься заранѣе, и потому еще прежде основанія Академіи, имен-
 но въ 1722 году, сдѣлалъ распоряженіе о собираніи древнихъ
 лѣтописцевъ и другихъ источниковъ. Понятно, если онъ не
 поручилъ *прямо* русскую исторію ученымъ, еще не знающимъ
 языка ея главныхъ источниковъ, тѣмъ болѣе, что она, подобно
 русской статистикѣ, тогда еще не была самостоятельною нау-
 кою. Въ проектѣ Академіи Наукъ говорится только о всеобщей
 исторіи, древней и новой, о ея преподаваніи и обработкѣ въ со-
 чиненіяхъ, и вотъ почему исключительное занятіе русскою исто-
 ріею не возложено ни на одного изъ первыхъ академиковъ въ
 частности *). Между тѣмъ сами академики хотѣли внушить пра-
 вительству мысль объ учрежденіи особеннаго мѣста по русской
 исторіи, и сдѣлали это въ своемъ проектѣ устава Академіи, со-
 ставленномъ при Императрицѣ Екатерицѣ I; но проектъ этотъ
 не былъ представленъ на утвержденіе, и попытка осталась безъ
 послѣдствій. Но уже при Екатерицѣ I академики, кромѣ сво-
 ихъ специальныхъ предметовъ, безъ посторонняго приглашенія
 начали заниматься и русскою исторіею, именно наши первые гу-
 манисты — Коль и Байеръ. Хотя первый, по причинѣ болѣзни,
 оставилъ Академію еще въ 1727 году, но уже въ 1729 году
 онъ издалъ сочиненіе о церковно-славянской литературѣ, кото-
 рое въ свое время пользовалось большимъ уваженіемъ и долго
 было для ученыхъ полезною книгой. Байеръ, бывший въ Ака-

*) Мы входимъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности для опроверженія неосно-
 вательныхъ мнѣній объ этомъ предметѣ, издавна господствующихъ въ нашей
 исторической литературѣ.

демин сперва профессоромъ классической литературы, потомъ и восточныхъ древностей, чувствовалъ, что безъ знанія славянскаго и русскаго языковъ не далеко уйдешь въ русской исторіи. Бывъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ не рѣшился самъ изучать эти языки, но, въ 1732 г., поощрилъ къ этому труду Миллера, что тогда было дѣйствительно нелегкимъ трудомъ по недостатку грамматикъ и словарей и при нѣмецкой методѣ того времени, въ которой основательность граничила съ педантизмомъ. Совѣтъ Байера, какъ цѣльз болѣе, соотвѣтствовалъ собственнымъ склонностямъ Миллера, и это новое для него поприще должно было казаться ему тѣмъ привлекательнѣе, что, кромѣ изученія языка лѣтописей, во всемъ остальномъ хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ работать такой опытный критикъ и знатокъ разныхъ источниковъ, какъ Байеръ. Вступивъ въ Академію адъюнктомъ въ 1725 году и бывъ сперва учителемъ латинскаго языка, всеобщей исторіи и географіи въ гимназій, Миллеръ былъ потомъ произведенъ, въ 1730 г., въ «Профессоры (всеобщей) Исторіи». Свои занятія по части русской исторіи онъ началъ съ 1732 г., но былъ оторванъ отъ литературныхъ трудовъ, уже въ 1733 г., отправленіемъ въ сибирскую экспедицію, въ продолженіе которой успѣлъ ближе ознакомиться съ народнымъ русскимъ языкомъ и съ языкомъ древнихъ грамотъ. Только по возвращеніи изъ своего путешествія онъ удостоенъ былъ званія (русскаго) исторіографа, при чемъ формально обязался навсегда посвятить себя служенію Россіи. Извѣстно, какъ много обязана Миллеру русская исторія умноженіемъ своихъ любителей въ Россіи и въ чужихъ краяхъ. Между тѣмъ историческія занятія при Академіи были постигнуты тяжкими ударами, которые имѣли сильное вліяніе на судьбу ихъ и надолго оставили послѣдствія. Въ то время, какъ Миллеръ совершалъ свое трудное путешествіе по Сибири, продолжавшееся десять лѣтъ и обогатившее его разнообразнымъ ученымъ матеріаломъ, въ 1742 г. Андрей Нартовъ подалъ въ Сенатъ донесеніе *) о неблагополучномъ состояніи

*) Въ этомъ донесеніи участвовали, между прочимъ, академикъ Демидъ и комиссаръ Камеръ.

Академіи. Ближайшимъ поводомъ къ этому донесенію, какъ видно изъ его содержанія (нынѣ оно напечатано), послужили дѣйствительно зловредныя поступки канцеляріи: ей по преимуществу приписывалось разстройство Академіи. Какъ ни благонамѣренны побужденія, выраженные въ этомъ донесеніи, тѣмъ не менѣе мы не можемъ видѣть безъ сожалѣнія, что въ начавшихся съ того времени нападкахъ на историко-филологическое отдѣленіе участвовалъ и Ломоносовъ, который, въ своей беспредѣльной ревности ко благу Академіи и отечественнаго просвѣщенія, иногда забывалъ долгъ справедливости и обнаруживалъ недостатокъ дальновидныхъ соображеній. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ нападеній, не только Миллеръ потерпѣлъ, по возвращеніи изъ Сибири, разныя униженія, но въ 1747 г., при изданіи устава, труды всего историко-филологическаго отдѣленія, безъ того уже слабаго, лишены были своего мѣста въ академическихъ «комментаріяхъ». Съ теченіемъ времени положеніе этого отдѣленія болѣе и болѣе запутывалось, отчасти вслѣдствіе горячности Ломоносова, который напрасно потомъ усиливался поднять Академію, предлагая мѣры, сами по себѣ хорошія, но неисполнимыя при однихъ его собственныхъ силахъ и познаніяхъ. Дѣло дошло наконецъ до того, что при Императрицѣ Екатерины II историко-филологическое отдѣленіе, со смертію остальныхъ членовъ, вовсе упразднилось. Княгиня Дашкова удивлялась также недостатку академиковъ для обработки русскаго языка. Не довольно знакомая съ прежнею судьбою Академіи и не зная, по видимому, о бывшемъ «Русскомъ Собраніи» и о напрасныхъ попыткахъ Ломоносова возстановить его, княгиня Дашкова, въ 1783 г., возымѣла мысль учредить, на первый случай на счетъ нѣкоторыхъ особенныхъ академическихъ суммъ, «Россійскую Академію», для воздѣлыванія русскаго слова. Собственно историко-филологическія науки возстановлены при Академіи Наукъ только въ 1803 году, хотя и послѣ того число членовъ этого разряда еще долго оставалось недостаточнымъ, чтобы составить особое отдѣленіе Академіи: оно состоялось только въ 1841 году, по присоединеніи «Россійской Акаде-

мин» къ составу Академіи Наукъ, въ видѣ втораго ея отдѣленія, при чемъ въ Высочайшемъ указѣ объяснено и средство усилить нынѣшнее третье или историко-филологическо-политическое отдѣленіе.

Но отдѣленіе историко-филологическихъ наукъ не только искони терпѣло стѣсненіе своей дѣятельности отъ малочисленности членовъ и отъ разныхъ временныхъ препятствій, но вмѣстѣ съ физико-математическимъ отдѣленіемъ оно, во все продолженіе своего кратковременнаго существованія въ XVIII вѣкѣ, должно было бороться еще съ особеннымъ неудобствомъ въ общемъ положеніи Академіи. Мало того, что ученая конференція, во все продолженіе XVIII вѣка, за исключеніемъ немногихъ лѣтъ, вовсе не имѣла права распоряжаться штатными и другими суммами Академіи: она должна была спокойно смотрѣть, какъ суммы, опредѣленныя собственно для ученыхъ, литературныхъ и педагогическихъ цѣлей, получали совсѣмъ иное назначеніе. Не говоря уже о томъ, что канцелярія безъ экономіи тратила деньги на постройки, на роскошныя предпріятія и на наружный блескъ вообще^{*)}, надобно согласиться, что заведеніе художествъ при Академіи было столько же неумѣстно, какъ и невыгодно для нея въ экономическомъ отношеніи. Правда, въ проектѣ Петра она называется иногда «Академіей Художествъ и Наукъ»; но, кажется, не трудно доказать, что Петръ, по старинному словоупотребленію, какъ въ проектѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, называлъ науку и искусствомъ, и художествомъ. Въ самомъ проектѣ, кромѣ «живописца» и «грыдоровальныхъ наукъ мастера» (гравёра), упоминается еще только механическое заведеніе. Но вскорѣ послѣ открытія Академіи, при «главномъ ея командирѣ» баронѣ Корфѣ завели художниковъ и мастеровъ разнаго рода высшихъ ремеслъ. Потомъ, въ «Регламентѣ» 1747 года Академія названа уже «Академіею Наукъ и Художествъ», и въ послѣднемъ отношеніи ей поставлено въ обязанность, наравнѣ съ наукой, заботиться и о

*) На это особенно указывалъ Ломоносовъ.

процвѣтаніи художествъ въ собственномъ смыслѣ, хотя къ искусству относили въ то время и разныя ремесла, какъ напр. механическое, токарное, переплетное и т. д. Неудобства этого положенія были такъ ощутительны, что внушили наконецъ мысль о заведеніи особенной Академіи Художествъ, которая и состоялась въ 1764 году. Вообще, Академію обременяли тогда самыми разнородными и страшными дѣлами: тамъ «географическій департаментъ», кромѣ приготовленія ученыхъ и учебныхъ пособій, долженъ былъ иногда чертить карты для арміи; тамъ же вскрывались трупы, находимые полиціею; тамъ составлялись планы илюминаціи, сочинялись для нихъ надписи и «вирши» на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ на разные торжественные случаи; Академія должна была содѣйствовать устройству придворныхъ увеселеній, поддерживать ботанической садъ, устроять свои художественно-ремесленные мастерскія, смотрѣть за выполненіемъ поручаемыхъ имъ разнообразныхъ работъ и т. д. — Конечно, всѣ эти литературно-художественно-ремесленные занятія Академіи Наукъ, какъ бы они ни были посредственны по своему выполненію, при тогдашнемъ состояніи образованнаго русскаго быта могли много содѣйствовать къ пробужденію и облагороженію вкуса публики. Но Академія не имѣла ни достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, ни столько специальныхъ знатоковъ дѣла, сколько нужно, чтобы достигнуть истинно великихъ результатовъ хотя въ нѣкоторыхъ изъ возложенныхъ на нее предпріятій. При тогдашнемъ положеніи Академіи это множество разнородныхъ занятій только развлекало ея силы и вводило въ издержки съ явнымъ уцербомъ для ея главнаго — ученаго, учебнаго и литературно-педагогическаго призванія.

Намъ осталось коснуться еще одного важнаго обстоятельства, котораго никакъ не должно выпускать изъ виду при оцѣнкѣ періодическихъ изданій Академіи. Петръ ясно понималъ, что строго-ученая дѣятельность Академіи не должна встрѣчать, со стороны формальныхъ требованій, стѣсненія своей связи съ ученымъ міромъ: онъ хотѣлъ, чтобы строго-ученыя сочиненія

академикомъ издавались на латинскомъ, какъ всемірномъ между учеными. Труднѣе было академикамъ исполнить другое назначеніе — издавать книги на русскомъ языкѣ, которому предстояло здѣсь начать новое развитіе. Не смотря на затрудненія, неизбѣжныя во всякомъ началѣ, Академія уже въ первыя десятилѣтія немало издала переводныхъ, а позднѣе и оригинальныхъ русскихъ сочиненій. Нельзя и ожидать, чтобы языкъ этихъ первыхъ литературныхъ попытокъ отличался чистотою выраженій и легкостью движенія рѣчи. Длинные періоды, тяжелые для нынѣшняго читателя, конечно, не легки были и для современниковъ. Церковно-славянскія фразы, не оживленные общенароднымъ употребленіемъ, перемѣшались съ народными выраженіями, необыкновенными въ литературномъ употребленіи. Для новыхъ понятій неизбѣжно было изобрѣтать новыя слова, или прежнимъ давать новый смыслъ, на первый разъ не менѣе страшный для русскаго слуха. Необработанность языка, ощутительная для читателей, можетъ быть, еще неприятели давала себя чувствовать писателямъ въ ихъ учено-литературныхъ занятіяхъ, и уже съ давнихъ поръ вызывала заботы ревнителей народнаго просвѣщенія. Еще до поднесенія первой оды Ломоносова Академію, при ней въ 1735 году образовалось «Россійское Собраніе» для очищенія и облагороженія русскаго слова, хотя и не произвело ощутительныхъ послѣдствій. Позднѣе и Ломоносовъ заботился о возобновеніи этого собранія, но безъ успѣха. Гораздо плодотворнѣе были въ этомъ отношеніи его сочиненія: въ нихъ русскіе писатели получили образцы, посредствомъ которыхъ могли воспитывать въ себѣ литературный тактъ, и за которыми впослѣдствіи, особенно при покровительствѣ и участіи Императрицы Екатерины II, возникли начала истинно-народной словесности. Если нужно время и опыты для образованія народной формы литературы вообще, то, конечно, еще труднѣе образованіе языка учено-литературнаго, потому что онъ выработывается меньшею, хотя и лучшею частью общества, и меньше находитъ готовыхъ средствъ въ языкѣ остальной массы народа. Академіи Наукъ, въ ея литературныхъ предпріятіяхъ,

вмѣстѣ съ распространіемъ просвѣщенія, предстояло создавать учено-литературный языкъ, и если съ одной стороны въ обстоятельствахъ развитія русскаго языка и словесности она встрѣчала затрудненія своимъ предпріятіямъ, то съ исполненіемъ ихъ связана новая заслуга, на которую она не рассчитывала прямо, — заслуга касательно образованія учено-литературной формы. Когда со временемъ будетъ составляться по источникамъ полный или специальный историческій словарь русскаго языка, — что особенно нужно для лучшей *оцѣнки умственнаго преобразованія Россіи*, — въ числѣ источниковъ, кромѣ грамотъ и другихъ памятниковъ Петровскаго времени, непременно должны занять свое мѣсто и первыя русскія изданія Академіи, каковы бы они ни были въ литературномъ отношеніи. Мы сейчасъ представимъ нѣкоторые образчики, по которымъ отчасти можно судить какъ о трудности первыхъ учено-литературныхъ попытокъ, такъ и о мѣрѣ заслуги Академіи въ этомъ отношеніи.

Не смотря на всѣ затрудненія и неблагопріятныя обстоятельства, стѣснявшія естественное развитіе петровскаго разсадника просвѣщенія, ученая и литературно-педагогическая дѣятельность Академіи обнаруживалась иногда замѣчательнымъ образомъ. Ограничиваясь здѣсь періодическими изданіями Академіи, мы находимъ, что они предпринимались не только совокупными силами многихъ академиковъ, но и отдѣльными лицами, и выходили иныя въ формѣ ежемѣсячныхъ или еженедѣльных журналовъ и записокъ, другія — въ видѣ сборниковъ, издаваемыхъ единовременно, или въ разныя времена безъ опредѣленнаго срока, книжками или томами. Изъ единовременныхъ сборниковъ въ составъ нашего обозрѣнія войдутъ только тѣ, въ которыхъ помѣщены труды разныхъ авторовъ. Полнаго исчисленія и обозрѣнія всѣхъ этихъ изданій, особенно съ 1770 года*), мы не можемъ обѣщать въ настоящемъ очеркѣ, но можемъ завѣрить любителей литературной статистики, что число разсужденій и статей разнаго объема и содержанія въ періодическихъ изданіяхъ Академіи простирается слишкомъ до 10,000.

*) См. ниже, стр. LXXIX.

Въ проектѣ Петра академикамъ поставлялось въ особенную обязанность трудиться для наукъ общими силами: всѣ ученые изслѣдованія, открытія и опыты академиковъ должны были подвергаться испытанію въ конференціи. Въ то время, въ самомъ дѣлѣ, не очень странно было принять подобную мысль за общее правило: сама наука, или по крайней мѣрѣ главныя вѣтви ея тогда не дробились еще на столько мелкихъ вѣтвей и въ академіяхъ не такъ часты были такіе исключительные специальности, какъ нынѣ. По разсмотрѣніи въ конференціи, сочиненія академиковъ должны были передаваться секретарю ученой конференціи для изданія, которое должно было выходить въ свѣтъ, по словамъ проекта, ежегодно, или чрезъ каждые два года. Этотъ порядокъ опредѣленъ въ 11-мъ параграфѣ проекта:

«Должность академиковъ:

«1. Все что въ наукахъ уже учинено, розъяскивать, что къ исправленію или приращенію оныхъ потребно есть, производить, что каждый въ такомъ случаѣ изобрѣлъ сносить, и тое секретарю вручить, которой тогда понужденъ будетъ оное, «когда надлежитъ, описывать...»

Здѣсь, очевидно, говорится объ академическихъ мемуарахъ. На какомъ языкѣ они должны были издаваться, не сказано прямо, но изъ соображенія съ другими §§, равно и изъ другихъ источниковъ видно, что Петръ хотѣлъ, чтобъ они, для удобнѣйшаго распространенія между учеными, издавались на латинскомъ. О полномъ русскомъ переводѣ строго-ученыхъ мемуаровъ въ проектѣ не говорится, и не трудно понять, почему.

Въ апрѣлѣ 1726 года въ конференціи рѣшено издавать мемуары на латинскомъ. Но первый томъ печатался очень медленно, потому что въ Петербургѣ не было типографіи, хорошо снабженной средствами для печатанія академическихъ мемуаровъ: устроить такую типографію предстояло самой Академіи. При томъ, въ редакціи перваго тома Академія поступала чрезвычайно строго: изъ сочиненій, прочитанныхъ и разобранныхъ въ конференціи, были выбраны только лучшія. При Петрѣ II, когда число вызванныхъ академиковъ уже уменьшилось, изданіе

мемуаровъ, не смотря на вступленіе адъюнктовъ въ конференцію, продолжалось медленно, и только при Линъ, вслѣдствіе особыхъ распоряженій президента, пошло нѣсколько быстрѣе. Мемуары дѣлились, по различію предметовъ, на математическіе, физическіе, историческіе, съ прибавленіемъ астрономическихъ наблюденій.

Первый рядъ мемуаровъ вышелъ подъ заглавіемъ:

Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. PETROPOLI, 1727 — 1751. (14 томовъ in-4°).

По мѣрѣ того, какъ шло впередъ печатаніе перваго тома комментарий въ оригиналѣ, мало по малу готовилось и русское его изданіе *). Оно начато весьма серьезно, но вполне переводились только историческія сочиненія Байера; математическіе же мемуары и по естественнымъ наукамъ, въ угожденіе русской публикѣ, сообщались въ извлеченіяхъ. Эти извлеченія составляли сами академики и снабжали особыми введеніями или поясненіями, чтобы облегчить для читателей уразумѣніе предмета. Въ такомъ видѣ вышелъ въ концѣ 1728 года первый томъ, содержащій въ себѣ, кромѣ анатомическихъ и астрономическихъ наблюденій, 30 сочиненій академиковъ и корреспондентовъ Академіи, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

**Враткое Описаніе **) Комментаріевъ
Академіи наукъ,**

Часть первая на 1726 годъ.

Напечатана въ Санктпетербургѣ при Академіи наукъ.
1728 года. (246 стр. in-4°).

Чего хотѣли достигнуть изданіемъ этого первенца русской ученой литературы, нынѣ весьма рѣдкаго, объяснено въ его предисловіи, которое мы сообщаемъ здѣсь съ точнымъ соблюде-

*) О нѣмецкомъ переводѣ см. ниже, стр. LV.

**) По словамъ исторіографа Миллера и другихъ, это изданіе называлось будто-бы не «Описаніе», а «Сокращеніе»; но последнее неврѣно.

ніемъ правописаія. Оно написано тогдашнимъ пачальникомъ канцеляріи и тѣмъ любопытнѣе, что переведено Адодуровымъ, первымъ русскимъ адьюнктомъ Академіи и сочинителемъ русской грамматики, первой изъ выданныхъ Академіею; своимъ изложеніемъ, оно осязательно даетъ чувствовать, въ какой мѣрѣ русскій языкъ способенъ былъ къ тому употребленію, какое долженъ былъ получить въ трудахъ Академіи на пользу отечественнаго просвѣщенія.

«ДОБРОХОТНОМУ РОССІИНСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ РАДОВАТИСЯ

Здѣ предлагается тебѣ книга, въ ней же все то содержится, въ чемъ Профессоры здѣшнія Академіи наукъ потрудились, 1726 года.

Якоже бо безъ сумнѣнія тебѣ довольно извѣстно есть, что кромѣ повседневныхъ часовъ, къ наставленію назначенныхъ, также повседѣльно дважды свое особенное собраніе имѣють, въ которомъ все то, что всякъ въ домѣ испытывалъ, всему обществу представлялъ, и ихъ разсужденію предлагалъ, и тако оттуду произошла предъ нѣсколькими мѣсяцами изданная на Латинскомъ языкѣ книга, изъ которой сіе изыято и сокращенно есть.

Оная на три части раздѣляется, которая раздѣленія ради различныхъ вещей учинити за благо разсудися. Сіестъ На Математическіи Физическіи и Историческіи классы, которые что въ себѣ обдержатъ, такъ какъ и въ Латинскомъ изданіи слѣдующимъ образомъ здѣ присовокупити можемъ.

Въ классѣ Математическомъ содержатся Диссертациі [разсудительная слова:]

Иакова Германа, о мѣрѣ силъ въ тѣлесахъ.

Георгія Беригарда Булфингера, о силахъ тѣлу подвиженному въ данныхъ и о мѣрѣ ихъ.

Николая Бернулліа, о движеніи тѣлесъ отъ ударенія.

Даніила Бернулліа, испытаніе началовъ Механики.

Иакова Германа, о предложеніи Кеплеріановомъ.

Егоже, о щетѣ Интегралномъ или цѣлственномъ.

* Иоанна Бернулліа, о вѣлоприведеніяхъ равеніи разнственныхъ.

Хрістіана Голдбаха, о нѣкихъ случаяхъ въ цѣлоприводимыхъ.

Николая Бернулліа, Аналісисъ [рѣшеніи] нѣкихъ равеніи разнственныхъ.

*) Статьи, отмѣченныя звѣздочкой, принадлежатъ членамъ-корреспондентамъ Академіи въ Швейцаріи, Германіи и Италіи.

Христіана Голдбаха, сокращенный образъ како въ дѣлоприводити равеніе разнственное.

Іакова Германа, о Эпиклондахъ Сферическиххъ.

* Христіана Волфіа, начала властительная.

Въ классѣ Физическомъ: Іоанна Христіана Буѣбаума, новыя травъ роды.

Георгія Беригарда Булфингера, о управленіи тѣлесъ тяжелыхъ въ вихрѣ Сферическомъ.

Іоанна Георгія Дуверноа, описаніе сосудовъ млечныхъ.

Даніила Бернулліа, опытъ новыя о движеніи мышцъ Теоріи.

Егоже, искусь о Нервѣ оптическомъ или зрительномъ.

Георгія Беригарда Булфингера, о разныхъ Барометрахъ чувствительнѣйшихъ и о новомъ ихъ видѣ и пользахъ.

Іоанна Георгія Дуверноа, о Кистериѣ и протокѣ грудномъ, Барса, тюленя, и слова.

Фридерика Христопора Меіера, о сіяніи сѣверномъ.

* Петра Антоніа Михеллота, рѣдкія и почти неслыханныя отъ чрева болѣзни Історіа.

Наблюденія Анатомическая.

Въ классѣ історическомъ: Теофила Зигефрида Баіера, о началкѣ и древнихъ пребывающахъ Скѣтовъ.

Егоже, о мѣстоположеніи Скѣти въ лѣта Геродотовы.

Егоже, о стѣнѣ кавказской и прочая.

* * *

Іосифа Николая Делля и Іудовика Делля ДелаКроеръ Наблюденія Астрономическая.

Отъ сихъ разныхъ изданій можеша легко познати, како сіе настоящее дѣло произошло, сіесть оныя вещи, которыя за такія имѣлися, яже тебѣ [можетъ быти] несвѣдомы были, въ самыя повѣсти собрали, шныя же цѣлы ничего непремѣня, такъ какъ оныя и въ Латинскомъ языкѣ имѣются, преведены суть.

И такъ цѣлыи классъ Математическіи въ трехъ повѣствованіяхъ состоитъ, физическіи такожде частію въ повѣствованіяхъ, частію же непремѣненъ, остался, яко цѣлыи классъ історическіи. Напоследокъ же прістяжаніе Астрономическіхъ наблюденій, такожде въ повѣсти приложено есть.

И хотя тебѣ отъ всего сего довольно извѣстно есть, что Профессоры время свое къ разширенію наукъ добрѣ, и честнѣ употребили, но еще опасаемся, да не речеша: Богъ вѣсть, что сіе все между собою смѣшено? не буди нетерпѣливнымъ любезнымъ читателю, хотя сія вещь

тебѣ и не весьма понятна. Прародители наши сего такожде не знали, дождевшись оныя радости, что чада твоя со временемъ не точію тебѣ оное изъяснить, но и сами помощію Божією можетъ быть, такіе же добрыя плоды принесутъ.

Не глаголи такожде якобы мы наша дѣла поздо показали, аще на оныя посмотришь и разсудишь коль разнаго вида словъ, къ тому же и знаковъ Алгебраическихъ и грьдорованныхъ штукъ тамо имѣется, колико времени ко приуготовленію онаго требуется, аще помыслишь всѣхъ въ томъ трудившихся людей, и при томъ извѣстиши въ какомъ мы состояніи чрезъ толикое время пребывали, удивившия по истиннѣ что въ семь времени еще толико отъ насъ и учинено: ащели же познати хоцещи чрезъ коль долгое время протчія Академіи, и Сошететы пребывали, донелѣже нѣчто отъ трудовъ своихъ въ народъ объявили, то узриши, что еще во многихъ оныхъ предварихомъ.

Ащели же въ чемъ погрѣшено благосклонно да простиши, еже со вторицею наградити потщимся, ибо Всемилостивѣишаго нашего Государя Императора, и покровителя ПЕТРА Второго милостію нынѣ наки награждены и всѣхъ къ намъ склонность имѣется, такожде и благословеніе Божіе намъ является, то убо тѣмъ въ нашихъ трудахъ съ болшею охотою и веселіемъ упражняемся.

Въ будущій годъ аще Богъ и Всемилостивѣиши нашъ Императоръ на сіе соблаговодитъ, хоцемъ тебѣ читателю благосклонныи кромѣ Леѣикона, Грамматики сокращеніи, и обычайныхъ недѣльныхъ трудовъ *), 2 части Комментаріевъ изготовить.

Не сѣтуй же на переводъ якобы онынъ былъ невразумителенъ, или не весьма красенъ, вѣдати бо подобаетъ, что весьма трудная есть вещь добрѣ преводити, ибо не точію оба оныи языки съ котораго и на которыи переводится, совершенно знать надлежитъ, но и самыя преводимыя вещи ясное имѣти разумѣніе **).

Здѣ же по послѣдней мѣрѣ на сіе смотрѣли, дабы онынъ яко вразумителенъ, тако и благопріятенъ былъ, ибо съ такимъ прилѣжаніемъ и опасностію въ семь дѣлъ поступали, и всякому преводнику такія диссертация [разсужденія] преводить давали, о немже извѣстно знали, что онъ вещь оную наилучше разумѣетъ, къ тому же и самыи переводъ въ присутствіи всѣхъ преводниковъ читанъ и свидѣлствованъ былъ. Ащели же предпріятыя опасности не благопоспѣшно учинилися, то сіе токмо прилѣжище осталось; да тебе умолимъ, дабы слабости

*) Здѣсь намекають на краткую русскую грамматику Адодурова и примѣчанія къ Вѣдомостямъ.

**) Это парафраза прибавленія Петра къ его проекту.

нашен до томъ потерпѣти изволилъ, донелѣже языкъ самъ исправитѣ будетъ, и переводницы *) лутче обучатся.

Въ прочемъ живи благополучно благосклоннын читателю и буди пріятель онымъ, иже ничего инаго кромѣ чести Божіеи, сего великаго и силнаго Государства славы, приращенія и наукъ разширенія краинѣ желаютъ.»

Казалось, что русское изданіе мемуаровъ было обдумано, какъ нельзя лучше; оставалось ожидать, что оно съ радостью будетъ встрѣчено публикою. Между тѣмъ вышло совсѣмъ иначе. Вотъ что пишетъ Миллеръ, доказавшій на дѣлѣ свою ревность къ распространенію отечественнаго просвѣщенія: «При всемъ томъ» книгу никто не хотѣлъ похвалить; не умѣли понять, что читали, «и свое неумѣнье называли темнотою изложенія и невѣрностью «перевода: вслѣдствіе чего изданіе не продолжалось».

Можетъ быть, надобно пожалѣть, что Академія не продолжала изданія, въ надеждѣ, что оно лучше было бы оценено впоследствии; но холодность, съ какою его встрѣтили, не должна удивлять насъ. Кромѣ того, что читателей, сколько-нибудь приготовленныхъ для ученой литературы, было тогда чрезвычайно мало, припомнимъ, что «Описаніе» мемуаровъ явилось въ свѣтъ при Петрѣ II, когда упорные поборники старины въ послѣдній разъ подняли голову и хотѣли, въ своемъ ослѣпленіи, разрушить великое дѣло «отца отечества», или по крайней мѣрѣ такъ или иначе повредить ему. Естественно, что въ этихъ людяхъ наука и ея представительница, Академія, не могли найти себѣ покровителей; къ тому же и нѣкоторые изъ почитателей Петра считали науку бесполезною. До насъ дошло вѣрное извѣстіе, что предисловіе къ «Описанію Комментаріевъ» было написано начальникомъ канцеляріи «въ отвѣтъ на всѣ возраженія, «сдѣланныя противъ этого благотворнаго для Россіи Петровскаго «учрежденія»)». Что въ концѣ 1728 года было высказано въ этомъ

*) Въ концѣ тома выставлены опечатки, гдѣ, между прочимъ, мы прочли:
«Напечатаное тако.» «Чти тако.»

«переводницы — обучатся переводчики — присмотрятся.»

**) Впрочемъ надобно замѣтить, что первоначальная редакція этого предисловія измѣнена въ дошедшемъ до насъ изданіи, какъ видно изъ сличенія указанныхъ опечатокъ съ текстомъ.

предисловіи прозой, отъ лица Академіи, то, въ концѣ слѣдующаго года, изобразилъ знаменитый ученикъ ея, князь Антиохъ Кантемиръ, въ вышеупомянутой сатирѣ *На хулящихъ ученіе*, гдѣ очевидно онъ намекаетъ на ученія занятія Академіи вообще и на лекціи академиковъ въ такъ называемомъ университетѣ. И какъ обрадовалъ мощный голосъ этого доброжелательнаго сына Россіи, призрѣннаго и обласканаго Петромъ, всѣхъ вѣрныхъ сподвижниковъ и обожателей великаго монарха, видно уже изъ того, что молодого поэта тотчасъ привѣтствовали русскими и латинскими стихами достойный пастырь церкви Θεοφανъ Прокоровичъ и придворный священникъ Петра I, Θεοφилъ Кроляковъ; а въ 1730 году князь Черкасскій и князь Трубецкой ему же поручили написать знаменитое прошеніе Аннѣ Іоанновнѣ о возстановленіи самодержавія, въ которомъ сыны цовой Россіи видѣли главную опору своего существованія.

Возстановленіе самодержавія, столь желаннаго всему народу, было благотворно и для Академіи: ближайшимъ слѣдствіемъ его было возвращеніе двора въ столицу Петра, въ 1732 г. Теперь для Академіи настали лучшія времена; но о русскомъ изданіи мемуаровъ уже долго не смѣли болѣе думать. Впрочемъ отдѣльные мемуары печатали иногда въ переводѣ, или по крайней мѣрѣ говорили о нихъ въ періодическихъ изданіяхъ Академіи.

Изданіе мемуаровъ на русскомъ языкѣ, въ переводѣ или въ извлеченіяхъ, не было предписано Петромъ прямо, но было совершенно въ его духѣ и само собою подразумѣвалось въ проектѣ, когда академикамъ ставилось въ обязанность дѣлать «экстракты» изъ лучшихъ иностранныхъ ученыхъ сочиненій и по временамъ издавать ихъ на русскомъ. Объ этомъ говорится въ слѣдующемъ § проекта:

«2. Каждый академикъ обязанъ въ своей наукѣ добрыхъ «авторовъ, которые въ иныхъ государствахъ издаются, читать, «и тако ему легко будетъ, экстрактъ изъ оныхъ сочинить. Сіи «экстракты съ прочими изобрѣтеніями и разсужденіями имѣютъ «отъ академіи въ назначенныя времена въ печать отданы быть.»

Петру казалось это предпріятіе довольно легкимъ. Въ са-

момъ дѣлѣ, въ то время оно не представляло большихъ трудностей, потому что науки вообще еще не глубоко были разработаны, не дѣлились на спеціальныя отрасли, нынѣ обнимающія свой предметъ съ большими подробностями, и многіе тонкіе вопросы нынѣшняго состоянія наукъ тогда еще не возникали. Подобное предпріятіе, бывъ пушено въ ходъ благоразумно, и настойчиво выдержано въ своемъ продолженіи, могло бы произвестъ неисчислимыя слѣдствія. Но всему этому, конечно, нужны были особенныя обстоятельства. Спрашивается теперь: какъ поняли эту задачу наши первые академики? Въ первые годы существованія Академіи нельзя было и думать о ея выполненіи, потому что при тогдашней трудности сообщеній съ чужими краями можно было только мало по малу устроить сношенія съ иностранными книгопродавцами. Не подлежитъ также ни малѣйшему сомнѣнію, что при Петрѣ II, когда число вызванныхъ академикомъ уже значительно уменьшилось, выполненіе подобнаго предпріятія было почти невозможно. Позднѣе же, при Императрицѣ Аннѣ, когда Академія мало по малу оправилась послѣ своего упадка, первое поколѣніе академикомъ *) почти все уже вымерло. Но что и они не совсѣмъ потеряли изъ виду разсматриваемую мысль Петра, доказываетъ изданіе помянутаго «Описанія комментаріевъ» вообще, и въ частности напечатанное въ немъ первое разсужденіе подъ заглавіемъ: *О первыхъ ученіи физическаго фундаментахъ [основаніяхъ]*. Выпишемъ отсюда мѣста, относящіяся къ нашему предмету.

«§ 4.

«И того ради во Академіи наукъ Россійской невозможно «было, лучшее начатіе трудовъ Физическихъ и Механическихъ «учинити, какъ то что бы въ самомъ початкѣ первыя сія осно- «ванія, Механической же, а слѣдовательно и Физической наукъ «изслѣдованы и крѣпко подтверждены были. И по тому Акаде- «мическіи соціететъ въ первыхъ своихъ собраніяхъ тщаніе свое «въ томъ имѣлъ, что бы тѣ начала безсомнительны остались. И

*) А не адъюнктовъ, которыхъ назначеніе было не понято послѣ Петра.

«отъ того разныя диссертации [разглаголетвія] произошли, которыя на два класса раздѣлитися могутъ, понеже и силы двізательницы на двѣ части раздѣляются, егда бо одна сила другою противляется равно...»

«§ 5.

«О обонхъ классахъ оныхъ силъ имѣются диссертации [разсужденіи] въ первой части Коментаріевъ Академическиххъ, которыя всѣ на рускій языкъ перевести зѣло длительно и не пригодно было бы. Понеже при оныхъ диссертацияхъ надобно было еще смотрѣть и на піема въ тоиже силѣ у чужихъ народовъ изданныя, на противныя предлоги тѣхъ, которые истинному мѣнью доселѣ протівиліся, и на нѣкія труднѣшіе приложенія мѣренія оныхъ силъ: и для того цѣлья диссертации точию тѣмъ совершенно выразумительны будутъ, которые въ наукахъ Математическиххъ обучены довольно. Долженствовали убо члены Академическіе симъ первымъ дѣломъ показать ученымъ мужемъ, что не токмо начатки наукъ ученикамъ предавать, но и въ совершенство оныя науки приводити могутъ, понеже Основатель Академіи ПЕТРЪ Великій обое имъ наложилъ.»

«§ 6.

«А что бы и всѣ любопытныя о своемъ дѣлѣ изъявили за благо разсуждено сокращеніе п во общественныхъ показати, что новаго о ученіи движеніевъ въ сии книги учинено.

«Новаго глаголю: понеже въ Коментаріи Академическія вносятся токмо тѣ вещи, которые вновь вымышлены, и нигдѣ прежде того отъ ученыхъ людей преданы были. *Ибо которые вещи отъ другихъ ученыхъ чужестранныхъ написаны, тѣ по учиненіемъ въ Академіи испытаній особливо въ другіе книжицы собираются, которые книжицы въ пользу юношамъ Российскимъ со временемъ напишутся и въ печать отдадутся.»*

По такихъ «книжицъ», очевидно, наминающихъ «экстракты» Петровскаго проекта, при Академіи не являлось *). Позднѣе

*) По всему видно, что первые академики пуждались въ просвѣщенномъ руководителѣ, который бы, при практическомъ взглядѣ государственнаго чловѣка, умѣлъ имъ растолковать идеи Петра о ихъ призваніи.

не разъ возникали подобныя планы, и въ своемъ мѣстѣ мы покажемъ судьбу ихъ.

Какъ-бы въ вознагражденіе за недостатокъ періодическаго изданія экстрактовъ, при Академіи вскорѣ явилось предпріятіе, имѣвшее въ виду не ученыхъ собственно, а большинство читателей, продолжалось, съ небольшими перерывами, цѣлые годы и постоянно принималось публикою съ одобреніемъ. Извѣстно, что уже въ 1703 году Петръ учредилъ изданіе русскихъ газетъ, и съ тѣхъ поръ онѣ выходили хотя по временамъ, безъ опредѣленныхъ сроковъ. Академія поддержала мысль своего основателя: съ 1728 года она постоянно издавала газеты (Вѣдомости) на русскомъ языкѣ. Въ первые годы ихъ редакціею завѣдывали исключительно академики; сюда же передавались, въ продолженіе нѣкотораго времени, и важнѣйшія изъ официальныхъ извѣстій отъ правительства. Въ 1728 году редакцію «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» принялъ на себя адъюнктъ Миллеръ и вскорѣ попалъ на мысль издавать къ нимъ прибавленія дидактическаго содержанія подъ заглавіемъ:

Мѣсячныя Историческіе, Генеалогическіе и Географическіе Примѣчанія въ Вѣдомостяхъ.

«Примѣчанія» имѣли свою нумерацію и такимъ образомъ, по истеченіи каждаго года, составлялся сборникъ. Въ 1728 г. они выходили только помѣсячно, но содержаніе ихъ не ограничивалось уже одними историко-географическими свѣдѣніями.

Въ 1729 году «Примѣчанія» изданы въ первый разъ и на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ:

Historische Genealogische und Geographische Anmerkungen über die Zeitungen auf das Jahr MDCCXXIX.

Русскія «Примѣчанія» 1729 года отличались отъ «Примѣчаній» предыдущаго года не только большимъ объемомъ, но и своимъ содержаніемъ и направленіемъ, и имѣли слѣдующее заглавіе:

Историческихъ, Генеалогическихъ и Географическихъ Примѣчаніевъ въ Вѣдомостяхъ. I. часть (и проч.) 1729 года. (416 стр. in-4°).

Съ 1729 по 1742 годъ въ изданіи «Примѣчаній» участвовали почти всѣ академики, въ томъ числѣ Эйлеръ, Гмелинъ старшій, юристъ Бекенштейнъ; но изъ постороннихъ лицъ — весьма немногіе. Каждую субботу вечеромъ собирались они для совѣщанія у тогдашняго начальника канцеляріи, и назначали статьи для «Примѣчаній» слѣдующей педѣли. Адодуровъ, Тредьяковский и другіе переводили эти статьи на русскій.

Выпишемъ нѣсколько строкъ изъ первой статьи «Примѣчаній» 1729 года, гдѣ, между прочимъ, коротко разсказывается исторія газетъ вообще.

«Благосклоннын читателю.

При семъ подается тебѣ пакн начатіе нѣкоторыхъ новыхъ трудовъ, которые токмо ради увеселенія тебя, и ради твоихъ пользы воспріяты. Ты видишь, что сіи имѣютъ быть примѣчанія въ вѣдомостяхъ, которымъ подобныя, какъ я надѣюсь, ты уже изъ другихъ мѣстъ разныя видѣлъ...

Что до сихъ нашихъ трудовъ касается, то издавали мы мѣсячные примѣчанія въ вѣдомостяхъ уже въ прошломъ годѣ на Россійскомъ языкѣ, и были намѣрены оныя по воспріятому обыкновенію и впредь непремѣнно производить. Но понеже до оныхъ многіе охотники нашлись, которые желаютъ, чтобъ оныя такожде и на нѣмецкомъ языкѣ читать возможно было, то воспріято намѣреніе, желаніе оныхъ, не смотря на всѣ помянутыя трудности, исполнить, и отъ нынѣшняго времени повсянедѣлно дважды по половинѣ листа оныхъ примѣчаніевъ издавать. Ко исполненію сего намѣренія собрались разныя персоны, изъ которыхъ всякой трудится будетъ, къ пользѣ и къ удовольствованію читателей нѣчто сообщать. И тако не имѣемъ причины опасатися, чтобъ намъ въ томъ какой недостатокъ приключится могъ, понеже мы оныя такъ распространить намѣрены, что нетокмо, какъ въ протчемъ обыкновенно, новую политическую історію, Генеалогію и Географію изяснять, но и о всемъ протчемъ, что токмо въ вѣдомостяхъ приключится можетъ, наше мнѣніе объявлять будемъ, мы не будемъ стужать, временемъ на древніе и средніе времена обращаться, и о тогдашнемъ состояніи Государствъ, земель и высокихъ фамилиі разсматривать. Та-

кожде не оставимъ при данномъ случаѣ изъ разныхъ частей натурал-ной, церковной и ученой исторіи многое прибавлять, что мы нашимъ читателямъ пріятнаго и полезнаго изыщемъ. Но токмо сіе напередъ себѣ выговариваемъ, чтобъ отъ насъ такъ именуемые резоненты или разсужденія не ожидать, какіе на другихъ мѣстахъ со оными примѣчаніями сообщать обыкновенно есть. Сіе есть нашему намѣренію противно, которое токмо туды склоняется, чтобъ оными публичные вѣдомости нашимъ читателямъ толь лутче и красноречивѣе изяснить...

Шлиъ тому уже 27 лѣтъ будетъ, какъ чрезъ великое стараніе Блаженнаго и Вѣчедостойнаго памяти Его Императорскаго Величества ПЕТРА Перваго, къ показу своихъ подданныхъ нѣкоторые вѣдомости на Россійскомъ языкѣ печатать начались. До оныхъ вѣдомостей начались отъ того времени такъ многие охотники, что мы принуждены были въ началѣ 1727 года оныя и на шведскомъ языкѣ издавать, и понеже усмотрено, какая польза изъ того происходить будетъ, когда Россійскіе вѣдомости съ шведскими сходно издаваемы будутъ, то выкли оныя въ прощломъ 1728 такожже съ шведского на русскіи языкъ переводились, которые такъ, какъ шведскіе повсѣдственно по дважды издаваться бывають...

Добрымъ читателемъ, ты будешь оныя употреблять по твоему соизволенію, изволивъ на оныя того удостоить, чтобъ тебѣ оными шведскими привѣтскъ *omnöjnings* претривождать, или ты оныя къ чему изволившисю употребить изволивъ. Оныя рекомендовать [съ поминаніемъ прислать.] разсудимъ мы зякнотребно, понеже всакъ инакъ такнскъ прудивъ оныя отъ себя увидитъ. И тако можемъ мы тебѣ оныя, инакъ присланныя удовольствовать, вручая себя твоемъ любви и искренности, а въ прощломъ ничего болве не жежежъ, какъ великому ученому быть.

Благоосклоннаго читателя

къ службѣ омовившиа слуга

Печататель.»

Въ «Предисловіи» къ «Примѣчаніямъ на Вѣдомости» 1733 года «сочинителя (sic) примѣчаній» соела привлекательна для 1-го изинтра изложитъ своимъ «замѣчаніямъ» слѣдующимъ образомъ:

«Мнѣ читателю имѣють намъ благоосклонно позволивъ, чтобъ мы, пржеже нежели оное привѣтче учинивъ, къ которому икъ и обще обыкновенно сего дня, и особливая наша должность обязуетъ, икъ о нашихъ замѣчаніяхъ и обстоятельствеахъ, въ которыхъ мы выходяемъ, справедливо имѣеть учинили. Мы нѣкоторымъ членамъ Академіи наукъ, которыхъ должность есть велии иажежащими средствами о распро-

страшеніи наукъ въ такомъ народѣ, въ которомъ она еще предъ нѣсколькими не многими годами въ возвращеніе пришла, стараніе имѣть, и наши примѣчанія ни для какого иного конца не выдаются, какъ для сегожь. И такъ всякъ самъ легко увидѣть можетъ, что мы отъ другихъ, надъ вѣдомостями равныи же трудъ имѣющихъ, весьма различествуемъ, и по сему основанію никому сіе дивно не покажется, хотя бы кто и малѣишее разсужденіе употребилъ, что часто матеріи отъ части переведенныя, а отъ части отъ насъ самихъ здѣланныя находятся, но которыя, какъ мы въ томъ сами признаемся, либо весьма никакого либо очюль малое сходство съ вѣдомостями имѣють. Понеже Академія наукъ разпространеніе высочайшихъ частей науки, что не всякаго челоуѣка дѣло есть, другимъ родомъ писанія, на Латинскомъ языкѣ, свѣту сообщаетъ: то остались намъ къ описанію въ нашихъ листочкахъ отъ части безъ многого размышленія, искусствомъ вѣдомыя, а отъ части такія истинныя, которыя легко познать можно...

При выборѣ предметовъ для «Примѣчаній», какъ видно, было принято за правило руководствоваться уместными потребностями читателей. Какъ скоро въ «Вѣдомостяхъ» являлось извѣстіе, при которомъ читатели могли имѣть нужду въ подробнѣйшемъ объясненіи, или при которомъ можно было вѣрно рассчитывать на вниманіе публики, «Примѣчанія» немедленно предлагали подобное объясненіе. Такъ извѣстіе о найденныхъ въ Сибири мамонтовыхъ костяхъ вызвало въ «Примѣчаніяхъ» статьи о происхожденіи такихъ остатковъ естественныхъ древностей, по тогдашнему состоянію науки. При извѣстїи о рѣшеніи задачи, предложенной парижскою Академіею на соисканіе преміи, Іоанномъ Бернулли и нашими академиками, издатель «Примѣчаній» сочли уместнымъ изложить исторію академіи, начиная съ Платона, «прадѣда всѣхъ философовъ». Одинъ здѣшній купецъ пріобрѣлъ египетскую мумію: по этому поводу является трактатъ о муміяхъ древняго Египта и о египетскихъ іероглифахъ. По поводу политическихъ событій издавались въ «Примѣчаніяхъ» разныя популярно-историческія статьи, объяснявшія связь современныхъ происшествій съ прежними. Естественныя событія, по тогдашнимъ понятіямъ, предвѣстники бѣдствій, какъ напр. сѣверное сіяніе, явленіе кометъ, землетрясеніе и т. п., заставляли академикомъ писать въ опроверженіе подобныхъ суе-

вѣрїи и для объясненїя «подлинныхъ тому причинъ по естественнымъ законамъ и по свойству тѣлъ». Вообще, разсматривая направленїе «Примѣчанїи» и соображая его съ обстоятельствами того времени, нельзя отказать издателямъ въ серьезномъ и обдуманномъ намѣренїи сообщить публикѣ не только готовыя свѣдѣнїя, но пробудить ее къ постоянному мышленїю и внушить духъ изслѣдованїя. Съ другой стороны мы встрѣчаемъ въ «Примѣчанїяхъ» легкія статьи и стихотворенїя, которыя, при всѣхъ недостаткахъ своего времени, способны были пробуждать эстетическія потребности. Тогдашняя публика оказывала живое участїе къ «Примѣчанїямъ», которыя въ послѣдніе годы, можетъ быть, вслѣдствїе воспоминанїя о подобномъ предначертанїи Петра, сообщали также извѣстїя о замѣчательнѣйшихъ ученыхъ явленїяхъ и извлеченїя изъ иностранныхъ сочиненїи.

21 октября 1742 года вышелъ послѣдній номеръ «Примѣчанїи», заключивъ изданїе прекрасною статьею «о сочиненїи ландкартъ». Изданїе прекратилось по приказанїю токаря и механика Нартова, который въ это время, за немѣнїемъ президента, получилъ въ свои руки управленїе Академіи, и, между прочимъ, готовъ былъ, по своимъ понятїямъ, поставить за правило академикамъ — писать и печатать свои комментарїи не на латинскомъ языкѣ, а на греческомъ! *)

Въ свое время, при тогдашней бѣдности русской литературы, «Примѣчанїя», безспорно, имѣли огромное влїяніе на русскую публику. Векорѣ они сдѣлались литературною рѣдкостью, и между тѣмъ ихъ долго не переставали читать и уважать, какъ лучшее изъ современныхъ литературныхъ явленїи. Въ 1754 г. Ломоносовъ въ письмѣ къ И. И. Шувалову одобрительно отзывается о «Примѣчанїяхъ» и желаетъ ихъ возобновленїя. Черезъ десять лѣтъ, именно въ 1765 году, является въ Москвѣ не продолженїе ихъ, а только повторенїе прежнихъ «Примѣчанїи» въ извлеченїи. Кромѣ ошибки въ показанїи года прекращенїя академическихъ «Примѣчанїи», это извлеченїе довольно оказываетъ

*) Впрочемъ Нартовъ думалъ и о продолженїи «Краткаго Описанїя» съ 1728 по 1743 годъ, какъ видно изъ его доносенїи Сенату въ 1742 и 1743 годахъ.

имъ вниманія и уваженія. Сообщаемъ подлинное его заглавіе и нѣкоторыя мѣста изъ «Предисловія къ благосклонному читателю».

Историческія Генеалогическія и Географическія Примѣчанія (sic),

въ вѣдомостяхъ издававшыя въ Санктпетербургѣ при Академіи Наукъ съ 1729 по 1740 годъ.

Печатаны въ Москвѣ при Сенатскихъ Департаментахъ 1765 года. (Въ-4^о, 302 стр.)

«Хотя предлагаемыя въ сей книжкѣ разсужденія и извѣстія не вновь сочинены; однако тѣмъ не меньше достойны вниманія. Пбо оныя заимствованы изъ такихъ сочиненій, въ которыхъ оказанное искусство и тщаніе всегда и отъ всѣхъ заслуживало особливое почтеніе и похвалу, именожь изъ извѣстныхъ называемыхъ такъ примѣчаній, Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ. Причинажъ сего изданія есть та, что съ 1740 года ихъ больше издаваемо небыло, а прежнія до того изданія такъ умалились, что не безъ трудности ихъ сыскать можно. А какъ оныя по большей части весьма полезнаго содержанія: того ради за нужное разсуждено наилучшія изъ нихъ для любозытныхъ читателей вторично въ печать издать.... И такъ издатель сего не безъ основанія надѣяется, сему труду своему благосклоннаго отъ всѣхъ пріятія; а себя за оной довольно награжденнымъ почитать будетъ, есть ли хотя нѣсколько читателей получать отъ сего ту пользу, которой отъ сего роду сочиненій ожидать можно, чего онъ всеусердно желаетъ.»

Въ слѣдующемъ году, вѣроятно, тотъ же самыи москвичъ издалъ:

Примѣчанія о разныхъ Матеріяхъ.

Печатанныя при Императорской Академіи наукъ Санктпетербургской, подъ именемъ еженедѣльныхъ отъ 1726, по 1740 годъ.

А нынѣ вторично помѣсячно на сей годъ печатать разсуждено по той причинѣ, которая въ слѣдующемъ предъвѣдомленіи объявлена.

1766 Года,

Мѣсяць Генварь.

Печатано въ Типографіи при Московскихъ Сената Департаментахъ, 1766 года. (Въ-8^о).

«Предувѣдомленіе къ благосклонному читателю» этого сборника перепечатано слово въ слово изъ предыдущаго изданія, но выборъ статей изъ «Академическихъ Примѣчаній» сдѣланъ другою. Мы имѣли въ своихъ рукахъ только первые четыре мѣсяца этого сборника.

Двадцать лѣтъ спустя, сама Академія издала новое извлеченіе изъ «Примѣчаній», подъ заглавіемъ:

Собраніе Географическихъ, Астрономическихъ и Физическихъ Примѣчаній.

Часть I. Въ СПб., издѣвѣніемъ Имп. Акад. Наукъ. 1787.

(Второе изд. 1791 г.) Ч. II. 1791 г.

Кромѣ газетъ, Академія получила отъ Петра Великаго еще другое наслѣдство — календарь. Въ первый разъ онъ изданъ Академіею на русскомъ и на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ:

Календарь *) или Мѣсяцесловъ на лѣто.. 1728..

Напечатанъ въ Санктпетербургѣ въ Типографіи Академіи наукъ... 1727. (Въ мал. 4-ю доло.)

St. Petersburgischer Kalender auf das Schalt-Jahr... MDCCXXIX. (Въ-4^о).

Редакціею календарей занимались сперва одни члены ученой конференціи. Какъ строгіе читатели науки, они не могли допустить въ календарь «астрологическихъ суевѣрій» и рѣшили исключить изъ него все не-астрономическія предсказанія, какими украшались календари, изданные въ царствованіе Петра Великаго. Это нововведеніе возбудило въ публикѣ такой ропоть, что издатели увидѣли необходимость оказывать нѣкоторое время снисхожденіе къ общему предразсудку: въ 1729 г. оба календаря, русскій и нѣмецкій, явились съ живописнымъ изображеніемъ *прогностика* **). Но, покоряясь необходимости, академическіе математики и естествоиспытатели не могли или не хотѣли

*) Слово: *календарь*, введенное Петромъ Великимъ, кажется, только при Екаторинѣ II исчезло изъ заглавія академическихъ календарей. До 1770 года онъ нѣкоторое время назывался «С. Петербургскимъ Календаремъ».

**) Замѣчательно, что астрологическія толкованія русскаго календаря отличны отъ нѣмецкихъ.

скрыть своего неудовольствія: излагая астрологическія предсказанія, которыя еще при Императрицѣ Аннѣ имѣли высокнхъ покровителей, они допускали примѣсь тонкой ироніи, въ которой суевѣріе гадателя не могло уже находить себѣ пищи. Но тѣмъ охотнѣе издатели пользовались календаремъ, какъ средствомъ для уясненія и расширенія понятій публики, помѣшая въ немъ статьи по части астрономіи и особенно по исторіи. И здѣсь опять мы видимъ Миллера однимъ изъ первыхъ дѣятелей. Въ календарѣ 1729 и слѣдующихъ годовъ онъ сообщилъ старыя и новыя свѣдѣнія о Камчаткѣ, которыя были тѣмъ любопытнѣе, что публика была въ то время живо заинтересована путешествіемъ Беринга. Господство историческаго интереса въ календарѣ выразилось даже въ его заглавіи: съ 1729 года онъ назывался нѣкоторое время:

Календарь или мѣсяцесловъ историческій.

Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы предприняли обстоятельно изложить ходъ издаванія календарей и ихъ различныя виды. Впрочемъ мы возвратимся еще къ нимъ, говоря о предметѣ нашего обзорѣнія въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

Выше мы упомянули, что, по намѣренію Петра, каждый академикъ долженъ былъ изготовить «систему» или «курсъ» своей науки, съ тѣмъ, чтобы издать потомъ эти учебныя руководства на русскомъ языкѣ. Въ исполненіе этого предначертанія кое-что сдѣлано Академіей до Екатерины II и въ продолженіе ея царствованія. Если же эта прекрасная мысль Петра не была исполнена, какъ надлежало бы, съ самаго начала, то, кажется, винить за это упущеніе надобно больше академиковъ первой генерации, чѣмъ канцелярію и ея перваго начальника, совѣтника (и академика-самозванца) Шумахера, который въ своихъ распоряженіяхъ вспоминалъ иногда мысли Петра. Такъ какъ учебныя руководства, составленныя однимъ академикомъ, не входятъ въ кругъ нашего обзорѣнія, то мы ограничимся указаніемъ на одинъ сборникъ, изданный двумя академиками.

Къ числу государственныхъ мужей, вмѣнявшихъ себя въ обязанность, вопреки желаніямъ извѣстнаго рода людей, привести «просить» Петра въ исполненіе тотчасъ по его смерти, принадлежалъ, вѣроятно, и баронъ Остерманъ, который и послѣ оказывалъ услуги Академіи *). Онъ же впоследствии избралъ нѣсколько академиковъ въ учителя Петру II и предложилъ Академіи составить учебныя руководства по разнымъ наукамъ для юнаго государя. Такія руководства дѣйствительно были изданы по нѣкоторымъ предметамъ, и нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ русскомъ переводѣ. Къ числу ихъ принадлежитъ

Abrégé des Mathématiques.

Первая часть этого изданія сочинена академикомъ Як. Гермапомъ, однимъ изъ первыхъ математиковъ своего времени, вторая — извѣстнымъ астрономомъ Деллемъ, а третья — тѣмъ же академикомъ Германомъ, который объявляетъ здѣсь, что фортификація не принадлежитъ собственно къ кругу его спеціальныхъ занятій. Переводъ первой части этого изданія принадлежитъ, вѣроятно, Адодурову и вышелъ подъ заглавіемъ:

Сокращеніе математическое,

для употребленія Его Величества Имп. всея Россіи.
Часть I. содержащая Ариѳметику, Геометрію и Тригонометрію.
 (1728.) — *Часть II содерж. Астрономію и Географію.* — *Часть III содерж. Фортификацію.*

Въ то время, какъ Миллеръ рѣшился посвятить себя русской исторіи (см. выше, стр. XXV), онъ не зналъ еще русскаго языка и только-что начиналъ ему учиться. Потому, въ первый годъ своихъ занятій, онъ, естественно, былъ въ зависимости отъ переводчиковъ, которые иногда вводили его, равно какъ и Байера, въ ошибки. Въ августѣ 1732 г. Миллеръ сдѣлалъ уже Академіи предложеніе о предпріятіи изданія въ пользу русской исторіи:

*) Можетъ быть, это обстоятельство подадо поводъ считать Остермана президентомъ Академіи Наукъ, какъ это видимъ въ нѣкоторыхъ современныхъ сочиненіяхъ.

оно было принято съ большимъ одобреніемъ какъ членами конференціи, такъ и канцеляріею, и тотчасъ было напечатано на нѣмецкомъ и на русскомъ *). Изложимъ въ короткихъ словахъ планъ этого предпріятія.

«Исторія русскаго государства и принадлежащихъ къ нему странъ представляетъ столько трудностей, что написать о ней систематическое сочиненіе едва ли можно надѣяться въ двадцать и даже болѣе лѣтъ. По этому Академія рѣшилась пока издавать историческій сборникъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, если удастся, по книжкѣ каждый мѣсяць, предполагая наполнять ихъ частію изслѣдованіями по разнымъ частямъ русской исторіи, частію же подлинными ея источниками, какъ-то: лѣтописями, грамотами и т. д. Полагая, что и сторонніе любители отечественной исторіи будутъ сообщать Академіи источники для изданія, она надѣется такимъ образомъ собрать столько историческаго матеріала, что со временемъ можно будетъ предпринять полную обработку русской исторіи. Въ выборѣ матеріаловъ Академія не считаетъ нужнымъ ограничиваться одною политическою исторіею, но имѣетъ въ виду и другія стороны русской исторіи, какъ-то: исторію церкви, литературы и естественную, вообще древности, пумизматику, хронологию, географию и этнографию Россіи, разумѣя пригомъ не одинъ русскій народъ собственно, но и подвластные ей другіе народы. Статьи для сборника могутъ быть написаны на русскомъ и на другихъ языкахъ, и должны быть доставляемы въ академическую канцелярію.»

Чтобы объяснить, какого рода матеріалы и сочиненія Академія желаетъ своимъ предпріятіемъ вызвать и пріобрѣсть для изданія, Миллеръ составилъ и напечаталъ подробную программу, которая, надобно сказать, была весьма многостороння. Сверхъ того, сборникъ имѣлъ еще въ виду двѣ особенныя цѣли, именно: сообщать извлеченія изъ трудовъ нашихъ академиковъ, если

*) «Eröffnung eines Vorschlages zu Verbesserung der Russischen Historie durch den Druck einer Stückweise herauszugebenden *Sammlung* von allerley zu den Umständen und Begebenheiten dieses Reichs gehörigen Nachrichten. St.-Petersburg, 1732.» 8 стр. in 8°.

въ нихъ найдутся извѣстія или изслѣдованія, служація къ распространенію или уясненію познаній о Россіи въ историческомъ, географическомъ и естественномъ отношеніяхъ, и исправлять ошибки, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ о Россіи въ упомянутыхъ отношеніяхъ. Первая книжка сборника явилась уже въ 1732 г. подъ заглавіемъ:

Sammlung Russischer Geschichte. St. PETERSBURG. (1732 — 1764. 9 томовъ in-8°).

Отправляясь въ сибирскую экспедицію въ 1733 году, Миллеръ передалъ приготовленные къ печати статьи адъютанту Крамеру, но онъ успѣлъ выдать только три книжки и въ слѣдующемъ 1734 г. умеръ. Затѣмъ изданіе оставалось безъ движенія, пока не принялъ его на себя Байеръ; но и онъ, издавъ только три книжки втораго тома въ 1736 и 1737 годахъ, въ слѣдующемъ году умеръ. Только въ 1758 году Миллеръ могъ опять взяться за продолженіе своего предиріятія, которое теперь, благодаря обилію собраннаго имъ матеріала, благополучно достигло девятаго тома, изданнаго въ 1764 году. Въ послѣднихъ томахъ встрѣчаются статьи Миллера, изданныя имъ прежде на русскомъ языкѣ въ «Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ». Причиною прекращенія этого изданія, въ первый разъ распространеннаго въ Европѣ лучшія свѣдѣнія о Россіи *), было перемѣщеніе его въ Москву, о чемъ будетъ сказано ниже.

Русское изданіе этого сборника въ царствованіе Императрицы Анны не являлось: попытки предпринять что нибудь важное въ пользу русской исторіи во время отсутствія Миллера, по разнымъ причинамъ, не удавались.

Петръ Великій, какъ всѣмъ извѣстно, питалъ живое участіе къ успѣхамъ астрономіи: оно поддерживалось въ немъ особенно сознаніемъ необходимости этой науки для географіи и мореплаванія. Уже издавна прилагалъ онъ стараніе ознакомить Русскихъ съ географіей и космографіей, и, естественно, желалъ, чтобъ эта

*) Одинъ нѣмецкій книгопродавецъ въ Оффенбахѣ издалъ въ 1777 и 1778 годахъ извлеченіе изъ всего этого собранія въ четырехъ томахъ.

наука нашла усердныхъ дѣятелей въ Академіи. Въ 1721 году отправилъ онъ своего библіотекаря Шумахера въ Парижъ для представленія тамошней Академіи карты Каспійскаго моря и такъ называемой таугутской рукописи: въ это время Шумахеръ вошелъ въ переговоры съ астрономомъ Делилемъ, который и вступилъ потомъ, въ 1726 г., въ нашу Академію, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Делилемъ дела-Кроеръ. Подъ надзоромъ Делиля образовался при Академіи «географическій департаментъ» или «Bureau de Géographie». Описывать занятія и дѣятельность этого учрежденія, бывшаго нѣкоторое время подъ вѣдѣніемъ Миллера, а послѣ и Ломоносова, мы не находимъ здѣсь умѣстнымъ. Довольно вообще замѣтить, что изъ этого заведенія въ теченіе XVIII вѣка вышли сотни ландкартъ и военныхъ, или вообще топографическихъ плановъ на русскомъ и другихъ языкахъ. Пропускаемъ также изданные имъ сборники картъ — атласы, надъ которыми трудилось нѣсколько академикомъ совокупными силами; замѣтимъ только, что при Императрицѣ Аннѣ Делиль предпринялъ изданіе періодическаго сборника для распространенія точныхъ свѣдѣній о географіи Россіи и пограничныхъ странъ. Первый томъ вышелъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ:

Mémoires

POUR SERVIR A L'HISTOIRE ET AU PROGRÈS DE L'ASTRONOMIE, DE LA GÉOGRAPHIE ET DE LA PHYSIQUE, RECUEILLIS DE PLUSIEURS DISSERTATIONS LUES DANS LES ASSEMBLÉES DE L'ACADÉMIE ROIALE DES SCIENCES DE PARIS ET DE CELLE DE ST. PÉTERSBOURG, QUI N'ONT POINT ENCORE ÉTÉ IMPRIMÉES; COMME AUSSI DE PLUSIEURS PIÈCES NOUVELLES, OBSERVATIONS ET REFLEXIONS RASSEMBLÉES PENDANT PLUS DE 25 ANNÉES: PAR MR. DE L'ISLE. A ST. PÉT. MDCCXXXVIII. In-4°. (Съ грам.)

Онъ содержитъ въ себѣ сочиненія и извѣстія самого издателя, его брата, академикомъ Майера, Крафта и чиновника при географическомъ департаментѣ Академіи, Леруа. Но продолженія не являлось. Вскорѣ послѣ этого изданія Делиль разладилъ съ начальникомъ академической канцеляріи: подобно Байеру,

Герману, Беккенштейну, онъ долго боролся съ ея неблагоклонностью, но увидѣлъ наконецъ необходимость выйти въ отставку, и въ 1747 году дѣйствительно оставилъ Академію.

Около 1740 года бібліотекаръ Академіи и совѣтникъ канцеляріи Шумахеръ предпринялъ издать каталогъ академической бібліотеки и описаніе кунсткамеры, которая тогда не была еще раздѣлена и содержала въ себѣ предметы, относящіеся къ анатоміи, ботаникѣ и минералогіи, также медали и древности русскія, восточныя и другія иностранныя. Послѣдній трудъ исполненъ, болѣе или менѣе удовлетворительно, разными учеными и изданъ подъ заглавіемъ:

Musei Imperialis Petropolitani

Vol. I. (1742 — 1745. in-8°). — Vol. II. (1741 — 1745. in-8°).

На русскомъ есть подобное изданіе меньшаго объема: *Палаты... Академіи Наукъ* и проч. Въ 4-ю долю.

О состояніи Академіи въ царствованіе Императрицы Елисаветы обыкновенно судятъ по оффиціальнымъ и частнымъ бумагамъ Ломоносова, сколько ихъ до сихъ поръ напечатано. Но эти документы требуютъ особенныхъ объясненій, безъ которыхъ нельзя составить отчетливаго понятія о тогдашнемъ дѣйствованіи Академіи въ ея тройственномъ составѣ. Главную цѣль Ломоносова, постоянное стремленіе его патріотической души составляло пламенное желаніе, *чтобъ Россіяне выучились* *), и въ этомъ духѣ онъ дѣйствовалъ не только въ Академіи собственно, но и въ университетѣ и гимназій, «состоявшихъ» нѣкоторое время «подъ его командою». Одно это усердіе, не говоря о другихъ заслугахъ, дѣлаетъ его имя безсмертнымъ, и если онъ не достигъ, чего желалъ, то причины тому заключались не въ одномъ равнодушіи его сочленовъ къ великому дѣлу Петра, но вмѣстѣ и въ его личномъ характерѣ и въ обстоятельствахъ времени.

Дщери Петра Великаго, безспорно, были доступны благо-

*) «За то терплю, что стараюсь защитить трудъ П. В., чтобъ выучились Россіяне, чтобъ показали свое достоинство pro aris etc.»

родивѣйшія впечатлѣнія и возвышенныя планы: въ доказательство довольно указать на основаніе московскаго университета, изъ котораго вышло столько знаменитыхъ государственныхъ мужей, заслуженныхъ педагоговъ и свѣтилъ народной словесности. Если же, при всемъ томъ, царствование Елисаветы не составляетъ блестящаго періода въ исторіи Академіи, то причиною тому были разныя обстоятельства, объясненіе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко. По увѣреніямъ современниковъ, государыня, при самомъ восшествіи на престолъ, имѣла серьезное намѣреніе поднять уже во второй разъ упадавшее твореніе Петра и упрочить положеніе Академіи, не щадя издержекъ. Къ сожаелѣнію, благія и великодушныя намѣренія Императрицы въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ преобразование Академіи, не только не достигли желаннаго успѣха. Довольно замѣтить, что первый уставъ Академіи, вышеозначенный (стр. XIV и XXVII) «Регламентъ Императорской Академіи Наукъ и Художествъ», обязанъ своимъ происхожденіемъ академической канцеляріи, которая, очевидно, не воспользовалась долговременными опытами членовъ конференціи, хотя въ ней засѣдали люди благонамѣренныя и извѣстныя своею преданностью престолу, какъ напр. Миллеръ (съ 1728 года), Штелинь (съ 1735) и Ломоносовъ (съ 1742). Правда, съ 1747 года штатъ Академіи былъ повышенъ, но больше въ пользу «художественнаго департамента», чѣмъ ученой конференціи, надъ которой канцелярія отнынѣ получила даже законную власть. Съ сихъ поръ Академія нѣкоторое время пользовалась извѣстностью и уваженіемъ русской публики болѣе въ смыслѣ Академіи Художествъ и Ремеселъ, чѣмъ въ смыслѣ Академіи Наукъ.

По «Регламенту» 1747 г., Академія должна была состоять только изъ 10 академиковъ, которые раздѣлены были на три класса: на астрономическо-географическій, физическій и физико-математическій. Объ историческихъ, филологическихъ, философскихъ и юридическихъ наукахъ, именно тамъ, гдѣ говорится собственно объ академикахъ, или о «совершенной Академіи», въ «Регламентѣ» нѣтъ ни слова: стало быть, третій классъ, предно-

ложешный Петромъ въ проектѣ, быть теперь вовсе отмѣненъ. Въ предисловіи къ изданію «Регламента» (см. ниже, стр. LV или первый томъ Новыхъ Комментаріи) канцелярія сочла нужнымъ сказать между прочимъ слѣдующее:

«...въ новыхъ сихъ комментаріяхъ только Математико-фи-
«зическія рассужденія издавать велѣно, а касающіяся до исто-
«рїи и критики, изъ которыхъ прежде состоялъ третей классъ
«прежнихъ комментаріевъ, оставлены.»

На самомъ дѣлѣ, около 1750 года, прежній историко-фило-
логическій классъ оставался только въ лицѣ Миллера, его спут-
ника въ экспедиціи Фишера, профессора аллегоріи Штелина,
который большую часть времени посвящалъ службѣ при дворѣ,
и юриста Струбе де Пирмонъ, который также состоялъ въ служ-
бѣ виѣ Академіи.

Одинъ § изъ проекта Петра (см. выше, стр. XXXVII) въ
«Регламентѣ» получилъ довольно странную форму:

«Всякъ изъ Академиковъ читать долженъ новыхъ Авторовъ
«въ своей наукѣ, и какъ скоро о книгѣ какой увѣдастъ, то онъ
«требовать долженъ изъ библіотеки, а потомъ здѣлавъ на оную
«свои примѣчанія объявить въ собраніи; и буде что достопамят-
«но, то Президентъ прикажетъ перевести на Россійской языкъ
«и напечатать.»

Ясно, что въ этомъ § разумѣются предложенныя Пе-
тромъ «экстракты» изъ повѣйшихъ сочиненій и періодическое
ихъ изданіе. Между тѣмъ о строгомъ исполненіи этого § почти
никто не думалъ. Предпріятія этого рода, неполненныя Акаде-
міей впоследствии, произошли иначе. Кажется, что академики,
убѣдившись въ неприложимости «Регламента» къ практикѣ во-
обще, не смѣли взяться за отдѣльныя его предписанія. Кстати
замѣтимъ, что Ломоносовъ, бывший съ 1754 года членомъ ака-
демической канцеляріи, въ бумагахъ, въ наше время изданныхъ,
является, говоря вообще, жаркимъ противникомъ «Регламента».
Какъ бы то ни было, но канцелярія считала съ «Регламента»
новую эпоху Академіи и ознаменовала ее новымъ заглавіемъ ме-
муаровъ, именно слѣдующимъ:

Novi Commentarii *)

ACADEMIAE SCIENTIARUM IMPERIALIS PETROPOLITANAE.

PETROPOLI. 1750 — 1776 (20 томовъ in-4°).

Издание «Краткаго описанія» 1728 года также было возобновлено «Регламентомъ»; но теперь нашли нужнымъ дѣлать извлеченія изъ мемуаровъ короче, тѣмъ болѣе, что сообщаемые мемуары были математическаго, астропомическаго и естество-описательнаго содержанія исключительно. Вотъ что сказано объ этомъ изданіи въ 32 § «Регламента»:

«Въ концѣ Ноября мѣсяца Конференцъ-Секретарь долженъ «публиковать съ переводомъ Рускимъ содержаніе всѣхъ диссер-«тацій, которыя въ цѣлой годъ учинены, и притомъ приклады-«вать свои ученія о всемъ помянутомъ рассужденія.»

Въ началѣ каждаго тома Новыхъ Комментарій помѣщалось «содержаніе» каждаго изъ напечатанныхъ въ этомъ томѣ разсужденій: отсюда эти изложенія «содержанія» переводились на русскій. Въ 1748 г. явилась первая книжка этого изданія, подъ заглавіемъ:

Содержаніе ученыхъ Рассужденій

Императорской Академіи Наукъ изданныхъ въ первомъ томѣ Новыхъ Комментаріевъ послѣ всемилоостивѣйшей апробации отъ Ея Императорскаго Величества новаго Академическаго Регламента. Въ Спб. (Безъ года, in-4°).

Въ предисловіи, сочиненномъ, по всей вѣроятности, въ канцеляріи, замѣчательно слѣдующее мѣсто:

*) Въ царствованіе Екатерины II одинъ нѣмецкій врачъ въ Вольфенбют-тегѣ, безъ всякаго вызова со стороны Академіи Наукъ, перевелъ вполнѣ или въ извлеченіи большую часть разсужденій нашихъ натуралистовъ изъ первой серіи академическихъ комментарий, и издалъ въ трехъ томахъ подъ заглавіемъ: «Physicalische und medicinische Abhandlungen der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Petersburg. Aus dem Lateinischen übersetzt von J. L. C. Mümler. 3 Bände. Riga. 1782 — 85». Позднѣе онъ хотѣлъ составить такой же сборникъ изъ второй серіи комментарий, но на этотъ разъ предпріятіе, какъ видно, не состоялось. О реальномъ реестрѣ, составленномъ для всѣхъ мемуаровъ нашей Академіи однимъ нѣмецкимъ ученымъ по собственному его желанію, см. ниже, при обзорѣ 5-й серіи академическихъ мемуаровъ (съ 1803 года).

«Надежить читателю и о томъ вѣдать, что сіе содержаніе ученыхъ рассужденій, которое можетъ быть нѣкоторымъ безъ мѣры пространно покажется, сочинено особливо для Россійскаго народа, чтобъ оному во удовольствіе любопытства яснѣе понять можно было, въ чемъ именно Авторы сихъ рассужденій о приращеніи наукъ полагали стараніе.»

За предисловіемъ слѣдуетъ Высочайшій указъ Императрицы и «Регламентъ». На стр. 40 — 88 помѣщены извлеченія изъ 31 мемуара, въ числѣ которыхъ здѣсь, какъ и въ слѣдующихъ книжкахъ, значительную часть составляютъ мемуары Эйлера, какъ члена-корреспондента Академіи. Языкъ «Содержанія» обнаруживаетъ замѣтные успѣхи въ сравненіи съ «Краткимъ описаніемъ» 1728 года. Вторая книжка «Содержанія» издана въ 1750 г. и содержитъ на своихъ 42 страницахъ извлеченія изъ 21 разсужденія, въ томъ числѣ и изъ латинскихъ мемуаровъ Ломоносова, Крашенинникова, Никиты Попова и нѣкоторыхъ членовъ-корреспондентовъ. Въ третьей книжкѣ на 36 стр. сообщено 21 разсужденіе. Последняя книжка «Содержанія ученыхъ разсужденій» вышла 1754 или 1755 года: передаемъ ея предисловіе.

«Что четвертой томъ *новыхъ Комментарій* поуже, нежели какъ надлежало, въ свѣтъ издается, въ томъ предъ единоземцами извиняться нѣтъ нужды, для того, что они увѣрены будучи о нашемъ тщаніи въ изданіи полезныхъ книгъ, безъ сомнѣнія благодарить будутъ Академіи, что она подражая другимъ Академіямъ, и стараясь о пользѣ отечества издастъ напередъ книги на природномъ языкѣ, а не на иностранномъ; а иностраннымъ, ежели они позднымъ долгу нашего воздаяніемъ недовольны, а особливо господамъ Авторамъ, ежели они негодовать будутъ, что сочиненія ихъ, въ семь томѣ содержащіяся, отъ насъ теряютъ пріятность новости, объявляемъ, что изданіе другихъ томовъ безъ всякаго замедленія слѣдовать будетъ. Потому что при Академіи умноженіемъ числа становъ и трудящихся въ типографіи, удовлетворено будетъ отечеству, вкуцѣ и иностраннымъ...»

Причина прекращенія этого изданія неизвѣстна. Можетъ быть, это зависѣло отъ того, что Миллеръ опредѣленъ въ мартѣ 1754 года секретаремъ ученой конференціи. Обязанности этого званія, безъ сомнѣнія, значительно увеличили занятія Миллера,

къ которымъ въ 1755 году присоединилась еще возложенная на него редакція энциклопедическаго журнала.

Изданіе «Содержанія ученыхъ разсужденій» оказывало услугу весьма незначительной части русской публики, потому что наполнялось исключительно спеціальными статьями по математикѣ, астрономіи и естественнымъ наукамъ. Между тѣмъ, со времени основанія Академіи, число любознательныхъ читателей и учащихся мало по малу возрасло до того, что теперь пора было предпринять изданіе, которое доставляло бы читателямъ пищу для ума и средство къ дальнѣйшему саморазвитію. Такое изданіе, естественно, могла предпринять только Академія, которая имѣла свою библіотеку, свою типографію и книжныя лавки въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ, а въ числѣ своихъ членовъ имѣла людей, знакомыхъ съ потребностями русской публики. И такое изданіе наконецъ состоялось: по предложенію Миллера, Академія рѣшилась издавать энциклопедическій журналъ и возложила его редакцію на Миллера. Съ 1755 года по 1757 журналъ издавался подъ заглавіемъ:

Ежемесячныя сочиненія

къ пользѣ и къ увеселенію служащія *).

Въ Спб. при Импер. Академіи Наукъ. (Іп-8°).

а съ 1758 по 1762 подъ заглавіемъ:

Сочиненія и переводы

къ пользѣ и увеселенію служащія.

По бумагамъ академическаго архива 1754 года, «Ежемесячныя Сочиненія» сперва хотѣли назвать «С. Петербургскими Академическими *Примѣчаніями*» и прилагать къ газетамъ каждый мѣсяць по книжкѣ. Изъ этого видно, въ какой связи находится происхожденіе русскихъ журналовъ съ «Примѣчаніями» къ Вѣдомостямъ 1728 года. «Ежемесячныя Сочиненія» положено было печатать въ числѣ 2000 экз.

*) На заглавномъ листѣ изображенъ глобусъ, на которомъ можно разобрать только слова: *Россія* и *С. Петербургъ*. Въ средшій сѣіяшя стоятъ слова: *для вслѣдъ*.

Сообщаемъ прежде всего нѣкоторыя мѣста изъ «Предувѣдомленія», которое написано, по всей вѣроятности, Миллеромъ, и кетати замѣтимъ, что во многихъ статьяхъ журнала слогъ несравненно чище и легче, нежели въ предисловіи.

«Пользу ученыхъ журналовъ и подобныхъ тому записокъ, издаваемыхъ въ почтовые дни, понеѣльню и помѣсячно, выхвалять, кажется, нѣтъ нужды. Всѣ Европейскіе народы въ томъ согласны, и доказываютъ сіе бесчисленными примѣрами. Многіе и понинѣ съ удовольствіемъ читаютъ оныя примѣчанія, которыя съ 1729 по 1742 годъ, отъ нѣкоторыхъ здѣшней Академіи Наукъ членовъ, при вѣдомостяхъ издаваны были...

Такое полезное дѣло нынѣ, достохвальнымъ попеченіемъ Его Высочайшаго Сіятельства Ясновельможнаго Малороссійскаго Гетмана и Академіи Наукъ Президента, къ общему удовольствію учреждено паки. Члены Академіи, ничего такъ не желая, какъ, чтобъ Россійскому государству и народу трудами своими приносить дѣйствительную пользу, и сколько возможно возбудить во всѣхъ удовольствіе, какое производитъ знаніе Наукъ, всѣми силами стараться будутъ заслужить себѣ похвалу у читателей. Они же притомъ и другимъ любителямъ Наукъ, которые пожелаютъ труды свои показать свѣту, представляютъ мѣсто въ сихъ Сочиненіяхъ.

При такомъ учрежденіи, каково сіе, мы себѣ точныхъ предѣловъ не предписываемъ; но надлежитъ, смотря по различію читателей, всегда перемѣнять матеріи, дабы всякой, по своей склонности и охотѣ, могъ чѣмъ нибудь пользоваться. И такъ предлагаемы будутъ здѣсь всякія сочиненія, какія только обществу полезны быть могутъ, а именно: не одни только разсужденія о собственно такъ называемыхъ Наукахъ, но и такія, которыя въ Экономіи, въ Купечествѣ, въ Рудоконныхъ дѣлахъ, въ Мануфактурахъ, въ Механическихъ рукодѣліяхъ, въ Архитектурѣ, въ Музыкѣ, въ Живописномъ и Рѣзномъ художествѣхъ, и въ прочихъ, какое ни есть новое изобрѣтеніе показываютъ, или къ поправленію чего нибудь поводъ подать могутъ.

Одни токмо тѣ сочиненія выключены отъ нашего намѣренія, кои ради глубокаго ихъ смысла не всѣмъ ясны и вразумительны бываютъ: ибо мы за правило себѣ приняли, писать такимъ образомъ, чтобъ всякой, какого бы кто званія или понятія ни былъ, могъ разумѣть предлагаемыя матеріи *)...

*) Въ какой мѣрѣ Императрица Екатерина II считала изданіе ежемѣсячныхъ сочиненій вообще сообразнымъ съ потребностями времени, показываетъ одно мѣсто въ ея комедіи («О время!»), гдѣ служанка г-жи Ханжахиной гово-

Стихотворческія сочиненія принимаемъ мы наипаче для того, что въ нихъ многое весьма сильнае (sic) и пріятнѣе изображается, нежели простымъ слогомъ: къ тому же мы за должность свою признаваемъ, писать не токмо для пользы, но и для увеселенія читателей. Такіе стихотворцы, какихъ Россія нынѣ имѣетъ, достойны, чтобъ потомкамъ въ примѣръ представлены были...

Есть еще другія піитическія сочиненія, которыя не требуютъ, чтобъ написаны были стихами, а именно: правоучительныя пригчи, сны, повѣсти, и подобныя тому описанія. Изображенныя такимъ простымъ слогомъ піитическія вымышленія не меньше полезны, коль и пріятны. Того ради намѣрены мы временемъ сообщать и такія сочиненія; а притомъ чаемъ, что и переводы всякихъ полезныхъ и пріятныхъ матерій, взятыхъ изъ иностранныхъ книгъ, не непріятны будутъ читателямъ...

Коль великое множество имѣемъ мы еще другихъ матерій! когда читателямъ нашимъ предвоспримемъ сообщать экстракты изъ достовѣрнѣйшихъ Россійскихъ лѣтописей, списки съ старинныхъ грамотъ и съ архивныхъ дѣлъ, описанія церемоній и торжествамъ при дворѣ **ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** происходящимъ, высочайшія узаконенія и указы до всенароднаго благополучія касающіяся...; и когда притомъ еще объявлять будемъ о иностранныхъ и здѣшней печати новыхъ и полезныхъ книгахъ, также и о знатнѣйшихъ политическихъ каждаго мѣсяца приключеніяхъ...

Но не будетъ ли трудности въ избраніи, между столь многими матеріями, наилучшихъ и полезнѣйшихъ? Можетъ быть нѣкоторымъ и не понравится, когда при разности матерій усмотрятъ и разность въ слогахъ; но при такомъ дѣлѣ, надъ которымъ трудятся разные сочинители, миновать того никакъ не возможно...

Одно еще осталось упомянуть. Всѣ Сочиненія, сюда вносимыя, должны прежде напечатанія рассматриваны быть особливимъ собраніемъ. Мы справедливо надѣемся, что никто не потребуетъ, чтобъ выключенъ онъ былъ отъ такого рассмотрѣнія. Ибо сіе собраніе рассматривать будетъ не слова и не слогъ, хотя бы и нашлось что требующее поправленія; но только самое дѣло, то есть, чтобъ ничего закону, государству и благоправію противнаго... не входило въ наши сочиненія. Впрочемъ всякому сочинителю оставляется самому отвѣтствовать въ томъ, что иногда читателямъ сумнительно, или не довольно доказано показаться можетъ...

рить: «Она и безъ того часто на меня гнѣвается, и называетъ меня бусурманкою за то, что иногда читаю я ежемѣсячныя сочиненія, а иногда и Кисееланда.»

«Ежемесячные Сочинения», журналъ энциклопедическаго содержанія, при разнообразіи предметовъ, во все продолженіе своего десятилѣтняго существованія отличался преобладающимъ серьезнаго направленія надъ беллетрическимъ, и при всемъ томъ съ жадностью читался русскою публикой. Стоило бы дать подробную характеристику этому праотцу русскихъ журналовъ, — и въ послѣднее время онъ дѣйствительно нашелъ добросовѣстнаго цѣнителя, который подробно ознакомилъ съ нимъ русскую публику. Для краткости мы ограничиваемся указаніемъ на эту статью *). Изящная словесность занимаетъ въ «Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ» невидное мѣсто сравнительно съ другими родами литературы: тѣмъ виднѣе въ нихъ философія, медицина, исторія и этнографія Россіи, камеральныя, политическія и естественныя науки и т. д. Переводныя статьи идутъ попеременно съ оригинальными. Было поставлено за правило, чтобы академики, одинъ за другимъ, приготовляли оригинальныя статьи для журнала; но въ то время число членовъ иногда очень сокращалось, и правило оставалось безъ исполненія. Вслѣдствіе того наибольшая часть трудовъ по журналу падала на одного Миллера. Сотрудниками были, между прочимъ: Андрей Партговъ (младшій), Рычковъ, Поповскій, Соѣмоновъ, Сумароковъ (до 1758 г.), Тредьяковскій **), Елагинъ, Херасковъ и — до начатія семилѣтней войны — Суворовъ. Изъ академиковъ, кромѣ Миллера, встрѣчаются статьи Ломоносова — хотя весьма рѣдко —, Брауна, Цейгера, Эпинуса, Кельрейтера, Фишера и Шрейбера.

Въ послѣдніе два года журналъ выходилъ подъ заглавіемъ:

**Ежемесячныя Сочиненія
и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ.**

(Спб. 1763. 1764.)

*) См. *Современникъ* 1851, т. XXV, отд. II, стр. 1 — 52 и стр. 151 — 182, и т. XXVI, отд. II, стр. 1 — 48.

**) Кстати замѣтимъ, что Тредьяковскій никогда не былъ секретаремъ ученой конференціи. До опредѣленія его профессоромъ въ академическомъ университетѣ ему дозволено было пользоваться только званіемъ секретаря, какъ почетнымъ титуломъ, вмѣсто имени чиновника.

О прибавкѣ въ заглавіи Миллеръ говоритъ въ первой книжкѣ 1763 года слѣдующее:

«Хотя нѣтъ причины сомнѣваться, чтобъ Ежемѣсячныя Сочиненія по сіе время съ удовольствіемъ читателей и съ общенародною пользою продолжены не были: однако разсудилось, прежде положенной планъ еще нѣсколько распространить, и съ начала нынѣшняго года впредь на каждой мѣсяцъ присовокупить къ нимъ *Извѣстія о ученыхъ дѣлахъ*, то есть о томъ, что въ ученомъ свѣтѣ важнаго происходитъ; какія о распространеніи наукъ старанія прилагаются; и какія чинятся новыя изобрѣтенія до исправленія наукъ и художествъ, или до общаго человеческого житія касающіяся; а паче какія общепользныя книги у всѣхъ народовъ и на всѣхъ языкахъ на свѣтъ выходятъ.

Къ сему кромѣ собственной нашей корреспонденціи, довольно матеріи подадутъ намъ иностранныя ученые вѣдомости и журналы; въ разсужденіи чего читатели наши надежны быть могутъ, что все во оныхъ пространно описанное, здѣсь сокращенно находить будутъ, съ справедливыми о новыхъ книгахъ разсужденіями, любителямъ книгъ для предостереженія, дабы обманчивыми титулами иногда на покупку негодныхъ книгъ не прельщались. Сіе уповательно и къ тому служить можетъ, что вкусъ охотниковъ до книгъ со временемъ исправится, и въ Россію токмо дѣйствительно полезныя книги привозить будутъ.

Но присемъ не оставимъ упомянуть и о томъ, что въ Россіи въ ученыхъ дѣлахъ новаго происходитъ. Есть ли чинятся для наукъ и изрядныхъ художествъ какія новыя учрежденія, или въ старыхъ исправленія и новыя распоряженія; или ученые люди своими трудами, или любители наукъ поощреніемъ своимъ окажутъ дѣйствительныя услуги; или откроются въ обширной Россійской имперіи новыя натуры сокровища, или кто напишетъ о всякихъ обстоятельствахъ естественныхъ и гражданскихъ до Россіи касающихся примѣчанія свои, а особливо когда новыя книги, или другія полезныя сочиненія, въ печать издадутся; сіе все надлежитъ до нашего намѣренія. Того ради что къ намъ сюда приличное сообщено будетъ, о томъ по достоинству читателямъ нашимъ объявить не преминемъ.

Кажется, что на первой случай довольно будетъ, ежемѣсячно по листу или по два въ сихъ сочиненіяхъ извѣстіями о ученыхъ дѣлахъ наполнить. Кромѣ сего въ прежнемъ порядкѣ сихъ сочиненій ничего отмѣнено не будетъ.»

Ниже мы увидимъ, что Ломоносовъ уже раньше настаивалъ на изданіи ученаго журнала. Что касается Миллеровыхъ «извѣ-

стѣи», то они не были собственно критическаго направленія, а только знакомили читателей съ содержаніемъ и иногда направленіемъ новыхъ сочиненій, русскихъ и иностранныхъ.

Съ 1763 года Миллеръ печаталъ еще «задачи», которыхъ цѣль онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

«Есть еще польза, которую соединить можно съ изданіемъ Ежемѣсячныхъ нашихъ Сочиненій, а именно: намѣрены мы иногда предлагать любителямъ наукъ Вопросы, или Задачи, о дѣлахъ любознѣтства и разысканія достойныхъ, и особливо до Исторіи и Древностей Россійскихъ, до Исторіи Натуральной Россійской Имперіи, до домостроительства и земледѣлія, также и до Россійскаго языка касающихся. Тѣ, которые въ состояніи будутъ изяснить оныя, не за трудъ почтутъ сообщить намъ свои отвѣты, или рѣшенія, потому что для общей пользы въ сіи Сочиненія внесены быть имѣютъ.

Такой опытъ учинили мы уже въ Маѣ мѣсяцѣ 1755 году, предложеніемъ нѣкоторыхъ сумнительствъ, оказавшихся въ Исторіи святаго Великія Княгини *Ольги*. А хотя тогда ожиданіе наше и не исполнилось: однако нынѣшнему нашему намѣренію сіе препятствовать не имѣтъ. Можетъ быть были тогда причины, для которыхъ ни кто на рѣшеніе оныхъ сумнительствъ отважиться не хотѣлъ. Такихъ случаевъ, сколько предвидѣть можемъ, впредь избѣгать будемъ. Но притомъ мы просимъ, чтобъ ни кто напрасно не трудился рѣшить задачи наши, который въ тѣхъ матеріяхъ довольнаго не имѣтъ искусства; потому что пустые и всякой вѣроятности противные отвѣты объявлены не будутъ въ сихъ Сочиненіяхъ. Напротивъ того за прямыя и основательныя, хотя по состоянію матеріи иногда и не совершенныя рѣшенія, Авторамъ ихъ всегда благодарить будемъ.

...Кто пожелаетъ намъ сообщить рѣшеніе, или и нѣкоторыя изясненія на сію, и впредь на другія отъ насъ предлагаемыя задачи, тому на волю оставляется, имя свое подписать, или объ ономъ и умолчать.»

Задачи эти печатались въ продолженіе полутора года. Отвѣтовъ явилось мало и изъ всего этого видно только, что Миллеръ съ теченіемъ времени все исключительнѣе предавался своему стремленію сдѣлать журналъ общепользнымъ, и что *польза* была для него главною цѣлью, для достиженія которой онъ готовъ былъ иногда жертвовать строго-ученымъ достоинствомъ и интересомъ.

«Ежемѣсячныя Сочиненія» и «Сборникъ по Русской Исто-

рин» прекратились вмѣстѣ съ переселеніемъ Миллера въ Москву*), а оно было отчасти слѣдствіемъ несогласіи между Миллеромъ, Ломоносовымъ и Шлёцеромъ. О дѣятельности этихъ свѣтилъ Академіи много было писано и на русскомъ и на нѣмецкомъ; не смотря на то, въ той и другой литературѣ распространено больше одностороннихъ сужденій, чѣмъ правильныхъ понятій, какъ о нихъ самихъ въ качествѣ академиковъ, такъ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Отчасти это и не могло быть иначе, потому что развитіе Академіи отъ 1742 до 1765 года, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ, до сихъ поръ извѣстно весьма мало. Къ сожалѣнію, раскрыть эти отношенія въ короткихъ словахъ вовсе невозможно, потому что съ дѣятельностью этихъ трехъ ученыхъ связана вся исторія Академіи того времени и, сверхъ того, каждый изъ нихъ по своему понималъ главную мысль Петра и каждый хотѣлъ по своему исполнить ее въ Академіи. Впрочемъ Ломоносовъ и Шлёцеръ, при всей рѣшительности видимаго разногласія, въ основаніи своего взгляда на призваніе Академіи были очень близки другъ къ другу, хотя сами того не замѣчали. Обыкновенно думаютъ, что причиною противодѣйствія Ломоносова Миллеру и поздиѣ Шлёцеру было собственно оскорбленное національное чувство; но такъ думаютъ потому, что худо знаютъ обстоятельства того времени и не умѣютъ надлежащимъ образомъ оцѣнить ученаго характера Ломоносова. Можно пожалѣть, что ни Ломоносовъ, ни тѣ, на кого онъ при разныхъ случаяхъ и по разнымъ причинамъ вооружался, не имѣли столько *esprit de corps*, чтобы могли примириться между собою ради общаго блага. Но кто бы ни былъ изъ нихъ больше всѣхъ виноватъ въ томъ, что они не могли соединить своихъ силъ для преобразованія Академіи въ духѣ ея основателя, имена ихъ всегда будутъ занимать видное мѣсто, одно возлѣ другаго, въ исторіи Академіи, и, сверхъ того, ихъ дѣятельность составитъ прекрасную главу въ исторіи русскаго об-

*) Въ 1766 году академикъ Шлёцеръ вызывался продолжать изданіе историческаго сборника и писалъ объ этомъ Миллеру, но не удостоился получить его согласія.

разованія, именно тамъ, гдѣ она должна будетъ раскрыть, какъ были поняты, оцѣнены и исполнены идеи великаго преобразователя въ первыя десятилѣтія по его смерти? Касательно самой Академіи Наукъ надобно замѣтить, что въ ней послѣ смерти Ломоносова въ 1765 году и по отъѣздѣ Шлёцера изъ Россіи въ 1767, не явилось ни одного члена, который бы такъ живо помыслилъ первоначальное назначеніе Академіи и такъ энергически старался осуществить оное на дѣлѣ. Съ уничтоженіемъ университета въ 1766 году и постепеннымъ уничтоженіемъ историко-филологическаго класса, Академія вообще получила другое назначеніе, хотя и въ этотъ періодъ она, подъ покровительствомъ Екатерины II, не мало увеличила своими трудами славу Россіи и свое достоинство въ ученomъ мѣрѣ.

О дѣятельности Ломоносова посредствомъ періодическихъ изданій мы также можемъ сказать только въ короткихъ словахъ: причину мы объяснили выше. Въ 1742 году Ломоносовъ вступилъ въ Академію адъюнктомъ, и въ этомъ званіи, а потомъ въ званіи академика, печаталъ въ мемуарахъ разныя статьи по естественнымъ наукамъ. Предположеніями объ основаніи періодическихъ изданій онъ былъ не бѣденъ, но ни одно изъ нихъ не осуществилось. Каковы бы ни были причины неисполненія ихъ, вѣрно то, что оно вовсе не зависѣло отъ недостатка матеріальныхъ средствъ: съ 1754 года Ломоносовъ былъ членомъ канцеляріи, въ которую онъ вступилъ, чтобы нѣкоторымъ образомъ ей противодѣйствовать. О его предположеніяхъ и проектахъ касательно періодическихъ изданій сообщаемъ четыре слѣдующіе документа.

Въ письмѣ Ломоносова, отъ 3 января 1754 года, къ И. И. Шувалову *) мы читаемъ слѣдующее:

«По приказу Вашего Превосходительства старался я достать прирѣчанія на вѣдомости, но получить ихъ не могъ. Уже многіе и за нѣсколько лѣтъ ихъ спрашиваютъ; однако сыскать не могли, за тѣмъ, что

*) Припомнимъ, что этотъ знаменитый меценатъ имѣлъ въ то же время постоянныя сношенія съ Миллеромъ, редакторомъ «Ежемесячныхъ Сочиненій». Мы не безъ причины указываемъ на это. См. еще выше, стр. LVII.

ихъ по малу было печатано и не по мѣрѣ Россійскаго государства; а особливо нынѣ, узнавъ нашъ народъ пользу наукъ, больше такія книги хранить для ихъ рѣдкости.... Я уповаю не дутче ли поискать у частныхъ охотниковъ въ Москвѣ на время, пока для Вашего Превосходительства собственно здѣсь приищутся. Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы въ Академіи начались подобныя симъ періодическія сочиненія: только не на такихъ бумажкахъ по одному листу; но повсямѣсячно, или по всякую четверть или треть года, дабы одна или двѣ три матеріи содержались въ книжкѣ, и въ меньшемъ форматѣ, чему много имѣемъ примѣровъ въ Европѣ, а изъ которыхъ лутчимъ послѣдовать, или бы свой примѣнясь выбрать можно. Исполни Господь Богъ намѣренія и желанія любителей наукъ, чего я всегда, а особливо въ началіи новаго года, прошу...»

Выше (на стр. LIV) мы упомянули, что въ «Регламентъ» 1747 года былъ внесенъ одинъ § изъ петровскаго проекта, и что въ 1748 году изданіе «экстрактовъ» изъ Комментаріи (см. стр. LV), хотя на короткое время, возобновилось. Въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» Ломоносовъ весьма мало принималъ участія; но въ 1758 г., на основаніи вышеупомянутаго §, сдѣлалъ канцеляріи предложеніе, которое мы передаемъ здѣсь вполнѣ, тѣмъ болѣе, что оно до сихъ поръ еще не было напечатано.

«Въ Канцелярію Академіи наукъ Представленіе.

По силѣ апробованнаго отъ Ея Императорскаго Величества академическаго Регламента по 24. пункту повелѣно: всякъ изъ академиковъ читать долженъ новыхъ Авторовъ въ своей наукѣ, и какъ скоро о книгѣ какой увѣдаеть, то оныя требовать долженъ изъ библіотеки, а потомъ сдѣлавъ на оную свои примѣчанія объявить въ собраніи; и буде что достопамятно, то президентъ прикажетъ перевести на Россійскій языкъ и напечатать. Сіе ни что иное есть, какъ чтобы выдавать отъ академіи вѣдомости о дѣлахъ учоныхъ людей, какъ иностранныхъ такъ и здѣшнихъ. Но понеже сіе полезное дѣло по нынѣ было упущено и въ недѣйствіи оставлено; а его высокографское сіятельство Академіи наукъ господинъ президентъ опредѣленіемъ поручилъ мнѣ особенное смотреніе надъ науками для того Канцеляріи Академіи наукъ о томъ слѣдующее представляю:

1-е дабы опредѣлить и указать чтобы господа профессоры и адъюнкты книгамъ и диссертациямъ которые при академіи не давно отпечатаны и впредь печатаны быть имѣють, сочиняли сокращенія и при

3-е) вмѣсто того припечатывать къ политическимъ вѣдомостямъ, о ученыхъ дѣлахъ сокращеніе новыхъ книгъ и протчаго;

4-е) начало положить съ новаго 1760 года.

5-е) представить доношеніемъ Правительствующему Сенату о присылкѣ изъ губерній и городовъ потребныхъ къ тому извѣстій, которыми здѣлать въ Академіи проектъ для подаванія Правительствующему Сенату.

Юля 15 дня
1759-го года.

Михайло Ломоносовъ.»

Въ томъ же засѣданіи канцеляріи Ломоносовъ объявлялъ словесно, что «его предложеніе и отъ его высокографскаго сіятельства») апробовано и приказать изволилъ, чтобы-де въ сочиненіи тѣхъ вѣдомостей приложить канцеляріи всевозможное «стараніе», вслѣдствіе чего положено было представить проектъ Сенату. И между тѣмъ предпріятіе, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, не состоялось. Вскорѣ потомъ приказано было учредить при Академіи особенный «классъ агрокультуры»; но это не имѣло никакого вліянія на періодическія изданія Академіи. Предположенія касательно улучшенія академическихъ вѣдомостей въ теченіе XVIII вѣка, кажется, замирали въ самомъ зародышѣ**).

Послѣдній планъ Ломоносова относится къ 1761 году. (Въ разсужденіи правописанія послѣднихъ трехъ документовъ замѣтимъ, что они напечатаны съ официальныхъ бумагъ, переписанныхъ канцеляристами.)

«Въ Канцелярію Академіи Наукъ Представленіе.

Извѣстно Канцеляріи Академической коль коснительно комментаріи здѣшніе въ свѣтъ издаются, отъ чего слѣдующей вредъ происходитъ.

*) Графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго.

**) Замѣтимъ только, что во время семилѣтней войны при «Вѣдомостяхъ» печатались, въ видѣ прибавлений, официальные реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ, и послѣ изданы были и въ особомъ сборникѣ (Журналъ о военныхъ дѣйствіяхъ Россійской Императорской Арміи, собранъ изъ Спб. Вѣдомостей. Часть I — III. Въ Спб. при Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ. 1761—63. Въ 4^о). Въ то же время Академіи поручено было издавать французскую газету, и въ основанной по этому поводу Gazette de St. Pétersbourg печатались тѣ же реляціи во французскомъ переводѣ. Редакція реляцій вообще и редакція французской газеты были возложены на нѣкоторыхъ членовъ конференціи.

1.) Ученой свѣтъ неможетъ пользоваться тѣмъ, что новое наша Академія найдетъ.

2.) Новыя изобрѣтенія остаются безъ объявленія въ свѣтъ и нерѣдко въ другихъ академіяхъ тѣже выходятъ прежде здѣшняго.

3.) Академики ради коснѣнія теряютъ охоту, чтобы въ чемъ трудиться, ненадѣясь себя скоро показать свѣту.

4.) Академія носить на себѣ нареканіе здѣсь, за тѣмъ что здѣшніе охотники невидятъ прямыхъ трудовъ академическихъ.

Для отвращенія и избѣжанія помянутыхъ непристойностей къ вреду Канцеляріи симъ представляю, чтобы

1) Диссертациі академическія издавать на всякую треть по частямъ, а по прошествіи года сочинивъ общее предисловіе и титулъ собирать въ одинъ томъ.

2) Сокращенія диссертациі долженъ сочинить самъ авторъ, ибо онъ свое сочиненіе лутче нежели другой разумѣетъ, и нездѣлаетъ основки печатанью, неимѣя нужды требовать отъ другихъ помощи.

3) Всѣ диссертациі переводить на російской языкъ и на ономъ печатать. Чрезъ сіе избѣжимъ роптанія и общество Россійское не останется безъ пользы. И сверхъ того студенты, коихъ я на то назначу, будутъ привыкать къ переводамъ и сочиненіямъ диссертациі съ профессорскихъ примѣровъ.

Февраля 3 дня
1761 года.

Михайло Ломоносовъ.

Намъ предстоитъ еще коснуться академической дѣятельности Шлѣцера, сколько требуетъ того собственный предметъ нашего очерка. Давно уже Миллеръ искалъ между Нѣмцами молодого ученаго, который бы съ хорошимъ ученымъ образованіемъ соединялъ въ себѣ желаніе изучить русскій языкъ: трудолюбивому академику нуженъ былъ помощникъ для скорѣйшаго приготовленія собраннаго имъ матеріала къ изданію въ «Историческомъ Сборникѣ». Послѣ многихъ бесполезныхъ поисковъ, ему былъ наконецъ откомендованъ 26-лѣтній оріенталистъ и историкъ Шлѣцеръ, который принялъ приглашеніе Миллера въ надеждѣ совершить отсюда путешествіе въ переднюю Азію. По прибытіи въ С. Петербургъ въ ноябрѣ 1761 года, Шлѣцеръ тотчасъ принялся за русскій и потомъ за церковно-славянскій языкъ, и вскорѣ перешелъ къ строгому критическому изученію русской исторіи. Причины, почему Шлѣцеръ, при всей своей

предпринимчивости, не могъ упрочить историко-политическихъ занятій въ Академіи и дать лучшаго направленія ея литературно-педагогической дѣятельности, объяснены еще недостаточно; но мы, съ своей стороны, позволяемъ себѣ только замѣтить, что полученный начальникъ канцеляріи Иванъ Таубертъ *) лучше, чѣмъ Миллеръ и Ломоносовъ, умѣлъ оцѣнить молодого ученаго, который во многомъ опередилъ своихъ академическихъ товарищей.

Въ то время Таубертъ былъ занятъ выполніемъ одного значительнаго предпріятія. Еще въ 1734 году, вслѣдъ за появленіемъ «Историческаго Сборника», Академія готова была принять изданіе русскихъ лѣтописей, но предпріятіе не состоялось будто бы потому, что не было разрѣшено Сенатомъ (?). Позднѣе, именно въ 1755 году, Миллеръ возобновилъ этотъ вопросъ въ «Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ» и рѣшительно настаивалъ на необходимости издать Нестора и его продолжателей. Во время семилѣтней войны, именно въ 1758 году, президентъ Академіи вытребовалъ радзивиловскій списокъ изъ Кёнигсберга, вѣроятно по внушенію Тауберта, который имѣлъ серьезное намѣреніе издать собраніе источниковъ русской исторіи при Академіи. Но при исполненіи этого предпріятія Таубертъ, не имѣя понятія объ ученой критикѣ, велѣлъ канцеляристу Баркову поновлять текстъ Несторовой лѣтописи, вслѣдствіе чего Миллеръ вовсе отказался отъ участія въ изданіи. Однакожь критическій отзывъ Шлёцера въ 1762 году до того поколебалъ Тауберта, что онъ готовъ былъ остановить свое предпріятіе; но было уже поздно, и въ 1767 году явилась

Библиотека Россійская Историческая,

содержащая древнія лѣтописи, и всякія записки, способствующія къ объясненію исторіи и географіи Россійской древнихъ и среднихъ временъ. Часть I. Въ Спб. при Имп. Акад. Наукъ 1767 года. 33, XII, 301 и 50 стр. в-4°.

*) Обучался, съ 1726 года, въ академической гимназійи и переведенъ былъ въ академическій университетъ. Нѣкоторое время онъ исправлялъ должность адъюнкта въ Академіи.

Предисловіе этого перваго изданія Несторовой лѣтописи и его продолжателей занимаетъ 33 страницы и написано не Шлѣцеромъ, какъ полагаютъ, а Таубертомъ, только на основаніи записокъ Шлѣцера. Такъ какъ изданіе не имѣло продолженія, то мы не находимъ особенной надобности подробно знакомить читателя съ его предисловіемъ. Выставимъ только мѣста, гдѣ говорится о новомъ предметѣ изученія для русскаго юношества: недостатокъ этого предмета въ русскомъ воспитаніи далъ почувствовать Тауберту Шлѣцеръ, котораго Таубертъ, въ свою очередь, поощрилъ при этомъ случаѣ въ намѣреніи составить нужныя учебныя руководства (къ изученію прошедшаго и настоящаго быта Россіи, или исторіи и «статистики Россіи» въ обширномъ и живомъ смыслѣ слова). Вотъ что пишетъ объ этомъ Таубертъ:

«Исполняя волю Монархини, ожиданіе Отечества и напоминаніе чужестранцовъ, приступаемъ мы, *Благосклонный Читатель*, къ изданію въ свѣтъ древнихъ лѣтописателей Россійскихъ, дабы со временемъ сочинить изъ оныхъ порядочную Исторію. Всѣ просвѣщенные науки Европейскіе народы, съ двѣсти ужѣ лѣтъ и болѣе, неуспѣшно въ томъ трудятся, чтобъ представить свѣту вѣрное, обстоятельное и, сколько можно, подлинныя причины бывшихъ случаевъ объясняющее описаніе ихъ состоянія чрезъ всѣ прошедшіе вѣки. Одни мы, при всемъ нашемъ изобиліи въ хорошихъ лѣтописцахъ, почти ничего на свѣтъ еще не произвели. Древняя наша Исторія, ... отъ начала Монархін до новѣйшихъ временъ должнаствовала бы всемѣрно возбудить любопытство охотниковъ, и поощрить трудолюбіе просвѣщенныхъ сыновъ Отечества; но до нынѣ она сокрыта была въ рукописныхъ лѣтописцахъ.... Между тѣмъ мы съ услажденіемъ читаемъ дѣянія другихъ народовъ; а о собственныхъ своихъ остаемся въ невѣденіи. Юношество наше доселѣ въ училищахъ и при домашнемъ наставленіи потѣло надъ именами владѣтелей Ассирійской, Персидской и Римской Монархій: а о Основателѣ, Просвѣтителѣ и Избавителѣ его Отечества едва ли слышать ему случалось. Главнѣйшая наука для *человѣка* состоитъ въ знаніи себя; а для *гражданина*, въ познаніи его Отечества. Не можемъ мы дѣтямъ своимъ дать лучшаго воспитанія, какъ вперя въ нихъ съ самыхъ младенческихъ лѣтъ, при подобострастномъ почитаніи Всевышняго Существа, пламенную любовь къ Отечеству. Но чтобъ оное любить, надлежитъ прежде знать его...

Представилъ я здѣсь важность и необходимость знанія Россійской

Исторіи съ такой стороны, которая непременно должна воздвигнуть чувствованіе моихъ читателей, усердствующихъ благополучію своихъ согражданъ. Но сколь бы пространну надлежало быть повѣствованію моему, если бы я хотѣлъ здѣсь описать, или хотя вкратцѣ изчислить, всѣ прочія выгоды и пользы отъ того произтекающія. Есть многія такія науки, которыя нужны только нѣкоторымъ членамъ общества при поручаемыхъ имъ должностяхъ; но знаніе Отечества *) важно для всякаго чина. Начальникъ и подчиненный, штатской и военной челоуѣкъ, ученый, купецъ и домостроитель, всѣ безъ изъятія, а каждый отъинымъ образомъ, обращать могутъ оное въ свою пользу. Сія есть та самая причина, для которой по нынѣ въ другихъ государствахъ не только партикулярные люди къ знанію Исторіи своего Отечества прилѣжались, но и отъ правительствъ почти вездѣ о сочиненіи оныхъ, такъ какъ о *государственнои дѣль*, прилагаемо было стараніе...

Изданіе «Россійской Библіотеки Исторической» прекратилось собственно вслѣдствіе отзыва Шлѣцера, который въ 1762 году вступилъ, въ званіи адъюнкта, въ Академію. Въ 1765 г. онъ произведенъ въ профессора русской исторіи, а въ 1769 оставилъ Академію вслѣдствіе обстоятельствъ, которыя еще не довольно разъяснены. При Шлѣцерѣ и послѣ него до 1795 г. не мало сдѣлано въ Академіи по части изданія русскихъ лѣтописей, но мы не можемъ остановиться на этихъ розничныхъ явленіяхъ. Изъ прекрасныхъ предложеній Шлѣцера, сдѣланныхъ имъ Академіи въ петровскомъ духѣ, мы можемъ также указать здѣсь только одно: онъ предполагалъ печатать издвѣніемъ Академіи на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, безсрочными выпусками, изданіе подъ заглавіемъ:

Русскій Патріотъ.

Первую книжку этого изданія Шлѣцеръ составилъ по вызову Тауберта въ 1764 году, когда они разсуждали о средствахъ основать особое учрежденіе для собиранія статистическихъ свѣдѣній. Бывъ сочинена на нѣмецкомъ, она была уже переведена и на русскій языкъ, но въ печати не явилась вслѣдствіе разныхъ

*) Припомнимъ, что Шлѣцеръ, обращая вниманіе Тауберта на «*Kenntniss des Vaterlandes*», какъ на предметъ изученія для русскаго юношества, не смѣлъ еще произнести имени «*Statistik (StatsKunde)*», и что онъ составилъ рукописныя руководства «*Sur le Militaire, Sur la Marine, Sur le Commerce*» и проч.

обстоятельствъ. Кажется, что Тауберту не удалось, какъ желалъ онъ, представить ее взору Императрицы. Впрочемъ извлечение изъ этого сочиненія Шлёцеръ издалъ впоследствии въ своей книжкѣ о пародопаселеніи Россіи (*Von der Unschädlichkeit der Pocken in Russland und Russlands Bevölkerung überhaupt. Göttingen 1768*).

Когда Шлёцеръ состоялъ еще въ русской службѣ и жилъ въ Германіи по отпуску, онъ издалъ, подъ именемъ своего дѣда по матери *), сборникъ подъ заглавіемъ:

Neuverändertes Russland

ODER

Leben Catharinae der Zweyten Kayserinn von Russland

AUS AUTHENTISCHEN NACHRICHTEN BESCHRIEBEN. ERSTER THEIL.... RIGA UND MITAU 1767. (Zweite verbesserte und vermehrte Auflage. 1769. Dritte Auflage. 1771.) ZWEITER THEIL. RIGA UND LEIPZIG. 1772.

M. Johann Joseph Haigold's

Beylagen zum Neuveränderten Russland.

ERSTER THEIL. RIGA U. MIETAU 1769. ZWEITER THEIL. RIGA U. LEIZIG. 1770 (1772).

Мысль о составленіи этого сборника Шлёцеръ возымѣлъ еще въ 1762 году, и съ тѣхъ поръ собиралъ для него матеріалы. Изданіе снабжено многими официальными документами и приобрѣло обширную извѣстность: оно распространило въ Европѣ убѣжденіе, что съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II твореніе Петра получило новый полетъ къ дальнѣйшему развитію. Въ такомъ духѣ написано Шлёцеромъ длинное предисловіе къ сборнику; но вполне оцѣнить важность и значеніе предисловія можно только въ связи съ исторіею царствованія Екатерины II и съ академическою дѣятельностью Шлёцера. Прило-

*) Его имя подписано не на заглавномъ листѣ, а подъ предисловіемъ, и именно такъ: Moscau den 4/15 Jan. 1767. M. Joh. Joseph Haigold. Шлёцеръ былъ воспитанъ имъ.

женія сборника содержать въ себѣ, между прочимъ, оригинальныя и переводныя статьи академиковъ: Миллера, Штелина, Струбе и др. По мнѣнію Шлѣцера, сборникъ, при разнообразіи своего содержанія, справедливо могъ бы также называться «Русскою Библіотекой» или «Русскимъ Магазиномъ».

Кажется, не неумѣстно будетъ здѣсь упомянуть объ одномъ сборникѣ, которымъ ученый свѣтъ обязанъ Академіи. По рекомендаціи Шлѣцера, въ академическую гимназію опредѣленъ былъ копректоромъ Штриттеръ, но уже въ 1767 лишился своего мѣста. Вслѣдствіе того, Шлѣцеръ снова возвратился къ своему прежнему предположенію издавать на счетъ Академіи извлеченіе изъ византійскихъ писателей, сколько они непосредственно пужны для исторіи Россіи и другихъ славянскихъ народовъ. вмѣстѣ съ Финперомъ онъ сдѣлалъ объ этомъ предложеніе конференціи, которая тогда была нѣсколько времени менѣе подвластна канцеляріи. Четыре года работалъ Штриттеръ, получая отъ Академіи содержаніе, и прочелъ около 40 фолиантовъ, дѣлая выписки. Онъ продолжалъ свои занятія и впослѣдствіи, когда опять получилъ свое мѣсто при гимназіи, трудился надъ изданіемъ латинскаго перевода выписокъ, и составилъ изъ нихъ извлеченіе, которое было потомъ переведено на русскіи:

Memoriae populorum,

OLIM AD DANUBIUM, PONTUM EUXINUM, PALUDEM MAEOTIDEM, CAUCASUM, MARE CASPIUM, ET INDE MAGIS AD SEPTEMTRIONES INCOLENTIUM, E SCRIPTORIBUS HISTORIAE BYZANTINAE ERUTAE ET DIGESTAE A J. G. STRITTERO. TOMUS I... PETROP. 1771 (760 стр. in-4°). Том. II... PETROP. 1774 (1070 стр.). Том. III... PETROP. 1778 (1197 стр.). Том. IV. PETROP. 1779 (566 стр.). INDEX HISTORICUS (311 стр.).

Извѣстія Византійскихъ Историковъ

объясняющія Россійскую Исторію древнихъ временъ и переселеніе народовъ; собраны и хронологическимъ порядкомъ расположены Иваномъ Штриттеромъ... Въ Спб. 1770 — 1775. (4 части in-8°).

Нѣтъ нужды объяснять, какое драгоценное пособіе приобрѣли въ этомъ колоссальномъ сборникѣ изыскатели русской, славянской и другихъ частей исторіи: довольно привести слова Шлёцера, сказанныя имъ около 1800 года. «Мнѣ, конечно, позволять», говоритъ онъ, «нѣсколько гордиться мыслью этого предпріятія, потому что если я оказалъ какую нибудь услугу расширенію историческихъ изысканій, то изданіе этого сборника составляетъ, можетъ быть, наибольшую изъ моихъ заслугъ.» Мы, съ своей стороны, признавая всю важность этого пособія для историковъ, замѣтимъ только, что русскимъ переводомъ византийскаго текста надобно пользоваться еще съ большею осторожностью, чѣмъ латинскимъ.

Прежде нежели разстанемся съ Шлёцеромъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о Людв. Бакмейстерѣ*), который, по рекомендаціи Шлёцера въ 1762 г., былъ принятъ Миллеромъ и работалъ для его историческаго сборника. Въ 1766 г. онъ опредѣленъ инспекторомъ академической гимназіи. Изучивъ русскій языкъ и ознакомившись съ русскою литературою и исторіей, Бакмейстеръ рѣшился взять на себя исполненіе предпріятія, сходнаго отчасти съ предположеніемъ Ломоносова (см. выше, стр. LXVI). Цѣль этого предпріятія довольно ясно высказывается самымъ заглавіемъ изданія:

Russische Bibliothek

ZUR KENNTNISS DES GEGENWÄRTIGEN ZUSTANDES DER LITERATUR IN RUSSLAND. HERAUSGEGEBEN VON HARTW. LUDW. CHRISTI. VASCMEISTER. (MIT ANHÄNGEN). ST. PETERSBURG, RIGA UND LEIPZIG. 1772 — 1789. (11 томовъ in-8°, каждый состоитъ изъ 6 книжекъ.)

Въ Предисловіи издатель говоритъ:

«Я начинаю рядъ рецензій (Anzeigen) книгами 1770 года, въ который изданъ на четырехъ языкахъ Высочайшій Наказъ (коммисіи о составленіи проекта новаго Уложенія)... Каждая книга, изданная въ

*) Его смѣшиваютъ иногда съ Иоганномъ Бакмейстеромъ, бібліотекаремъ при Академіи.

Россіи, или по крайней мѣрѣ здѣсь сочиненная, оригинальная и переводная, на русскомъ и на другихъ языкахъ, равно и ландкарты, медали и т. п., имѣютъ право занять мѣсто въ «Библиотекѣ».... Рецензій, по самому ихъ назначенію, будутъ составляться такъ, чтобы каждый читатель могъ изъ нихъ получить понятіе о содержаніи разбираемой книги, и каждый знатокъ — судить объ немъ.... Приговоры разбираемымъ сочиненіямъ, похвалы или хулы сочинителямъ, въ нашей Библиотекѣ не будетъ.... Къ каждой книжкѣ будутъ присовокуплены извѣстія о новыхъ явленіяхъ и предпріятіяхъ въ пользу наукъ, а отчасти и искусствъ....»

Изданіе, какъ видно уже изъ его заглавія, поддерживалось иждивеніемъ не Академіи, но, безъ сомнѣнія, не обходилось безъ ея содѣйствія. Не говоря уже о томъ, что издатель, состоя въ службѣ при Академіи, имѣлъ легкій доступъ къ ея библиотекѣ, Академія доставляла ему всѣ книги, изданныя ею съ 1770 по крайней мѣрѣ до 1783 года, а число ихъ было тогда довольно значительно. Въ числѣ 16-ти сотрудниковъ своего изданія, которые впрочемъ всѣ вмѣстѣ наполнили только седьмую часть общаго числа рецензій, Бакмейстеръ считаетъ академиковъ: Георга, Гильденштедта, Крафта, Лаксмана, Лексея, Палласа, Плагмана, Штелина, Вольфа, также Миллера, Штриттера и I. Бакмейстера. Исполняя обязанность редактора съ знаніемъ дѣла и съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, Бакмейстеръ имѣлъ полное право сказать въ заключеніи своего изданія, что въ немъ онъ «воздвигнулъ памятникъ царствованію Екатерины II», потому что его «Русская Библиотека» на всѣ времена останется вѣрнымъ источникомъ свѣдѣній объ ученой и литературной дѣятельности въ Россіи съ 1770 по 1787 годъ, — источникомъ тѣмъ болѣе цѣннымъ, что на русскомъ языкѣ не было тогда ничего подобнаго. Да и позднѣе, изъ всѣхъ періодическихъ изданій, предпринятыхъ здѣсь, въ Дерптѣ и въ чужихъ краяхъ для систематическаго собранія точныхъ свѣдѣній о постепенномъ ходѣ успѣховъ русской литературы, не вышло ни одного журнала, который бы могъ равняться съ Бакмейстеровою «Библиотекою». Объ этомъ можно сожалѣть тѣмъ болѣе, что нынѣ ощутительнѣе, чѣмъ когда-либо, недостатокъ хорошо устроеннаго органа

для распространенія въ Европѣ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній объ успѣхахъ русской государственной и литературной жизни.

Выше (стр. XLVI) мы упомянули, что Академія вскорѣ послѣ своего открытія начала издавать календари. Она продолжала издавать ихъ, какъ и газеты, непрерывно, что отчасти необходимо было для нея потому, что доходами отъ ихъ изданія покрывались многія издержки, на которыя въ штатѣ Академіи не было положено казенныхъ суммъ, какъ напр. на ремонтъ домовъ, на изданіе ученыхъ сочиненій академиковъ и т. д. Чрезъ нѣсколько лѣтъ по восшествіи на престолъ Екатерины II возродилась мысль употребить календари средствомъ для народнаго просвѣщенія. За выполнение этой мысли взялись ревностно, и съ того времени до конца XVIII вѣка мы находимъ разные роды календарей. Отказываясь отъ ближайшей ихъ характеристики, ограничимся ихъ именами. Въ разные годы были изданы:

Мѣсяцословъ историческій и географическій. Мѣсяцословъ историческій. Мѣсяцословъ географическій. Мѣсяцословъ съ наставленіями. Дорожной календарь. Мѣсяцословъ въ пользу домостроительства. Экономическій календарь и проч.

Естественно, что календари, какъ періодическія изданія, расходились быстро; вслѣдствіе того Академія нашла нужнымъ соединить лучшія изъ разсѣянныхъ въ нихъ статей въ одинъ сборникъ. Редакціею этого сборника занимался академикъ Озерцовскій, и издалъ

Собраніе Сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ на разные годы.

Въ Спб. 1785—1793 *). Въ 10 томахъ in-8°.

Выпишемъ нѣсколько мѣстъ изъ предисловія:

*) Въ составъ этого Сборника вошли, между прочимъ, статьи, помѣщенные въ календарь 1733 и 1736 годовъ.

«Съ самаго того времени, съ котораго Императорская Академія Наукъ бытіе свое получила, главнѣйшій предметъ ея былъ разпространять полезныя знанія въ Россійской Имперіи. Она всегда избирала къ тому наилучшіе способы; чему яснымъ служатъ доказательствомъ повсегодныя мѣсяцословы, которые Академія начала издавать съ 1726 *) года, и слѣдовательно почти съ самаго времени ея основанія. Въ сѣхъ мѣсяцословы порядочно вносились были разныя сочиненія, которые всегда содержали въ себѣ что нибудь полезное, приятное или для знанія нужное. Кто имѣетъ полное собраніе сихъ книжекъ, тотъ вѣдаетъ, колы драгоценныя содержатся въ нихъ разсужденія, и не отрѣчется сказать, что они гораздо большаго стоятъ уваженія, нежели сколько обыкновенно почитаются... Академія сама не больше ихъ [календарей] у себя сохранила, какъ только по одному мѣсяцослову на каждой годъ; но и изъ сихъ нѣкоторыя имѣютъ уже въ себѣ недостатки, долгою времени произведенныя. По тому, чтобы сохранить остальное отъ ѣдкости ачнаго времени, и доставить, въ дальнѣйшіе годы, труды Академіи Наукъ, въ прежнія лѣта ею содѣянное, за благо разсуждено, выбравъ сочиненія изъ мѣсяцослововъ, издать ихъ всѣ вмѣстѣ особливими книгами... Собраніе сихъ сочиненій, въ облегченіе читателей, раздѣлено будетъ на части, изъ которыхъ первая теперь выдается.

Въ нее не внесъ я только тѣхъ сочиненій, которые или нашлись неполны; или собственно относятся къ тѣмъ годамъ, на которые мѣсяцословы были издаваны. Сюда принадлежатъ предвѣщанія солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и толкованія о выгодныхъ дняхъ для кровопусканія. Первые давно уже прошли; а послѣднимъ въ нынѣшнее время никто разумной больше не вѣритъ (см. выше, на стр. XLVI)... Но при всемъ томъ предупреждаю я читателя, что онъ не найдетъ въ старинныхъ сихъ сочиненіяхъ желаемой чистоты слога, которой хотя я выправлять и старался, но совершенно очистить его не могъ... Однакожь неровности сѣхъ не убавятъ цѣны такихъ сочиненій, коимъ подобныхъ на Россійскомъ языкѣ не имѣется, и никто написать не въ состояніи, кромѣ такого общества, какова есть Императорская Академія Наукъ.

Сочиненія въ новѣйшихъ мѣсяцословахъ изданія великое превозходство имѣютъ передъ старинными; такъ что когда они равнымъ образомъ и состарѣются, однако всегда будутъ дѣлать честь сочинителямъ. Шѣтъ нужды упоминать, что творцы ихъ суть нынѣшніе господа Академики, кои въ долговременныхъ и многотрудныхъ своихъ путешествіяхъ приобрѣтенныя свѣденія сообщали публикѣ посредствомъ

*) Годъ не вѣренъ. См. выше, стр. XLVI.

мѣсяцеслововъ. Всѣхъ ихъ имена поставлены будутъ при самыхъ сочиненіяхъ *).

II. Озерецковскій.»

Мы уже вступили въ вѣкъ Екатерины II, когда Россія, подъ кровомъ могущественной и мудрой государыни, необыкновенно возвысилась и во внутреннемъ благосостояніи и въ своей славѣ у другихъ народовъ. Какъ ни разнообразны были стороны, на которыя одинаково плодотворно и зиждительно обращались заботы государыни, ея горячее участіе къ наукѣ и искусству, и особенно къ русской словесности, всегда будутъ составлять одну изъ самыхъ блистательныхъ страницъ ея царствованія. И лѣтопись Академіи, не смотря на оставшіяся отъ прежнихъ временъ неудобства и недостатки, прославитъ ея высокое покровительство въ разныхъ отношеніяхъ. Хотя теперь въ Академіи уже не такъ часто произносилось имя Петра, какъ прежде, но Императрица Екатерина, своимъ умомъ, своимъ правительственнымъ талантомъ и дарованіями своихъ сподвижниковъ, умѣла внушить современникамъ твердую увѣренность въ великомъ всемірно-историческомъ назначеніи Россіи. Съ сихъ поръ государственное правленіе становится болѣе и болѣе органическимъ, такъ что теперь намъ нѣтъ уже нужды подробно входить въ исторію Академіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ удержаться въ надлежащихъ предѣлахъ настоящаго очерка, мы должны положить себѣ еще другое ограниченіе: отнынѣ мы будемъ очень скупы въ исчисленіи сборниковъ и станемъ приводить изъ нихъ только тѣ, которые могутъ быть причислены къ періодическимъ изданіямъ по преимуществу. По этому мы не будемъ здѣсь говорить ни о комиссіи, состоявшей при Академіи для перевода книгъ на русскій языкъ и дѣйствовавшей съ большимъ успѣхомъ, ни объ ученыхъ путешествіяхъ, совершенныхъ академиками для изслѣдованія разныхъ краевъ Россіи и описанныхъ въ сборникахъ или въ особыхъ сочиненіяхъ.

*) Въ XIX столѣтіи статьи академиковъ, напр. замѣчательныя статьи Шуберта, помѣщались нѣкоторое время въ «Карманномъ Мѣсяцесловѣ»; но по краткости нашего очерка мы ихъ пропускаемъ.

Отпраздновавъ, въ 1776 году, свой пятидесятилѣтній юбилей, Академія сочла приличнымъ начать новую серію своихъ мемуаровъ подъ заглавіемъ:

**Acta Academiae Scientiarum Imperialis
Petropolitanae.**

РЕТРОР. 1778 — 1786 (6 томовъ въ 12 частяхъ in-4°).

Это новое собраніе, содержащее въ себѣ разсужденія 1777 — 1782 г., нѣсколько отлично отъ предыдущихъ: въ него положено допускать мемуары и на французскомъ языкѣ. Сверхъ того, впереди разсужденій стали помѣщать современную исторію Академіи на французскомъ языкѣ. Въ этой исторической части (*Histoire de l'Académie*) описывались ученая дѣятельность Академіи, публичныя ея собранія съ присовокупленіемъ говоренныхъ рѣчей, очерки ученыхъ путешествій академиковъ, объявлялись задачи на соисканіе премій, и сообщались извѣстія о новыхъ сочиненіяхъ, машинахъ и изобрѣтеніяхъ, представленныхъ Академіи, и за тѣмъ еще печатались извлечения, на французскомъ языкѣ, изъ тѣхъ академическихъ сочиненій, которыя могли быть особенно любопытны или полезны для публики.

Эти «Акты» назначались собственно для изданія сочиненій по математическимъ и естественнымъ наукамъ; но вскорѣ увидѣли необходимость дать въ нихъ право гражданства хотя одной вспомогательно-исторической наукѣ. Академикъ Крафтъ, петербургскій уроженецъ, кромѣ своего главнаго предмета — физики, удѣлялъ часть занятій политической арифметикѣ и, стало быть, статистикѣ. Мы не можемъ здѣсь изложить внутренней связи этихъ занятій Крафта съ попытками Шлѣцера въ 1763 и 1764 годахъ (см. выше, стр. XXIII); замѣтимъ только, что первое въ этомъ родѣ сочиненіе Крафта было помѣщено не въ мемуарахъ собственно, а только въ *Histoire de l'Académie*^{*)}.

^{*)} Essai sur les Tables des mariages, des naissances et des morts de la Ville de St. Pétersbourg, dans la période de 17 ans, depuis 1764 jusqu'à 1780: précédé d'une exposition générale de l'utilité qu'auroient de pareilles Tables, si elles s'étendoient sur des Gouvernemens entiers de la Russie. См. I часть Актовъ за 1782 г. (Петроп. 1786), въ отд. *Histoire de l'Académie* отъ стр. 3 — 66.

На русскомъ языкѣ «Акта» не являлись ни въ переводѣ, ни въ извлеченіи. Бакмейстеръ сообщаетъ (V. 462), что въ «Актахъ» предполагалось печатать разсужденія и на русскомъ языкѣ. См. впрочемъ Введение (Avertissement) I тома «Актовъ» (на стр. V), гдѣ сдѣлано указаніе на французскія извлеченія.

Оставляя нѣсколько ученыхъ сборниковъ, явившихся около того времени, посмотримъ, какъ Академія созначала и выполняла въ то время свою задачу касательно издапія энциклопедическихъ журналовъ на русскомъ языкѣ. Огромный успѣхъ «Ежемесячныхъ Сочиненій» долженъ былъ сильно подстрекать къ подобнымъ предпріятіямъ, и дѣйствительно, въ Петербургѣ и Москвѣ стали появляться литераторы, неразъ предпринимавшіе періодическія изданія. Но выполненіемъ своихъ предпріятій они, къ сожалѣнію, доказали только, что или не понимали своей задачи, или не находили способныхъ соудняковъ для ея выполненія. Самое лучшее доказательство того и другаго представляетъ попытка Сумарокова, котораго одни изъ современниковъ превозносили до небесъ, тогда какъ другіе выставляли его за образецъ литературнаго безвкусія. До 1758 года Сумароковъ былъ соуднякомъ «Ежемесячныхъ Сочиненій»: теперь, какъ кажется, вслѣдствіе размолвки съ Миллеромъ, онъ самъ рѣшился основать періодическое изданіе, независимо отъ Академіи. Надобно припомнить, что до сихъ поръ періодическія изданія предпринимались только Академіею, и предпріятіе Сумарокова было первою *) въ своемъ родѣ попыткой. У кого просить дозволенія на изданіе журнала? куда представлять его на разсмотрѣніе? Эти вопросы были еще новы въ русскомъ литературномъ быту, и, естественно, должны были озаботить Сумарокова. Сообщаемъ одно изъ его писемъ въ Академію:

«Въ Канцелярію Санктпетербургской Императорской Академіи, отъ Бригадира Александра Сумарокова, Доношеніе.

Вознамѣрился я издавать помесечно журналъ, для услуги народной; того ради покорно прошу чтобы повелѣно было въ Академиче-

*) Впрочемъ въ то же время началось изданіе журнала «Праздновъ время, къ пользѣ употребленное, на 1759 и 1760 гг. Спб., въ типогр... Кад. Корпуса.»

ской типографіи оный мой журналъ безъ остановки на чистой бумагѣ въ осьмуху пѣчатать по двѣнадцати сотъ экземплярѡвъ, а деньги съ меня по прошествіи всякой трети взыскивать. Что жъ касается до разсмотрѣнія изданій, нѣтъ ли чего въ оныхъ противнаго, сіе могутъ просматривать, ежели благоволено будѣтъ, тѣ люди, которыя просматриваютъ Академическія журнальныя изданія, моихъ изданій слогу не касаяся. Только нижайше прошу чтобы Канцелярія Академіи, благоволила меня избавить отъ помѣшательства и затрудненій въ пѣчтаніи. А начать оныя изданія, ежели получу позволеніе, намѣренъ я съ перваго дня Генваря, наступающаго года.

Декабря 14-го дня
1758 года.

Бригадиръ Александръ Сумароковъ.*

Цензура журнала была возложена президентомъ Академіи на академикѡвъ, и новыи ежемѣсячныи журналъ выходилъ въ 1759 г. подъ заглавіемъ: ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА. Какимъ образомъ сама Академія предприняла, по смерти Сумарокова, «второе тисненіе» его журнала въ 1780 г., мы не можемъ пока сообщить вѣрныхъ извѣстій.

«Трудолюбивая Пчела» не представила въ себѣ явленія, которое могло бы служить образцомъ для подобной дѣятельности Академіи. Русская публика уже способна была принимать лучшую и болѣе крѣпкую пищу и имѣла право ожидать ея отъ Академіи. Между тѣмъ Академія, состоявшая впрочемъ изъ немногихъ членѡвъ, не смѣшила воспользоваться расположеніемъ умѡвъ въ пользу образованія. Кажется даже, что къ предпріятію новаго періодическаго изданія ее побудило совершенно постороннее обстоятельство. На ея соображенія не осталось безъ вліянія СОБРАНИЕ НОВОСТЕЙ *), когда она предприняла наконецъ

*) Въ сентябрѣ 1773 года въ С. Петербургѣ явился ежемѣсячныи журналъ подъ названіемъ: *Собрание новостей, ежемѣсячное сочиненіе... Печатано... типографшикомъ І. К. Шноромъ*. При господствѣ легкаго направленія, рассчитаннаго на вниманіе большинства, этотъ журналъ сообщалъ нѣкоторыя свѣдѣнія о современной ученой дѣятельности Академіи. Съ января 1776 года его заглавіе измѣнилось, а съ февраля до самаго прекращенія своего въ декабрѣ того же года онъ издавался при Академіи подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «СОБРАНИЕ РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ И НОВОСТЕЙ, ежемѣсячное изданіе, содержащее въ себѣ новыя на Россійскомъ языкѣ сочиненія и переводы, новыя успѣхи въ Наукахъ и Художествахъ, новыя для человеческого рода изобрѣтенія, главныя произше-

изданіе, занимающее почетное мѣсто между подобными ея предпріятіями. Плацъ и направленіе этого новаго изданія, выходящаго ежемѣсячно, понятно высказывается самымъ его заглавіемъ, которое мы и передаемъ читателю вмѣстѣ съ замѣчательнѣйшими мѣстами предисловія.

Академическія Извѣстія

1779 ¹⁾).

Содержащія въ себѣ Исторію наукъ и новѣйшія открытія оныхъ. Извлеченіе изъ дѣяній славнѣйшихъ Академій въ Европѣ, новыя ²⁾ изобрѣтенія, опыты въ естественной Исторіи, Химіи, Физикѣ, Механикѣ и въ относящихся къ онымъ художествахъ. Отличнѣйшія произведенія въ писменахъ во всей Европѣ; Академическія задачи ³⁾; любопытныя и странныя тяжбы ⁴⁾ и ⁵⁾ прочія примѣчательныя происшествія. Часть I. При С. Петербургской Императорской Академіи Наукъ. 412 стр. въ-8°. (Всего VIII частей. Спб. 1779 — 1781.)

1) Со II-й части: на 1779 годъ.

2) Съ IV-й части здѣсь прибавлено: ...примѣчанія Физическія и изъ Естественной Исторіи, особенно до Россіи касающіяся; новыя изобрѣтенія... Съ VII-й части: достоверныя и любопытныя описанія объятыхъ войною частей свѣта; новыя...

3) Академическія задачи оупущены, начиная съ VI-й части.

4) любопытныя и странныя тяжбы оупущены, начиная съ VI-й части.

5) и другія примѣчанія достойныя происшествія (съ IV-й части).

свои настоящаго времени во всѣхъ частяхъ Свѣта, особливо же въ Россіи, и прочія любопытныя вещи, служащія къ знанію, пользѣ и увеселенію людей всякаго состоянія. Февраль 1776. Въ Спб. при Императорской Академіи Наукъ.» Въ-8°. Въ 1776 году, начиная съ февраля, журналъ этотъ и продавался исключительно «въ Академической книжной лавкѣ въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ», и, сверхъ того, въ каждой книжкѣ печаталось еще слѣдующее объявленіе: «Желающіе включать какія извѣстія, сочиненія, переводы, или что нибудь другое приличное въ нашъ Журналъ, могутъ присылать оныя Санктпетербургской Императорской Академіи въ *вдоложнѣнную экспедицію.*» Собирая эти обстоятельства и судя по нѣкоторымъ выраженіямъ въ заглавіи журнала (см. также стр. 46 декабрьской книжки 1776 г.), съ вѣроятностью можно заключать, что въ числѣ основателей или редакторовъ этого журнала были нѣкоторые изъ академиковъ, составившіе въ 1778 году особое «общество» для изданія «Академическихъ Извѣстій».

«ПЛАЧЕРТАНИЕ.

Нѣкоторое общество при Санктпетербургской Академіи Наукъ предпріяло издавать періодическое или равновремениное сочиненіе подъ названіемъ *Академическихъ Извѣстій*, на слѣдующемъ разположеніи: намѣреніе и желаніе онаго есть, разпространеніе полезныхъ знаній, и возбужденіе любопытства къ онымъ. Для достиженія сеіи цѣли, беретъ оно за основаніе во первыхъ дать понятіе о предметѣхъ всѣхъ наукъ, изобразить ихъ начало, возвращеніе и вліяніе надъ обществомъ, словомъ: преподавать ихъ исторію; во вторыхъ доказывать ихъ пользу, представляя всѣ новыя во оныхъ изслѣдованія, и приложеніе ихъ къ общественнымъ нуждамъ; чрезъ что тѣ изъ читателей, кои выскли въ сіи науки, будутъ имѣть непрерывное о успѣхахъ ихъ увѣдомленіе, тѣже, кои не имѣли случаевъ разпространить своего ученія, непримѣтно получать свѣдѣніе о предметѣхъ наукъ, усмотрять всю многообразность ихъ употребленія и пользы и нѣкоторымъ образомъ приобрѣтутъ способы сравниться съ первыми.

По чему все, что труды наиславиѣйшихъ Академій въ Европѣ могутъ представить полезнаго и отнѣвнаго, начиная съ Санктпетербургской, будетъ существенною частію содержанія сихъ *Академическихъ Извѣстій*. Послѣ исторіи наукъ предложены будутъ статьи объясняющія частныя оныхъ обстоятельства, коихъ открытіе служило наибольшимъ свѣгомъ въ наукахъ, и такъ сочиненіе сіе будетъ имѣть двѣ основательныя части. 1. Исторію Наукъ. 2. Предметъ, употребленіе и пользу наукъ. Напр. въ исторію о Математикѣ включена будетъ исторія о Математикѣ приложенной къ общеупотребленію какъ то: Исторія мореплаванія и всѣ ученыя открытія оному способствовавшія, то есть: изобрѣтеніе компаса и другихъ физическихъ и астрономическихъ орудій къ вѣрности сего столь образъ свѣта пережнѣншаго искусства. Къ исторіи о Ариѳметикѣ приобщена будетъ Исторія Ариѳметики политической и употребленіе оной въ разныхъ счисленіяхъ относительно къ государственному устроенію и проч. Послѣ исторіи и географіи приложены будутъ налюбопытнѣйшія открытія въ путешествіяхъ кругъ свѣта; по изображеніи приращенія естественной исторіи, вмѣщена будетъ частная естественная исторія наиславиѣйшихъ отраслей оной, нац. Исторія естественная человѣка, по томъ животныхъ имѣіе его или добычу составляющихъ, исторія всѣхъ произведеній нами употребляемыхъ, какъ съѣдомыхъ, такъ и къ украшенію служащихъ.

Наирачительнѣйшее наше стараніе будетъ, разпространить свѣденія о нашемъ отечествѣ; и такъ всѣ произведенія Россійскія, какъ естественныя, такъ и художественныя не токмо описаны, но поэзику

знанія наши дозволять, и новыя ихъ пользы и употребленія назначены будутъ.

Къ физическимъ изслѣдованіямъ присовокуплены будутъ и моральныя. Сверхъ сего все то, что можетъ отличить или усвойствоваться человѣческой разумъ и воображеніе для пользы и увеселенія читателей, изъ журнала сего исключено не будетъ; избранныя, примѣчательныя и отличныя предпріятія, дѣйствія, изреченія знаменитыхъ людей, главныя черты ихъ жизни, привлекающія вниманіе, суды разныхъ въ Европѣ трибуналовъ, и все то, что можетъ быть примѣчательнымъ и образцовымъ, найдеть здѣсь свое мѣсто.

Тамъ, гдѣ для большаго объясненія какого нибудь изобрѣтенія, о коемъ въ семъ журналѣ упомянуто будетъ, прилагаются будутъ и чертежи какъ Механическія, такъ и предмѣты Натуральной исторіи объясняющія относительно къ предлагаемому объ оныхъ въ Журналѣ описанію.

Журналъ сей принявъ свое начало съ Генваря мѣсяца сего 1779 года... Четырежъ мѣсяца составитъ полную часть.

Журналъ сей продаваться будетъ въ *С. Петербургѣ* и въ *Москвѣ* въ Академическихкихъ книжныхъ лавкахъ...

Впредь приложено будетъ стараніе, что бы и во всѣхъ другихъ Намѣстническихкихъ и знатнѣйшихъ городахъ *Имперіи* можно было порядочно получать сіе Сочиненіе...

Желающіе тутъ включить свои сочиненія, могутъ оныя присылать въ Санктпетербургскую Академическую книжную лавку, надписывая:

Издателямъ Академическихкихъ извѣстій.»

Перепечатываемъ еще одно мѣсто изъ «Вступленія»:

«...Сія дѣянія міра утверждающія пользу ученія, вліяніе ихъ въ общество и скрѣпленіе онаго въ частяхъ его,... показываютъ, что намѣреніе пишущихъ сіе, есть не столько доказать, сколько навести на память читателямъ, важность и необходимость ученія, и по сему разпространеніе и *разліяніе* онаго сдѣлать, есть ли не на всѣхъ, то покрайнѣй мѣрѣ на большее число человѣковъ. Слѣдовательно всякое собесѣдованіе, которое мы объ оныхъ нашимъ читателямъ предлагаемъ *), будетъ, какъ мы ласкаемся, ими благопріяно...

*) Мы просимъ всѣхъ присылать къ намъ все то, что относительно быть можетъ къ предмѣтамъ, о коихъ мы предлагать будемъ. Мы будемъ включать и присылаемыя письма и отвѣты съ нашей стороны, поколику то мы исполнить по мѣрѣ силъ и свѣдѣній нашихъ можемъ.»

Въ «Академическихкихъ Извѣстіяхъ», какъ обѣщало ихъ заглавіе, обращено было особенное вниманіе на ученыя труды Акаде-

мій. Позднѣ стали также касаться сочиненій экономическихъ обществъ. Судя вообще и въ отношеніи къ духу времени, журналъ былъ достоинъ Академіи Наукъ. И не смотря на довольно ошутливый недостатокъ статей по историческимъ и государственнымъ наукамъ, журналъ былъ принятъ съ большимъ сочувствіемъ русскою публикой, для которой въ то время всего нужнѣе были сочиненія, объясняющія исторію и главныя задачи отдѣльныхъ наукъ. Къ сожалѣнію, журналъ представилъ только одну статью въ этомъ родѣ, именно исторію математическихъ и астрономическихъ наукъ, изложенную весьма обстоятельно.

Касательно устройства редакціи мы не можемъ войти здѣсь въ подробности; замѣтимъ только, что въ числѣ редакторовъ, завѣдывавшихъ изданіемъ въ разное время, встрѣчаются имена членовъ Академіи, какъ напр. Румовскаго, Крафта, Озерецковскаго и Головина, которые въ ней же самой получили воспитаніе. Съ 1781 года предположено было ввести въ журналъ многія улучшенія, и между тѣмъ, среди этихъ предположеній, онъ вдругъ прекратился.

Причины прекращенія намъ пока еще неизвѣстны: по всей вѣроятности, оно было (см. стр. XVIII) слѣдствіемъ дурнаго управленія тогдашней академической канцеляріи и обнаруженіемъ затруднительнаго положенія, въ какое поставлены были академики около 1782 года; причина этого положенія извѣстна была даже Императрицѣ. Между тѣмъ въ числѣ академиковъ старшаго и младшаго поколѣній, между математиками и натуралистами, не было недостатка въ людяхъ, которые готовы были дѣйствовать, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, въ пользу русскаго образованія. Такія обстоятельства настали съ 1783 года, когда въ директоры Академіи пожалована была княгиня Дашкова.

Вмѣстѣ съ прекращеніемъ «Академическихъ Извѣстій» изданіе мемуаровъ (Acta) также замедлилось, по причинѣ недостатка шрифтовъ въ типографіи; теперь, при новомъ движеніи дѣлъ, положено было начать новую серію мемуаровъ подъ заглавіемъ:

Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. ПЕТРОПОЛИ 1787—1806. XV томовъ.
(Содержать академическія разсужденія отъ 1783 — 1802.)

И здѣсь, какъ въ прежнихъ «Актахъ», впереди разсужденій помѣщалась «исторія Академіи» на французскомъ языкѣ, которая была ведена неупустительно отъ 1783 до 1802 года. Въ каждой части помѣщались на французскомъ языкѣ извлеченія изъ напечатанныхъ въ ней разсужденій. По части статистики является здѣсь новый дѣятель, минералогъ Б. Ф. Германъ, хотя только въ отдѣлѣ «исторіи Академіи», или въ видѣ дополненія къ мемуарамъ (Supplément); но статистическіе труды физика Крафта занимаютъ уже мѣсто въ числѣ самыхъ мемуаровъ, подъ рубрикою: *Physico-mathematica*. Въ XIV-мъ томѣ, также въ «исторіи Академіи», помѣщено разсужденіе археолога Кёлера объ ольвійскихъ монетахъ.

Княгиня Дашкова, вскорѣ по вступленіи въ должность директора, позаботилась обогатить русскую словесность оригинальными и переводными сочиненіями и сборниками (въ томъ числѣ многотомнымъ изданіемъ «Россійскаго Театра»). Въ числѣ предпріятій этого рода первое мѣсто занимаетъ

**Собесѣдникъ
Любителей Россійскаго Слова,**

Содержащій разные сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ нѣкоторыхъ Россійскихъ писателей. Въ Санктпетербургѣ, изданиемъ Императорской Академіи Наукъ 1783 — 1784 (XVI частей въ-8°).

Въ апрѣлѣ 1783 г. было объявлено въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 30) о предпріятіи этого журнала статьею, явившеюся потомъ въ видѣ сего предисловія или «Предувѣдомленія» слѣдующаго содержанія:

«...Сіе собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ нѣкоторыхъ любителей Россійскаго слова, издается по желанію нынѣшняго Академіи Наукъ Директора Ея Сіятельства Княгини Екатерины Романовны Дашкавой, которая почитаетъ нужнымъ не только пещись по

долгу званія своего о приведеніи наукъ въ Россіи въ цвѣтущее состояніе, но и стараться о доставленіи публикѣ хорошихъ Россійскихъ сочиненій, чтобы тѣмъ подавать по мѣрѣ силъ своихъ способы сочинителямъ трудиться въ стихотворствѣ и въ прочихъ до словесныхъ наукъ и нравоченія касающихся сочиненіяхъ. — Польза отъ сего произходящая ощутительна, какъ въ разсужденіи Россійскаго слова, такъ и вообще въ разсужденіи просвѣщенія.

Сіе собраніе издаваться будетъ по частямъ, заключая въ себѣ только одни подлинныя Россійскія сочиненія; по чему присылающіе труды свои для напечатанія въ семъ Собесѣдникѣ, благоволятъ присылать только таковыя, или подражанія сочиненіямъ, изданнымъ на другихъ языкахъ; а переводы, какого бы они рода ни были, помѣщены здѣсь не будутъ... Желающіе сдѣлать честь помѣщеніемъ своихъ трудовъ сему Собесѣднику любителей Россійскаго слова, благоволятъ присылать труды свои съ подписаніемъ своего имени, или, ежели кто хочетъ остаться неизвѣстнымъ и безъ подписанія онаго, къ Ея Сіятельству Княгинѣ Екатерины Романовны Дашкавой...

Къ изданію сего Собесѣдника точнаго времени не назначается, а издаваться оный будетъ смотря по числу вступающихъ для внесенія въ него сочиненій...

Въ маѣ объявлено въ «Вѣдомостяхъ» (№ 40) о выходѣ первой книжки журнала, съ присовокупленіемъ слѣдующаго вызова, напечатаннаго и въ самомъ журналѣ.

«Отъ Издателей.

Издатели сего Собесѣдника просятъ всѣхъ любителей Россійскаго слова и всю публику, ежели кто захочетъ написать критику на какое либо сочиненіе, находящееся въ семъ собраніи, не искать другихъ типографій къ напечатанію таковыхъ критикъ или сатиръ, но присылать оныя прямо къ издателямъ сего Собесѣдника или на имя Ея Сіятельства Княгини Екатерины Романовны Дашкавой, которая конечно прикажетъ оныя безъ наимагъйшей перемѣны напечатать въ семъ же Собесѣдникѣ: ибо желаніе ея есть, чтобы Россійское слово вычищалось, процвѣтало и сколь возможно служило къ удовольствію и пользѣ всей публики, а критика безъ сумнѣнія есть одно изъ наилучшихъ средствъ къ достиженію сей цѣли.»

«Собесѣдникъ» составляетъ замѣчательнѣйшее и въ то же время столь общезвѣстное явленіе въ русской литературѣ, что мы не считаемъ за нужное распространяться объ немъ. Не забудемъ

демъ только упомянуть, что первая часть его начинается знаменитою одою Державина къ Царевнѣ Фелицѣ, и что журналъ былъ удостоенъ Императрицею помѣщенія ея записокъ касательно русской исторіи и другихъ сочиненій.

Въ послѣдней (XVI) части «Собесѣдника» напечатаны «Историческія, Философическія, политическія и критическія Разсужденія о причинахъ возвышенія и упадка книги, во всѣхъ концахъ Россійскія Имперіи въ 1783 году славившейся, и по столѣтиямъ, губернскимъ, областнымъ и уѣзднымъ городамъ той Имперіи до сего дня читаемой, но не столько какъ прежде покупаемой, а именно Собесѣдника любителей Россійскаго слова.» Замѣчательно, что именно XV и XVI части были вновь изданы Академіею въ 1809 году.

Черезъ два года по прекращеніи «Собесѣдника» начали издаваться:

Новыя ежемѣсячныя сочиненія.

Въ Санктпетербургѣ, пждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ 1786 — 96 (СХХ частей въ 8°)

Княгиня Дашкова и въ этомъ журналѣ напечатала нѣсколько своихъ собственныхъ сочиненій. По оставленіи ею Академіи въ 1794 г., изданіе журнала продолжалось еще нѣсколько времени, но въ 1796 году прекратилось.

При изданіи этого журнала не была выпущена изъ виду одна изъ главныхъ цѣлей періодическихъ изданій Академіи XVIII вѣка — вводить въ область науки и тѣхъ читателей, которые не имѣли случая приобрѣсть прочное ученое образованіе. Предисловіе дастъ довольно ясное понятіе, какъ Академія смотрѣла тогда на эту задачу. Въ то же время мы видимъ, что, и по мнѣнію тогдашнихъ академикомъ, русскіе журналы Академіи, не исключая «Академическихъ Извѣстій», прекращались вслѣдствіе переворотъ, испытываемыхъ Академіею.

Во всѣхъ почти государствахъ, гдѣ о разпространеніи человѣческихъ знаній прилежно пекутся, сдѣлалось дѣйствительно непремѣннымъ обыкновеніемъ, чтобъ помѣсячно издавать такія сочиненія, кото-

рыя бы для всякаго рода читателей были понятны, и привлекали бы къ себѣ ихъ то пользою своего содержанія, то острою мыслей или отиѣннымъ изображеніемъ. Примѣру другихъ Государствъ первая въ Россіи послѣдовала Императорская Академія Наукъ, которая чрезъ многіе годы издавала въ свѣтъ, на Россійскомъ языкѣ, разныя періодическія сочиненія, коими наибольшая часть читателей были довольны; и не бесполезность тѣхъ сочиненій ниже неудовольствіе публики, по разныя переиѣны, которымъ подвержена была Академія, были причиною, что оныя сочиненія неоднократно останавливались, вовсе прерывались, и паки снова начинаемы были, когда обстоятельства Академіи то позволяли.

Довольно прошло времени, что въ Академіи никакія періодическія изданія на свѣтъ не выходили; и весьма желательно, чтобъ новыя сіи ежемѣсячныя сочиненія, которыхъ первыи Іюль мѣсяцъ теперь выходитъ, долѣе всѣхъ прежнихъ продолжались, и никогда бы, еслии можно, не пресѣклись. Но желаніе наше осталось бы тщетно, еслии бы просвѣщенные люди не соблаговолили соучаствовать въ семъ предпріятіи; ибо одни предпріемлющіе не въ состояніи продолжать сихъ сочиненій чрезъ многіе годы; по тому что число ихъ очень мало, и состоитъ изъ такихъ людей, кои кромѣ сего многими занимаются дѣлами, и по преклонности лѣтъ своихъ, душевныя свои силы въ безпрестанномъ напряженіи имѣть не могутъ. Но ежели они столько будутъ счастливы, что предпріятіемъ своимъ, которое клонится къ одной только общественной пользѣ, возбуждать соревнованіе въ другихъ; то обѣщать можно, что со стороны ихъ никогда не подавъ будетъ случай къ прерванію сихъ сочиненій. Они желаютъ только въ трудахъ сихъ имѣть себѣ хотя малую помощь отъ людей ученыхъ и трудолюбивыхъ; по тому присовокупляя свою прозбу, возвѣщаютъ, что ежемѣсячныя сіи сочиненія будутъ вмѣстѣлицемъ всякаго рода твореній. Въ нихъ помѣщаются будутъ философическія, физическія, экономическія, историческія, географическія и вообще всѣ разсужденія, какія только къ приращенію человеческихъ знаній способствовать могутъ. Описанія разныхъ художествъ, ремеслъ, рукодѣлій и промысловъ тѣмъ охотиѣ будутъ принимаемы, что каждое изъ сихъ искусствъ заключаетъ въ себѣ особливныя вещамъ наименованія, которыя къ обогащенію Россійскаго языка неотиѣнно послужать; и слѣдовательно отъ такихъ сочиненій сугубая будетъ польза. Но поелику и изъ просвѣщенныхъ людей не всякъ и не всегда имѣетъ достойной предметъ, о которомъ бы могъ писать; то въ сочиненіяхъ сихъ равное дается мѣсто и переводамъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. На произволь трудящихся оставляется подписывать или умалчивать свои имена при ихъ сочиненіяхъ и переводахъ; но издатели не

умолчать никогда своей благодарности, которую воздавать все́мъ споспѣшествователямъ за законъ себѣ поставляють. Внемлющіе ихъ прозьбѣ да благоволятъ присылать труды свои въ вѣдомостную Императорской Академіи Наукъ Экспедицію, въ С. Петербургѣ.

Къ этому остается только прибавить, что въ числѣ редакторовъ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненій», между прочимъ, были, одинъ за другимъ, академики Румовскій и Протасовъ.

Въ одно время съ «Новыми Ежемѣсячными Сочиненіями» въ Академіи началось изданіе ученаго сборника, котораго нельзя пройти молчаніемъ, потому что онъ посвященъ русской исторіи. Мы уже сказали, что историческое отдѣленіе Академіи было отмѣнено «Регламентомъ» 1747 года: вышеупомянутое «историческое собраніе» не произвело значительныхъ слѣдствій, а съ удаленіемъ Шлёцера и съ смертію Фишера историческое отдѣленіе фактически уничтожилось. Въ регламентахъ, предназначанныхъ при Екатеринѣ II, безъ сомнѣнія, предполагалось возстановить историческое отдѣленіе; но такъ какъ ни одинъ изъ этихъ проектовъ не удостоился утвержденія прозорливой государыни, то все оставалось по прежнему. Между тѣмъ невыгоды двусмысленнаго положенія исторіи обнаруживались разнымъ образомъ и весьма ощутительно. Съ семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія стали много переводить историческихъ книгъ при Академіи, но, по недостатку историковъ, которые могли бы служить руководителями, безъ строгаго выбора; издавались лѣтописи и другіе древніе памятники, но издатели не имѣли понятія ни о «мѣлкѣ», ни о высшей критикѣ, и когда Императрицѣ, для выполненія ея обширныхъ литературно-педагогическихъ и лингвистическихъ плановъ, понадобились услуги Академіи, она принуждена была обратиться къ натуралистамъ, между которыми Палласъ, къ счастью, стоялъ довольно высоко по своему образованію. Съ чисто-историческими порученіями обращались тогда въ Академіи къ Миллеру въ Москву, или къ конректору Штриттеру; но въ 1779 году Академія лишилась и этого послѣдняго историка: онъ опредѣленъ былъ Императрицею въ помощники Миллеру при Архивѣ. Чтобы привязать его

къ Академіи и въ отсутствіи, и именно чтобы получать отъ него историческіе документы изъ Архива, предъ самымъ отъѣздомъ въ Москву его избрали въ званіе адъюнкта Академіи, а впоследствии и въ званіе академика, хотя онъ оставался въ Москвѣ. И Штриттеръ былъ признателенъ къ Академіи: по временамъ онъ доставлялъ ей болѣе или менѣе важныя историческіе документы. Они-то, кажется, и были, хотя отчасти, причиною того, что Академія, состоявшая въ то время изъ однихъ математиковъ и натуралистовъ, рѣшилась и была въ состояніи издавать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ драгоценное собраніе историческихъ матеріаловъ. Этотъ историческій сборникъ выходилъ подъ заглавіемъ:

**Продолженіе *) Древней Россійской
Вивлюенки.**

СПб. при Императорской Академіи Наукъ. 1786 — 1801
(XI томовъ въ-8°).

Съ 1754 г. объ академическихъ мемуарахъ только изрѣдка сообщались въ періодическихъ изданіяхъ извѣстія или краткія извлеченія: къ концу перваго періода снова возродилась мысль объ изданіи ихъ на русскомъ языкѣ въ подробныхъ извлеченіяхъ. Въ 1800 году дѣйствительно состоялось это предпріятіе, и первый томъ явился подъ заглавіемъ:

Академическія Сочиненія,

выбранныя изъ перваго тома Двѣяніи Императорской
Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: *NOVA ASTA ACADEMIAE
SCIENTIARUM IMPERIALIS PETROPOLITANAE.* Часть I. съ фи-
гурами. Въ Спб. 1801 года. 514 стр. in-8°.

Сообщаемъ «Предисловіе» этого изданія, сочиненное, можетъ быть, «непремѣннымъ переводчикомъ» Серг. Котельниковымъ.

*) *Древняя Россійская Вивлюенка* издавалась была Новиковымъ отъ 1773 до 1775 года.

Императорская Академія Наукъ во всякое время всевозможное прилагала стараніе о приведеніи въ большее совершенство наукъ составляющихъ предметъ ея упражненій. Въ семь намѣреній не токмо производила она изслѣдованія и дѣлала объясненія въ такихъ случаяхъ, когда что либо въ наукахъ было еще не довольно ясно или не довольно разъяснено; не токмо старалась дѣлать новыя наблюденія и опыты; но также повторяла не рѣдко тѣ, кои учинены были отъ иностранныхъ ученыхъ мужей, и имѣла щастіе произвести многія открытія, болѣе или менѣе вліянія на пользу общую имѣвшія. Таковыхъ своихъ трудовъ издавала она ежегодно по одной книгѣ на Латинскомъ языкѣ, частію для того, что какъ содержащіяся въ оныхъ сочиненія заключаютъ въ себѣ вышшіе наукъ предметы, то могутъ оныя совершенно быть разумѣемы только тѣми, кои въ наукахъ уже все потребное положили основаніе, и о коихъ предполагать можно, что они и общій оный ученыхъ языкъ разумѣютъ; частію же и для того, чтобы тѣмъ удобнѣе собственныя свои упражненія сообщить иностраннымъ Академіямъ и ученымъ мужамъ, равно о усовершеніи наукъ пекущимся, дабы чрезъ таковое взаимное сообщеніе, тѣмъ поспѣшнѣе достигнуть той важной цѣли, чтобы изъ всѣхъ частныхъ открытій, объясненій и доказательствъ составить можно было наконецъ общее полное ученіе, изъ коего бы можно было тѣмъ удобнѣе и совершеннѣе извлечь то, что въ разныхъ случаяхъ общежитія, въ земледѣліи и скотоводствѣ, въ художествахъ и искусствахъ, въ фабрикахъ и мануфактурахъ, въ горномъ дѣлѣ и плавильныхъ заводахъ, въ строеніи машинъ и кораблей, въ земледѣріи, мореплаваніи и пр. наиболѣе полезно быть можетъ.

Въ тоже самое время Академія наукъ безпрестанно обращала вниманіе свое также на то, чтобы важнѣйшія и не посредственную пользу въ себѣ заключающія открытія въ наукахъ распространять въ Россійскомъ Государствѣ, и для того сообщать ихъ на Россійскомъ языкѣ. Сіе доказала она издаваемъ не только цѣлыхъ книгъ на нашемъ языкѣ, заключающихъ въ себѣ многочисленное собраніе таковыхъ сочиненій; но и частныхъ описаній новыхъ открытій, наблюденій и изслѣдованій отъѣзную какую либо пользу приносящихъ.

Вѣдая при томъ, сколь необходимо нужно, какъ для совершеннаго разумѣнія подобныхъ сочиненій, такъ и вообще для наставленія упражняющихся въ наукахъ, или для большаго въ оныхъ успѣха, имѣть книги, заключающія въ себѣ первыя Наукъ основанія, Академія прилагала стараніе свое также о томъ, чтобы на Россійскомъ языкѣ сочинить и издать книги, оныя въ себѣ содержащія. Таковыя учебныя книги на Россійскомъ языкѣ доставила уже Академія дѣйствительно

почти во всѣхъ наукахъ, исключая нѣкоторыя немногія, каковыя оною также отъ части уже издаются, отъ части же къ изданію готовы.

По сему предполагая, что нынѣ найдется не токмо болѣе наукъ любителей, но и такихъ, кои вышшими наукъ предметами занимаются, Академія наукъ по предложенію Президента Его Превосходительства господина Тайнаго Совѣтника и ордена св. Анны первой степени кавалера Барона Андрея Львовича Николаѣи, и по общему г. Вице-президента [Академика Румовскаго] и Академиковъ желанію, вознамѣрилась издавать на Россійскомъ языкѣ содержанія тѣхъ своихъ сочиненій, кои напечатаны были ею на Латинскомъ и другихъ языкахъ.

А дабы въ семъ изданіи болѣе соблюденъ былъ порядокъ, и читатели могли тѣмъ лучше усматривать самое постепенное приращеніе наукъ по мѣрѣ упражненія и трудовъ ученыхъ мужей, опредѣлила она начать сіе изданіе съ перваго тома Дѣяній ея на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Nova Acta...*, напечатанныхъ. Коль скоро усмотритъ она, что сіе новое ея предпріятіе для пользы ея соотчичей, вознамѣтитъ желаемый успѣхъ, то будетъ продолжать изданіе и слѣдующихъ томовъ, не назначая однако каждому тому сроковъ, а по мѣрѣ какъ содержащіяся въ оныхъ сочиненія на Россійской языкъ предложены и Членами Академіи исправлены будутъ.

Усматривая притомъ, что отвлеченные предметы вышней Математики менѣе могутъ имѣть охотниковъ, и такихъ, кои бы оными отлично занимались, Академія опредѣлила, чтобы таковыми сочиненіямъ, сообщать только вышски или содержанія оныхъ, утѣрена будучи, что желающіе знать во всей подробности приводимыя выкладки и доказательства не преминуть читать ихъ въ подлинникѣ. Всѣ же прочія, не столь отвлеченные предметы содержащія сочиненія, будутъ помѣщаемы такъ, какъ оныя представлены были.

И такъ самое сіе изданіе будетъ заключать въ себѣ: 1) содержанія сочиненій и 2) полныя сочиненія. Первыя будутъ расположены по классамъ наукъ, такъ какъ сіе введено и въ латинскомъ изданіи.

Что касается особенно до сей нынѣ издаваемой книги, то найдутъ въ оной не только такія сочиненія, кои въ первомъ томѣ вышепомянутаго латинскаго изданія содержались; но сверхъ того и такія, кои г. Академиками ни когда еще въ свѣтъ издаваемы не были, а особливо на Россійскомъ языкѣ, какъ то и впредь поступлено будетъ, когда сіе позволитъ мѣсто. Напротивъ того нѣкоторыя другія изъяты, потому что уже неоднократно на Россійскомъ языкѣ издаваемы были.

Такимъ образомъ Императорская Академія наукъ, сверхъ всѣхъ своихъ должностей и обязанностей, добровольно возлагаетъ на себя

трудъ сей, желая единственно того, чтобы въ Россійскомъ Государствѣ распространивъ всю ту пользу, каковую отъ ея упражненій приобрѣсти можно.

Издатель.

Продолженія не было, потому что вскорѣ послѣ изданія перваго тома положеніе Академіи совершенно измѣнилось.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ, ОТЪ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ АКАДЕМІИ ВЪ 1803 ГОДУ ДО 1851 ГОДА.

Въ предыдущемъ отдѣленіи мы обозначили, хотя въ общихъ чертахъ, положеніе Академіи въ теченіе XVIII вѣка. Мы видѣли, что она никогда не была собственно тѣмъ, чѣмъ быть ей надлежало по мысли Петра. И, судя по изложеннымъ нами обстоятельствамъ, кажется, должно согласиться, что недостатокъ желасмага выполненія трудной задачи, возложенной Петромъ на Академію, несправедливо приписывали до сихъ поръ отдѣльнымъ лицамъ. Тѣмъ не менѣе, Академія въ теченіе XVIII вѣка дѣйствовала благотворно и притомъ въ разныхъ отношеніяхъ, такъ что ея исторія не отдѣлится отъ исторіи русскаго образованія.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра прежде назначеніе Академіи кончилось. Настала другая потребность времени; состояніе Россіи измѣнилось. Что Петръ Великій хотѣлъ воззвать къ жизни магическою силою своего генія, то съ теченіемъ времени, особливо при Екатеринѣ II, разными путями, по меньшей мѣрѣ въ существенномъ отношеніи, достигло осуществленія. Россія уже усвоила себѣ многія стихіи европейскаго образованія: теперь ей предстояло только развивать ихъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ своихъ Государей, во благо народа.

Императоръ Александръ обильно всѣ несовершенства прежняго организма управленія. Учрежденіе министерствъ, въ 1802 году, устранило многіе недостатки нисшихъ присутственныхъ мѣстъ и подчинило управленіе строгому государственному надзору, котораго недостатокъ въ прежнемъ порядкѣ такъ часто былъ ощутителенъ. Въ этомъ новомъ порядкѣ Академія Наукъ не могла уже составлять, какъ прежде, особаго государственнаго

учрежденія: она причислена къ Министерству Народнаго Просвѣщенія. Въ то же время Императоръ Александръ учредилъ комитетъ для изслѣдованія состоянія Академіи Наукъ и московскаго университета и для изысканія рѣшительныхъ мѣръ къ ихъ преобразованію. Однимъ изъ членовъ комитета былъ П. Н. Новосильцовъ, а въ 1803 году онъ возведенъ въ званіе президента Академіи.

Такъ какъ въ то же время были основаны университеты въ Казани, Харьковѣ и Дерптѣ, и на Министерство Народнаго Просвѣщенія было возложено открывать новыя гимназіи, то академическая гимназія, этотъ первый разсадникъ академиковъ, профессоровъ и учителей, естественно, должна была упраздниться.

Съ другой стороны, русская литература сдѣлала уже значительные успѣхи и отечественная словесность имѣла свою особенную представительницу, Россійскую Академію: вслѣдствіе того Академія Наукъ могла значительно сократить размѣры своей литературно-педагогической дѣятельности. Однимъ словомъ, Россія такъ далеко ушла впередъ въ своемъ образованіи, что отнынѣ, подобно другимъ образованнымъ государствамъ, могла уже имѣть «простую» или «совершенную» Академію, въ смыслѣ Петра. Только надобно было, чтобъ Академія шла въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки и соответствовала особенному, всемірно-историческому положенію Россіи. Это послѣднее условіе требовало, чтобъ Императорская Академія Наукъ распространила свои занятія особенно на тѣ изъ специальныхъ отраслей знанія, которыя въ Россіи могутъ обрабатываться съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, и чтобы своими занятіями она не только открывала ученому свѣту новыя, до сихъ поръ мало доступныя области знанія, но и одушевляла молодыхъ поколѣнія Русскихъ къ ученому изслѣдованію отечественныхъ предметовъ. Но чтобы Академія могла взять на себя *всестороннее* выполненіе этого особеннаго, такъ сказать собственно-русскаго ея назначенія, прежде всего надобно было восполнить огромный пробѣлъ, остававшійся въ ея ученой дѣятельности по недостатку историческихъ наукъ съ ихъ вспомогательными знаніями.

И, по новому уставу Академіи, въ числѣ наукъ, «коихъ усовершенствованіемъ она должна заниматься», кромѣ «вышней Математики, Физикоматематики, Механики твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, Астрономіи, Химіи, Минералогіи, Ботаники, Зоологіи, Анатоміи и Физіологіи, и Технологіи», дѣйствительно названы уже «Исторія, Статистика и Економія Политическая» *). Правда, число представителей послѣднихъ наукъ въ Академіи до 1818 года было очень невелико; но одно введеніе ихъ наравнѣ съ другими науками было существеннымъ улучшеніемъ Академіи. Вспомнимъ, какъ обрадовало это событіе старика Шлѣцера, который съ своимъ удаленіемъ изъ Россіи, по видимому, навсегда унесъ-было съ собою историческое отдѣленіе нашей Академіи. «Больно было мнѣ видѣть», писалъ онъ къ Кругу вскорѣ послѣ избранія его въ 1805 году, «что въ вашей Академіи не возобновляли историческаго класса, — и вотъ онъ снова вкрадывается — *jure postliminii*. Истинный триумфъ достоинства и необходимости исторіи!» Кромѣ Круга, историческое отдѣленіе тогда составляли академики: Шторхъ (съ 1804 г.), К. Германъ (съ 1805) — оба по государственнымъ наукамъ, Клапротъ (1804 — 1812) по восточнымъ литературамъ, и Лербергъ (1807 — 1813) по русской исторіи. Но для этики, филологіи и всеобщей исторіи, уже названныхъ въ проектѣ Петра, еще никого не было въ Академіи.

Одинъ этотъ составъ Академіи показываетъ, что для нея настала новая эпоха, и что теперь она соответствовала названію «храма наукъ», какимъ почтилъ ее благодѣтель ея, Императоръ Александръ. Члены Академіи признаны въ повомъ уставѣ первенствующимъ ученымъ сословіемъ Имперіи, которому вмѣнено въ обязанность: «расширять предѣлы знаній человѣческихъ, усовершенствовать науки, обогащать ихъ новыми открытіями, рас-

*) Въ представленіи Новосильцова указано на необходимость особеннаго Отдѣленія въ Академіи по части нравственныхъ и политическихъ наукъ (*Classe des sciences morales et politiques*), съ особеннымъ примѣненіемъ къ потребностямъ русскаго быта. Уставами 1803, 1836 и указомъ 1841 гг. предоставлено Академіи вводить въ свои занятія новыя науки, до того не имѣвшія въ ней представителей; но въ такомъ случаѣ жалованье академикамъ назначается изъ экономическихъ суммъ.

«пространять просвѣщеніе, направлять, колико возможно, познания ко благу общему, приспособляя къ практическому употребленію Теоріи и полезныя слѣдствія опытовъ и наблюденій». Сверхъ того, «къ обязанностямъ Академіи, общимъ ей съ другими Академіями», Уставъ присоединяетъ особенную «должность непосредственно обращать труды свои въ пользу Россіи, «распространяя познания естественныхъ произведеній Имперіи, «изыскивая средства къ умноженію такихъ, кои составляютъ предметъ народной промышленности и торговли, къ усовершенствованію фабрикъ, мануфактуръ, ремеслъ и художествъ, «сихъ источниковъ богатства и силы Государства».

Какъ первое ученое сословіе имперіи, Академія Наукъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, должна была заботиться о строгомъ выполненіи своей задачи — внимательно слѣдить за успѣхами наукъ въ остальной Европѣ. Съ другой стороны, она не менѣе обязывалась заботиться о славѣ своего имени въ ученомъ мірѣ: она должна была стараться привлечь на себя взоры ученой Европы своимъ вліяніемъ на общее движеніе наукъ и оказывать имъ особенныя услуги, пользуясь выгодами своего положенія для ученыхъ предпріятій, изслѣдованій и открытій. Мы не можемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе, въ какой мѣрѣ Академія успѣла въ истекшую половину нашего столѣтія приобрести уваженіе ученой Европы и тѣмъ увеличить въ глазахъ просвѣщенныхъ народовъ славу имперіи: намъ предстоить только изложить въ короткихъ словахъ ея дѣятельность посредствомъ періодическихъ изданій *). Надобно впрочемъ прибавить, что подобныя предпріятія отнынѣ не составляли уже такой главной задачи Академіи, какъ въ XVIII вѣкѣ; теперь она не могла считать своею непременною обязанностью, какъ прежде, просвѣщать и вмѣстѣ «увеселять» читающую публику: эту задачу и ея выполненіе посредствомъ особеннаго, такъ называемаго легкаго направленія литературы, она должна была предоставить журналистамъ по призванію.

*) И здѣсь, какъ прежде, при обзорѣ 1776—1803 годовъ, мы будемъ упоминать сборники только въ томъ случаѣ, когда они были въ родѣ періодическихъ изданій.

Касательно ученыхъ трудовъ уставъ 1803 г. предписывалъ Академіи: «ежегодно издавать одинъ томъ умозрительныхъ изслѣдованій своихъ какъ на Россійскомъ, такъ и на Латинскомъ, «или другомъ изъ извѣстнѣйшихъ Европейскихъ языковъ». Для этого положено было имѣть при Академіи ученаго переводчика. Теперь начата новая или V-я серія мемуаровъ, подъ заглавіемъ:

**Mémoires de l'Académie Impériale
des Sciences de St. Pétersbourg *)**

St. Péт. 1809 — 1830. XI томовъ въ-4^о (содержать Мемуары
отъ 1803 по 1822).

Сначала «Мемуары» все еще наполнялись разсужденіями по математическимъ и естественнымъ наукамъ; потомъ къ нимъ присовокупились статистическія изслѣдованія Шторха и Германа. Мемуары Круга и Лерберга печатались вмѣстѣ, особыми книгами. Но со времени вступленія въ званіе президента графа Уварова (въ 1818 году), дѣятельность Академіи и содержаніе мемуаровъ стали разнообразиѣе: статьею ученаго президента открылся новыи *историко-филологическій* отдѣлъ (Т. VII), въ которомъ начали являться сочиненія ориенталиста Френа, археолога Кёлера и филолога Грефе.

Вскорѣ по изданіи «Мемуаровъ» на латинскомъ и французскомъ языкахъ, Академія озаботилась издачіемъ ихъ въ русскомъ переводѣ, присовокупляя къ тому и написанныя на русскомъ языкѣ въ оригиналѣ. Это были такъ называемыя

**Умозрительныя изслѣдованія Императорской
Санктпетербургской Академіи Наукъ.**

Спб. 1808 — 1819. 5 томовъ въ-4^о.

*) Выше (стр. LV) мы упомянули о переводѣ мемуаровъ, изданномъ въ Германіи безъ всякаго содѣйствія Академіи. Здѣсь прибавимъ, что членъ-корреспондентъ ея физикъ Шляндъ Гейрихъ въ Регенсбургѣ, счелъ за нужное составить подробный указатель предметовъ во всѣхъ мемуарахъ (включая и Комментаріи и Дѣянія) до 1820 года и представилъ его въ нашу Академію. Печатаніе его прекратилось вслѣдствіе того, что нѣсколько тетрадей оригинала было утрачено во время пожара въ типографіи.

Они наполнены сочиненіями по математикѣ, астрономіи и естественнымъ наукамъ, съ присовокупленіемъ только одного разсужденія Шторха.

Выпишемъ «Предувѣдомленіе».

«Императорская Академія Наукъ имѣла счастье получить отъ Августѣйшаго своего Покровителя Всемилостивѣйшаго Государя Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА новый Регламентъ, въ которомъ между прочимъ предписано: «Академія продолжаетъ, по примѣру другихъ ученыхъ обществъ, ежегодно издавать одинъ томъ умозрительныхъ изслѣдованій своихъ, какъ на Россійскомъ, такъ и на Латинскомъ или другомъ изъ извѣстѣйшихъ Европейскихъ языковъ.»—Во исполненіе сей Высочайшей Его Императорскаго Величества воли, Академія изъ представленныхъ ей членами ея сочиненій избрала паче поучительныя или любопытства достойныя, составила изъ оныхъ первый томъ таковыхъ умозрительныхъ своихъ изслѣдованій на Россійскомъ языкѣ, который и издастъ нынѣ въ свѣтъ.»

Графъ Уваровъ, прославившій свое имя въ ученомъ мірѣ сочиненіями на иностранныхъ языкахъ, въ то же время заботился объ изданіи академическихъ трудовъ на языкѣ отечественномъ: вскорѣ по вступленіи въ званіе президента онъ предложилъ ученой конференціи продолжать русское изданіе «Мемуаровъ». Это обновленное изданіе вышло въ свѣтъ подъ скромнымъ заглавіемъ:

Труды Академіи Наукъ.

Спб. 1821 — 23. (II части въ-4^о).

Выпишемъ «Предувѣдомленіе».

«Его Превосходительство Господинъ Президентъ Академіи Наукъ Сергій Семеновичъ Уваровъ, усмотрѣвъ, что содержаніе издаваемыхъ Академіею Наукъ, на Россійскомъ языкѣ *сочиненій* своихъ Членовъ подъ названіемъ *умозрительныхъ*, не соответствуетъ вполнѣ сему титулу, поелику въ нихъ помѣщаются и такія, которыя собственно заключаютъ одни опыты химическія или физическія или описанія Естественныхъ произведеній, предложилъ ученому Собранію, переимѣнить оныя на титулъ *Труды Императорской Академіи Наукъ*, подъ которымъ и издается нынѣ первая часть сего новаго собранія сочиненій Академіи.»

И эти два тома исключительно посвящены математикѣ, астрономіи и естественнымъ наукамъ, съ присовокупленіемъ извѣстій о наблюденіяхъ, открытіяхъ и вообще объ ученыхъ предпріятіяхъ Академіи съ 1818 года. Одни изъ помѣщенныхъ въ этомъ изданіи разсужденій написаны на русскомъ языкѣ въ оригиналѣ, другія помѣщены въ переводѣ. Но не смотря на то, что нѣкоторыя изъ оригинальныхъ «Ислѣдованій» и «Трудовъ» были написаны исключительно для русской публики, изданіе мемуаровъ на русскомъ языкѣ вообще не имѣло продолженія по недостатку къ нимъ сочувствія.

Если русскія изданія мемуаровъ Императорской Академіи Наукъ вообще мало содѣйствовали распространенію строго-ученаго духа въ читающей публикѣ и уясненію понятій о предметѣ и цѣли наукъ, то причина такой безуспѣшности удовлетворительно объясняется обстоятельствами того времени. Во-первыхъ, въ большинствѣ образованныхъ тогда еще не было столько любителей строгой учености, чтобы ихъ участіе могло поддерживать специально-ученое изданіе *). И во-вторыхъ, русскіе специально-ученые, способные находить интересъ въ академическихъ мемуарахъ, не имѣли надобности въ русскомъ ихъ переводѣ, и даже предпочитали, вѣроятно, изучать ихъ въ оригиналѣ, на латинскомъ или на французскомъ языкѣ.

Уже въ февралѣ 1802 года, такъ сказать наканунѣ преобразования Академіи, ей сообщено было Высочайшее повелѣніе, предписывавшее переводить статьи изъ иностранныхъ журналовъ касательно художествъ и ремеселъ и издавать при «Вѣдомостяхъ». А Уставомъ 1803 года на Академію возложено было — кромѣ мемуаровъ, «ежегодно издавать на Россійскомъ языкѣ одинъ «томъ записокъ, достойныхъ примѣчанія по своей практической «пользѣ (см. выше, стр. ХСVIII), подъ именемъ Технологическаго журнала». Въ исполненіе этого предписанія издавался

*) См. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. Von Philipp Krug. Erster Theil. St. Petersburg 1848. Einleitung стр. CLXXXIV (или Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1830 годъ, часть LCV, отд. V, стр. 17 и часть LCIV).

Технологическій Журналъ

или

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И ИЗВѢСТІЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ ДО ТЕХНОЛОГИИ И ПРИЛОЖЕНІЯ УЧИНЕННЫХЪ ВЪ НАУКАХЪ ОТКРЫТІЙ КЪ ПРАКТИЧЕСКОМУ УПОТРЕБЛЕНІЮ, ИЗДАВАЕМОЕ ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ. СЪ ФИГУРАМИ. ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1804 — 1815. (XII ТОМОВЪ ВЪ-8°).

Вопреки своему названію, это изданіе отнюдь не ограничивалось технологіей, но, по самому намѣренію издателей, должно было быть чѣмъ-то въ родѣ періодической энциклопедіи естественныхъ наукъ, какъ видно изъ слѣдующей программы изданія.

«Успѣхи ремеслъ и заводовъ въ необходимой находятъ связи съ успѣхами наукъ. Работникъ, обдѣлывающій различныя естественныя или искусствомъ приготовленныя тѣла, никогда не найдетъ способовъ къ доставленію ихъ въ большемъ совершенствѣ, ежели не просвѣтится правилами основательнаго умозрѣнія. Простымъ навыкомъ приобыкши обращаться съ ними, слѣдуетъ онъ слѣпо дошедшимъ до него преданіямъ, и не вѣдая ни причинъ дѣйствія вообще, ни средствъ къ замѣнѣ одной вещи другою, ниже способовъ, коими бы могъ работу свою облегчить и сберечь издержки, или выгодыишимъ образомъ разпространить и улучшить свои произведенія, не приноситъ онъ ни себѣ, ни отечеству всѣхъ тѣхъ выгодъ, коихъ бы отъ трудовъ его ожидать можно было. И мы видимъ въ исторіи всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, что всѣ тѣ заведенія, кои извѣстны подъ именемъ фабрикъ, мануфактуръ, заводовъ и проч. тогда наиболѣе процвѣтали, когда либо самые художники, оставя быть простыми работниками, вникали въ теорію работъ своихъ и старались приобрѣтать основательныя знанія въ тѣхъ наукахъ, кои находятся въ связи съ ихъ работами; либо когда ученые мужи, по поданнымъ къ тому случаямъ, преподавали имъ нужныя правила. Кому не извѣстно нынѣ, какія быстрыя и выгодныя произошли перемѣны и поправленія во всѣхъ почти родахъ промышленности человеческой отъ приложенія къ нимъ математическихъ, физическихъ и химическихъ знаній, и сколь великое число доставляется нынѣ новыхъ полезныхъ произведеній отъ точишшаго познанія естественныхъ тѣлъ изъ трехъ царствъ природы. И ежели подобныя помянутымъ заведенія въ Россіи наибольшаго достигли совершенства отъ временъ ПЕТРА великаго, то сіе ничему иному приписать можно, какъ постепенному съ тѣхъ поръ приращенію наукъ въ нашемъ отечествѣ

подъ покровительствомъ великихъ онаго Монарховъ, достойныхъ по сему самому наименованію благотворителей рода человѣческаго.

Императорская Академія Наукъ всегда усматривала необходимую нужду приложенія теоретическихъ знаній къ практикѣ, и во всѣ времена старалась учинить тому настоящее исполненіе. Многочисленныя ея на Россійскомъ языкѣ изданія сіе доказываютъ.

Нынѣ ободренная Высочайшимъ утвержденіемъ новаго ея Регламента, даровавшаго ей отъ Высокомонаршихъ щедротъ Всемилостивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА новыя, лучшіе способы къ усовершенію и разпространенію наукъ въ отечествѣ, и поощряемая дѣятельностію и любовію къ наукамъ почтеннаго своего Президента Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова, будетъ она въ силу главы 1-й § 9-го помѣнутаго Регламента, сверхъ прочихъ трудовъ своихъ, издавать ежегодно на Россійскомъ языкѣ одинъ томъ собранія сочиненій и извѣстій, относящихся до Технологіи и приложенія учиненныхъ въ наукахъ открытіи къ практическому употребленію, подъ именемъ *Технологическаго Журнала*, на слѣдующихъ основаніяхъ:

I) Какъ Технологія вообще, яко знаніе научающее основательному обработыванію въ пользу человѣческую естественныхъ тѣлъ, съ изясненіемъ и употребленіемъ бывающихъ при томъ явленій, можетъ взята и въ ограниченномъ и обширѣйшемъ смыслѣ, такъ особливо и сіе изданіе не посвящается со всею строгостію однимъ только прямымъ прикладамъ наукъ къ собственнымъ ремесламъ, заводамъ и искусствамъ (что однакоже составитъ главнѣйшій онаго предметъ); но будетъ заключать въ себѣ и разнаго рода другія полезныя сочиненія, опыты, наблюденія и примѣчанія, по Механикѣ, Гидравликѣ, Физикѣ, Химіи, Минералогіи, Ботаникѣ и Зоологіи; наукъ, кои во всякое время составляли предметъ изслѣдованій Академіи.

II) Чрезъ каждые три мѣсяца... выходитъ будетъ сего журнала по одной части, заключающей въ себѣ отъ девяти до двѣнадцати печатныхъ листовъ, такъ что сіи четыре части составятъ въ цѣльнѣй годъ одинъ томъ, содержащій отъ 40 до 48 листовъ въ 8-ую долю.

III) Въ каждой части содержаться будетъ:

1) Сочиненія, представленныя Академіи отъ ея г. Академиковъ, Адъюнктовъ, почетныхъ членовъ и Корреспондентовъ.

2) Технологическія сочиненія, наиболѣе вниманія достойныя для Россіи, выбранныя изъ лучшихъ иностранныхъ журналовъ, и переведенныя на Россійской языкъ.

3) Исслѣдованія и выписки изъ лучшихъ систематическихъ сочиненій, вышедшихъ о Технологіи, или по какой либо ея части, у просвѣщенныхъ и наиболѣе промышленныхъ народовъ въ Европѣ.

4) Краткія, ясныя и точныя описанія новыхъ машинъ, орудій, новыхъ способовъ обработыванія и приготовленій, относящихся до ремеслъ и художествъ.

5) Краткія извѣстія о новыхъ наблюденіяхъ, опытахъ и открытіяхъ во всѣхъ наукахъ вообще, могущихъ служить полезнымъ занятіемъ публикѣ.

6) Ученыя новости, какъ то извѣстія о нововышедшихъ важнѣйшихъ книгахъ, о предложенныхъ вновь вопросахъ и сочиненіяхъ, удостоенныхъ награжденія, о новыхъ предпріятіяхъ въ пользу наукъ и художествъ, о постановленіяхъ въ отношеніи къ фабрикамъ, и мануфактурамъ, торговли и народной промышленности.

7) Къ каждой части (когда тому встрѣтится надобность) приложены будутъ нужныя фигуры для изясненія и лучшаго понятія машинъ, орудій, приборовъ и другихъ предметовъ, конемъ сообщено будетъ описаніе и изясненіе ихъ употребленія...

*Издатель. *)*

Въ связи съ предпріятіемъ Технологическаго Журнала состоитъ одинъ Сборникъ, котораго происхожденіе и цѣль довольно высказываются его заглавіемъ и предисловіемъ: сообщаемъ то и другое.

Прибавленіе къ Технологическому Журналу,

Академіею наукъ въ 1806 году изданному.

Часть I. Содержащая въ себѣ математическія, физическія, химическія и минералогическія извѣстія. Въ Спб. 1806 года. (Отъ стр. 1 до 182.) Часть II. Содержащая въ себѣ Зоологическія, Ботаническія и другія извѣстія. Въ Спб. 1806 года. (Отъ стр. 183 — 310.) Въ-8^о.

«ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.»

Въ 1802 и 1803 годахъ (см. выше, стр. CI) Императорская Академія Наукъ припечатывала каждую недѣлю при С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ краткія извѣстія о разныхъ полезныхъ открытіяхъ и другихъ предметахъ наукъ, Посляку разсѣянные листочки, оныя въ себѣ

*) Первый главный редакторъ Т. Ж. былъ академикъ Севергинъ.

заключаючіе, удобно можуть утратитися и чрезъ то лишитъ публику впрядь дальнѣйшаго о нихъ свѣденія, то Академія Наукъ опредѣлила, собравъ оныя, издать особю книжкою, долженствующею составлять прибавленіе къ Технологическому Журналу сего 1806 года, а для лучшаго ихъ обозрѣнія, привести ихъ въ надлежащій порядокъ, въ каковомъ оныя здѣсь и предлагаются, а именно: въ четырехъ статьяхъ, кои суть: 1) Извѣстія Маѳематическія и Физическія, 2) Химическія и Минералогическія, 3) Зоологическія, 4) Ботаническія, кои всѣ вмѣстѣ составляютъ двѣ части.»

Сотрудниками «Технологическаго Журнала» были академики: Румовскій, Озерецковскій, Севастьяновъ, Севергинъ, Н. Фуссъ, Иноходцевъ, Крафтъ, Шубертъ и другіе.

Съ 1816 года технологическія статьи прилагались къ «Вѣдомостямъ» и оттуда перепечатывались въ видѣ особеннаго журнала, подъ заглавіемъ:

Продолженіе Технологическаго Журнала,
состоящее изъ Ученыхъ Извѣстій, имѣющихъ предметомъ приложеніе ученическихъ въ наукахъ открытій къ практическому употребленію. Въ Спб. 1816 — 1826 (11 томовъ въ-8^о).

«...Нынѣ для вяцшаго распространенія полезныхъ знаній въ Россіи, Академія, по предложенію Господина Министра просвѣщенія, Его Сіятельства Графа Алексея Кирилловича Разумовскаго, предпріяла издавать Ученыя Извѣстія въ составъ сего Журнала входящія, особыми листками для раздачи Публикѣ при Вѣдомостяхъ ея.

А какъ сіи Извѣстія составляютъ по существу своему, *продолженіе Технологическаго Журнала*, то издаются оныя здѣсь подъ симъ заглавіемъ также отдѣльно прежнимъ порядкомъ, дабы не прерывалась связь полнаго творенія.»

Чтобы оцѣнить важность этого изданія для своего времени, припомнимъ только, что естественныя науки тогда еще не такъ обширно преподавались, какъ нынѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ, что спеціальныхъ по этой части училищъ, подобныхъ нынѣшнему Технологическому Институту, также еще не существовало, и что министерства не издавали своихъ спеціальныхъ журналовъ, подобныхъ «Мануфактурнымъ Извѣстіямъ» и др.

За естествоиспытателями нашей Академіи на поприщѣ періодической литературы являются наконецъ и представители государственныхъ наукъ, хотя ни одинъ изъ нихъ не издавалъ своего журнала издѣвіемъ Академіи. Первое изъ предпріятій этого рода принадлежитъ ординарному академику Шторху, издателю періодическаго сочиненія:

Russland unter Alexander dem Ersten.

EINE HISTORISCHE ZEITSCHRIFT HERAUSGEGEBEN VON
H. STORCH. ST. PETERSBURG U. LEIPZIG. 1804 — 1808. (Девять томовъ in-8° въ XXVII книжкахъ, изъ которыхъ послѣдняя вышла въ 1810 году.)

Сообщаемъ нѣсколько словъ изъ предисловія этого изданія:

«..Я намѣренъ» говоритъ издатель, «представить, посредствомъ критическаго свода замѣчательныхъ и интересныхъ событій, истинную, живую и съ теченіемъ времени продолжающуюся картину русскаго народа и особенно слѣдить, въ качествѣ наблюдателя и докладчика, за великимъ дѣломъ государственнаго и человѣческаго образованія, которое нынѣ царствующій Императоръ началъ въ истинно-гуманномъ духѣ. Государственное правленіе, промышленность, торговля, искусства и науки, воспитаніе, успѣхи цивилизаціи, улучшение столичныхъ и главныхъ провинціальныхъ городовъ, характеристическія черты, относящіяся къ исторіи нравовъ, — словомъ, все, что можетъ служить къ ближайшему и правильнѣйшему познанію Россіи и ея жителей, входитъ въ планъ этого журнала.... Обстоятельства, въ какія я поставленъ, кажется, вызываютъ меня на это предпріятіе: но я готовъ отказаться отъ него, если увижу возможность передать мое перо болѣе свѣдущему и болѣе меня способному писателю...»

Неохотно отказываясь отъ продолженія выписки изъ этого замѣчательнаго предисловія, прибавимъ только, что часть послѣдняго тома издана и на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ:

Систематическое Обзорѣніе Литературы въ Россіи,

...съ 1801 по 1806 годъ, сочиненное А. Шторхомъ и
Ф. Аделунгомъ. Печатано по Высочайшему повелѣ-
нію. Ч. I — II. Спб. 1810 — 11. Въ-8°.

Другое издаіе по части «Знанія отечества», какъ стали называть статистику съ шестидесятихъ годовъ прошедшаго столѣтія, предпринято адъюнктомъ Академіи К. Германомъ. Оно имѣло заглавіе:

Статистическій Журналъ,

издаваемый Карломъ Германомъ. Въ Спб. при Импер. Акад. Наукъ. 1806 — 1808. 2 тома in-8°. (Среди заглавнаго листа напечатаны слова: *Просвѣщеніе. Соединенными силами.*)

Журналъ издавался безъ матеріальнаго содѣйствія Академіи, но Германъ могъ предпринять его издаіе только какъ членъ Академіи, потому что она уполномочена была, для пріобрѣтенія статистическихъ матеріаловъ, прямо обращаться къ присутственнымъ мѣстамъ. Цѣль журнала объясняется въ его предисловіи слѣдующимъ образомъ:

«Его Импер. Величество повелѣвъ учредить особенный классъ для Статистики въ Импер. Акад. Наукъ и опредѣлить Профессоровъ для сей науки въ Университетахъ и въ Спб. Педагогическомъ Институтѣ, изъявилъ чрезъ то Высочайшую волю Свою о разпространеніи знаній Статистическихъ въ обширной своей Имперіи.

Правительство, воспріявшее распространять Статистическія *познанія*, долженствуетъ купно упражняющимся въ томъ Профессорамъ доставлять нужныя свѣдѣнія...

Единое, кажется, средство къ достиженію сей цѣли есть журналъ издаваемый на Россійскомъ языкѣ Статистикомъ, коему открыты всѣ нужныя по его части источники. Въ такомъ щастливомъ положеніи нахожусь я; мѣсто мною занимаемое возлагаетъ на меня обязанность исправить сей недостатокъ...

Всѣ сочиненія, доставляемыя Редактору, будутъ сочтены за одни только матеріалы...

Обширность Государства и новость предмета заставляютъ Редактора приглашать всѣхъ имѣющихъ подробнѣйшія Статистическія свѣдѣнія о какомъ либо предметѣ къ сему журналу принадлежащемъ, присылать ему свои примѣчанія...

Непремѣнныя статьи журнала будутъ слѣдующія:

I. Теорія Статистики.

II. Состояніе народа, содержащее въ себѣ слѣдующія статьи: населеніе, народное богатство, просвѣщеніе, Статистическое описаніе Губерній и достопамятныхъ мѣстъ.

III. Состояніе правленія: положеніе онаго, образъ правленія, военныя силы, финансы, иностранныя отношенія.

IV. Примѣчанія и сомнѣнія.

V. Статистика иностранныхъ державъ.

VI. Новыя открытія и великодушныя подвиги.

Обработать все сіи статьи надлежащимъ образомъ безъ сомнѣнія было бы выше силъ одного человѣка. По чему въ пособіе и облегченіе сего труда нѣкоторые извѣстные любители учености составили между собою общество, и каждый избралъ для себя предметъ, чѣмъ будетъ въ особенности заниматься. Такимъ образомъ раздѣливъ по частямъ трудъ сей, и полагаясь на соединенныя силы общества просвѣщенныхъ людей, издатель ласкаеть себя надеждою, выполнить въ точности принимаемыя имъ обязательства предъ публикою...

Императорской Академіи Адъюнктъ Статистики и политической Экономіи, Надворный Советникъ К. Германъ.»

Въ числѣ предметовъ, опредѣляющихъ ученыя занятія Академіи, въ уставѣ 1803 года наряду съ математикою, физикою и проч. поставлены только «Исторія, Статистика и Экономія Политическая». Но президентъ Академіи Новосильцовъ, покровительствомъ котораго она, къ сожалѣнію, пользовалась такъ недолго, позаботился расширить кругъ ея дѣятельности, давъ ей ориенталиста. Въ 1804 году былъ вызванъ Клапротъ и служилъ въ Академіи до 1812 года. Каковы бы ни были мнѣнія о его ученомъ характерѣ, во всякомъ случаѣ безспорно то, что онъ въ свое время, когда восточныя занятія только-что начинали у насъ укореняться, первый обратилъ вниманіе на такіе предметы въ исторіи восточныхъ народовъ, ихъ языковъ и литературъ, о которыхъ до него не думали ни въ Россіи, ни даже въ другихъ краяхъ ученой Европы. Безспорно и то, что въ этихъ первыхъ попыткахъ онъ нерѣдко обнаруживалъ свою поверхностность; но, съ другой стороны, надобно сознаться, что изъ предметовъ, въ первый разъ имъ вызванныхъ на судъ науки, нныя до сихъ поръ не объяснены удовлетворительно, или даже остаются въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ были при Клапротѣ. Въ свое время Академія нашла въ немъ исполнителя для новаго литературнаго предпріятія, явившагося подъ заглавіемъ:

Archiv für Asiatische Litteratur, Geschichte und Sprachkunde.

VERFASST VON JULIUS VON KLAPROTH. ERSTER BAND. HERAUS-
GEGEBEN AUF BEFEHL DER KAISERLICHEN AKADEMIE DER WIS-
SENSCHAFTEN. ST. PET. 1810. 224 стр. in-4°.

Въ то самое время, какъ началъ издаваться этотъ журналъ, Академія должна была лишиться своего президента, а вскорѣ не стало въ ней и ориенталиста. Но уже въ 1810 году началъ свое ученое поприще сочинитель «Проекта Азіатской Академіи» (Projet d'une Académie asiatique): этотъ трудъ обратилъ на себя даже вниманіе Наполеона, а здѣсь, въ Россіи, внушилъ надежды, которыя, по истеченіи немногихъ лѣтъ, дѣйствительно осуществились.

Исторія будетъ съ благодарностью воспоминать, чѣмъ обязана Академія Императору Александру и благополучно нынѣ царствующему Государю Императору. При тѣсныхъ границахъ настоящаго сочиненія, мы можемъ привести только одинъ фактъ: съ 1818 года ученая дѣятельность Академіи ни одинъ разъ не была принуждена останавливать своего правильного теченія, а въ своемъ объемѣ она расширилась присовокупленіемъ разныхъ областей знанія, которыя до тѣхъ поръ или вовсе не обрабатывались въ нашей Академіи, или появлялись въ ней на короткое время. Вспомнимъ только объ отправленіи археографической экспедиціи и о путешествіяхъ многихъ натуралистовъ, объ основаніи азіатскаго музеума и главной астрономической обсерваторіи, о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ, о преобразованіи и обогащеніи зоологическаго музеума, объ основаніи нѣсколькихъ мѣстъ для восточныхъ языковъ и литературы, о возстановленіи классической филологіи и о введеніи классической археологіи! Часть этихъ нововведеній и другихъ подобныхъ предпріятій безспорно принадлежитъ непосредственно графу Уварову, который въ 1818 г. возведенъ былъ въ званіе президента Академіи. Но если онъ могъ найти исполнителей для своихъ предпріятій, и если вообще успѣлъ устроить полю-

женіе Академіи такъ, что съ его времени она уже безопасна отъ прежнихъ потрясеній и случайностей, то главнымъ въ томъ двигателемъ было высокое довѣріе къ нему Монарховъ, подъ скипетромъ которыхъ Россія достигла небывалой до тѣхъ поръ степени зрѣлости и силы. Не безъ причины мы указываемъ на это общее состояніе государства: кто хорошо понимаетъ исторію учености вообще и исторію нашей Академіи, тотъ легко согласится, что строгая наука можетъ процвѣтать въ государствѣ только тогда, когда занятія ею устроены органически и поддерживаются бдительнымъ участіемъ могущественнаго правительства. Довольно указать на ослабленіе ученой дѣятельности въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ странахъ западной Европы, тогда какъ въ Россіи число строго-ученыхъ и учено-литературныхъ предпріятій постоянно умножается.

Заключаемъ нашъ обзоръ библиографическимъ исчисленіемъ остальныхъ періодическихъ изданій Академіи, явившихся во время управленія президента графа Уварова. Въ 1826 году Академія праздновала свой столѣтній юбилей: по этому случаю вновь открыто было, послѣ долгаго промежутка, публичное засѣданіе, въ которомъ Непремѣнный Секретарь произнесъ рѣчь объ ученой дѣятельности Академіи въ теченіе перваго столѣтія ея существованія. Съ сихъ поръ Академія ежегодно имѣетъ 29 декабря публичное засѣданіе, въ которомъ читается на французскомъ языкѣ годовоіи отчетъ о трудахъ и предпріятіяхъ Академіи. Отчеты эти съ 1826 года печатались подъ заглавіемъ:

Recueil des Actes de la séance publique

DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST. PÉTERSBOURG
(отъ 1826 по 1848). Спб. 1827 — 1849. 22 тома въ-4^о *).

Кромѣ отчетовъ, въ этомъ «Собраніи Актовъ» помѣщались рѣчи академикомъ ученаго содержанія и разсужденія, имѣющія общій интересъ для ученыхъ, на французскомъ, русскомъ и нѣ-

*) Первый томъ имѣлъ заглавіе: «Recueil des Actes de la séance solennelle de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg tenue à l'occasion de sa fête séculaire le 29. Decembre 1826...»

мелкомъ языкахъ. Съ присоединеніемъ Россійской Академіи къ Академіи Наукъ, акты публичныхъ засѣданій, по необходимости, стали ограничиваться одними годовыми отчетами Отдѣленій; а потому, съ 1849 г., изданіе *Recueil des Actes* отмѣнено; отчеты же съ тѣхъ поръ издаются въ Бюллетеняхъ и особыми брошюрами для удобнѣйшаго распространенія въ Россіи и за границею.

Составляя ежегодно для публичныхъ собраній отчеты о дѣятельности Академіи, нынѣшній Непремѣнный Секретарь опытомъ убѣдился, что извлеченія изъ мемуаровъ, сколько они могутъ вмѣщаться въ формѣ отчета, не вполне удовлетворяютъ ученыхъ въ собственномъ смыслѣ; съ другой стороны, онъ созналъ необходимость другимъ образомъ сообщать русской публикѣ подробнѣйшія извѣстія объ отдѣльныхъ трудахъ академиковъ. Необходимость эта ясно обнаружилась въ то время, когда разныя ученныя предпріятія Академіи, какъ напр. археографическая экспедиція *) и ученныя путешествія нѣкоторыхъ натуралистовъ, доставили Непремѣнному Секретарю столько любопытныхъ матеріаловъ для годоваго отчета, что онъ могъ только слегка касаться разнообразныхъ трудовъ каждаго академика, лишая публику занимательныхъ подробностей. Чтобы вознаградить это цензбѣжное упущеніе, Непремѣнный Секретарь рѣшился въ 1829 г. представлять публикѣ ежегодно, въ родѣ *Analyse des travaux* парижской Академіи, подробнѣйшій ученый отчетъ на русскомъ языкѣ о читаемыхъ въ частныхъ засѣданіяхъ Академіи разсужденіяхъ ея членовъ. Первая книжка этого сборника вышла подъ заглавіемъ

Чтенія Императорской Академіи Наукъ

въ Санктпетербургѣ за 1829 и 1830 годы. Отдѣленіе Наукъ Историческихъ, Филологическихъ и Политическихъ. Книжка I. Спб. 1831. 128 стр. in-8°.

*) Извѣстія объ успѣхахъ ея Академія, за неизмѣнимъ русскаго ученаго журнала, сообщала въ Спб. Вѣдомостяхъ. Подробности о происхожденіи Археографической Комиссіи изложены во введеніи къ посмертнымъ сочиненіямъ Круга (*Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. St.-Petersb. 1848. Томъ I, стр. CLXXIV—CCIX*), которое почти вполне переведено въ Журналъ Мин. Нар. Пр. за 1850 годъ (Часть LCV. Отд V, стр. 1—34).

Книжка эта содержитъ въ себѣ извлеченіе изъ всѣхъ, представленныхъ въ 1829 и 1830 годахъ, разсужденій и большихъ сочиненій членовъ Историко-Филологическаго Отдѣленія, и именно, сверхъ президента, академиковъ: Шторха, Круга, Френа, Грефе, Кёлера, Шмидта, Германа и Шёгрена. Одни эти имена, по видимому, должны были приготовить изданію благосклонный пріемъ въ большинствѣ образованной публики или, по крайней мѣрѣ, пріобрѣсть живое сочувствіе избранныхъ любителей наукъ. Между тѣмъ изданіе «Чтеній» остановилось на первой книжкѣ. Подробная характеристика столь разнородныхъ и многочисленныхъ трудовъ, не смотря на содѣйствіе академиковъ, представила неожиданныя и не легко одолимыя трудности для одного редактора; съ другой стороны, не удивительно и то, что такой строгій перечень чисто-ученыхъ и специальныхъ трудовъ, какой представляли «Чтенія», въ то время былъ принятъ равнодушно. Кому не извѣстно, что 25 лѣтъ назадъ число любознательныхъ, способныхъ принимать живое участіе въ строго-ученомъ направленіи и понимающихъ высшую цѣль наукъ, было несравненно ограничениѣе, чѣмъ теперь?

Изданіе «Чтеній» было послѣднею явною попыткою Академіи, въ первой половинѣ нашего столѣтія, осуществить мысль, такъ тѣсно связанную съ назначеніемъ первенствующаго ученаго сословія имперіи. Съ тѣхъ поръ Академія ограничилась только печатаніемъ отдѣльныхъ книгъ и статей на русскомъ языкѣ.

Проектомъ Петра Великаго и уставами 1747, 1803 и 1836 годовъ академики не стѣснялись въ выборѣ языка для строго-ученыхъ сочиненій. Сначала всеобщимъ ученымъ языкомъ, какъ извѣстно, былъ языкъ латинскій. Впослѣдствіи, когда образовалось много новыхъ понятій, латинскій языкъ оказался для многихъ областей знанія недостаточнымъ, и новѣйшіе языки главныхъ европейскихъ литературъ, именно: французскій, нѣмецкій и англійскій, болѣе и болѣе стали входить между учеными въ употребленіе. При началѣ шестой серіи «Мемуаровъ» нашей Академіи предоставлено было авторамъ писать на какомъ угодно языкѣ изъ упомянутыхъ въ уставѣ 1803 года.

По заключеніи пятой серіи положено было раздѣлить «Мемуары» по предметамъ и издавать особенными отдѣлами. Такое раздробленіе оказывалось тогда нужнымъ вслѣдствіе многихъ причинъ и, между прочимъ, потому особенно, что съ расширеніемъ дѣятельности Академіи и содержаніе «Мемуаровъ» стало слишкомъ разнообразно, а между тѣмъ тогда еще не было обычая дѣлать особыя оттиски отдѣльныхъ мемуаровъ для продажи. Такимъ образомъ сперва явились

**Mémoires de l'Académie Impériale
des Sciences de St.-Pétersbourg.**

SIXIÈME SÉRIE. SCIENCES MATHÉMATIQUES, PHYSIQUES ET
NATURELLES. Tome I. St.-Pét. 1831. Tome II. 1833. Въ-4°.

Потомъ они были раздѣлены на два разряда, какъ издаются и донинѣ *):

**1) Mémoires de l'Académie Impériale
des Sciences de St.-Pétersbourg.**

SIXIÈME SÉRIE. SCIENCES MATHÉMATIQUES ET PHYSIQUES.
Tome I. St.-Pét. 1838. (До сихъ поръ всего IV тома въ-4°).

**2) Mémoires de l'Académie Impériale
des Sciences de St.-Pétersbourg.**

SIXIÈME SÉRIE. SCIENCES NATURELLES. Tome I. St.-Pét.
1835. (До сихъ поръ всего VI томовъ въ-4°).

Нынѣшнее III Отдѣленіе, имѣющее вполонину менѣе число членовъ противъ I-го Отдѣленія, соразмѣрно съ тѣмъ издало и меньшее число томовъ, подъ заглавіемъ:

*) Впрочемъ и въ нынѣшнемъ изданіи сохранено выписанное нами общее заглавіе и продолжена прежняя нумерація томовъ:

Mém. de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersb. Sixième Série. Sciences Mathématiques, Physiques et Naturelles. Tome III. Première Partie: Sciences Mathém. et Phys. Tome I. St.-Pét. 1838.

Mémoires.... Tome III. Seconde Partie: Sciences Naturelles. Tome I. St.-Pétersb. 1835.

Выше (№ 1 и 2) мы привели только частныя заглавія каждаго отдѣленія, потому что они удобнѣе для цитаты.

3) *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg.*

SIXIÈME SÉRIE. SCIENCES POLITIQUES, HISTOIRE ET PHILOLOGIE. TOME I. ST.-PÉT. 1832. (Всего VII томовъ въ-4°.)

Кромѣ того, Академія уже 20 лѣтъ издаетъ представляемыя ей разсужденія членовъ-корреспондентовъ и стороннихъ ученыхъ. Эти разсужденія касаются самыхъ разнородныхъ предметовъ знанія и писаны на французскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ и англійскомъ языкахъ. Такихъ разсуждений донынѣ напечатано до 70, подъ общимъ заглавіемъ:

4) *Mémoires présentés à l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg*

PAR DIVERS SAVANS ET LUS DANS SES ASSEMBLÉES *). ST.-PÉT. 1831 и слѣд. (VI томовъ въ-4°).

Записки ученыхъ обществъ, и именно мемуары Академіи, съ одной стороны, весьма удобно распространяются въ ученое свѣтъ отъ того, что ихъ стараются приобрѣтать покупкою или обмѣномъ на свои изданія ученыя общества разныхъ странъ; но, съ другой стороны, изданія ученыхъ обществъ, при разнообразіи своего содержанія, нерѣдко ускользаютъ отъ вниманія специалистовъ. Чтобы сдѣлать возможнымъ для специалистовъ приобрѣтеніе отдѣльныхъ мемуаровъ, нѣкоторыя Академіи стали дѣлать отдѣльные оттиски ихъ съ особыми заглавіями. Въ нашей Академіи, напечатанной въ своихъ шести серіяхъ тысячи мемуаровъ, это улучшеніе поставлено въ общее правило, къ сожалѣнію, только съ 1849 года.

Хотя при основаніи нашей Академіи существовали уже въ Европѣ «Journal des Savans» и «Leipziger gelehrte Zeitungen», при всемъ томъ ученыя общества того времени питали еще отвращеніе къ гласности, и въ нашей Академіи никому на мысль не приходило *постоянное* обнародованіе протоколовъ засѣданій. Это отвращеніе отъ гласности, по своей связи съ тогдашними,

*) Эти мемуары *стороннихъ* ученыхъ называются для краткости «*Mémoires des savans étrangers*».

ныиъ уже устарѣлыми взглядами на отношенія между наукою и жизнью, составляетъ такую характеристическую черту того времени, что мы не считаемъ за лишнее изложить въ короткихъ словахъ, какъ Академiя мало по малу прiобрѣла рѣшимость явиться на судъ ученой публики съ своими протоколами. Одинъ изъ первыхъ опытовъ обнародованiя протоколовъ сдѣланъ былъ, кажется, академикомъ Шторхомъ: въ его историко-статистическомъ журналѣ (см. выше, стр. СVI) мы находимъ краткiя извлеченiя изъ протоколовъ за 1803 и 1804 годы. Не задолго до столѣтняго юбилея академикъ Френъ возимѣлъ-было мысль — сообщать протоколы П. И. Кѣппену для помѣщенiя ихъ, въ русскомъ переводѣ, въ «Библиографическихъ Листахъ»; но въ то время обнародованiе засѣданiй Академiи въ такой подробности казалось еще нарушенiемъ тайны, столько же неприличнымъ, сколько и ненужнымъ.

Нѣкоторымъ вознагражденiемъ этого недостатка служила въ «Мемуарахъ» *Histoire de l'Académie*, помѣщавшаяся съ 1776 до 1822 года. Это не была впрочемъ въ собственномъ смыслѣ современная исторiя Академiи: для нея предлагались здѣсь только отдѣльные матеріалы изъ разнородной дѣятельности Академiи за каждый истекшiй годъ (см. выше, стр. LXXX). Столѣтнiй юбилей Академiи въ 1826 году произвелъ въ этомъ отношенiи значительную перемѣну къ лучшему. Вступивъ, накануне его, въ свою должность, нынѣшнiй Непремѣнный Секретарь съ тѣхъ поръ постоянно читаетъ въ публичныхъ засѣданiяхъ Академiи ежегодный отчетъ, который потомъ издается (см. выше, стр. СХ). II-й томъ «Собранiя Актовъ» содержитъ въ себѣ очеркъ ученой дѣятельности Академiи 1823 — 1826, III-й — 1827 и 1828 гг. и т. д. Но такъ какъ годовою отчетъ не могъ вмѣщать въ себѣ всѣхъ матеріаловъ, входившихъ прежде въ составъ «*Histoire de l'Académie*», то Непремѣнный Секретарь сталъ прилагать къ отдѣльнымъ выпускамъ трехъ томовъ мемуаровъ, изданныхъ въ 1831, 1833 и 1838 (см. выше, стр. СХIII) особенныя прибавленiя подъ заглавiемъ: «*Bulletin scientifique*». Въ этихъ бюллетеняхъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ нумеровъ, помѣщались

мѣлкія ученія статьи и извѣстія, наблюденія естествоиспытательей, выписки изъ ученой корреспонденціи, краткія извлеченія изъ протоколовъ съ 17 августа 1831 до 29 февраля 1832 года, задачи на преміи, библиографическія извѣстія о новыхъ книгахъ, изданныхъ Академіею Наукъ. Впрочемъ бюллетени эти были еще такъ незначительны по объему, что не могли обращать на себя общаго вниманія, и, сверхъ того, выходили въ свѣтъ чрезъ долгіе промежутки. Между тѣмъ уже Ломоносовъ въ 1761 году (см. выше, стр. LXVI и LXIX) понималъ, какъ нуженъ для Академіи журналъ, который быстро распространялъ бы въ Россіи и въ чужихъ краяхъ извѣстія объ ученой ея дѣятельности и сообщалъ содержаніе «Мемуаровъ» до ихъ изданія. Необходимость такого органа чувствовали потомъ «многіе изъ академиковъ» 10 лѣтъ спустя послѣ столѣтняго юбилея: они желали отъ Академіи журнала, «spécialement destiné à tenir les savans de tous les pays au courant des travaux de l'Académie et à leur transmettre sans délai les résultats de ses travaux». Особенно же оцутительно оказалась эта новая литературная потребность по слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Съ теченіемъ времени наука раздробилась на такое множество спеціальныхъ областей и въ нихъ возникло столько микрологическихъ вопросовъ, что пышѣшимъ ученымъ вовсе не такъ легко, какъ прежнимъ, сочинять ученія разсужденія въ непродолжительное время и въ значительномъ количествѣ. Вслѣдствіе того въ литературѣ стали являться ученія статьи, ограничивающіяся въ своемъ содержаніи самыми спеціальными вопросами. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ между учеными было въ обычаѣ сообщать другъ другу мысли о такихъ мѣлкихъ вопросахъ въ письмахъ. Въ XIX-мъ, когда число ученыхъ въ Европѣ такъ значительно возрасло и ученія методы стали гораздо строже, такой легкой способъ изложенія ученыхъ мнѣній сдѣлался невозможнымъ. Вмѣсто того, образовались для мѣлкихъ ученыхъ статей спеціально-ученые журналы. Въ нашей Академіи ученая дѣятельность съ 1826 года не только не ослабѣла, но значительно усилилась и распространилась: это заставило ее принять мѣры

къ распространенію своего ученаго сообщенія съ извѣстнѣйшими дѣятелями науки и съ учеными обществами.

Согласно съ вышеупомянутымъ желаніемъ нѣкоторыхъ членовъ Академіи, Непремѣнный Секретарь, въ засѣданіи 4 марта 1836 года, предложилъ конференціи — *Bulletin scientifique*, до тѣхъ поръ прилагавшіися къ выпускамъ физико-математическихъ мемуаровъ, впредь издавать въ видѣ отдѣльнаго журнала, увеличивъ его прежнее содержаніе другими того же рода матеріалами. Вслѣдствіе этого предложенія Академія въ томъ же засѣданіи рѣшила основать для своей ученой дѣятельности officialный органъ, который и выходилъ съ 1836 года нумерами, безъ опредѣленныхъ сроковъ, подъ заглавіемъ:

Bulletin scientifique

PUBLIÉ PAR L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG ET RÉDIGÉ PAR SON SECRÉTAIRE PERPÉTUEL.

St.-Pét. et Leipzig. 1836 — 1842. (X томовъ, каждый по 24 листа въ больш. 4°, всего 240 *л.л.*).

О цѣли изданія отъ лица Академіи сказано было слѣдующее:

«Ученыя Извѣстія (*Bulletin scientifique*) имѣютъ своимъ спеціальнымъ назначеніемъ извѣщать о трудахъ Академіи ученыхъ всѣхъ странъ и немедленно сообщать результаты ея трудовъ. На сей конецъ, «Ученыя Извѣстія» будутъ содержать въ себѣ слѣдующія статьи:

1) Перечни разсужденій, читанныхъ въ засѣданіяхъ *).

*) *Extraits des mémoires lus dans les séances.* Въ пятомъ томѣ Бюллетеня, начатаго изданіемъ въ 1838 году, эта рубрика изложена такъ: «Разсужденія (*Mémoires*), читанныя въ засѣданіяхъ, или извлеченія изъ сихъ разсужденій, если они очень обширнаго объема.»

2) Статьи (*Notes*) небольшого объема, помѣщаемыя вполнѣ.

3) Разборы (*Analyses*) рукописныхъ и печатныхъ сочиненій, представляемыхъ Академіи разными учеными.

4) Донесенія (*Rapports*) Академиковъ.

5) Ученыя путешествія.

6) Извлеченія изъ ученой переписки.

7) Извѣстія о книгахъ, присылаемыхъ для академической библіотеки и свѣдѣнія о состояніи музеумовъ Академіи.

8) Свѣдѣнія о личномъ составѣ Академіи.

- 9) Библиографическія извѣстія о книгахъ, издаваемыхъ Академіею.
10) Смѣсь.

Касательно выбора языка для изданія *Bulletin scientifique*, формальнымъ образомъ не было сдѣлано никакого опредѣленнаго постановленія. Печатали статьи на языкахъ наиболѣе распространенныхъ въ ученomъ мѣрѣ: на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Академія не затруднилась оказать этимъ языкамъ предпочтеніе, потому что знаніе ихъ необходимо всякому, кто хочетъ основательно и въ обширномъ видѣ заниматься науками, составляющими предметъ ея занятій. Статьи на русскомъ языкѣ не помѣщались въ *Bulletin scientifique*; но нѣсколько оригинальныхъ русскихъ сочиненій вошло тогда, въ видѣ прибавленія, въ «Собраніе Актовъ». Къ X тому «Бюллетеня» былъ присокупленъ «Общій Отчетъ объ одиннадцатомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ», на русскомъ языкѣ.

Въ засѣданіи 4 марта 1836 г., когда рѣшено было издавать *Bulletin scientifique* періодически, разсужденія касались, между прочимъ, и русской публики: поводомъ къ тому послужили извѣстія, какія появлялись тогда о засѣданіяхъ Академіи въ русской литературѣ. Такія извѣстія по временамъ сообщались, при нѣкоторомъ содѣйствіи Непремѣннаго Секретаря, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, по были весьма кратки, и потому не могли обратить на себя особеннаго вниманія. Между тѣмъ прежній страхъ гласности уже прошелъ, и академикъ Френъ возобновилъ свою мысль о протоколахъ: онъ предлагалъ дѣлать изъ нихъ извлеченія нѣсколько подробнѣе прежнихъ, почти чисто-библиографическихъ извѣстій, и сообщать ихъ редактору Библиотеки для Чтенія, предоставляя ему распоряжаться ихъ помѣщеніемъ въ своемъ журналѣ, имѣвшемъ тогда наибольшій кругъ читателей. Въслѣдствіе того положено было передавать въ редакцію «Библиотеки», равно и въ редакцію Журнала М. Н. Пр. и С. Петербургскихъ Вѣдомостей, перечень статей, назначенныхъ къ помѣщенію въ «Бюллетенѣ». Съ 1837 года Журналъ М. Н. Пр., тоже при нѣкоторомъ содѣйствіи Непремѣннаго Секретаря, сталъ по-

стоянно сообщать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о засѣданіяхъ Академіи. Въ самомъ Bulletin scientifique, въ первыхъ томахъ, печатались лишь заглавія статей, прочитанныхъ въ засѣданіяхъ (Matériaux manuscrits). Только съ 13 марта 1840 г. программа этого изданія увеличилась новою рубрикою: Bulletin des séances de l'Académie, предназначенною для сообщенія извлеченій, на французскомъ языкѣ, изъ протоколовъ засѣданій конференціи. Съ тѣхъ поръ сообщеніе протоколовъ пошло безъ перерывовъ, и въ послѣдніе годы извлеченія изъ нихъ стали еще подробнѣе, такъ что нынѣ остается неизданною только малая часть протоколовъ, — по незначительности ихъ содержанія, или по особеннымъ обстоятельствамъ.

Первый № «Ученыхъ Извѣстій» (Bulletin scientifique) вышелъ 2 апрѣля 1836 г. *), предпослѣдній — 239-й — 18 іюля

*) Фактически извѣстно, что основаніе Bulletin scientifique было вызвано собственною потребностью Академіи Наукъ, а не какимъ-либо пвостраннымъ этого рода учрежденіемъ. Между тѣмъ замѣчательно, что въ то же самое время подобная потребность обнаружилась въ двухъ другихъ Академіяхъ — парижской и берлинской, и съ 1836 года обѣ начали принимать мѣры къ ея удовлетворенію. Съ января 1836 года берлинская Академія издаетъ свои «мѣсячныя извѣстія» (Monatsberichte) подъ заглавіемъ: Bericht über die zur Bekanntmachung geeigneten Verhandlungen der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 13 іюля 1835 г. члены многочисленнаго физико-математическаго отдѣленія (Académie des sciences) парижскаго «Института» опредѣлили издавать ученые извѣстія, которыя и стали выходить съ 1836 года подъ заглавіемъ: Comptes-Renderus hebdomadaires des séances de l'Académie des Sciences; но этотъ «Еженедѣльный Отчетъ» не сообщаетъ свѣдѣній объ остальныхъ четырехъ «Академіяхъ» парижскаго «Института».

Еще въ 1835 году въ Парижѣ основанъ центральный литературный органъ для трудовъ Академіи и ученыхъ обществъ Франціи и другихъ странъ по части математическихъ и естественныхъ наукъ, подъ заглавіемъ: L'INSTITUT, Journal des Académies et sociétés scientifiques de la France et de l'étranger. Въ январѣ 1836 года подобный органъ получили для себя историческія и философскія науки въ отдѣленіи того же журнала, по выходящемъ особо подъ заглавіемъ: L'INSTITUT, Journal général des sociétés et travaux scientifiques de la France et de l'étranger. II-ème Section: Sciences historiques et philosophiques.

Надобно впрочемъ сказать, что оба отдѣленія этого журнала, въ которомъ извѣстія о трудахъ нашей Академіи первоначально сообщались въ искаженномъ видѣ, далеко неудовлетворительно выполняютъ свою задачу. При обширности этой задачи иначе и быть не можетъ. Было бы гораздо плодотворнѣе, если бы каждый край, довольно богатый учеными трудами, имѣлъ особенный центральный органъ для своей ученой дѣятельности, то-есть журналъ, посвященный систематическому

1842. Въ послѣднемъ — 240-мъ — сообщены извлеченія изъ протоколовъ до декабря 1842 г. Изданіе «Ученыхъ Извѣстій» прекратилось вслѣдствіе перемѣны, происшедшей въ устройствѣ Академіи Наукъ въ 1841 году.

Государь Императоръ, «обращая непрерывное вниманіе «на успѣхи отечественной словесности, и имѣя въ виду способъ шествовать ея развитію приведеніемъ занятій учрежденія, которому вѣрено попеченіе о Русскомъ словѣ, въ единство и совокупность съ трудами первенствующаго ученаго сословія въ «Имперіи», призналъ за благо присоединить Императорскую Россійскую Академію къ Императорской Академіи Наукъ въ видѣ особаго отдѣленія, и раздѣлить Академію Наукъ на три отдѣленія: 1) Физико-математическихъ наукъ, 2) Русскаго языка и словесности, и 3) Историческихъ наукъ и филологіи: Высочайшее повелѣніе объ этомъ послѣдовало 19 октября 1841 г.

15 октября того года члены прежняго состава Академіи имѣли свое послѣднее засѣданіе. Съ тѣхъ поръ каждое изъ трехъ отдѣленій имѣетъ свои частныя засѣданія, и, сверхъ того, всѣ

обозрѣнію всѣхъ произведеній *мѣстной* учености по разнымъ отраслямъ наукъ. Такія литературно-ученыя изданія или годовые отчеты, ограничивающіеся ученостью одного края, могли бы достигать полноты и отчетливости, въ какой были бы драгоценнымъ пособіемъ для современныхъ и будущихъ ученыхъ *всѣхъ странъ*, и достигали бы несравненно легче, чѣмъ изданія, предназначенныя слѣдить за ученостью многихъ странъ. Необходимость такихъ *мѣстныхъ* центральныхъ учено-библіографическихъ органовъ съ теченіемъ времени становится все ощутительнѣе: натуралистамъ, для которыхъ въ нѣмецкой литературѣ издаются болѣе или менѣе обширные годовые отчеты объ успѣхахъ каждой отрасли ихъ наукъ, конечно, потребность эта меньше ощутительна, чѣмъ ученымъ другаго разряда, которымъ, по смотря на существующія литературныя пособія, трудно слѣдить за всѣми явленіями обширнаго и малаго размѣра, въ книгахъ и журналахъ, по части этнографіи, лингвистики, статистики и особливо исторіи. Пока непрерывно расширяющаяся область историческихъ наукъ не будетъ имѣть такихъ *мѣстныхъ* органовъ, въ видѣ учено-библіографическихъ журналовъ или сжатыхъ годовыхъ отчетовъ, до тѣхъ поръ историкамъ нѣтъ надежды скоро и навѣрное овладѣть разсѣяннымъ матеріаломъ своей науки; до тѣхъ поръ нельзя и ожидать, чтобъ уменьшилось наконецъ это множество незрѣлыхъ и ограниченныхъ историческихъ и лингвистическихъ сочиненій, которыхъ авторы, по недостатку свѣдѣній о текущей и предшествовавшей литературѣ своего предмета, усиливается рѣшить задачу и готовы приписывать себѣ заслугу рѣшенія, тогда какъ она съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ уже прежде рѣшена другими, или изслѣдована съ большею строгостью ученой методы.

три имѣютъ одно общее засѣданіе ежемѣсячно. Слѣдствіемъ раздѣленія прежняго состава Академіи было раздѣленіе и ея «Бюллетеней» на два разряда, которые выходятъ нумерами, подѣ заглавіемъ :

Bulletin de la Classe physico-mathématique

DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.
St.-Pét. et Leipz. 1843 (начать въ окт. 1842) и слѣд. (До сихъ поръ издано X томовъ въ 240 №№ и 2 №№ XI-го тома въ большую 4°. Каждый томъ состоитъ изъ 24 №№.)

Bulletin de la Classe historico-philologique *)

DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.
St.-Pét. et Leipz. 1844 (начать въ окт. 1842) и слѣд. (До настоящаго времени IX томовъ въ 216 №№ и 12 №№ X тома въ большую 4°).

Назначеніе «Извѣстій» (Bulletins) обоюга разряда не измѣнилось. Только къ обоимъ ежегодно стали присовокуплять, въ видѣ прибавленія, отчетъ Непремѣннаго Секретаря на французскомъ языкѣ, а въ 1849 году положено помѣщать отчетъ въ составѣ самыхъ «Бюллетеней». До прекращенія изданія «Собранія Актовъ» (Recueil des Actes) въ 1849 году, къ «Бюллетенямъ» прилагался и отчетъ втораго отдѣленія. О перемѣнахъ, имѣющихъ произойти въ «Бюллетеняхъ» вслѣдствіе изданія «Ученыхъ Записокъ» Академіи, необходимыя свѣдѣнія будутъ сообщены отъ имени конференціи въ концѣ настоящаго нашего очерка.

И при настоящемъ изданіи «Бюллетеней» ни академики, ни посторонніе ученые не подвергаются ни малѣйшему стѣсненію въ выборѣ языка для своихъ сочиненій. Одни изъ нихъ поддерживали періодическія изданія Академіи Наукъ своими сочиненіями, написанными, для бѣльшаго и удобнѣйшаго распространенія ихъ извѣстности, на иностранныхъ языкахъ: въ числѣ такихъ авторовъ мы видимъ, кромѣ президента Академіи, акаде-

*) Отдѣльные №№ этого «Бюллетеня» имѣютъ слѣдующее заглавіе: Bulletin de la Classe des sciences historiques, philologiques et politiques.

миковъ: Остроградскаго, Буняковскаго, Устрялова, Погодина, профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній и другихъ ученыхъ: Куторгу, Сомова, Казембека, Чебышева, братьевъ Савельевыхъ, Брашманна, Зишина, Ханькова, Бартоломен, Турчанинова, и проч. Другіе ученые находили приличнымъ для своихъ сочиненій русскій языкъ, и Академія всегда оказывала готовность употреблять свои средства на ихъ изданіе въ свѣтъ, не исключая ученыхъ сочиненій, ради ихъ языка, ни изъ своихъ «Мемуаровъ» и «Бюллетеней», ни изъ собранія сочиненій постороннихъ ученыхъ, какъ доказываютъ напечатанные въ томъ или другомъ изданіи сочиненія гг. Устрялова, Беренникова, барона М. Корфа, Билярскаго, Банзарова, Бероева и Перевощикова. Упомянемъ кетати, что г. Аделунгъ съ 1837 по 1846 годъ постоянно сообщалъ на русскомъ языкѣ болѣе или менѣе подробныя извлеченія изъ протоколовъ Академіи въ Журналѣ М. Н. Пр. и изъ статей «Бюллетеней». Надобно еще прибавить, что и ежегодные отчеты Императорскаго Секретаря помѣщались въ русскомъ переводѣ въ томъ же журналѣ и отсюда перепечатывались въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, такъ что отечественная публика всегда имѣла литературныя средства пріобрѣтать нужнѣйшія свѣдѣнія о трудахъ Академіи и знакомиться съ успѣхами наукъ, сколько они проявлялись въ Академіи. Все это впрочемъ нисколько не уменьшаетъ необходимости и даже обязанности Императорскій Академіи Наукъ дѣлать свои труды еще общедоступнѣе — тѣмъ болѣе, что эта обязанность совершенно въ духѣ уставовъ 1803 и 1836 года.

Со времени основанія «Бюллетеней», ихъ вышло 30 томовъ, содержащихъ въ себѣ слишкомъ 700 *лл*, такъ что пріобрѣтеніе цѣлаго изданія для специалистовъ и теперь уже не легко, а со временемъ будетъ еще затруднительнѣе. Чтобы облегчить эту трудность пріобрѣтенія, Академія постановила, въ 1849 г., пускать въ продажу особые оттиски не только разсужденій изъ «Мемуаровъ», но и статей изъ «Бюллетеней», совокупляя послѣднія, по причинѣ небольшого ихъ объема, въ отдѣльныя книжки по однородности предметовъ. Пыльнѣшее устройство ака-

демической типографіи даетъ возможность исполнять это постановленіе безъ особенныхъ издержекъ и выпускать каждую книжку отдѣльно и по умѣренной цѣнѣ. Такихъ сборниковъ по предметамъ Академія донынѣ издаетъ шесть:

1) Mélanges *) Mathématiques et Astronomiques

TIRÉS DU BULLETIN PHYSICO-MATHÉMATIQUE DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG. (4 кн. in-8°.)

2) Mélanges Physiques et Chimiques

TIRÉS И Т. Д. (3 книжки in-8°).

3) Mélanges Biologiques

И Т. Д. (4 кн. in-8).

Въ составъ этого сборника входятъ статьи по части ботаники, зоологій, анатоміи и физиологій.

4) Mélanges Russes

TIRÉS DU BULLETIN HISTORICO-PHILOLOGIQUE et cet. (1849 — 1851) Tome I. St.-Pét. et Leipz. 1851. 733 стр. in-8°. Tome II (двѣ книжки).

Въ составъ этого сборника входятъ статьи по исторіи, этнографіи, лингвистикѣ и статистикѣ Россіи.

5) Mélanges Asiatiques

TIRÉS И Т. Д. (1849 — 1852) Tome I. St.-Pét. et Leipz, 1852. 687 стр. in-8°. Tome II (одна книжка).

Въ составъ этого сборника входятъ, между прочимъ, статьи о народахъ, живущихъ на Кавказѣ, и о другихъ обитателяхъ Россіи, причисляемыхъ къ разряду азіатскихъ народовъ **).

*) Обыкновенно переводятъ это заглавіе словомъ: *Смесь*. Предоставляя другимъ избрать выраженіе, болѣе соответствующее содержанію изданій, мы замѣтимъ только, что наши *Mélanges* походятъ въ некоторомъ отношеніи на *Petits traités* (Сборники) парижской Академіи. Протоколы и годовые отчеты Имперскаго Секретаря не перепечатываются въ *Mélanges*.

***) При раздѣленіи Ученыхъ Извѣстій (*Bulletin scientifique*) на два особые изданія, покойный Френъ публично изъявилъ желаніе, чтобы изъ одной части историко-филологическаго «Бюллетеня» образовался со временемъ особый Азіатскій Журналъ.

6) Mélanges Gréco-romains

TIRÉS И Т. Д. (3 кн. in-8°).

По прекращеніи Recueil des Actes ежегодно издается

Compte-Rendu

DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG
 PRÉCÉDÉ DE L'ÉTAT DE SON PERSONNEL (за 1849 г.). PAR P. H.
 FUSS. St.-Pét. et Leipzig. 1850 и слѣд. in-8°.

Онъ перепечатывается изъ «Бюллетеней» съ прибавленіемъ личнаго состава академиковъ, библіотекарей и хранителей музеевъ, почетныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ Академіи. Къ этому изданію, при случаѣ, прилагаются и портреты умершихъ академиковъ.

Въ «Положеніи» объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, утвержденномъ Государемъ Императоромъ 19 октября 1841 года, объяснено, въ какомъ отношеніи Отдѣленіе принадлежитъ къ составу Академіи Наукъ, какъ нераздѣльнаго цѣлаго, и какъ оно въ то же время имѣетъ свой особенный кругъ дѣятельности. «Положеніе» вмѣняетъ ему въ обязанность представлять въ общую конференцію годовые отчеты о своей дѣятельности. Начиная съ 1842 года, отчеты эти ежегодно печатались отдѣльно и потомъ въ Recueil des Actes. Недавно Отдѣленіе издало свои отчеты за 10 лѣтъ въ одномъ сборникѣ, подъ заглавіемъ:

Отчеты**Императорской Академіи Наукъ
по Отдѣленію Русскаго языка и словесности**

за первое десятилѣтіе съ его учрежденія, составленные по опредѣленію Отдѣленія Академикомъ П. А. Плетневымъ, и читанные имъ въ публичныхъ торжественныхъ собраніяхъ Академіи 29 Декабря, въ день ея основанія.

СПб. 1852. 396 стр. въ-8°.

«Положеніемъ» предоставляется Отдѣленію русскаго языка и словесности отъ времени до времени издавать собраніе сочи-

неній, представляемыхъ его членами. По окончаніи «Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка» и «Опыта Общесравнительной Грамматики Русскаго языка», Отдѣленіе предприняло повременное изданіе по предметамъ своихъ специальныхъ занятій, подъ заглавіемъ:

**Извѣстія
Императорской Академіи Наукъ
по Отдѣленію Русскаго языка и словесности.**

Передаемъ программу «Извѣстій» въ томъ видѣ, какъ она печатается подъ заглавіемъ cadaго выпуска.

«Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ предположило начать съ 1832 года изданіе «Извѣстій» въ томъ же видѣ, какъ издаются Извѣстія (Bulletins) двухъ другихъ Отдѣленій Академіи.»

«Въ составъ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности будутъ входить, кромѣ записокъ о занятіяхъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ о его засѣданіяхъ, сочиненія, какъ Членовъ Академіи, такъ и постороннихъ ученыхъ, читаемыя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, именно: — изслѣдованія и замѣчанія касательно языка Русскаго и языковъ, съ нимъ сопряженныхъ, ихъ литературы и древностей; — разборы замѣчательныхъ трудовъ по части филологіи Славяно-Русской; а въ особенныхъ прибавленіяхъ — памятники языка и словесности, матеріалы для Словаря, Грамматики и т. п.»

«Извѣстія» будутъ издаваться безсрочными выпусками или листами; 24 листа съ прибавленіями составятъ одинъ томъ.»

Донинѣ явилось 19 листовъ I-го тома «Извѣстій», Сверхъ того, изданіе сопровождаютъ двоякаго рода «Прибавленія», имѣющія свою нумерацію страницъ:

1) Памятники и образцы народнаго языка и словесности. (Донинѣ 7 листовъ.)

2) Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій. (Донинѣ 5 листовъ.)

При тѣсныхъ границахъ нашего очерка, мы не можемъ входить подробно въ содержаніе «Извѣстій», точно также, какъ выше, при обзорѣ «Бюллетеней» перваго и третьяго Отдѣленій, мы не касались ихъ содержанія. Замѣтимъ только, что III Отдѣленіе положило сообщать въ своемъ «Бюллетенѣ» свѣдѣнія о дѣятельности II-го Отдѣленія, для ученаго міра вообще (см. ниже, стр. СXXXIX).

Изъ ежегодныхъ изданій Академіи намъ предстоитъ еще упомянуть:

Присужденіе учрежденныхъ П. И. Демидовымъ наградъ.

(Съ шестаго по осмьнадцатое, съ 1836 года). Спб. 1837
и слѣд. in-8°.

Въ первыя пять лѣтъ печаталися въ газетахъ только общій отчетъ Непремѣннаго Секретаря о присужденіи премій. Съ 1836 года вмѣстѣ съ нимъ стали издаваться и рецензіи на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Въ апрѣлѣ 1851 года положено печатать всѣ рецензіи на русскомъ языкѣ. См. объ этомъ ниже, вслѣдъ за нашимъ очеркомъ.

Благополучно царствующему Государю Императору Россія и ученый свѣтъ обязаны не только Главною Астрономическою Обсерваторіею (въ 1839 году), но и Главною Физическою Обсерваторіею (въ 1849 г.). Хотя послѣдняя состоитъ въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ, однако мы не можемъ пройтти ея молчаніемъ, потому что въ ученое отношеніи она связана съ Академіею. Пыльшій директоръ Физической Обсерваторіи, начиная съ 1836 года, издалъ цѣлый рядъ періодическихъ сборниковъ метеорологическаго и вообще физическаго содержания, на французскомъ и русскомъ языкахъ, одни изданы Академіи и потомъ другіе изданы Министерствомъ Финансовъ. Какъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ Академіи, такъ и здѣсь, мы встрѣчаемъ разнообразіе заглавій, которое въ состояніи привести въ затрудненіе всякаго посторонняго этому предмету наблюдателя. По этому мы, освобождая себя отъ подробнаго ихъ исчисленія, предоставляемъ самому директору Обсерваторіи сообщить со временемъ, въ «Ученыхъ Запискахъ», свѣдѣніе о всѣхъ періодическихъ сочиненіяхъ этого рода.

Такъ какъ мы рѣшились (см. выше, стр. ХСVIII) ограничить нашъ обзоръ чисто-периодическими изданіями, то можемъ здѣсь коснуться только двухъ сборниковъ, постоянно издаваемыхъ въ теченіе многихъ лѣтъ безрочными выпусками. Мы разумѣемъ:

Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens.

AUF KOSTEN DER KAISERL. AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
HERAUSGEGEBEN VON K. E. V. BAER UND GR. V. HELMERSSEN.
St. Pet. u. Leipz. 1839 и слѣд. (До сихъ поръ 17 частей in-8°).

Передаемъ вкратцѣ планъ изданія, изложенный при его началѣ въ 1839 году.

Давно нѣтъ изданія, предназначеннаго собирать новые матеріалы для ближайшаго познанія обширнаго русскаго государства съ пограничными ему странами Азии и дѣлать эти матеріалы доступными западной Европѣ... Отъ недостатка такого изданія страдаетъ не только ученый свѣтъ, но и наше отечество: его заслуги наукѣ подвергаются разнымъ потерямъ, именно: 1) Значительные матеріалы съ теченіемъ времени гибнутъ, и тѣмъ скорѣе подвергаются этой опасности, чѣмъ болѣе въ нихъ ученаго содержанія. 2) Собранные матеріалы разсыяны по разнымъ русскимъ и иностраннымъ журналамъ... Еще съ большимъ нетерпѣніемъ и совершенно справедливо Европа ожидаетъ отъ Россіи свѣдѣній о тѣхъ странахъ Азии, съ которыми наше отечество имѣетъ сношенія, тогда какъ для другихъ Европейцевъ онѣ почти недоступны. — Географія, въ обширномъ смыслѣ слова, сдѣлалась самою общеприятною наукою съ тѣхъ поръ, какъ ученые, подобные Гумбольдту и Риттеру, объяснили, что на земной поверхности написаны не только законы распространенія органическихъ тѣлъ, но часто и судьбы живущихъ на ней народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, исторія, разсматриваемая въ цѣломъ, представляетъ развитіе двухъ условій: свойства обитаемой страны и внутренней человѣческой природы. По этому въ наши дни, кромѣ спеціально-географическихъ вопросовъ, много приобрѣли интереса и вопросы этнографическіе, и чѣмъ болѣе европейская цивилизація распространяется между разными народами, чѣмъ болѣе она стремится сгладить между ними различія, тѣмъ болѣе мы должны заботиться о сохраненіи вѣрныхъ и полныхъ картинъ общественныхъ состояній на разныхъ степеняхъ образованія. Только изъ этихъ картинъ можно познать внутреннюю природу человѣка, видоизмѣняющуюся по племенамъ и народамъ. Русское государство не должно остаться чуждымъ этому направленію науки, и въ новѣйшее время оно, дѣйствительно, не остается къ нему равнодушнымъ... *)

*) Еще подробнѣе говоритъ г. Беръ о настоятельной необходимости собирать этнографическія наблюденія въ предисловіи къ своему изданію (стр. XV).

«Издатели будутъ употреблять нѣмецкій языкъ, не исключая впрочемъ французскаго... Изданіе будетъ печататься иждивеніемъ Академіи... Если бы мы имѣли болѣе досуговъ и могли распорядиться болѣе широкими средствами, мы много распространили бы этотъ планъ и предприняли бы сообщать ученому свѣту вполнѣ или въ извлеченіяхъ весь матеріалъ, представляемый русскими журналами и книгами о своемъ отечествѣ. Но эти источники нынѣ такъ обильны, что безъ значительной помощи мы не можемъ и подумать о подобномъ расширеніи плана. Впрочемъ мы не отказываемся отъ надежды сообщать по крайнѣйшей мѣрѣ краткіе отчеты объ относящейся къ нашему предмету литературѣ.

Мы не можемъ здѣсь входить въ подробности содержанія и распространяться о достоинствѣ вышедшихъ донинѣ частей сборника *): замѣтимъ только, что онъ содержитъ въ себѣ статьи гг. Врангеля, Веніаминова, Бера, Гельмерсена, Ю. Гагемейстера, Кёппена, Тетцмана, Миддендорфа, Гофмана, графа А. Кейзерлинга, Вареліуса, Бузе, Ф. Аделунга, Шренка, Даля, Эйхвальда, Даниловича, Погодина, Базицера, Лемана и др.: только немногія изъ этихъ статей переведены изъ русскихъ книгъ или рукописныхъ сочиненій.

Другой періодическій сборникъ выходитъ въ свѣтъ подъ двоякимъ заглавіемъ:

Матеріалы къ ближайшему познанію прозябаемости Россійской Имперіи.

Спб. 1844 и слѣд. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. (До сихъ поръ 8 книжекъ въ-8°).

Beiträge zur Pflanzenkunde des Russischen Reiches.

St. Pet. 1844 и слѣд. (8 Lieferungen).

Этотъ сборникъ предназначенъ служить литературнымъ центромъ для изслѣдованій о русской флорѣ и имѣетъ еще особенную цѣль — собирать русскія народныя ботаническія названія, въ чемъ оказывало ему содѣйствіе Министерство Государствен-

*) Читатели могутъ пока удовольствоваться обстоятельною рецензією Отечественныхъ Записокъ за 1850 годъ (томъ LXVIII, отд. V).

ныхъ Имушествъ. Первая книжка издана на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ, сколько можно было передать въ русскомъ переводѣ ботаническія изслѣдованія. Позднѣ Академія не нашла неудобнымъ помѣщать статьи, написанныя на латинскомъ, тѣмъ болѣе, что ботаника вообще не можетъ обойтись безъ латинской номенклатуры. Семь первыхъ книжекъ содержатъ въ себѣ только статьи академикомъ Мейера и Рупрехта. Осьмую книжку составляютъ матеріалы для приволжской флоры, профессора Клауса: въ 1851 году она отдѣльно издана Академіею въ русскомъ переводѣ.

Оканчивая нашъ литературно-историческій очеркъ, бросимъ общій взглядъ на послѣдній, нынѣ продолжающійся періодъ Академіи. Постоянное движеніе періодическихъ органовъ ея дѣятельности въ продолженіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій образовало многотомный рядъ изданій, которыя служатъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ ревности ея членомъ къ разработкѣ и расширенію области наукъ вообще и къ обогащенію ихъ особенно тѣми предметами, которые принадлежатъ къ физическому и нравственному міру Россіи и составляютъ предметъ собственно-русской задачи Академіи. И при нынѣшнемъ составѣ и благосостояніи Академіи, упрочиваемыхъ всемілостивѣйшимъ покровительствомъ Государя Императора, нѣтъ причины опасаться оскудѣнія или застоя ея дѣятельности на будущее время.

Какъ при правильномъ и успѣшномъ ходѣ вещей всегда яснѣе обозначаются истинныя потребности времени, такъ и въ Академіи въ послѣднее время ощутительно обнаружилась двѣ потребности для распространенія вліянія ея ученой дѣятельности въ Россіи и въ ученюмъ мірѣ вообще. Кто хорошо знакомъ съ общимъ состояніемъ современной учености хотя въ одной спеціальной отрасли наукъ, тотъ легко согласится, что литературное предпріятіе, подобное изложенному нами выше (стр. СХІХ, прим.), составляетъ настоятельную потребность нашего времени и было бы истиннымъ благодѣяніемъ для русскихъ ученыхъ по всѣмъ отраслямъ наукъ. Сверхъ того, такой центральный періодическій органъ, бывъ основанъ для ученыхъ вообще, безъ раз-

личія національностей, послужилъ бы русской учености вѣрнѣйшимъ средствомъ занять почетное мѣсто въ литературахъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ и увеличилъ бы между ними славу Россіи. Для осуществленія такого учено-литературнаго предпріятія, конечно, нужны, кромѣ особенныхъ матеріальныхъ средствъ, соединенныя силы многихъ специально-ученыхъ по разнымъ отраслямъ наукъ. Но какъ бы ни было желательно видѣть осуществленіе такого предпріятія, и какъ бы ни было выгодно для Академіи Наукъ, если бы ея ученая дѣятельность, и особенно выражающаяся въ ея періодическихъ изданіяхъ, вошла въ составъ систематическаго обзоренія произведеній русской учености вообще, при всемъ томъ нельзя не согласиться, что сама Академія не можетъ взять на себя подобнаго предпріятія, потому что оно слишкомъ отвлекло бы ее отъ обязанностей ея главнаго призванія, не говоря уже о томъ, что многія спеціальныя отрасли наукъ не имѣютъ представителей въ Академіи. И между тѣмъ мы убѣждены, что подобное предпріятіе непременно состоится, какъ скоро выкинутъ надлежащимъ образомъ въ его необходимость.

Совсѣмъ иначе смотритъ Академія на свою обязанность — немедленно восполнить огромный пробѣлъ, съ давнихъ поръ оставшійся въ ея періодическихъ изданіяхъ: мы разумѣемъ недостатокъ энциклопедическаго журнала на русскомъ языкѣ. Восполненіе этого недостатка въ послѣднія пять лѣтъ неразъ было предметомъ разсужденій между нѣкоторыми членами Академіи. Въ 1848 году въ историческомъ отдѣленіи оказалась даже готовность принять рѣшительныя мѣры въ этомъ отношеніи: но тогда не удалось еще привести въ исполненіе задуманнаго плана. Только въ текущемъ году состоялось наконецъ предпріятіе, вполне соответствующее разнообразнымъ потребностямъ перваго и третьяго Отдѣленій. Подробнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ новомъ изданіи читатель найдетъ въ нижеслѣдующей программѣ, издаваемой III-мъ Отдѣленіемъ отъ лица академической конференціи.

ОБЪ ИЗДАНИИ

УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Читано въ засѣданіи III Отдѣленія 20 августа 1852.)

Со времени своего преобразованія въ 1803 году, Императорская Академія Наукъ предоставляетъ своимъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членамъ, членамъ-корреспондентамъ и постороннимъ ученымъ полную свободу избирать тотъ или другой языкъ для ученыхъ сочиненій, предназначаемыхъ къ изданію подъ ея покровительствомъ. Точно также и на будущее время она предоставляетъ извѣстнымъ языкамъ равныя права, и, кромѣ русскаго, будетъ допускать въ своихъ изданіяхъ сочиненія на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Такъ поступаетъ она въ слѣдствіе убѣжденія, что *въ области стро-гой науки* главное составляетъ не виѣшняя форма, въ какой выступаетъ въ свѣтъ ученое открытіе или новое наблюденіе, но самое содержаніе и внутренняя форма его ученаго развитія. Различіе этой виѣшней формы Академія не можетъ считать препятствіемъ распространенію своихъ ученыхъ трудовъ, потому что знаніе помянутыхъ языковъ, по общему сознанію, болѣе или менѣе, смотря по предмету, необходимо для всякаго, кто хочетъ стать на высоту современнаго состоянія науки и постоянно слѣдить за успѣхами спеціальнаго предмета своихъ занятій, чтобы

потомъ содѣйствовать своими трудами дальнѣйшимъ его успѣхамъ. Потому, безъ сомнѣнія, само правительство наше, уже со временъ Петра Великаго, постоянно заботится о доставленіи и улучшеніи средствъ къ изученію помянутыхъ языковъ для молодыхъ поколѣній въ учебныхъ заведеніяхъ.

Только такимъ образомъ Академія Наукъ надѣется исполнить свое призваніе, которое ставитъ ей въ непремѣнную обязанность поддерживать постоянныя сообщенія съ ученымъ міромъ, потому что въ случаѣ ихъ недостатка неминуемо оскудѣла бы ея дѣятельность. Тѣмъ не менѣе Академія живо сознаетъ еще другую обязанность, которая также тѣсно связана съ ея призваніемъ. Русская литература, иѣкогда столь бѣдная чисто-учеными сочиненіями, въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ и особенно въ нынѣшнее благополучное царствованіе, достигла въ этомъ отношеніи значительныхъ успѣховъ. Ученые предметы, прежде вовсе не обработывавшіеся на русскомъ языкѣ, нынѣ уже не такъ малозвѣстны; другіе, рѣдко являвшіеся въ русской литературѣ, нынѣ имѣютъ достойныхъ представителей между русскими литераторами и несравненно обширнѣйшій кругъ читателей. Сколько основано или возобновлено по настоящее время спеціальныхъ ученыхъ обществъ, и именно при покровительствѣ и поощреніи Государя Императора и Членовъ Его Августѣйшаго Дома! Даже на Кавказѣ и въ Сибири положены пачатки подобныхъ учрежденій. Публичныя бібліотеки основываются, при содѣйствіи правительства и добровольными приношеніями частныхъ лицъ, даже въ отдаленнѣйшихъ губерніяхъ. Спеціальныя журналы и разные сборники, издаваемые правительствомъ или частными лицами, разносятъ по обширному пространству Россіи множество здравыхъ идей и полезныхъ свѣдѣній и облегчаютъ ихъ приложеніемъ къ практикѣ.

Правда, всѣ эти явленія, хотя отрадные и знаменательныя не для однихъ русскихъ патріотовъ, не успѣли еще поставить русской языкъ, въ глазахъ просвѣщенныхъ народовъ, наравнѣ съ другими языками, въ число главныхъ органовъ науки, и не приобрѣли еще русской литературѣ уваженія, соотвѣтствующаго

политическому значенію Россіи, какъ всемірно-исторической державы. Но вспомнимъ, что и другіе народы Европы, начавшіе свое ученое поприще задолго до Петра Великаго, только вѣковыми усиліями могли достигнуть своей настоящей ученой славы, а нѣкоторые изъ нихъ донынѣ успѣли ознаменовать себя въ глазахъ ученаго свѣта только въ немногихъ областяхъ знанія. Русскому языку предстоитъ еще будущность, и ученія знаменитости Европы уже предчувствуютъ его значеніе для науки. Не разъ высказывалось убѣжденіе, что нѣкоторые пробѣлы, ощутительные въ нѣмецкой, французской и англійской учености, всего удобнѣе могутъ быть восполнены со стороны Россіи. Не говоря уже о томъ, что русская исторія въ обширномъ смыслѣ слова, также географія, статистика и этнографія Россіи, безъ знанія русской литературы всегда будутъ чуждымъ, малодоступнымъ предметомъ для западныхъ ученыхъ, замѣтимъ, что нѣкоторые ориенталисты въ Германіи и Австріи добровольно изучили литературный русскій языкъ, чтобы воспользоваться средствами, какія онъ доставляетъ по части восточныхъ занятій.

Сознавая предназначеніе русской ученой литературы и оцѣнивая съ этой точки зрѣнія современныя ея стремленія, Императорская Академія Наукъ не можетъ оставаться равнодушною къ ихъ успѣхамъ. Она признаетъ за обязанность постоянно наблюдать за направленіями этихъ стремленій и оказывать дѣятельную помощь соревнованію русскаго ума на поприщѣ всемірной учености, надѣясь исполненіемъ этой обязанности осуществитъ горячія желанія и надежды своего основателя и Августѣйшихъ его потомковъ. И Академія увѣрена, что она не напрасно приступаетъ нынѣ съ усиленными средствами къ исполненію мысли, никогда вовсе не угасавшей въ ея дѣятельности въ продолженіе всей ея исторіи.

Императорская Академія Наукъ считаетъ своею первою обязанностью пдти въ уровень съ современнымъ состояніемъ всемірной учености, и мы позволяемъ себѣ думать, что обнаруженіе ея ученой дѣятельности предъ русскою публикою можетъ способствовать распространенію строго-ученаго духа, расширить

и уяснять взгляды, предотвращать ограниченность, довольно естественную въ умственныхъ направленіяхъ отдѣльнаго народа, по несообразную съ назначеніемъ и силами всемірно-исторической державы. Но еще плодотвориѣ для русской учености должно быть, по убѣжденію Академіи, соотвѣтствіе ея дѣятельности мѣстнымъ ученымъ потребностямъ, или то, что можно назвать собственно *русскою задачею* Академіи. Она надѣется, что труды ея членовъ, обработанные въ духѣ современнаго состоянія науки, бывъ усвоены русской публикѣ на отечественномъ языкѣ, будутъ помогать однороднымъ направленіямъ русской учености достигать той степени зрѣлости, въ какой они могутъ занять почетное мѣсто во всеобщей ученой литературѣ. Но Академія и прежде не ограничивала своего общенія съ русскою ученостью только однородностью предметовъ: она принимала въ свои изданія сочиненія русскихъ ученыхъ на отечественномъ языкѣ, при разныхъ случаяхъ входила въ потребности русской учености и старалась удовлетворять имъ, какъ читатель можетъ удостовѣриться изъ ея протоколовъ. Отнынѣ Академія полагаетъ, что усилить и распространить это общеніе было бы благотворно для обѣихъ сторонъ, и потому, предлагая, по прежнему, свои услуги къ изданію трудовъ русскихъ ученыхъ на отечественномъ языкѣ, она имѣетъ въ виду открыть еще другіе способы сближенія съ русскою ученостью. Въ такихъ видахъ Императорская Академія Наукъ приступаетъ нынѣ къ дѣйствительному исполненію литературнаго предпріятія, котораго мысль созрѣвала въ сознаніи нѣкоторыхъ ея членовъ съ 1848 года.

Въ засѣданіяхъ 20 февраля и 5 марта 1852 года III Отдѣленіе Академіи опредѣлило: издавать ученый журналъ на русскомъ языкѣ. Къ этому предпріятію вскорѣ присоединилось и I-е Отдѣленіе Академіи, предоставляя III-му Отдѣленію главное завѣдываніе и распоряженіе изданіемъ.

Въ этомъ изданіи положено было помѣщать какъ оригинальныя русскія сочиненія академиковъ, почетныхъ членовъ, членовъ-корреспондентовъ и постороннихъ ученыхъ, такъ и переводы и извлеченія изъ сочиненій, издаваемыхъ Академією на

какомъ-либо изъ иностранныхъ языковъ. Соотвѣтственно этому содержанию изданія, для него избрано названіе *Ученыхъ Записокъ*. При подробнѣйшемъ разсмотрѣніи содержанія, назначаемого для «Ученыхъ Записокъ» оказалось, что въ нихъ будутъ помѣщаться:

1) *Разсужденія (Mémoires) и статьи (Notes), написанныя на русскомъ языкѣ и одобренныя тѣмъ или другимъ Отдѣленіемъ Академіи, безъ различія ихъ по тѣмъ качествамъ, вслѣдствіе которыхъ они, бывъ написаны на какомъ-либо изъ иностранныхъ языковъ, были бы признаны умѣстными или въ «Мемуарахъ», или въ «Бюллетеняхъ» Академіи по преимуществу.*

2) *Полные переводы разсужденій и статей большаго или меньшаго объема, издаваемыхъ Академіею на иностранныхъ языкахъ.*

3) *Извлеченія изъ книгъ, разсужденій и статей, издаваемыхъ Академіею на иностранныхъ языкахъ.*

4) *Годовые отчеты Непремѣннаго Секретаря о дѣятельности Академіи Наукъ. Въ необходимости оффиціального перевода отчетовъ, исполненнаго при содѣйствіи самой Академіи, она убѣдилась изъ опытовъ, которые достаточно показали, какъ трудно одному переводчику вѣрно передать множество специально-ученыхъ вопросовъ по разнымъ наукамъ, при сжатомъ изложеніи въ отчетѣ.*

5) *Общіе отчеты о присужденіи Демидовскихъ наградъ.*

6) *Годовой отчетъ Директора Главной Физической Обсерваторіи, состоящей въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ.*

7) *Историческіе матеріалы, въ оригиналѣ написанные на русскомъ, или переведенные съ другихъ языковъ, особенно касающіеся исторіи царствованія Петра Великаго и исторіи наукъ и образованія въ Россіи. Этотъ отдѣлъ имѣетъ также своимъ назначеніемъ знакомить отечественную публику съ прежними учено-литературными трудами Академіи; вмѣстѣ съ этимъ частнымъ интересомъ Академія имѣетъ въ виду общую цѣль — собрать мало по малу матеріалы для полной исторіи своей учено-литературной дѣятельности, или приготовить *Литературную Лѣтопись Академіи* съ 1726 по 1851 годъ.*

8) *Современная исторія Академіи*: извлеченія изъ протоколовъ I и III Отдѣленій и общаго собранія всѣхъ трехъ Отдѣленій; извѣстія о личномъ составѣ Академіи и о происходящихъ въ немъ перемѣнахъ.

9) Предлагаемыя Академіею задачи на соисканіе премій и болѣе или менѣе подробныя извлеченія изъ критическихъ разборовъ являющихся по этому поводу сочиненій.

10) *Современная литературная лѣтопись Академіи* или *Библиографическія извѣстія* не только о книгахъ, изданныхъ Академіею съ текущаго года, но и о мемуарахъ и статьяхъ, до тѣхъ поръ не напечатанныхъ на русскомъ ни въ переводѣ, ни въ извлеченіи.

Каждый томъ будетъ снабженъ, кромѣ оглавленія содержащихся въ немъ статей, указателемъ главнѣйшихъ предметовъ статей и именъ упоминаемыхъ въ нихъ писателей.

Такимъ образомъ «Ученыя Записки» предѣлами своего объема не соотвѣтствуютъ ни «Мемуарамъ», ни «Бюллетенямъ» Академіи исключительно, но, совмѣщая въ себѣ тѣ и другія соотвѣтственно потребностямъ русской учености, имѣютъ своимъ назначеніемъ служить центральнымъ органомъ для собственной дѣятельности I и III Отдѣленій и для ихъ литературныхъ предпріятій въ пользу русской учености по преимуществу.

Что касается выбора статей для «Ученыхъ Записокъ», то надобно прежде всего замѣтить, что Академія Наукъ не намѣрена издавать въ русскомъ переводѣ всѣхъ мемуаровъ и статей, печатаемыхъ ею на иностранныхъ языкахъ, не говоря уже о цѣлыхъ книгахъ. Кромѣ того, что подобное предпріятіе было бы неудобно исполнимо по матеріальнымъ расчетамъ, надобно согласиться, что оно было бы и неумѣстно: въ кругу занятій Академіи Наукъ много предметовъ въ высшей степени специальныхъ, которые могутъ быть доступны развѣ немногимъ въ большинствѣ публики. Это надобно сказать особенно объ отрасляхъ естествознанія. Большая часть этого разряда академическихъ трудовъ такъ примыкаетъ къ нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ сочиненіямъ, что въ русскомъ переводѣ они были

бы понятны только тому, кто близко знакомъ съ ученою частию помянутыхъ трехъ литературъ. Объ академическихъ сочиненіяхъ по ботаникѣ и зоологіи надобно еще замѣтить, что они вообще доступны только знающимъ латинскую терминологию этихъ наукъ. По всѣмъ этимъ причинамъ изъ естествоописательныхъ сочиненій предполагается избирать для помѣщенія въ «Ученыхъ Запискахъ», въ переводѣ или въ извлеченіи, только нѣкоторыя, по мѣрѣ ихъ общаго или мѣстнаго интереса и по практической важности. Впрочемъ о каждой книгѣ и даже о каждой статьѣ, издаваемой Академіею на иностранныхъ языкахъ, будетъ сообщено въ «Ученыхъ Запискахъ» свѣдѣніе въ годовомъ отчетѣ, въ протоколахъ, или въ библиографическихъ извѣстіяхъ.

Совсѣмъ иной интересъ представляютъ исторія, лингвистика, государственныя и другія науки даже въ томъ объемѣ, въ какомъ онѣ составляютъ предметъ занятій III Отдѣленія Академіи. Большая часть содержанія этихъ наукъ несравненно общедоступнѣе предметовъ математики, астрономіи и естествознанія; а труды III Отдѣленія способны внушать особенное участіе еще и потому, что болѣе или менѣе непосредственно касаются нашего отечества. Потому Академія предполагаетъ знакомить читателей «Ученыхъ Записокъ» не только съ современными трудами III Отдѣленія, но и съ нѣкоторыми сочиненіями прежнихъ его членовъ, какъ напр. Френа, Кёлера и друг., надѣясь оказать русской ученой литературѣ немалую услугу, усвоивъ ей въ вѣрномъ переводѣ плоды зрѣлой учености. Но угодить всѣмъ и каждому, какъ вызывались-бывало редакторы подобныхъ изданій Академіи въ прошедшемъ столѣтїи, нынѣ Академія не объявляетъ притязанія: она даже тѣмъ менѣе надѣется удовлетворить желаніямъ каждаго читателя, чѣмъ рѣшительнѣе будутъ увѣрять, по общепринятому мнѣнію, будто бы въ наше время науки во всѣхъ частяхъ своего содержанія могутъ и должны быть излагаемы общедоступно и для всякаго занимательно. Какъ бы ни было желательно, чтобы науки излагались ясно и общепонятно, и чтобъ ихъ результаты какъ

можно больше распространялись въ публикѣ и замѣняли поверхностные взгляды и незрѣлыя или устарѣвшія теоріи, тѣмъ не менѣе *между строгою наукою и общимъ образованіемъ всегда будетъ существовать большое разстояніе*. Многіе предметы, даже непосредственно нужные для полноты и основательности самыхъ общихъ воззрѣній міросозерцанія, требуютъ многолѣтнихъ изслѣдованій и наблюденій; ученые наполняютъ ими цѣлыя книги, а между тѣмъ въ общее образованіе переходятъ только послѣдніе ихъ результаты, и публика не всегда имѣетъ возможность понять и оцѣнить даже ихъ важность и значеніе: таковы именно многія спеціальныя историко-критическія и лингвистическія изслѣдованія и многолѣтнія наблюденія натуралистовъ.

Остается еще упомянуть о перемѣнахъ, какія конференція вслѣдствіе предпріятія «Ученыхъ Записокъ», признала нужными въ существующихъ изданіяхъ Академіи. Отнынѣ въ «Мемуарахъ» и «Бюллетеняхъ» I и III Отдѣленій уже не будутъ помѣщаться сочиненія на русскомъ языкѣ: эти два изданія исключительно предназначаются для ученыхъ вообще, безъ различія національности. Академія, какъ мы сказали, никого не стѣсняетъ литературною формою, предоставляя каждому писать на томъ языкѣ, какой онъ привыкъ употреблять въ своихъ сочиненіяхъ *). Но при нынѣшнемъ состояніи русской учености случается, что интересъ сочиненія, назначеннаго собственно для русской публики, оказывается выше его назначенія и заслуживаетъ общей извѣстности въ ученомъ мірѣ. На этотъ случай конференція опредѣлила на будущее время, сколько это окажется возможнымъ, сообщать такія сочиненія въ «Мемуарахъ» или

*) Вѣнская Академія Наукъ допускаетъ въ свои изданія даже языки, не принадлежащіе къ числу общеупотребительныхъ въ ученой литературѣ, какъ напр. мадьярскій, итальянскій, чешскій и другія славянскія нарѣчія. «Астрономическія Извѣстія», основанныя Шумахеромъ въ Альтошѣ и служація литературнымъ центромъ для астрономовъ Европы и Америки, почти каждый мѣсяць представляютъ на своихъ страницахъ статьи на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ. Это впрочемъ не единственныя примѣры. Вообще понятія о такъ называемомъ — Gleichberechtigung der Gelehrtensprachen — уравненіи права образованнѣйшихъ языковъ на ученое употребленіе явно созрѣваютъ, обнаруживаясь при разныхъ случаяхъ.

«Бюллетеняхъ», въ переводѣ или въ извлеченіи, на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ. Такимъ образомъ покуда постановлено слѣдующее:

1) Общій отчетъ Непремѣннаго Секретаря о присужденіи Демидовскихъ наградъ, до сихъ поръ прилагавшійся къ «Бюллетению» только на русскомъ языкѣ, отнынѣ помѣщать во французскомъ переводѣ въ самыхъ «Бюллетеняхъ».

2) Рецензій о сочиненіяхъ, представляемыхъ на Демидовскій конкурсъ, съ 1851 г. всѣ печатались на русскомъ языкѣ вслѣдъ за отчетомъ: теперъ положено печатать нѣкоторыя изъ нихъ въ «Бюллетеняхъ» на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, для распространенія ихъ извѣстности въ ученomъ мѣрѣ.

3) Согласно съ желаніями гг. членовъ II Отдѣленія Академіи, III Отдѣленіе будетъ сообщать, въ своемъ «Бюллетенѣ», болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ ученыхъ сочиненіяхъ, помѣщаемыхъ въ *Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности*.

4) «Бюллетени» Академіи будутъ постоянно сообщать точныя бібліографическія свѣдѣнія о статьяхъ, являющихся въ «Ученыхъ Запискахъ», а въ годовомъ отчетѣ непремѣннаго секретаря, имѣющемъ обширный кругъ читателей въ Европѣ, естественно, будутъ упомянуты оригинальныя русскія статьи «Ученыхъ Записокъ».

5) Что касается переводовъ и извлеченій изъ оригинальныхъ статей «Ученыхъ Записокъ» для «Мемуаровъ» и «Бюллетеней», то конференція предоставляетъ себѣ впредь обдумать мѣры къ исполненію этой потребности сообразно съ обстоятельствами и особенно соображаясь съ матеріальными средствами, какія она можетъ употребить на выполненіе этого предположенія. Но въ настоящее время она предоставляетъ самимъ авторамъ, какъ академикамъ, почетнымъ членамъ и членамъ-корреспондентамъ, такъ и постороннимъ ученымъ, прилагать переводъ или извлеченіе на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ или англійскомъ языкѣ къ русскимъ сочиненіямъ, которыя они сообщаютъ Академіи для изданія въ ея «Ученыхъ Запискахъ». Конференція сочтетъ для

себя пріятнымъ долгомъ содѣйствовать изданіемъ этихъ переводовъ или извлеченій распространенію извѣстности трудовъ русскихъ авторовъ въ ученое мѣръ вообще, какъ скоро найдетъ въ нихъ пріобрѣтеніе для общаго состоянія науки.

«Ученыя Записки» будутъ выходить, покуда, безсрочными выпусками, безъ опредѣленнаго числа листовъ въ каждомъ выпускѣ. При особенныхъ обстоятельствахъ сочиненія, назначаемыя для «Ученыхъ Записокъ», будутъ издаваться немедленно, хотя бы книжка не достигла еще обыкновенной величины выпуска. 40—45 листовъ составятъ томъ. Цѣна за каждый томъ 2 р. сер.

Какъ здѣшніе, такъ и иногородные подписчики могутъ получать «Ученыя Записки» у комиссіонеровъ Академіи, книгопродавцевъ Глазунова и Эггерса. Кромѣ того, иногородные подписчики могутъ обращаться съ своими требованіями прямо въ Комитетъ Правленія Императорской Академіи Наукъ, откуда будутъ немедленно получать каждую книжку «Ученыхъ Записокъ» по ея выходѣ.

— 2 —

ОТЧЕТЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
ПО ПЕРВОМУ И ТРЕТЬЕМУ ОТДѢЛЕНІЯМЪ,
ЗА 1851 ГОДЪ.

(Читанъ Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи въ публичномъ собраніи
29 декабря 1851 года. *)

I. Пятое двадцатипятилѣтіе Академіи.

Мы не можемъ на этотъ разъ приступить къ обычному нашему предмету, не вызвавъ напередъ воспоминанія, драгоценнаго для насъ во всѣхъ отношеніяхъ: нынѣ совершилось двадцатипятилѣтіе двумъ Августѣйшимъ Членамъ нашей Академіи: Его Величеству Государю Императору и Его Высочеству Государю Цесаревичу Наслѣднику. Нынѣ же совершилось двадцатипятилѣтіе отъ учрежденія нашихъ годовыхъ и публичныхъ собраній; прошла четверть вѣка послѣ торжественнаго празднованія столѣтняго юбилея нашей Академіи.

II. Перемены въ личномъ составѣ Академіи.

1. Утраты.

Въ числѣ присутствующихъ здѣсь академикомъ теперь только двое бывшихъ очевидцами этого достопамятнаго торжества:

*) Въ подлинникѣ напечатанъ въ Бюллетеняхъ I и III Отдѣленій Академіи подъ заглавіемъ: *Compte rendu de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Année 1851.*

еще недавно ихъ было между нами вдвое болѣе. Въ текущемъ году на нашемъ литературномъ горизонтѣ погасли два свѣтила высшей германской учености, оказавъ своимъ плодотворнымъ свѣтомъ сильное вліяніе на распространеніе между нами участія къ познанію востока и къ истинно-классическимъ занятіямъ. Френа и Грефе — этой благородной четы, *par pobile fratrum* — нѣтъ болѣе между нами. Любимые ученики двухъ славныхъ ученыхъ, Олафа Герарда Тихсена и Готфрида Германа, они принесли въ Россію духъ и знаніе своихъ великихъ учителей: проникнутые благороднымъ и тихимъ одушевленіемъ, такъ прекрасно характеризующимъ сыновъ ученой Германіи, они передались у насъ сердцемъ и душою своему высокому и уважаемому призванію, и съ избыткомъ воздали своему новому отечеству за оказанное имъ гостепрѣимство.

Я останавливаюсь: свѣту извѣстны ихъ дѣянія, и, я думаю, никто не осудитъ меня, если я не приму на себя трудной обязанности изобразить, какъ желалъ бы, яркими чертами ученую жизнь сихъ высшихъ умовъ и оцѣнить ихъ вліяніе на науку, которой они были достойными представителями, и вліяніе на страну, служенію которой посвятили свои благородныя усилія. Слава ученаго, если только онъ не переживетъ самого себя, есть цвѣтокъ, который во всемъ своемъ блескѣ распускается большею частью только тогда, когда смерть своею безжалостной рукою отмѣряетъ пустоту, остающуюся за его утратой. И вотъ почему случалось видѣть, что въ парижской Академіи произносятся похвальное слово академику лѣтъ чрезъ 50 послѣ его кончины. Нѣтъ сомнѣнія, что оцѣнка ученыхъ заслугъ становится тѣмъ беспристрастнѣе, чѣмъ она позднѣе; но за то она лишается одной изъ существенныхъ стихій хорошей біографіи, теряя черты, характеризующія человѣка и его частную жизнь, и этотъ недостатокъ дѣлаетъ ощутительно неполною картину, въ другихъ отношеніяхъ самую правдивую и созданную артистически. Будемъ надѣяться, что знаменитымъ ученымъ, которымъ мы посвящаемъ наши грустные воспоминанія, не придется такъ долго ждать достойнаго ихъ имени біографа, и что, можетъ быть, не позже, какъ черезъ годъ, между товарищами или учениками — наследниками ихъ знанія, найдутся почитатели, спо-

собные иначе, чѣмъ я, воздать эту послѣднюю и законную дань ихъ заслугамъ.

Эти двѣ утраты, равно и постигшая Второе Отдѣленіе, касаются Академіи непосредственно; но она понесла еще другія — въ ряду стороннихъ своихъ членовъ. Произнося ихъ имена, мы хотимъ воздать имъ должную дань почтенія и сожалѣній.

Въ текущемъ году скончались:

Русскій почетный членъ Академіи: Тайный Совѣтникъ Фонъ-Струве, Русскій Полномочный Министръ въ Гамбургѣ.

Иностранные почетные члены: нѣмецкій геометръ Якоби, у котораго ни какая нація не оспоритъ преимуществъ, пріобрѣтенныхъ его безсмертными трудами между современными геометрами, и Эрстедъ (Oersted), соединившій свое имя съ однимъ изъ блистательнѣйшихъ открытій нашего времени.

Члены-корреспонденты: астрономъ Шумахеръ; его небольшая обсерваторія, уединенно стоящая на границѣ округа богатаго коммерческаго города, въ продолженіе тридцати лѣтъ была центромъ, соединявшимъ астрономовъ двухъ частей свѣта; Ледебуръ, почтенный учитель нашихъ русскихъ ботаниковъ и ревностный двигатель успѣховъ русской флоры; знаменитые филологи: Гандъ въ Іенѣ и Лахманъ въ Берлинѣ, и профессоръ химіи въ Дерптскомъ Университетѣ Гёбель (Göbel).

2. Назначенія.

Кромѣ избранія и повышенія, сообщаемыхъ отчетомъ Второго Отдѣленія, другихъ подобныхъ перемѣнъ въ Академіи не было. Но вѣтъ ея пятеро изъ нашихъ академиковъ получили и приняли почетныя предложенія должностей, совмѣстныхъ съ ихъ академическими обязанностями: г. Брандтъ получилъ кафедру ординарнаго профессора зоологій въ С. Петербургской Медико-Хирургической Академіи; наши ботаники, гг. Мейеръ и Рупрехтъ, опредѣлены: первый — директоромъ, а второй — старшимъ его помощникомъ при Императорскомъ Ботаническомъ Садѣ. Гг. Стефани и Броссе поступили, въ званіи хранителей, въ Императорскій Эрмитажъ. Сверхъ того, Академія, пользуясь правомъ, предоставленнымъ ей регламентомъ

Магнитической и Метеорологической Обсерваторіи въ Тифлисѣ, избрала въ директоры сего заведенія г. Морица, который и утвержденъ въ этомъ званіи г. Намѣстникомъ Кавказскимъ.

III. Труды Академіи.

1. Изданіе сочиненій.

Кромѣ обыкновенныхъ изданій Академіи, каковы: четыре собранія «Мемуаровъ», два «Бюллетеня» и пр., — кромѣ этихъ изданій, продолжающихся безъ остановки, въ текущемъ году у насъ напечатано нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій, въ ряду которыхъ укажемъ прежде всего «Среднія положенія неподвижныхъ звѣздъ, и въ особенности сложныхъ»¹⁾, сочиненіе, достойнымъ образомъ замыкающее длинный рядъ изысканій, посвященныхъ г-омъ Струве самой трудной части звѣздной астрономіи и занимающихъ 38 лѣтъ сосредоточенной дѣятельности. Этотъ полновѣсный фоліантъ, начавшійся печатаніемъ въ 1844 году, составляетъ, такъ сказать, вершину свода, возведеннаго столь же терпѣливо, какъ и художественно, отъ основаній, которыя заложены были еще въ 1827 году въ «Новомъ Каталогѣ двойныхъ звѣздъ», изданномъ въ Дерптѣ, и въ «Микрометрическихъ измѣреніяхъ», изданныхъ Академіею въ 1837 году. Не безъ гордости представляемъ мы вашему вниманію сей послѣдній плодъ бдительности нашего астронома, и хотя въ его изданіи не достаетъ еще нѣсколько листовъ, мы сочли тѣмъ не менѣе умѣстнымъ здѣсь же, въ нѣдрахъ самой Академіи, сообщить публикѣ первое о немъ извѣстіе, чтобы предупредить относительно цѣли и плана сочиненія и вразсужденія его значенія для науки. Вопросъ о томъ, простираются ли законы тяготѣнія на отдаленнѣйшіе міры небесной тверди точно такъ же, какъ они господствуютъ во всѣхъ движеніяхъ нашей солнечной системы, то есть, правильно или неправильно приписываютъ этимъ законамъ названіе *всеобщихъ*? — этотъ важный вопросъ только въ наше время рѣшенъ утвердительно, рѣшенъ прямо, съ исключеніемъ всякаго возраженія, посредствомъ продолжительнаго изученія сложныхъ звѣздъ. Съ тѣхъ поръ, дальнѣйшимъ изысканіямъ объ этихъ звѣздахъ надобно было дать направленіе

болѣе положительное и опредѣленное; должно было тщательно изучить прежде всего относительныя движенія отдѣльныхъ системъ, чтобы вывести изъ нихъ періоды возмущенія и, можетъ быть, даже опредѣлить, посредствомъ паралаксовъ, массы этихъ системъ сравнительно съ массою солнца. Другую, не менѣе важную задачу составляетъ изслѣдованіе отношенія между сложными системами и неподвижными звѣздами: это изслѣдованіе надобно было начать изученіемъ собственныхъ движеній двойныхъ звѣздъ въ пространствѣ, разсматривая ихъ или отдѣльно, или въ отношеніи къ собственнымъ движеніямъ другихъ неподвижныхъ звѣздъ. Таковы главные предметы введенія, которымъ г. Струве снабдилъ свое твореніе о среднихъ положеніяхъ. Матеріалы, бывшіе въ его распоряженіи, состояли изъ наблюденій, произведенныхъ частью въ Дерптѣ, частью въ Пулковѣ, въ продолженіе тридцати лѣтъ. Благодаря такому богатству данныхъ, въ высшей степени точныхъ, и, съ другой стороны, благодаря многочисленнымъ и труднымъ вычисленіямъ, нашъ астрономъ могъ внести въ свое введеніе всѣ основныя элементы, необходимыя для точнаго вывода положеній звѣздъ изъ наблюденій. Такимъ образомъ, его введеніе содержитъ, во-первыхъ, элементы вычисленій и полный критическій разборъ положеній, ихъ точности, предстоящихъ имъ поправокъ и количествъ, посредствомъ которыхъ дѣлается возможнымъ сравненіе новаго каталога съ прежними каталогами Брэдлея и Лаланда; затѣмъ введеніе излагаетъ собственныя движенія неподвижныхъ звѣздъ въ пространствѣ, сравненіе движеній простыхъ звѣздъ и сложныхъ, и изслѣдованіе о предвареніи и движеніи солнца въ пространствѣ; наконецъ, въ третьей части введенія авторъ устанавливаетъ характеристическіе признаки, которыми дѣйствительно сложныя или двойныя системы отличаются отъ звѣздъ, кажущихся двойными, или отъ такъ называемыхъ оптическихъ, и выводитъ отсюда въ высшей степени важныя заключенія.

Изданіе «Путешествія» г. Миддендорфа подвигается впередъ безъ перерыва. Въ текущемъ году явилась въ свѣтъ первая часть втораго тома²⁾ и весь третій. Большое сочиненіе о моллюскахъ, принадлежащее самому г. Миддендорфу, состав-

ляетъ часть втораго тома, занимая въ немъ 39 листовъ печати, съ 23 таблицами рисунковъ. Въ прежнихъ нашихъ отчетахъ мы уже говорили, что, кромѣ увеличенія точности въ классификаціи видовъ, тщательное сравненіе одинаковыхъ породъ въ разныхъ краяхъ повело къ точнѣйшему опредѣленію географическаго значенія каждаго вида отдѣльно, и что этимъ способомъ удалось положить первыя основанія для правильнѣйшей оцѣнки и распредѣленія не только моллюсковъ, но и животныхъ вообще: дальнѣйшее раскрытіе этихъ законовъ существенно содѣйствуетъ сооруженію зданія новой науки, обыкновенно называемой *зоологическою географіей*, или географіей животныхъ. Остальная часть втораго тома содержитъ дѣленія кольчатыхъ, эхинодермовъ, наѣдкомыхъ, скорлупниковъ и паразитовъ — труды гг. Брандта, Эрихсона, Себ. Фишера, Грубе и Менетриэ. Третій томъ Путешествія г. Миддендорфа ³⁾ посвященъ исключительно якутскимъ изслѣдованіямъ г. Бѣтлинка, которыя основаны частью на матеріалахъ, привезенныхъ нашимъ путешественникомъ. Этотъ томъ содержитъ, какъ уже извѣстно, образцы якутскаго текста съ подстрочнымъ нѣмецкимъ переводомъ, ученую Грамматику Якутскаго Языка и Якутско-Нѣмецкій Словарь. Желаящимъ ближе ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ трудомъ мы предоставляемъ обратиться къ нашему отчету за 1847 годъ; здѣсь же прибавимъ только, что книга уже находится въ рукахъ знатоковъ и высоко была оцѣнена учеными, вполнѣ способными цѣнить подобныя явленія.

Г. Стефани издалъ въ нынѣшнемъ году два тома сочиненій Кёлера, третій и четвертый ⁴⁾. Первый изъ нихъ весь занятъ трактатомъ «о рѣзныхъ камняхъ съ обозначеніемъ именъ художниковъ»: большая часть этого трактата оставалась до сихъ поръ неизданною. Знаменитый авторъ подвергаетъ здѣсь тщательному разбору надписи, которыя до тѣхъ поръ принимались обыкновенно за подлинныя имена художниковъ: благодаря своей начитанности и столько же остроумію соображеній, онъ отчетливо опредѣляетъ, какія изъ подлинныхъ надписей древнихъ рѣзныхъ камней дѣйствительно означаютъ имена художниковъ, и какія имѣютъ иную цѣль или значеніе; потомъ онъ характе-

ризуеть подложныя или позднѣйшія надписи на камняхъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ. Такъ какъ это замѣчательное сочиненіе написано лѣтъ двадцать тому назадъ, то ученый издатель позаботился дополнить его позднѣйшею литературой и другими матеріалами, относящимися къ этой вѣтви археологій; сверхъ того, своими собственными изслѣдованіями, на основаніи нынѣшняго состоянія науки, онъ старается или подтвердить результаты своего предшественника, или ограничить ихъ, или даже вовсе отвергнуть. Эти дополненія помѣщены, какъ и слѣдовало, въ концѣ тома, въ примѣчаніяхъ. Четвертый томъ содержитъ записки о томъ же предметѣ, но уже изданныя при жизни автора. Не смотря на то, что первое изданіе этихъ статей было напечатано въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, которые уже истощились, г. Стефани счелъ однако неприличнымъ дѣлать прибавки къ сочиненіямъ, которыя давно принадлежатъ исторіи.

Г. Броссе окончилъ изданіе прибавленій и поясненій, какія считалъ необходимымъ приложить къ своему французскому переводу «Исторіи Грузіи» Вахушта⁵). Это дополненіе расширило томъ одной древней исторіи, безъ грузинскаго текста, до 150 печатныхъ листовъ. Изложенныя здѣсь ученія изслѣдованія нашего оріенталиста глубоко исчерпываютъ свой предметъ и доставили автору лестные отзывы знатоковъ. Что касается продолженія или новѣйшей исторіи, то Академія приняла безкорыстное предложеніе г. Чубинова, который вызвался раздѣлить съ г. Броссе трудъ сличенія вариантовъ грузинскаго текста и его издавія. Вслѣдъ за текстомъ помѣщенъ будетъ его переводъ, который уже готовъ, потомъ прибавленія и поясненія, наподобіе того, какъ это сдѣлано въ древней исторіи.

Статьи, напечатанныя въ Бюллетеняхъ Академіи, издаются въ особыхъ сборникахъ по каждой отрасли наукъ, подъ именемъ *Mélanges*. Такихъ сборниковъ Академія издаетъ шесть; каждый выходитъ книжками in-8°, которыхъ шесть составляютъ томъ; одного изъ такихъ сборниковъ, именно *Mélanges russes*, вышелъ цѣлый томъ⁶); сборниковъ: математическаго, физическаго, біологическаго и азіатскаго напечатано по четыре книжки, а греко-римскаго — двѣ.

2. ЧТЕНІЯ ВЪ ЗАСѢДАНІЯХЪ АКАДЕМІИ.

а) По Математикѣ.

Г. Остроградскій представилъ Академіи очеркъ курса прямолинейной тригонометріи ⁷⁾ для преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Онъ полагаетъ, что, опредѣливъ предметъ этой науки, не должно терять его изъ виду въ разсмотрѣніи свойствъ синусовъ, составляющемъ болѣе половины науки. Г. Остроградскій, на основаніи собственныхъ своихъ соображеній, устанавливаетъ сперва теоремы о разрѣшеніи треугольниковъ, и потомъ выводитъ изъ нихъ ходъ и свойства тригонометрическихъ функцій. Его сочиненіе уже вышло изъ печати. Другой подобный трудъ недавно изданъ г. Буяковскимъ: въ немъ заключается умозрительное изложеніе хода преподаванія геометріи, съ очеркомъ курса этой науки ⁸⁾. Авторъ особенно старался сдѣлать изложеніе строго-систематическимъ, а для этого потребовалось нѣсколько новыхъ способовъ развитія, которые отчасти изложены уже въ его запискахъ о теоріи параллельныхъ линій. Въ запискѣ о наибольшемъ числѣ положеній равновѣсія однородной треугольной призмы, погруженной въ жидкость ⁹⁾, г. Буяковскій подвергнулъ подробному разсмотрѣнію уравненія этого вопроса, и показалъ строгимъ анализомъ, что *максимумъ* осьмнадцати равновѣсныхъ горизонтальныхъ положеній, о которомъ обыкновенно говорится въ курсахъ механики, никогда не можетъ быть достигнутъ. Сверхъ того онъ представилъ намъ записку г. Сомова, содержащую доказательство нѣкоторыхъ формулъ относительно теоріи вращенія твердаго тѣла, формулъ, которымъ приписывалъ особенную важность ихъ знаменитый авторъ, берлинскій академикъ Якоби ¹⁰⁾.

Изданіе посмертныхъ трудовъ Эйлера подвигается впередъ по мѣрѣ времени, какое дозволяютъ мнѣ посвящать этому труду другія занятія. Впрочемъ, благодаря дѣятельной помощи, оказываемой мнѣ братомъ моимъ, г. Николаемъ Фуссомъ, и профессоромъ здѣшняго университета, г. Чебышевымъ, первый томъ этого драгоценнаго собранія, содержащій въ себѣ теорію чиселъ и анализъ, уже оконченъ. Второй томъ, который вслѣдъ за симъ немедленно поступитъ въ печать, будетъ

содержать отдѣленія механики, астрономіи, физики, оптики и смѣсь.

Г. Вишневскій, кромѣ надзора за печатаніемъ обширнаго труда своего относительно истинной системы анализа, представилъ въ нынѣшнемъ году равное учебному трактату донесеніе о любопытной хронологической машинѣ, изобрѣтенной чиновникомъ конюшеннаго вѣдомства Двора Е. И. В. Цесаревича Наслѣдника. Г. Головацкій возмимѣлъ счастливую мысль облегчить, помощію механическаго снаряда, не только обыкновенное церковное счисленіе, но и тѣ трудныя и длинныя вычисления, въ какія необходимо должны вдаваться русскіе историки и хронологи въ своихъ изысканіяхъ о гражданскомъ и церковномъ лѣтосчисленіяхъ по юліанскому календарю. Онъ совершенно успѣлъ въ этомъ помощію искусно придуманнаго механизма, дѣйствія котораго чрезвычайно удобны. Должно сожалѣть, что авторъ, обладающій весьма замѣчательнымъ механическимъ талантомъ и хорошими познаніями въ хронологіи, лишень не только матеріальныхъ средствъ къ хорошему выполненію своей машины, но и способностей выставить достоинства своего изобрѣтенія посредствомъ ученаго описанія. Нашъ благосклонный астрономъ взялъ на себя трудъ пособить послѣднему недостатку своимъ донесеніемъ. Послѣ краткаго общаго введенія, онъ даетъ подробное описаніе остроумнаго прибора г. Головацкаго, поясняя оное рисункомъ, состоящимъ изъ четырехъ чертежей. Затѣмъ слѣдуетъ совершенно понятное наставленіе для употребленія прибора, съ приложеніемъ перечневаго обзора, по Иделеру, исторіи гражданской и церковной хронологіи по юліанскому календарю. Машина, безъ малѣйшаго затрудненія и съ совершенною точностію, указываетъ всѣ числа упомянутаго календаря на пространствѣ 13300 лѣтъ, — пространство болѣе чѣмъ достаточное во всѣхъ возможныхъ случаяхъ. Мы сказали, что машина можетъ быть усовершенствована со стороны выполненія, но не со стороны основнаго начала. Бывъ устроена изъ металла, она сдѣлалась бы гораздо уютнѣе и для дѣйствій удобнѣе и точнѣе. Понятно, что заключеніе донесенія г. Вишневскаго, одобренное Академіею, весьма благопріятно для г. Головацкаго.

Дерптскій астрономъ-наблюдатель и искусный геометръ г. Клаузенъ продолжаетъ увѣдомлять насъ о своихъ математическихъ трудахъ. Въ нынѣшнемъ году предметомъ ихъ была непрерывная дробь, которою въ нѣсколько пріемовъ занимался Эйлеръ¹¹⁾, и механическая задача, также бывшая предметомъ изслѣдованій Эйлера и Лагранжа, относительно самой выгодной формы архитектурныхъ колоннъ¹²⁾. Въ третьей запискѣ онъ же, г. Клаузенъ, разсматриваетъ съ теоретической точки зрѣнія вліяніе, оказываемое вращеніемъ и фигурою земнаго шара на движенія, видимыя на его поверхности, — вліяніе, очевидно доказанное г-мъ Фуко помощью его остроумнаго опыта¹³⁾. Въ своей запискѣ г. Клаузенъ принимаетъ въ соображеніе всѣ моменты, имѣющіе вліяніе на произведеніе явленія, какъ-то: крученіе стержня, сфероидальную фигуру земли и сопротивленіе воздуха.

Другой отечественный ученый, г. Брашманъ, въ Москвѣ, также разсмотрѣлъ эту задачу въ запискѣ о простомъ движеніи маятника¹⁴⁾, гдѣ онъ изслѣдуетъ упомянутое движеніе, какъ частный случай общей задачи относительнаго движенія. Всѣ эти записки служатъ украшеніемъ нашему «Бюллетеню».

6) По Астрономіи.

Въ концѣ прошлаго года, кембриджскій (въ Америкѣ) астрономъ г. Бондъ первый открылъ существованіе третьяго Сатурнова кольца, менѣе свѣтлаго, чѣмъ два первыхъ. Независимо отъ этого наблюденія и почти одновременно съ нимъ, Англичанинъ Даусъ (Dawes) ясно усмотрѣлъ это третье кольцо и его отдѣльность отъ прочихъ колецъ, давно уже извѣстныхъ. Эти открытія, естественно, должны были вновь обратить вниманіе астрономовъ на эту замѣчательную планету; и когда, въ прошедшемъ августѣ, г. Бондъ младшій пріѣхалъ, на нѣкоторое время, осмотрѣть нашу Главную Обсерваторію, онъ немедленно уговорился съ г. Оттономъ Струве сдѣлать совокушно рядъ наблюденій надъ Сатурномъ помощью большаго мюнхенскаго рефрактора. Темный промежутокъ, отдѣляющій новое кольцо отъ давно извѣстной системы, былъ ясно усмотрѣнъ, и предѣлы его найдены такъ хорошо опредѣленными, что было возможно ихъ

измѣрить. Сверхъ того, замѣтили на внутреннемъ краѣ промежуточнаго кольца слабо освѣщенную полосу, составляющую, можетъ быть, начало новаго, подобнаго же образованія, хотя граничная черта намъ еще невидима. Рядъ весьма точныхъ микрометрическихъ измѣреній, сдѣланныхъ г. Оттономъ Струве, послужилъ ему предметомъ обширной записки¹⁵⁾, которой главные выводы заключаются въ слѣдующемъ: 1) новое кольцо не подвержено весьма быстрымъ измѣненіямъ; 2) оно не совершенно новаго образованія, ибо доказано, что оно уже было видимо, хотя и безъ точнаго познанія его сущности, съ тѣхъ поръ, какъ усовершенствованіе астрономическихъ трубъ позволило астрономамъ различать полосы на поверхности планеты, или, по крайней мѣрѣ, съ начала прошлаго вѣка; 3) со времени Гюйгенса, внутренній край системы Сатурновыхъ колець постоянно и послѣдовательно сближается съ тѣломъ планеты, и, слѣд., должно допустить постепенное расширеніе этой системы; 4) по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятно, что это сближеніе колець съ планетою преимущественно происходитъ отъ постепеннаго расширенія стараго внутренняго или средняго кольца. Изъ этого слѣдуетъ, что система Сатурновыхъ колець вовсе не находится въ состояніи неизмѣннаго равновѣсія, какъ обыкновенно полагали, и что рано или поздно, даже, можетъ быть, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, можно ожидать соединенія колець съ тѣломъ планеты. — Тотъ же самый астрономъ (г. Оттонъ Струве), по просьбѣ друзей своихъ, астрономовъ парижской обсерваторіи, наблюдалъ, между 24 января и 4 марта текущаго года, періодическую комету, открытую въ 1843 году г. Фэемъ, теорію которой преимущественно занимается г. Леверрье¹⁶⁾. Не смотря на то, что вслѣдствіе непріятнаго замедленія въ доставленіи эфемериды, пулковскія наблюденія могли быть начаты только чрезъ мѣсяць послѣ появленія кометы, г. Отт. Струве могъ однако доставить г. Леверрье десять совершенно удовлетворительныхъ положеній, болѣе чѣмъ удвоившихъ достоинство матеріаловъ, собранныхъ для поправки элементовъ. Нашъ молодой астрономъ посвятилъ остальное свое время двумъ, печатающимся теперь, запискамъ по части математической географіи. Въ одной изъ нихъ, въ видѣ дополненія къ предшествовавшему мемуару,

содержится вычисленіе 112 высотъ, измѣренныхъ въ Персіи, въ 1838 и 1839 годахъ, во время путешествія подполковника Лемма¹⁷⁾; такъ что теперь можно сказать, что, благодаря совокупнымъ усиліямъ Главнаго Штаба и Главной Астрономической Обсерваторіи, познаніе Персіи въ географическомъ и орографическомъ отношеніяхъ сдѣлало значительные успѣхи. Вторая записка показываетъ точныя географическія положенія 43 пунктовъ новгородской губерціи, по наблюденіямъ того же искуснаго офицера (г. Лемма)¹⁸⁾. Упомянемъ о замѣчательной попыткѣ, впервые сдѣланной въ этомъ мемуарѣ, попыткѣ повѣрять хронометрическія долготы прямыми наблюденіями температуры и сообразно коэффициентамъ компенсаціи различныхъ хронометровъ, опредѣленнымъ предварительными наблюденіями. Успѣхъ этой попытки вполне оправдываетъ вѣрность новаго способа.

Г. Струве (отецъ), занятый введеніемъ къ своему большому труду о двойныхъ звѣздахъ, напечаталъ въ Бюллетенѣ только одну статью — біографическое свѣдѣніе о почтенномъ Шумахерѣ¹⁹⁾. Этимъ онъ исполнилъ священный долгъ относительно памяти усопшаго и вмѣстѣ оказалъ услугу г-ну Эйри, вызвавшему его на это дѣло, по званію президента Лондонскаго Астрономическаго Общества, котораго членомъ былъ покойный Шумахеръ.

Г. Клаузенъ разсмотрѣлъ, въ запискѣ, степень приближенія Ольберсовой метода вычисленія кометныхъ орбитъ, сравнительно съ другими методами, и именно съ Лапласовою²⁰⁾.

Членъ-корреспондентъ г. Перевощиковъ, въ запискѣ о предвареніи равноденствій, изслѣдовалъ съ теоретической точки зрѣнія отношенія, существующія между предвареніемъ по сужденію и постояннымъ коэффициентомъ общаго предваренія, съ принятіемъ въ соображеніе послѣднихъ опредѣленій планетныхъ массъ и съ приведеніемъ численныхъ приложений²¹⁾.

Другой корреспондентъ Академіи, г. Паукеръ (въ Митавѣ), подвергнулъ строгому вычисленію сравненія, сдѣланныя г-мъ Бели, между различными экземплярами англійской линейной единицы, установленной Лондонскимъ Королевскимъ Астрономическимъ Обществомъ²²⁾.

Упомянутыя три записки напечатаны въ «Бюллетенѣ».

в) По Физикѣ.

Г. Купферъ, кромѣ «Свода магнитныхъ и метеорологическихъ наблюдений, произведенныхъ въ Главной Физической и въ подчиненныхъ ей обсерваторіяхъ провинціальныхъ въ 1848 году»²³⁾, издалъ отчетъ о трудахъ Главной Физической Обсерваторіи въ 1850 году²⁴⁾, и первый выпускъ новаго сборника, основаннаго имъ подъ заглавіемъ: «Метеорологическое обозрѣніе Россіи»²⁵⁾. Въ особой запискѣ онъ изложилъ намъ рядъ любопытныхъ наблюдений, помощью которыхъ онъ старался опредѣлить механическій эквивалентъ теплоты²⁶⁾. Сравнивая удлиненіе металлическихъ проволокъ механическими силами съ ихъ удлиненіемъ отъ дѣйствія теплоты, онъ нашелъ, что теплота, нужная для возвышенія температуры воды отъ точки замерзанія до кипѣнія, оказываетъ давленіе, равное 4000 атмосферъ, и что количество теплоты, нужное для возвышенія температуры одного фунта воды на одинъ градусъ Реомюра, производитъ механическое дѣйствіе, равное силѣ, поднимающей 2000 фунтовъ воды на высоту одного фута.

Спротивленіе, встрѣчаемое гальваническимъ токомъ при прохожденіи по металлическимъ проволокамъ, изучено физиками весьма тщательно, изъ многочисленныхъ опытовъ, такъ что этотъ предметъ можно считать уже достаточно извѣстнымъ. Доказано, что это сопротивленіе прямо пропорціонально длинѣ проволокъ и обратно пропорціонально ихъ поперечному разрѣзу; сверхъ того извѣстно, что оно зависитъ отъ свойства металла и температуры проволоки. Въ жидкихъ проводникахъ, длина и поперечный разрѣзъ оказываютъ совершенно то же вліяніе, какъ и въ проводникахъ твердыхъ, однако въ томъ только случаѣ, когда поперечный разрѣзъ жидкости, во всю ихъ длину, равенъ поверхности электродовъ, въ нихъ погруженныхъ. Какъ скоро эта поверхность будетъ меньше поперечнаго разрѣза жидкости, явленія измѣняются, и, слѣдовательно, надобно искать новыхъ законовъ, которымъ, въ послѣднемъ случаѣ, подчиняется проводимость гальваническаго тока жидкостями. Въ наше время этотъ вопросъ тѣмъ важнѣе, что рѣшеніе его найдеть непосредственное приложеніе къ подземнымъ телеграфичес-

скимъ линіямъ, которыми нынѣ столько занимаются въ Европѣ. Г. Ленцъ, въ особой запискѣ, старался представить это рѣшеніе съ эмпирической точки зрѣнія²⁷). Въ первой статьѣ онъ разсматриваетъ случаи, когда жидкій слой будетъ имѣть, во всемъ своемъ протяженіи, высоту, равную высотѣ электродовъ, въ него погруженныхъ, но когда гальванической токъ можетъ бесконечно распространяться по горизонтальному направленію. Онъ показываетъ предѣлы этого распространенія въ обѣ стороны, и потомъ законы уменьшенія сопротивленія жидкаго слоя, вслѣдствіе упомянутаго распространенія, для различныхъ разстояній между электродами. Во второй статьѣ, г. Ленцъ разсмотритъ случаи, въ которомъ распространеніе тока можетъ совершаться одинаково по боковымъ направленіямъ, какъ и по направленіямъ къверху и кънизу.

Г. Якоби показывалъ намъ новыи электрической телеграфъ съ циферблатомъ, при употребленіи котораго получающіи депешу не имѣетъ надобности записывать послѣдовательно буквы, указываемыя стрѣлкою на циферблатѣ. Въ то время, какъ снарядъ дѣйствуетъ, всякая указанная буква немедленно отпечатывается сама собою на полоскѣ бумаги, постепенно развивающейся, и депеша, являясь напечатанною, прочитывается заразъ. Система, принятая г. Якоби для устройства этого телеграфа, не имѣетъ ничего общаго съ попытками въ томъ же родѣ, дѣланными за границую.

Въ началѣ года, г. Гельмерсенъ сообщилъ намъ дальнѣйшіе результаты своихъ опытовъ относительно теплопроводимости нѣкоторыхъ горно-каменныхъ породъ²⁸). Ходъ этихъ опытовъ и первые ихъ результаты были описаны нами въ 1849 г. Тотъ же академикъ представилъ трудъ г. Нешеля (Nöschel) по описательной физикѣ, имѣющей предметомъ геогностическія и гидрографическія отношенія Киргизской Степи, между рѣками Орью и Тургаемъ, Кумакомъ и Сыръ-Дарьею²⁹). Это любопытное сочиненіе, вмѣстѣ съ предисловіемъ нашего геолога, войдетъ въ одинъ изъ будущихъ томовъ «Beiträge».

Поѣздка, совершенная въ 1850 году г. Савельевымъ между Казанью и Астраханью, доставила намъ географическія и магнитныя координаты, то есть уклоненіе, наклоненіе и абсо-

лутное горизонтальное напряженіе земнаго магнитизма на одиннадцати пунктахъ, лежащихъ между помянутыми городами.

Микроскопъ все болѣе и болѣе входитъ во всеобщее, чтобы не сказать, въ ежедневное употребленіе при занятіяхъ наблюдательными науками. Натуралистъ не можетъ обойтись безъ него, и уже предвидятся важныя услуги, которыхъ должна ожидать химія отъ этого могущественнаго пособія. Г. Фрицше, имѣвшій прежде случай упражняться въ микроскопическихъ наблюденіяхъ при изслѣдованіяхъ крахмала и плодотворной пыли, впоследствии часто былъ останавливаемъ въ приложеніи этого инструмента къ химическимъ изслѣдованіямъ, по причинѣ трудности предохранять стекла отъ вреднаго дѣйствія испареній нѣкоторыхъ реакенцій. Ему удалось придумать особое устройство микроскопа для предотвращенія сказаннаго неудобства, и онъ представилъ намъ образчикъ такого снаряда, сдѣланнаго, подъ его надзоромъ, однимъ изъ искусныхъ берлинскихъ оптиковъ. По видимому, инструментъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, и вскорѣ будетъ описанъ и изображенъ въ «Бюллетенѣ».

Г. Гамель недавно возвратился изъ Лондона, гдѣ онъ тщателью разсматривалъ произведенія всемірной промышленности, собранныя въ кристалльномъ дворцѣ. Онъ обѣщалъ намъ рядъ извѣстій о тѣхъ предметахъ выставки, которые обратили на себя особенное его вниманіе вліяніемъ, какое могутъ имѣть на нашу отечественную промышленность. Въ первой своей запискѣ онъ разсматриваетъ предложеніе кавалера Клаусена — замѣнить хлопчатую бумагу льномъ и льняными оческами, обработанными химическими и механическими способами, съ цѣлію придать имъ всѣ свойства хлопчатой бумаги³⁰). Высокое значеніе обоихъ упомянутыхъ сырыхъ матеріаловъ во всемірной торговлѣ побудило г. Гамеля глубже вникнуть въ этотъ предметъ. Изложивъ историческій очеркъ настоящаго предложенія — превратить не только очески, но и длинный ленъ въ хлопчатое вещество, и разсмотрѣвъ вопросъ со стороны практической пользы, г. Гамель приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Онъ сперва утверждаетъ, что Клаусенъ напрасно увѣряетъ, что льняная кудель можетъ быть, помощію химическаго процесса, раздѣлена на фибры, совершенно равныя волок-

намъ хлопчатки. Потомъ онъ говоритъ, что предложеніе Клау-сена — рѣзать хорошую льняную кудель на маленькіе кусочки, длиною равныя волокнамъ хлопчатой бумаги, чтобы можно было чесать и прядь этотъ рѣзанный ленъ на машинахъ, существующихъ для обработки хлопчатой бумаги и шерсти, — это предложеніе, говоримъ мы, должно быть рѣшительно отвергнуто. Разрѣзать длинныя волокна льна на короткіе концы значило бы отнять у нихъ главное преимущество предъ хлопкою. Впрочемъ, г. Гамель допускаетъ, что льняныя очески, искусно обработанныя, могутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, быть чесаны и прядены вмѣстѣ съ бумагою или шерстью, какъ это было, въ послѣднее время, съ успѣхомъ приведено въ дѣйствіе г-мъ Анезорге въ Гольштиніи; но такъ какъ ленъ проводитъ теплоту лучше хлопчатой бумаги и особенно шерсти, то полученныя изъ смѣси сихъ веществъ со льномъ ткани будутъ не такъ теплы, какъ тѣ, которыя сработаны изъ нихъ безъ примѣси льняныхъ очесокъ.

Тотъ же академикъ открылъ въ Лондонѣ интереснѣйшій документъ, служащій дополненіемъ къ его уже извѣстнымъ изслѣдованіямъ о Тредекантѣ, первомъ англійскомъ натуралистѣ, посѣтившемъ Россію въ 1618 году, и впоследствии основавшемъ въ Англіи первый музей естественной исторіи. Документъ, о которомъ мы говоримъ, состоитъ въ оригинальномъ завѣщаніи Тредеканта-сына³¹⁾. Изъ него видно, что послѣдній завѣщалъ свой музей вовсе не Ашмолу, но женѣ его Эсвири (Hester), съ условіемъ, чтобы она, въ свою очередь, завѣщала его оксфордскому или кембриджскому университету. Итакъ, этотъ музей, находящійся нынѣ въ Оксфордѣ, несправедливо называется Ашмолевымъ.

Наконецъ, мы обязаны г. Паукеру прибавленіемъ къ теоріи наименьшихъ квадратовъ, въ ея приложеніяхъ къ изысканіямъ опытной физики³²⁾; а г. Деппингу запискою относительно дѣйствія сѣрнистой кислоты на нѣкоторыя соли мѣди³³⁾.

г) По Ботаникѣ.

Уже давно замѣчено, что три отгѣлка красокъ, представляемыхъ морскими тайнобрачными или водорослями (альгами), мо-

гутъ почитаться за довольно рѣшительные эмпирическіе признаки въ классификаціи этихъ растений, которыя потому и раздѣлялись на красныя, оливковыя и зеленыя водоросли. Многочисленныя наблюденія и блестящія открытія, сдѣланныя въ этой части ботаники въ теченіе послѣднихъ 27 лѣтъ, показали неопровержимымъ образомъ, что съ этимъ, по видимому, совершенно случайнымъ признакомъ соединены весьма существенныя разности органовъ оплодотворенія; вслѣдствіе того, раздѣленіе водорослей па три упомянутыя группы не только удержалось, но еще получило весьма прочное, рациональное основаніе. Не смотря на то, систематическое распредѣленіе каждой изъ этихъ группъ, въ особенности группы красныхъ водорослей — *Rhodophyceae* — было еще весьма неудовлетворительно; почему должно быть благодарнымъ г. Рупрехту, вновь обратившемуся къ предмету прежнихъ своихъ занятій, съ цѣлію установить естественную систему упомянутой группы, которая отличалась бы отъ обыкновенныхъ системъ какъ основнымъ началомъ, принятымъ за исходный пунктъ, такъ и мѣстомъ, опредѣляемымъ для различныхъ родовъ и видовъ³⁴). Кроме того, эта система очевидно выказываетъ отношеніе *красныхъ водорослей* къ другимъ порядкамъ тайнобрачныхъ и значеніе, какое должно приписать различнымъ органамъ ихъ оплодотворенія.

Тотъ же академикъ соединилъ, во второй запискѣ³⁵), множество наблюдений надъ различными растеніями, воспитываемыми въ Императорскомъ Ботаническомъ Садѣ. Въ день полнаго солнечнаго затмѣнія онъ не упустилъ обратить особое вниманіе на ежедневныя періодическія явленія растеній. Онъ замѣтилъ, что въ тотъ день моментъ закрытія извѣстныхъ цвѣтовъ дѣйствительно опередилъ обыкновенную пору отъ одного часа до полутора, хотя эту неправильность отчасти можно приписать неясной погодѣ, предшествовавшей затмѣнію. Подробности этихъ наблюдений изложены въ запискѣ, напечатанной въ «Бюллетенѣ»³⁶).

Г. Мейеръ наблюдалъ и описалъ нѣсколько замѣчательныхъ безобразій растительнаго царства³⁷), и продолжалъ наблюдать за печатаніемъ своего «Ботаническаго Сборника»³⁸), который ему удалось, въ нынѣшнемъ году, обогатить двумя обшир-

ными записками о географіи растеній въ прибрежныхъ странахъ Волги³⁹⁾ и въ южной части Уральскихъ горъ⁴⁰⁾. Первое изъ этихъ сочиненій принадлежитъ казанскому профессору Клаусу и удостоилось Демидовской преміи. Второе написано г. Мейнгаузенемъ, товарищемъ въ путешествіи г. Шренка, назначеннымъ для занятія должности хранителя нашего ботаническаго музеума.

д) По Зоологін.

Зоологическіе труды г. Брандта относятся частію къ позвоночнымъ животнымъ, частію же къ нижнимъ порядкамъ скорлупняковъ русской фауны. Мы можемъ указать на дополненіе, сдѣланное нашимъ зоологомъ къ путешествію покойнаго Александра Лемана, печатающагося въ «Beiträge» гг. Бера и Гельмерсена, какъ на трудъ, обнимающій все классы позвоночныхъ животныхъ⁴¹⁾. Этотъ трудъ, имѣющій цѣлю пополнить и исправить наши знанія о позвоночныхъ животныхъ Средней Азіи и ихъ географическомъ распредѣленіи, составитъ основаніе полной фауны этой любопытной части древняго материка. Подъ общимъ заглавіемъ «Матеріаловъ къ познанію млекопитающихъ, водящихся въ Россіи», нашъ зоологъ прочелъ въ Академіи двѣ первыя записки: одну о вышнемъ устройствѣ соболя въ сравненіи съ лѣсною и каменною куницею⁴²⁾, а другую о рукокрылыхъ или летучихъ мышахъ европейской и азіатской Россіи, относительно исторіи ихъ открытія, ихъ синониміи и географическаго распредѣленія⁴³⁾. Четвертая записка г. Брандта, о нижнихъ порядкахъ скорлупняковъ, объ амфинодахъ и изоподахъ (плоскихъ мокрицахъ)⁴⁴⁾, входитъ въ составъ втораго тома «Путешествія» г. Миддендорфа. Сверхъ описанія нѣсколькихъ новыхъ видовъ, эта записка можетъ похвастаться за первый очеркъ фауны раковидныхъ обширнаго бассейна, образуемаго Охотскимъ и Камчатскимъ морями съ Сѣвернымъ Тихимъ Океаномъ. Накопецъ пятая записка имѣетъ предметомъ анатомическія изысканія надъ отдѣлительными органами, находимыми, въ различныхъ степеняхъ развитія, въ паховыхъ железкахъ разныхъ видовъ газелей⁴⁵⁾.

Прозекторъ Медико-Хирургической Академіи, г. Груберъ,

извѣстный уже нѣсколькими любопытными открытіями, описалъ, въ особой запискѣ, нѣкоторыя остеологическія аномаліи, замѣченныя имъ въ человѣческомъ черепѣ ⁴⁶⁾. Въ трехъ другихъ запискахъ, онъ сообщилъ Академіи свои наблюденія надъ междутемяною костью ⁴⁷⁾ и ворміевыми косточками ⁴⁸⁾ въ черепахъ различныхъ млекопитающихъ, также надъ истиннымъ зачаткомъ слезной кости моржа ⁴⁹⁾. Всѣ эти труды приобрѣли одобреніе Академіи и приняты въ «Собраніе трудовъ стороннихъ ученыхъ».

Въ животной физиологіи, глава о произрожденіи ублюдковъ (*générations bâtardes*) заключаетъ въ себѣ множество загадочныхъ вопросовъ, рѣшенія коихъ можно достигнуть только путемъ опыта. По общепародному въ Россіи мнѣнію, подкрѣпленному впрочемъ авторитетомъ знаменитаго Палласа, ублюдки сѣраго и бѣлаго зайцевъ весьма обыкновенны въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи. Хотя этотъ фактъ не былъ доказанъ положительными доводами, онъ все-таки пользуется довѣріемъ по причинѣ несомнѣннаго существованія другихъ видовъ ублюдковъ, каковы, напр., ублюдки глухаря и тетерева, и тетерева съ бѣлою куропаткою. Г. Миддендорфъ, имѣвъ случай разсматривать два образца зайцевъ, посившихъ на себѣ явный характеръ разностей, признаваемыхъ ублюдочными, предпринялъ рѣшить спорный вопросъ съ систематической точки зрѣнія, и пришелъ къ заключенію, что по крайней мѣрѣ этотъ случай отнюдь не оправдываетъ гипотезы о ублюдочномъ произрожденіи между различными видоизмѣненіями зайцевъ, которыхъ онъ допускаетъ въ Европѣ четыре, принадлежащихъ къ двумъ главнымъ формамъ, изъ которыхъ каждая выражается въ особую разность, смотря по мѣстному климату. При этомъ случаѣ, нашъ зоологъ тщательно установилъ специфическія различія видовъ и ихъ географическое распредѣленіе ⁵⁰⁾. Изслѣдованія г. Миддендорфа надъ ископаемымъ пещернымъ медвѣдемъ и его отношеніями къ нынѣ живущимъ видамъ этого плотояднаго ⁵¹⁾, изслѣдованія, о которыхъ мы упоминали въ нашемъ отчетѣ за 1849 годъ, напечатаны въ текущемъ году въ «Трудахъ Минералогическаго Общества». — Подробная монографія обыкновеннаго медвѣдя была, сверхъ того, написана нашимъ академикомъ для «Русской Фауны» ⁵²⁾, издаваемой г. Сивашко.

Подобно гг. Брандту и Миддендорфу, г. Беръ также не отказался украсить этотъ любопытный зоологическій сборникъ. Онъ избралъ предметомъ «естественную исторію человѣка», по самымъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ антропологовъ⁵³). Эта статья такъ обширна, что составляетъ объемистый томъ въ большую осьмушку, и, безъ сомнѣнія, подобно другимъ статьямъ, послужитъ не только къ распространенію въ отечественной публикѣ основательныхъ знаній, но и можетъ возбудить расположеніе къ подобнымъ занятіямъ и внушить благородное соревнованіе.

Упомянемъ наконецъ о трехъ физиологическихъ запискахъ г. Маркузена⁵⁴), о двухъ запискахъ г. Вейсса объ инфузоріяхъ⁵⁵), и о превосходномъ разборѣ физиологическаго сочиненія, издавна въ Дерптѣ профессоромъ тамошняго университета, г. Рейхертомъ⁵⁶). Всѣ эти труды уже напечатаны, и потому мы полагаемъ излишнимъ распространяться о ихъ содержаніи.

е) По Исторіи.

Г. Устряловъ, занятый, какъ извѣстно, трудомъ обширнаго объема, поступаетъ совершенно основательно, не развлекая своего вниманія другими занятіями. Но онъ не оставляетъ извѣщать Академію объ успѣхахъ своего труда. Такъ, въ текущемъ году онъ прочелъ намъ двѣ главы изъ втораго, уже оконченаго тома своей «Исторіи Петра Великаго», имѣющія предметомъ первые потѣшные походы Царя⁵⁷) и содержаніе флота на Воронежѣ⁵⁸), также главу изъ третьяго тома — о возвращеніи Петра изъ перваго путешествія за границу, въ 1698 году⁵⁹).

Г. Куникъ успѣлъ приобрѣсть нѣсколько рукописныхъ документовъ объ извѣстномъ лонебургцѣ, Коирадѣ Буссовѣ, который жилъ въ Россіи съ 1569 по 1612 годъ и описалъ современныя событія въ сочиненіи, издавна составляющемъ предметъ изысканій для нашихъ историковъ. Пользуясь этими неизданными документами, г. Куникъ расширилъ объемъ своихъ прежнихъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ и сокупилъ ихъ въ пространной запискѣ, половина которой уже напечатана⁶⁰). Теперь доказано, что драгоценная лѣтопись, которую, основываясь на свидѣтельствѣ Шведа Петрея, приписывали пастору Мартину Беру, сочинена тестемъ его, Коирадомъ Буссовомъ,

хотя Беръ не только сообщилъ ему нѣкоторые данныя, но и участвовалъ въ *первой* редакціи сочиненія. Г. Куникъ старался объяснить отношенія между тремя редакціями этой лѣтописи и отыскать причины, которыя побудили Буссова внести во вторую редакцію значительныя прибавленія, и потомъ многія изъ нихъ опять исключить изъ третьей. Изысканіе этихъ побужденій бросаетъ новый свѣтъ на многія обстоятельства эпохи Лжедмитрія и даетъ особенное значеніе нѣкоторымъ сказаніямъ лѣтописи Буссова: оно раскрываетъ, сверхъ того, всю важность критическаго разбора источниковъ исторіи XVII вѣка. — Тотъ же академикъ, приготовивъ хронологическій трактатъ объ основномъ событіи русской исторіи, — трактатъ, почти однородный съ предметомъ одной главы «Византійской Хронологіи» Круга, — нашелъ приличнымъ, прежде изданія своего труда, напечатать въ «Бюллетенѣ» помянутую главу сочиненія Круга съ рукописными къ ней прибавленіями, сдѣланными самимъ авторомъ въ экземплярѣ, переплетенномъ съ бѣлыми листами: экземпляръ этотъ, вмѣстѣ съ прочимъ литературнымъ наследіемъ Круга, принадлежитъ академической бібліотекѣ⁶¹). — Въ проплогодишемъ отчетѣ мы упомянули о сочиненіи г. Хвольсона, здѣшняго молодаго оріенталиста, поставившаго себѣ задачей — объяснить изъ восточныхъ писателей, изданныхъ и неизданныхъ, исторію древности и въ особенности исторію древней западной Азіи. Тогда мы могли только въ общихъ выраженіяхъ указать на сочиненіе г. Хвольсона о «Сабензмѣ», какъ на одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній въ этой специальной области историческаго знанія. Теперь мы можемъ сказать о немъ болѣе, вслѣдъ за г. Куникомъ, который представилъ намъ ученый отчетъ объ этомъ сочиненіи: отчетъ этотъ уже печатается и займетъ нѣсколько номеровъ въ нашемъ «Бюллетенѣ»⁶²). Г. Куникъ, какъ уже извѣстно, питаетъ особенное уваженіе къ сравнительно-исторической этнографіи: онъ почитаетъ ее самымъ вѣрнымъ средствомъ опредѣлить взаимныя отношенія между племенами и народами, и создать такимъ образомъ основательную и подлинную исторію цивилизаціи. Въ отчетѣ о сочиненіи г. Хвольсона онъ почти исключительно ограничивается изложеніемъ и разборомъ его со стороны исто-

гико-этнографической. Развивая свои идеи о постепенномъ развитіи цивилизаціи въ древности, г. Куникъ, во введеніи, полагаетъ въ основаніе ту мысль, что если изъ всѣхъ народовъ, являющихся на сценѣ древней исторіи, только немногіе достигли нѣкоторой степени образованія, то, безъ сомнѣнія, потому, что они отъ природы получили болѣе силъ и способностей, чѣмъ всѣ остальные. Вразумжденіи древнихъ семитическихъ народовъ, обитавшихъ по берегамъ Тигра и Эвфрата, нашъ историкъ полагаетъ, что уже въ давнія времена они были оплодотворены влияніемъ сплывшійшихъ народовъ иранскаго или древнеперсидскаго племени. Вслѣдствіе того онъ считаетъ необходимымъ подвергнуть моральную сторону исторіи этихъ народовъ тщательному изслѣдованію, и хотя сочиненіе г. Хвольсона не имѣетъ въ виду этой задачи непосредственно, тѣмъ не менѣе оно, объясняя исторію одного изъ народовъ Месопотаміи, въ высшей степени проникнуто интересомъ въ разсматриваемомъ отношеніи. Какъ ни многочисленны сочиненія о Сабеехъ, г. Куникъ увѣряетъ, что ученые, писавшіе объ этомъ съ 1601 до 1850 года, болѣе запутали дѣло, чѣмъ объяснили, и смѣло ставить г. Хвольсону въ несомнѣнную заслугу, что онъ своимъ сочиненіемъ навсегда положилъ конецъ этой путаницѣ. Теперь ясно, что первые народы, присвоившіе себѣ имя Сабеевъ, являются въ исторіи не раньше среднихъ вѣковъ; въ первый разъ о Сабеехъ упоминается въ коранѣ, который предписываетъ въ отношеніи къ нимъ вѣротерпимость. Это были настоящіе Сабее, которыхъ потомки существуютъ еще и нынѣ, въ окрестностяхъ Персидскаго залива, подъ именемъ Мендаевъ, говорятъ вавилонско-семитическимъ нарѣчіемъ и, по религіозному ученію, составляютъ гностическую секту, которая только внѣшностью напоминаетъ христіанство. Но настоящіе Сабее имѣютъ въ сочиненіи г. Хвольсона второстепенный интересъ: главный же его предметъ — сирійскіе язычники временъ калифата. Эти язычники, какъ видно изъ неопровержимыхъ свидѣтельствъ, самовольно присвоили себѣ, въ 830 году, имя Сабеевъ, чтобы пользоваться терпимостью, какую оказывали Сабеемъ послѣдователи корана. Благодаря хитрости этихъ самозванцевъ, которые были на самомъ дѣлѣ законными язычниками и нисколько

ко не походили па истинныхъ Сабеевъ, Арабы, къ концу первой половины калифата, почти вовсе перестали различать сабензмъ отъ язычества. Что касается религiи и національности этихъ харранскихъ Сабеевъ, то въ нихъ мы имѣемъ остатокъ тѣхъ древнихъ сирiйскихъ язычниковъ, которые почитали себя законными наслѣдниками греческаго образованiя. У нихъ всегда былъ избранный кругъ ученыхъ, какъ бы сословіе умственныхъ аристократовъ, весьма начитанныхъ въ древней греческой литературѣ, большая часть которой была переведена ими на сирiйскiй и арабскiй языки. Нѣкоторымъ образомъ совершенно справедливо можно сказать, что они ввели Арабовъ въ греческую литературу и особенно въ Аристотелеву философію. Изъ числа знаменитыхъ людей, вышедшихъ изъ среды этого народа, довольно упомянуть двоихъ: ученаго Аль-Батаи, котораго имя занимаетъ блестящее мѣсто въ первоначальной исторiи математическихъ наукъ, и философа и астронома Табитъ-бенъ-Корра, одного изъ плодовитѣйшихъ писателей среднихъ вѣковъ. Эти подробности достаточно обозначаютъ главные результаты сочиненiя г. Хвольсона, чтобъ обратить на него вниманiе ученыхъ въ Россiи, Англии и Франціи, и чтобы показать, какой свѣтъ проливаетъ оно па одну изъ самыхъ темныхъ областей въ сирiйской исторiи и мнѳологiи и въ исторiи паденiя язычества; оно способно, сверхъ того, въ полной мѣрѣ показать преимущества историко-критической методы, употребляемой нѣмецкими учеными, и, кажется, еще слишкомъ мало цѣнимой въ другихъ странахъ.

Г. Броссе прочелъ намъ нѣсколько отрывковъ изъ своего «Опыта о гражданскомъ устройствѣ Грузiи»⁶³), гдѣ онъ, на основанiи грамотъ, разсматриваетъ сперва доходы духовенства, потомъ монеты и мѣры, и наконецъ — подати и пени. Въ особой запискѣ, напечатанной въ «Бюллетенѣ», онъ выискиваетъ и разбираетъ основанiя своимъ догадкамъ относительно одной медали 1790 года, принадлежащей къ исторiи Грузiи⁶⁴).

ж) По Археологiи.

Нашъ знаменитый Президентъ, Графъ С. С. Уваровъ, посвятилъ свои лѣтніе досуги описанію одного классическаго па-

мятника, украшающаго его порѣцкїи замокъ⁶⁵): мы разумѣемъ драгоцѣнную альтемецкую овальную урну, — памятникъ, до сихъ поръ оставшїиися неизданнымъ. Описаніе, составленное съ свойственнымъ автору вкусомъ, способно скорѣе подстрекнуть, чѣмъ удовлетворить любопытство археологовъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ изданія вѣрнаго рисунка этого дивнаго произведенія скульптуры.

Третїи томъ сочиненїи Кёлера, кромѣ примѣчанїи, приложенныхъ къ нему г-мъ Стефани, доставилъ нашему археологу предметъ для особой записки о мнимыхъ именахъ художниковъ на древнихъ рѣзныхъ камняхъ⁶⁶). Такъ какъ записка эта, по своему обширному объему, не могла удобно войти въ собранїе сочиненїи Кёлера въ видѣ дополненїя, то она помѣщена въ «Собранїи академическихъ Мемуаровъ». Здѣсь г. Стефани старается восполнить два замѣтные пробѣла, оставшіеся послѣ трудовъ знаменитаго его предшественника: онъ систематически развиваетъ правила, которыми должно руководствоваться во всякомъ изслѣдованїи относительно истинныхъ и подложныхъ надписей, а потомъ характеризуетъ свойства и объемъ особеннаго рода поддѣлокъ, для которыхъ имена художниковъ обыкновенно берутся съ мраморныхъ памятниковъ съ латинскими надписями. Рядъ меньшаго объема статей г-на Стефани составляетъ особое изданїе подъ именемъ «*Regerga archaeologica*»⁶⁷), котораго вышло въ свѣтъ уже восемь нумеровъ: здѣсь онъ разбираетъ разные вопросы относительно археологїи и классическаго искусства.

з) По Восточнымъ Литературамъ.

Г. Дорнъ окончилъ и отдалъ въ печать нѣмецкїи переводъ «Исторїи Табаристана» Сегиръ-эддина, которой персидскїи текстъ былъ изданъ въ прошломъ году⁶⁸); онъ окончилъ, сверхъ того, печатанїе своего ученаго каталога азіатскихъ рукописей и ксилографовъ Императорской Публичной Библіотеки⁶⁹).

Мы уже имѣли случай замѣтить, что языки центральной Азїи по смерти Шмидта не вовсе оставлены нашею Академіей. Одинъ изъ нашихъ ученыхъ чиновниковъ, хранитель библіотеки, г. Шифнеръ, занимается этою частью, и въ особенности

тибетскимъ языкомъ, съ такимъ же прилежаніемъ, какъ и успѣхомъ. Онъ утверждаетъ, что ученые, занимавшіеся грамматикой этого языка, слишкомъ увлекались грамматическими понятіями западныхъ языковъ, тогда какъ правильно и глубоко понять особенности какого-либо языка можно не иначе, какъ изучая его въ связи съ родственными ему языками. Рядъ статей, представленныхъ г. Шифнеромъ подъ общимъ заглавіемъ: «Тибетскія Занятія»⁷⁰⁾, составляетъ первый опытъ этихъ занятій: въ нихъ онъ разсматриваетъ нѣмыя буквы, фонетическую систему и мнимый членъ въ тибетскомъ языкѣ. Впрочемъ, не одна тибетская грамматика увлекаетъ вниманіе нашего оріенталиста: съ такою же любознательностью онъ занимается ученіемъ буддистовъ, ихъ догматами и вѣрованіями, преданіями и мифами. Такимъ образомъ, онъ изложилъ намъ, на основаніи одной канонической книги буддистскаго духовенства, составляющей часть пятого тома канджура, идемъ послѣдователей этого ученія о періодахъ постепеннаго нравственнаго униженія человѣческаго рода⁷¹⁾. Сверхъ того, мы обязаны г. Шифнеру ученымъ каталогомъ собранія тибетскихъ рукописей, приобретенныхъ для Академіи однимъ изъ членовъ послѣдней китайской миссіи, г. Васильевымъ⁷²⁾: въ числѣ ихъ, по отзыву г. Шифнера, особенно любопытна въ историческомъ и филологическомъ отношеніяхъ исторія происхожденія буддизма у Монголовъ. Другую книжку изъ этого собранія, весьма уважаемую буддистами, содержащую сокращенное изложеніе нравственнаго ученія буддизма, подъ заглавіемъ: «Сутра сорока двухъ правилъ», г. Шифнеръ перевелъ съ тибетскаго на нѣмецкій и напечаталъ въ нашемъ «Бюллетенѣ»⁷³⁾.

и) По Лингвистикѣ, Этнографіи и Статистикѣ.

Г. Бётлиникъ, окончивъ свое большое сочиненіе о языкѣ якутскомъ, занялся критическимъ разборомъ «Филологическихъ Наблюденій» г. Павскаго, — сочиненія, справедливо уважаемаго въ русской литературѣ⁷⁴⁾. Прямой взглядъ на предметъ, свободный отъ всякаго предубѣжденія, дѣлаетъ трудъ нашего филолога въ высшей степени полезнымъ и почетнымъ для ав-

тора, какъ отзывались даже и некоторые изъ нашихъ сочленовъ, академиковъ Второго Отдѣленія. Сочиненіе г. Бётлинка раздѣлено на пять главъ и занимаетъ нѣсколько номеровъ «Бюллетеня». — Последнее ученое изслѣдованіе нашего достопочтеннаго Грете имѣетъ предметомъ литовскій языкъ и его отношенія къ прочимъ языкамъ индо-европейскаго корня⁷⁵). Литовское племя въ Россіи, его географическое пространство и численность въ настоящее время, составляетъ предметъ статистической записки г. Кёппена⁷⁶), который остальное свое время посвятилъ описанію путешествія, совершеннаго имъ въ прошедшее лѣто. Первый томъ этого сочиненія, содержащій путешествіе въ землю Донскихъ Казаковъ и въ губерніи: тульскую, орловскую и воронежскую, находится уже въ печати⁷⁷). Предметомъ втораго тома будетъ Бессарабія и сосѣднія губерніи. — Г. Шегренъ опять долженъ былъ жертвовать своимъ временемъ разбору авторовъ, не принадлежащихъ къ Академіи: такихъ сочиненій ему поручено было пять: два объ осетинскомъ языкѣ, столько же о зырянскомъ и одно о мордовскомъ. Время, остававшееся отъ критическихъ трудовъ, онъ употребилъ на окончаніе своей записки объ эстонской этимологіи и этнографіи по поводу слова *wikkerkaag*, какъ называется по-эстонски радуга. По соображеніямъ г. Шегрена, основаннымъ на механизмѣ языка и на мнѣнческихъ преданіяхъ народа, слово это буквально значитъ: *дуга молніи*. Объясненіе этого слова повело автора къ разбору многихъ другихъ подобныхъ словъ изъ разныхъ языковъ чудскаго племени. Другое эстонское слово (*natuke* — значитъ *немножко*) было уже раньше предметомъ изслѣдованія нашего академика, который приписывалъ ему иностранное происхожденіе. Это объясненіе вызвало противъ себя г. Видемана, который, опровергая догадку г. Шегрена, въ свою очередь попытался замѣнить ее другою. Нынѣ явилось новое объясненіе этого слова, которое, бывъ почерпнуто изъ правовъ народа, кажется столь убѣдительнымъ, что самъ г. Шегренъ первый подалъ голосъ въ его пользу и сообщилъ для напечатанія въ «Бюллетенѣ», въ видѣ опроверженія своего прежняго мнѣнія. Этотъ удачный опытъ принадлежитъ доктору Крейцвальду⁷⁸). Въ наше время никто, конечно, не назоветъ микроскопическою игрою словъ эти

мелкія, но серьёзные изслѣдованія, руководимыя исторіею, этнографіею и сравнительнымъ языкознаніемъ.

IV. Ученныя экспедиціи.

1. Измѣреніе градусовъ меридіана.

Въ заключеніе, намъ остается отдать, въ короткихъ словахъ, отчетъ о трехъ ученыхъ экспедиціяхъ, совершенныхъ въ нынѣшнемъ году подъ руководствомъ Академіи.

Въ отчетѣ за 1850 годъ мы упоминали объ измѣреніи меридіана въ норвежскомъ Финшмаркенѣ, счастливо оконченномъ гг. Линдгагеномъ и Клоуманомъ. Подробный историческій отчетъ объ этомъ затруднительномъ предпріятіи былъ помѣщенъ г. Линдгагеномъ въ нашемъ «Бюллетенѣ»⁷⁹⁾. Заранѣе было условлено, что инструменты и снаряды, оставленные въ Христианіи, будутъ перевезены, въ маѣ нынѣшняго года, самимъ г. Клоуманомъ въ Стокгольмъ, куда вновь приѣдутъ пулковскіе астрономы гг. Линдгагенъ и Вагнеръ для принятія ихъ отъ г. Клоумана и врученія Стокгольмской Академіи, съ цѣлю употребленія ихъ при измѣреніи оставшагося на шведской землѣ базиса. Г. Линдгагенъ, тотчасъ по прибытіи въ Стокгольмъ, вступилъ въ совѣщанія съ шведскими учеными и особенно съ директоромъ обсерваторіи, г. Зеландеромъ; послѣ чего наши астрономы отправились въ Торнео, для опредѣленія высоты полюса и азимутовъ помощію тѣхъ же инструментовъ, которые служили въ Фугленесѣ (Fuglenaes). Совершивъ съ наилучшимъ успѣхомъ соединеніе русскихъ и шведскихъ треугольниковъ, наши астрономы приняли, въ Оверь-Торнео, дѣятельное участіе въ измѣреніи базиса, длиною въ 1520 метровъ. Два независимыя другъ отъ друга измѣренія дали чрезвычайно малую разность въ $2\frac{1}{3}$ парижскихъ линій, что составляетъ $\frac{1}{631000}$ часть цѣлаго протяженія. Такая близость двухъ результатовъ превосходитъ все, что опытъ показалъ намъ въ этомъ родѣ, и служитъ блистательнымъ свидѣтельствомъ превосходства нашихъ инструментовъ. Впослѣдствіи шведскіе астрономы также окончили соединеніе своихъ треугольниковъ съ норвежскими и базиса съ одною изъ сторонъ

главныхъ треугольниковъ, и дополнили недостававшія еще высоты полюса и азимуты. Слѣдовательно, мы можемъ теперь сказать, что измѣреніе нашей дуги меридіана, на сѣверной ея оконечности, совершенно окончено, и что остается только подвергнуть вычисленію всѣ многочисленныя данныя наблюденій.

2. Солнечное затмѣніе $16/28$ іюля.

Въ началѣ текущаго года, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ Академіи заняться систематическимъ планомъ наблюденій полнаго затмѣнія солнца, долженствовавшаго случиться прошедшаго $16/28$ іюля, и располагать съ этою цѣлію содѣйствіемъ астрономовъ и физиковъ русскихъ университетовъ, особенно по близости мѣстъ, гдѣ пройдетъ полоса тѣни. Вслѣдствіе того, Академія назначила 22 пункта или станціи, расположенныя, сколько возможно, симметрически вдоль этой полосы, начиная съ западной границы имперіи до берега Каспійскаго моря. На каждую станцію полагалось по три наблюдателя, и чтобы дать имъ общее направленіе, роздали имъ программу, составленную англійскими астрономами, при содѣйствіи пулковскихъ, и переведенную на русскій и нѣмецкій языки⁸⁰). Небо, какъ естественно и должно было ожидать, благопріятствовало не одинаково всѣмъ русскимъ наблюдателямъ. Только на 10 станціяхъ наблюденія были вполне успѣшны; въ трехъ мѣстахъ наблюденію явленія мѣшали легкія облака; на остальныхъ девяти пунктахъ небо было покрыто тучами и даже шелъ дождь. Сама Академія, или, правильнѣе, ея Главная Обсерваторія, доставила пятерыхъ наблюдателей подъ руководствомъ г. Оттона Струве, который, вмѣстѣ съ помощникомъ директора г. Делленомъ и юнымъ студентомъ нашего университета, избралъ мѣстомъ наблюденія Ломжу, въ Царствѣ Польскомъ, между тѣмъ какъ гг. Федоренко и Бѣлявскій расположились въ Августовѣ. Академія положила соединить во едино всѣ донесенія русскихъ наблюдателей и издать ихъ вмѣстѣ. Однако жъ, имѣя въ виду общій интересъ, возбужденный затмѣніемъ, она сочла приличнымъ напечатать безотлагательно, въ видѣ предварительнаго извѣстія, донесеніе г. Оттона Струве о его собственныхъ наблюденіяхъ. Этотъ астрономъ обратилъ все свое

вниманіе на извѣстное явленіе красныхъ возвышеній, замѣчен-ныхъ уже при затмѣніи 1842 года, но причина которыхъ была еще весьма сомнительною. Наблюденія нашего астронома, отдѣльно взятая, позволяютъ заключить съ нѣкоторою вѣроятностью, что упомянутыя странныя возвышенія составляютъ часть свѣтлой оболочки или фотосферы солнца, и что они находятся въ тѣсной связи съ явленіями пятенъ и свѣточей или факулей (facules). Эти же наблюденія, сверхъ того, заставляютъ подозревать, что вѣнецъ составляетъ также нераздѣльную часть тѣла солнца, что впрочемъ болѣе пояснится, когда сдѣлаются извѣстными и тщательно сличатся между собою всея наблюденія. Мы можемъ теперь же указать, какъ на особенно интересныя, на наблюденія полковника Ходзько на одной изъ вершинъ Кавказа, на высотѣ 11000 футовъ надъ уровнемъ моря. Блестящее явленіе вѣнца, даже на этой значительной высотѣ, кажется, служить несомнѣннымъ доказательствомъ, что невозможно предполагать этого лучезарнаго явленія оптическимъ призракомъ, произведеннымъ окружающею насъ атмосферою.

3. Коммиссія, составленная по Высочайшему повелѣнію для изслѣдованія причинъ уменьшенія добычи рыбной ловли.

Въ одномъ изъ ежегодныхъ донесеній, представляемыхъ Его Императорскому Величеству, ливонской гражданской губернаторъ жаловался на постепенное уменьшеніе добычи рыбной ловли по берегамъ Балтійскаго моря и въ озерѣ Пейпусѣ. Послѣ нѣсколькихъ бесплодныхъ попытокъ со стороны Министерства Государственныхъ Имуществъ объяснить это явленіе и изыскать средства къ его устраненію, Государь Императоръ, оцѣняя всю важность этого обстоятельства для жителей прибалтійскихъ провинцій, Высочайше повелѣтъ соизволилъ образовать особую коммиссію изъ чиновниковъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и губерній: псковской, с. петербургской и ливонской — по одному изъ каждаго вѣдомства, подъ начальствомъ опытнаго натуралиста, избраннаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и вмѣстить сей коммиссію

въ обязанность на мѣстѣ изслѣдовать причины оскудѣнія, и для предотвращенія его на будущее время изыскать средства, которыя могли бы повести къ предпринятію общихъ правительственныхъ мѣръ. Министръ Народнаго Просвѣщенія представилъ выборъ натуралиста для этой комиссіи самой Академіи, и она назначила г. Бера, какъ особенно способнаго соотвѣтствовать видамъ правительства и по своимъ специальнымъ познаніямъ, и по личному знакомству съ тѣмъ краемъ и съ языкомъ и нравами его жителей. Ученый сочленъ нашъ полагалъ, что, удостовѣрившись прежде всего въ дѣйствительности факта, надобно потомъ узнать, что препятствуетъ рыбѣ достигать мѣстъ, указываемыхъ ей инстинктомъ для метанія икры — способны ли ловли, употребляемые жителями, или другія мѣстныя обстоятельства? А такъ какъ рыба обыкновенно мечетъ икру или весною отъ вскрытія водъ до іюня, или осенью до закрытія ихъ, и такъ какъ притомъ рыболовство въ прѣсныхъ водахъ легче можетъ быть подчинено полицейскимъ мѣрамъ, то г. Беръ счелъ необходимымъ побывать на Пейпусѣ въ обѣ означенныя поры, чтобы подвергнуть наблюденію способности рыбной ловли, а лѣто употребить на изслѣдованіе этого промысла по берегамъ моря. Этотъ планъ былъ дѣйствительно исполненъ тремя поѣздками въ теченіе 1851 года. Кромѣ того, оказалось еще необходимымъ сдѣлать наблюденіе надъ рыбною ловлею въ Пейпусѣ зимою, такъ какъ въ это время ловъ бываетъ обильнѣе, и знать его количество необходимо, чтобы составить точное понятіе о нынѣшнемъ богатствѣ озера. Эту зимнюю поѣздку предстоитъ еще сдѣлать. Собранныя нашимъ зоологомъ наблюденія послужили матеріаломъ для составленія пяти пространныхъ донесеній, которыя онъ одно за другимъ представлялъ, чрезъ посредство Академіи, въ Министерство Государственныхъ Имуществъ: они содержатъ многія и значительныя данныя для рациональнаго преобразованія правилъ рыбной ловли. Сущность этихъ донесеній можно вкратцѣ изложить слѣдующими словами. Относительно добычи рыбы въ Пейпусѣ дѣйствительно оказывается, что она вообще уменьшилась, только не въ такой большой пропорціи, какъ можно подумать съ перваго взгляда; потому что если нѣкоторые виды, какъ напр. ряпуха и

особенно лещи, попадаютъ не въ такомъ обиліи, какъ прежде, за то другіе виды, какъ напр. сѣтки, значительно умножились. Количество рыбы, потребляемой на мѣстѣ, много уменьшилось, это правда: но это отъ того, что продажа ея въ столицѣ беспрестанно увеличивается. Впрочемъ, главныя причины уменьшенія рыбы — во-первыхъ, повсюду распространенное въ тѣхъ мѣстахъ употребленіе мелкихъ сѣтей, которыя губятъ мелкую рыбу, и во-вторыхъ — множество рыболововъ. Извѣстно, что въ теченіе послѣдняго столѣтія и еще въ началѣ нынѣшняго приливъ народонаселенія къ берегамъ озера былъ весьма великъ и только недавно началъ уменьшаться. Отсюда тотъ важный въ административномъ отношеніи результатъ, что озеро въ продолженіе такого длиннаго періода времени не только могло удовлетворять беспрестанно возрастающимъ потребностямъ возникавшей въ его сосѣдствѣ столицы, но еще могло доставлять рыбакамъ довольно значительныя выгоды. Если эти выгоды уменьшаются и рыболовы страдаютъ, это зависить еще отъ того, что цѣны мороженой рыбы не возвышаются, соразмѣрно другимъ жизненнымъ припасамъ, по причинѣ соперничества, оказываемаго рыболовствомъ въ другихъ бассейнахъ. Что касается морской рыбной ловли, то г. Беръ находитъ положительныя доказательства дѣйствительнаго уменьшенія любимыхъ видовъ только въ отношеніи къ нѣкоторымъ мѣстамъ, какъ напр. къ окрестностямъ Нарвы. Въмѣстѣ съ переменною, происшедшею въ направленіи устья рѣки Наровы, измѣнился и потокъ прѣсной воды: вслѣдствіе того, стан салакушки нынѣ уже не такъ близко приходятъ къ нарвскимъ берегамъ, какъ прежде. По другимъ берегамъ Эстляндіи и Лифляндіи добыча салакушки и кильки потерпѣла не столько дѣйствительное уменьшеніе, сколько большія перемѣны, которыя впрочемъ всегда были замѣчаемы и зависятъ преимущественно отъ состоянія погоды и отъ свойства вѣтровъ весною. Еще въ 1844 г., въ одномъ мѣстѣ на западномъ берегу, въ три дня изловили 1500 тоннъ салакушки, половина которой, за невозможностью посолить ее тотчасъ, испортилась и была брошена. Этотъ случай повторился, года четыре назадъ, въ другомъ приморскомъ мѣстѣ, и между тѣмъ случись послѣ этого обилія хотя одинъ скудный годъ, этого довольно, чтобы поднять жа-

лобы. Съ другой стороны, нельзя смотрѣть безъ сожалѣнія на несчастныя слѣдствія почти совершеннаго отсутствія правильнаго надзора за рыбною ловлей въ малыхъ бассейнахъ прѣсной воды: употребляемый здѣсь способъ ловли — по истинѣ опустошительный, и между тѣмъ можно полагать, что и другія провинціи имперіи не отличаются въ этомъ отношеніи отъ балтійскихъ. — Очень понятно, что подобное порученіе должно было доставить нашему зоологу много случаевъ для изученія естественной исторіи балтійскихъ рыбъ, — и г. Беръ не упустилъ этихъ случаевъ: потому что, кромѣ упомянутыхъ пяти официальныхъ донесеній, онъ сообщилъ въ «Бюлетенѣ» ихтіологическое примѣчаніе⁸¹), изъ котораго видно, что въ изысканіяхъ о рыбномъ промыслѣ имѣла свою долю и наука.

ПЕРЕЧЕНЬ
СОЧИНЕНИЙ АКАДЕМИКА ФРЕНА.

(См. стр. 2.)

А. По толкованію Ветхаго Завета.

1. Curarum exegetico-criticarum in Nahumum specimen. Rostochii 1806. 4.

В. По части изданія и объясненія мугаммеданскихъ писателей.

2. Aegyptus auctore Ibn-el-Vardy. Ex apographo Escorialensi etc. ed. Fraehn. Halae 1804. 8.
3. Mehr Autokritik als Antikritik. (Intelligenzblatt der Jenaer Allg. Literz. 1810. no. 35 — 6. p. 439 seq.)
4. Carmina arabica duo quae Lamica dicuntur, alterum Schanfarīi, alterum To-grāi. Casan 1814. 8.
5. Schemseddin Abu Abdallah Muhammed *el-Dimeschky's* kosmographisches Werk *Nochbet-ūd-dehri* etc. (Изданіе начато въ 1820 г., но доведено едва только до половины.).
6. Bulariae urbis origo atque fata tatarice et latine. (Fundgruben des Orients. T. V. p. 208.)
7. De Auctorum etiam arabicorum libris vulgatis crisi poscentibus emaculari, exemploposito historiae Saracenicae Elmacini. Kasan 1815. 4.
8. Abulghasi Bahadūr Chani historia Mongolorum et Tatarorum. Casan 1823. fol.
9. Ibn Fozlan's und anderer Araber Bericht über die Russen alterer Zeit. St. Petersburg 1823. 4.
10. Veteres memoriae Chasarorum ex Ibn-Fozzlano, Ibn-Haukale et Schems-eddino Damasceno, arab. et latine. Petrop. 1822. 4. (Перепечатано изъ VIII-го Тома «Мемуаровъ».)
11. De Baschkiris, quae memoriae prodita sunt ab Ibn-Fozzlano, et Jacuto. Petrop. 1822. (Перепечатано оттуда же.)
12. Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharenaus Ibn-Fozzlan's Reiseberichte. (Mém. Sér. VI. 527. 1832.)
13. Beleuchtung der merkwürdigen Notiz eines Arabers aus dem XI. Jahrh. über die Stadt Mainz. (Mém. VI Sér. II, 87. 1833.)
14. Ibn-abi-Jakub el-Nedim's Nachricht von der Schrift der Russen im X. Jahrh. n. Chr., kritisch beleuchtet. Mém. (VI. Sér. III. 507. 1833. (Cf. No. 107.)

С. По Исторіи и Географіи.

15. Commentatio de titulorum et cognominum honorificorum, quibus Chani Ordæ aureae usi sunt, origine, natura atque usu. Casan 1814.
16. Ueber die ehemalige mongolische Stadt *Ukek* im Süden von Saratow und einen dort unlängst gemachten Fund. (Mém. VI Sér. 73. 1834.)

73. Inedita aus der orientalischen Münzsammlung des Hrn. v. Bose in Leipzig. (ibid. 249. 1838.)
76. Nachricht von den verschiedenen orientalischen Münzsammlungen der Kaiserl. Eremitage und kurze Beschreibung der unedirten Stücke der letzten derselben. (ibid. 303. 1838.)
77. Ueber Münzen des letzten Charesmschah, die in Grusien geschlagen. (Bull. sc. IX. 213. 1841.)
78. Ueber einen im Gouvernement Kasan gemachten kufischen Münzfund, jetzt im Museum des Hrn. Grafen S. Stroganow befindlich. (ibid. 293. 1841.)
79. Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem Gelde in Russland etc. (ibid. 301. 1841.)
80. Summarische Uebersicht des orientalischen Münzcabinettes der Universität Rostock, und Anzeige der in demselben befindlichen unedirten oder vor andern bemerkenswerthen Stücke. Bull. sc. X. 31. 1841. (Bull. hist. I. 1. 1842.)
81. Ueber elf unlängst in Kurganen des Kreises von Wyschnj Wolotschok im Gouvern. Twer aufgefundenen Münzen. (Bull. hist. II. 113. 1844.)
82. Ueber einige dem Asiatischen Museum von Hrn. Dr. Hansen zum Geschenk dargebrachte Münzen. (Bull. hist. III. 244. 1846.)
83. Verzeichniss der von Hrn. Dr. Köhne der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften für das Asiatische Museum verehrten Münzen. (ibid. 246. 1846.)
84. Ueber einige merkwürdige Inedita unter den von Hrn. Oberst-Lieutenant Woskoboïnikov in Persien angesammelten Münzen. (Bull. hist. IV. 52. 1847.)
83. Die Inedita einer neuen, der numismatischen Abtheilung des Asiat. Museums aus Persien gewordenen Accession. (ibid. 243. 1847.)
86. Der orientalische Münzfund von Essemazzi in Ehtland. Nachtrag zu 39. (Bull. hist. V. 113. 1848.)
87. Orientalische Münzen des Mitauischen Museums (Arbeiten der kurländischen Gesellschaft für Litteratur und Kunst. 1847. 2. Heft. p. 63.)
88. Ueber die Tatarischen Münzen der Russen. (Седьмое присужденіе Демидовск. Нар. 1838. стр. 30.)

F. По Исторіи Литературы. (Навѣстія объ учебныхъ заведеніяхъ, рукописяхъ и т. д.).

89. Lettre à Mr. le Baron Silv. de Sacy, sur le nouvel Institut oriental à St.-Pétersbourg. (Journ. Asiat. VI. 223.)
90. Vorläufiger Bericht über eine bedeutende Bereicherung an Arabischen, Persischen und Türkischen Handschriften, die das Asiatische Museum der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften in diesem Jahre erhalten hat. (St. Petersb. Zeitung 1819. Beilage zu No. 91. Das Asiat. Museum p. 201 seq.)
91. Vorläufiger Bericht über eine neue bedeutende Bereicherung des Orientalischen Manuscripten-Apparats der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften. (St. Petersb. Zeitung 1826. Beilage zu No. 11. Das Asiat. Museum, p. 279.)
92. Gedrängte Uebersicht des Asiat. Museums der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften. (St. Petersb. Zeitung 1829. No. 71.)
93. Vorläufige Anzeige von einem nächstens hieselbst erscheinenden Werke: Dictionnaire abrégé Français-Arabe de Jacques Berggren, redigé etc. par J. Senkowski. (St. Petersb. Zeit. Beilage No. 47. 1827.)
94. Für die Herausgabe der Annalen des Tabery aus dem Berliner Codex — (St. Petersb. Zeitung Beilage No. 3. 1827. Прибавленіе къ С. Петербургскимъ Вѣдом. No. 8. 1827.)
93. Notice chronologique d'une certaine d'ouvrages pour la plupart historiques et géographiques tant Arabes que Persans et Turcs, qui manquent en grande partie aux différentes bibliothèques de l'Europe etc. St.-Pétersbourg 1834. 4.

96. Indications bibliographiques. (Второе издание предыдущаго 95-го No.) St. Petersb. 1843. 8.
97. Die Bibliothek aus der Scheich-Sefy-Moschee zu Ardebil. (St. Petersb. Zeitung 2829. No. 44. Das Asiat. Museum p. 346.)
98. Die aus der Ahmed-Moschee zu Achalzich für Russland gewonnene orientalische Manuscripten-Sammlung. (St. Petersb. Zeitung 1829. No. 138, 139 и 140. Asiat. Museum p. 352.)
99. Allgemeiner Ueberblick der in den neueren Zeiten nach St. Petersburg gekommenen orientalischen Handschriften-Sammlungen. (St. Petersb. Zeitung 1830. No. 13. Das Asiat. Museum p. 370.)
100. Die Seiner Kaiserlichen Majestät von dem regierenden Schah von Persien vererbten Persischen Prachtwerke. St. Petersb. Zeitung 1830. No. 16.)
101. Ueber die im Jahre 1829 aus Bajesid und Erserum für Russland gewonnenen Arabischen, Persischen und Türkischen Manuscripte. (St. Petersb. Zeitung 1830. No. 47 und 48. Das Asiatische Museum p. 378.)
102. Die chinesische Sammlung des Obristen Ladyschinsky. (St. Petersb. Zeitung 1833. No. 148. Das Asiat. Museum p. 440.)
103. Ueber die wichtigsten orientalischen Handschriften des Rumänzow'schen Museums. Bull. scient. I. 156. 1836.)
104. Erster Erfolg der von dem Hrn. Finanzminister zur Gewinnung wichtiger Orientalischer Handschriften getroffenen Maasregeln. (Bull. scient. III. 60. 1837.)
105. Nachricht über ein der Akademie geschenktes türkisches Manuscript. (ib. 159. 1837.)
106. Ueber neue Erwerbungen des Asiatischen Museums. Handschriften: (Bull. sc. III. 186. 190. 1838. Bull. scient. VII. 367. 1840. Bull. hist. I. 81.)
107. Ueber die Wiederaufnahme der von dem Hrn. Finanzminister angeordneten Nachforschungen nach orientalischen Handschriften in Asien und über ein neues Verzeichniß von Desideraten. (Bull. hist. II. 353. 1845.)

G. По Графикаѣ.

108. Du caractère d'écriture arabe nommé carmatique: Dissertation où l'on prouve qu'il n'a jamais existé un caractère ainsi nommé. (Journ. Asiat. T. I. p. 379. Cf. No. 14.)

H. По Астрономіи.

109. Zur Geschichte der Sternschnuppen. (Bull. scient. VI. 308. 1837. Ср. слѣд. No.)
110. Erwiderung auf eine Reclamation des Hrn. v. Hammer. (Bull. sc. IV. 107. 1838.)

I. Смѣсь.

111. Rede bei Gelegenheit der Feier der Einnahme von Paris, gehalten zu Kasan. 1814. 4.
112. Die Abendstunden des einsamen Fremdlings. (Aubonne Jul. 1805.) (Gedicht). Ruthenia, oder dritter Jahrgang der St. Petersburgischen Monatsschrift. Herausgegeben von F. E. Schröder u. F. B. Albers. Dritter Band. St. Petersburg u. Mitau 1807. p. 169.

Сверхъ того, нѣсколько отчетовъ Френа по нумизматикѣ и древностямъ, приобретеннымъ Азіатскимъ Музеумомъ, напечатано въ Описаніи Азіатскаго Музеума, академика Дорна. Печатались еще извлеченія изъ его писемъ въ Leipziger Literaturzeitung, напр. въ Intellig.-Bl. 1827. No. 18 — 19. стр. 138 и слѣд. Мѣлкія статьи Френа, можетъ быть, разсыяны еще по другимъ изданіямъ: собрать ихъ предоставляемъ будущему его биографу.

ΠΕΡΕΧΕΝΉ
ΣΟΧΙΝΕΣΙ ΑΚΑΔΕΜΙΚΑ ΓΡΕΦΕ.

(См. стр. 2).

I. По изданію и объясненію греческихъ писателей.

1. *Hellas Veilchen von Herder gepflückt, in einen Kranz gewunden von einem Freunde der griechischen Muse* (Фр. Грефе и —?). Chemnitz 1801. 4. II и 196 стр.
2. ΜΟΥΣΩΝ ΑΝΘΗ, sive selecta poetiarum graecarum carmina et fragmenta edidit, earum vitas, animadversiones et indices adjecit A. Schneider (Fr. Graefe et?). Giesae MDCCCII. 8. XIX и 368 стр.
3. Meleagri Gadareni epigrammata tamquam specimen novae recensionis Anthologiae graecae cum observationibus criticis edidit Frid. Graefe. Lipsiae MDCCCXI. 8. XXIV и 176 стр.
4. *Observationes criticae in Meleagram et universam Anthologiam graecam, auctore Fr. Graefio. Pars. I.* 8. 88 стр. (Безъ заглавнаго листа.)
5. *Epistola critica in Bucolicos graecos. Ad virum illustrissimum Sergium Ouvaroff etc. scripsit cum e cathedra instituti paedagogici latina ad graecam vocaretur Dr. Christianus Fridericus Graefe. Petropoli MDCCCXV.* 4. 128 стр.
6. ΠΑΥΛΟΥ ΣΙΛΕΝΤΙΑΡΙΟΥ ΕΚΦΡΑΣΙΣ ΤΗΣ ΜΕΓΑΛΗΣ ΕΚΚΛΗΣΙΑΣ ΚΑΙ ΤΟΥ ΑΜΒΩΝΟΣ ΚΑΙ ΙΩΑΝΝΟΥ ΓΡΑΜΜΑΤΙΚΟΥ ΓΑΖΗΣ ΕΚΦΡΑΣΙΣ ΤΟΥ ΚΟΣΜΙΚΟΥ ΠΙΝΑΚΟΣ. Pauli Silentiarii Descriptio magnae ecclesiae et Ambonis et Ioannis Gazaei Descriptio tabulae mundi. Ex apographo Anthologiae graecae Gothano recensuit Fridericus Graefe. Lipsiae 1822. 8. 116 стр.
7. ΝΟΝΝΟΥ ΤΟΥ ΠΑΝΟΠΟΛΙΤΟΥ ΤΑ ΚΑΤΑ ΥΜΝΟΝ ΚΑΙ ΝΙΚΑΙΑΝ. Des Nonnos Hymnos und Nikaea. St. Petersburg MDCCCXIII. 4. VIII и 49 стр.
8. Des Nonnos Hymnos und Nikaa. Eine Beylage zu des Professor Gräfe deutscher metrischer Uebersetzung dieses Gedichts von Johann Gottlieb Buhle. Zum Besten der Invaliden-Casse neu aufgelegt und mit kritischen Anmerkungen versehen von Friedrich Graefe. St. Petersburg 1813. 8. 49 стр.
9. Nonnos von Panopolis der Dichter. Ein Beytrag zur Geschichte der Griechischen Poesie. Vom wirklichen Staatsrath Ouvaroff. St. Petersburg MDCCCXVII. 4. VIII и 102 стр. (Критическія примѣчанія F. G., т. е. Фр. Грефе.)
10. ΝΟΝΝΟΥ ΤΟΥ ΠΑΝΟΠΟΛΙΤΟΥ ΔΙΟΝΥΣΙΑΚΩΝ ΒΙΒΛΙΑ ΜΗ. Nonni Panopolitae Dionysiacorum libri XLVIII. Suis et aliorum conjecturis emendavit et illustravit Dr. Fridericus Graefe. Volumen I. libros I — XXIV complectens. Lipsiae 1819. 8. 320 стр. Volumen II. libros XXV — XLVIII complectens. Lipsiae 1826. 8. 374 стр.

11. Догадки касательно некоторых мѣстъ Нонна, въ Bull. hist.-phil. T. V. стр. 373 — 384.
12. Ad audiendam dissertationem, qua Demetrius Popoff dissertationem philologico-criticam de Colutho pro obtinenda adjuncti dignitate publice defendet, invitat senior sectionis philologicae Dr. Christianus Fridericus Graefe. Insunt observationes criticae in Tryphiodorum. Petropoli 1817. 4. 14 стр.
13. Inaugurationem solemnem virorum clarissimorum Ernesti Raupach, Ioannis Baptistae Demange, Francisci Bernhaldi Charmoy a curatore gravissimo Sergio Uwaroff in Instituto paedagogico primario rite instituendam indicit et ad audiendas orationes inaugurales publice habendas observantissime invitat Dr. Christ. Frid. Graefe. Adjectae sunt conjecturae in Coluthum et Musaeum. Petropoli 1818. 4. IV u 18 стр.

II. О римскихъ поэтахъ.

Догадка касательно V. 6. Катудла, въ Bull. hist.-phil. T. V. стр. 374. 375.

III. По древностямъ.

1. Antiquitatis graecae et romanae loca quaedam, e Rossorum lingua et usibus illustrata, auctore Frederico Graefio. Particula I. Petropoli MDCCCXXV. 4. 48 стр.
2. Sub mammonte nostro fabulorum antiquorum odonto-tyrannum latere, conjicitur, additis observationibus criticis in Jul. Valerium. Auctore Frid. Graefio. (Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. VIme série. Sciences politiques, histoire et philologie. T. I. стр. 69 — 88.)
3. Nummi Consulares gentium Romanarum, qui in Museo Academico inventiuntur. Digessit et recensuit Fr. Graefe. Part. I. (Извлечение напечатано въ «Чтенияхъ Императорской Академіи Наукъ съ С. Петербургъ за 1829 и 1830 годы». Отдѣленіе наукъ историческихъ, филологическихъ и политическихъ. Книжка I. 72. 73.)
4. Bericht über ein Geschenk des Grafen Simonitch an das numismatische Münzkabinet der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften. (Bull. scientif. T. VI. 80.)

IV. По части надписей.

1. Inscriptiones graecae, ex antiquis monumentis et libris editis depromptae, restituuntur et explicantur. Part. I. Dissertatio, lecta d. 14 Mart. 1821. (Mémoires de l'Acad. Imp. d. sc. de St.-Pétersb. T. VIII. 629 — 663. — Part. II. Dissertatio, lecta d. 31 Octobr. 1821. Ibid. 664 — 708.)
2. Vetus inscriptio graeca inter rudera antiquae urbis Sarai, prope Zaritzyn ad Wolgam detecta. Edidit et illustravit Frid. Graefe. (Conventui exhib. die 3 Dec. 1823). (Въ Mémoires de l'Acad. Imp. d. sc. de St.-Pétersb. VIme série. Sc. pol., hist. et phil. T. I. 53 — 68.)
3. Inscriptiones aliquot graecae nuper repertae, restituuntur et explicantur. Commentatio prior Conv. exhib. d. 29 Januarii 1841. Godofredo Hermannо Fredericus Graefe. (Ibid. T. VI. 1 — 21. — Commentatio posterior Conventui exhib. d. 13 Octobris 1841. Ibid. 23 — 48. — Извлечено въ Bulletin scient. T. IX. 221 — 229. Изъ Part. III — VI напечатаны только извлечения въ Bulletin historico-philologique, T. I. 65 — 69. T. II. 97. 98.)
4. Einige Inschriften (und kritische Bemerkungen) von Fr. Graefe. Mit einer Steindrucktafel. (Bull. hist.-phil. T. V. 369 — 374.)
5. Steinschrift aus der Zeit des Bosphorischen Königs Intinthimaios, mitgetheilt von dem Hrn. Akad. v. Koeppen, erklärt von Fr. Graefe. (Bull. hist.-phil. T. VIII. стр. 167 — 170.)

V. По Лингвистикѣ.

1. *Lingua graeca et latina cum slavica dialectis in re grammatica comparatur auctore Frederico Graefo. Specimen I. Petropoli MDCCCXXVII. 4. 43 стр.*
2. Сличеніе языковъ Греческаго и Латинскаго съ Славянскими нарѣчіями. Этимологическая часть. Отдѣленіе I. Читано 26 Авг. 1829 г. — Часть грамматическая: О спряженіи глаголовъ. Чит. 14 Апр. 1830 г. Объявленіе объ этомъ неизданномъ сочиненіи въ Читеніяхъ Имп. Ак. Наукъ, 83—93.
3. *Das Sanskrit-Verbum im Vergleich mit dem Griechischen und Lateinischen. Aus dem Gesichtspunkte der classischen Philologie dargestellt von Friedrich Graefe. Gel. d. 2 April 1833. (Mém. d. l'Acad. Imp. VI sér. Sc. pol. etc. T. IV. 1 — 122. Издано и отдѣльно.)*
4. *Ueber Sprachbildung und Sprachvergleichung. (Recueil des Actes de la séance publique tenue le 30 déc. 1836. стр. 39—102.)*
5. *Linguarum indo-europaeorum vinculo cultissimos et potentissimos terrae populos inter se consociari brevi sermone ostendit Fridericus Graefe. (Recueil des Actes des séances publiques tenues le 31 déc. 1841 et le 30 déc. 1842 et de la séance solennelle tenue en l'honneur de M. le Président de l'Académie le 12 janv. 1843. стр. 219—229.)*
6. *Ueber die sogenannte starke und schwache Conjugation und ihre vermeintliche Begründung im Griechischen. (Gel. d. 20 Aug. 1836.) (Bull. sc. T. I. стр. 116—118.)*
7. *Ueber Optativ und Conjunctiv im Griechischen. (Gel. d. 17 Febr. 1837.) (Ibid. T. II. стр. 68—73.)*
8. *Das Digamma, als dialektische Eigenthümlichkeit, in dem Indo-Germanischen Sprachstamme nachgewiesen. (Gel. d. 20 Oct. 1837.) (Извлеченіе ibid. T. III. стр. 66, 67.)*
9. *Das Gothische Verbum in seinem Verhältniss zum Indo-Europäischen Sprachstamme. (Gel. d. 12 März 1847.) (Изв. въ Bull. hist.-phil. T. IV. стр. 177—182.)*
10. *Ueber Griechische Verbal-Formen, die nur aus dem Sanskrit zu erklären. (Gel. d. 4 Aug. 1843.) (Извлеченіе ibid. T. VIII. стр. 161—164.)*
11. *Die Zufälligkeit der verbalen Flexions-Reihen und ihres grammatischen Gebrauchs in dem Indo-Europäischen Sprachstamme. (Gel. d. 14 Dec. 1849.) (Извлеченіе ibid. стр. 164—166.)*
12. *Die alte Slovenische Sprache in Beziehung auf die Zufälligkeit der verbalen Flexions-Reihen. (Gel. d. 23. Oct. 1850.) (Извлеченіе ibid. стр. 206—212.)*

VI. Рецензін книгъ, представленныхъ на Демидовскій конкурсъ.

1. О соч. Седергольма: *Ξενοφώντος Ἀναβάσις Κύρου.* (См. Десятое Присужденіе учрежденныхъ П. П. Демидовымъ наградъ, стр. 359—363.)
2. О соч. Евлампіоса: *Амарантосъ или розы возрожденной Еллады.* (См. Двѣнадцатое прис. и т. д. стр. 131—146.)
3. О Греческой Грамматикѣ, составленной Густавомъ Вульфтомъ. Часть первая: *Этимологія.* Москва 1843. (См. Тринадцатое прис. стр. 93—98.)
4. О соч. Краткая Синонимика Латинскаго языка, изложенная по Дедерлейну Яковомъ Ильенковымъ. (См. Четырнадцатое прис. стр. 123—132.)
5. О рукописномъ сочиненіи: *Полный Россійско-Латинскій Словарь, изданный С. Ивашковскимъ.* (См. Пятнадцатое прис. стр. 93—107.)
6. О Греческо-Русскомъ Словарѣ Игнатія Коссовича. (См. Семнадцатое прис. стр. 53—60.)

VII. Сочиненія на особенные случаи.

1. *Gallorum sub Brenno in Graecia clades et infamia nostris temporibus in memoriam revocata. MDCCCXII. 8. 10 стр.*

2. ΥΜΝΟΣ ΕΙΣ ΝΕΜΕΣΙΝ ΕΝ ΤΗΙ ΝΙΚΗΙ ΚΑΙ ΤΩΙ ΝΟΣΤΩΙ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΤΟΥ ΣΕΒΑΣΤΟΥ. Hymne à Némésis à l'occasion du triomphe et du retour de Sa Majesté l'Empereur. Par le Dr. F. Graefe. St.-Pétersbourg. 1814. 4. 28 σπ.
3. ΣΕΡΓΙΩΙ ΣΙΜΩΝΟΣ ΟΥΒΑΡΟΦ ΓΥΜΝΑΣΙΑΡΧΟΥΝΤΙ. Ἐν τῇ τοῦ Γυμνασίου χορηγία Φρ. Γρ. ΜDCCCXVI. 4. 2 σπ.
4. Ad imaginem Alexandri I. Imperatoris et Autocratoris omnium Rossorum in Museo numismatico Imp. Academiae Scient. Petropol. positam Cal. Mart. MDCCLXXXIV. fol. 2 σπ.
5. ΤΗΙ ΚΑΙΣΑΡΕΙΑΙ ΠΕΡΙ ΕΠΙΣΤΗΜΩΝ ΑΚΑΔΗΜΙΑΙ ΤΗΙ ΕΝ ΠΕΤΡΟΥ ΠΟΛΕΙ ΤΗΝ ΕΚΑΤΟΝΤΟΥΤΙΝ ΕΑΥΤΗΣ ΠΑΝΗΓΥΡΙΝ ΤΟ ΠΡΩΤΟΝ ΑΓΟΥΣΗ ΤΗΙ ΚΘ ΤΟΥ ΔΕΚΕΜΒΡΙΟΥ ΤΟΥ ΑΟΚΦ ΕΤΟΥΣ. fol. 20 σπ.
6. Der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg bey ihrer ersten Säcular-Feier den XXIX December MDCCLXXXVI. Für Wenige aus dem Griechischen übersetzt vom Verfasser. 4. 22 σπ.
7. Η ΚΙΩΝ ΤΟΥ ΑΓΓΕΛΟΥ. ΤΗΙ Α ΜΗΝΟΣ ΑΥΓΟΥΣΤΟΥ ΕΤΟΥΣ ΑΩΛΔ. 4. 4 лист.
8. Imperatori Augustissimo Domino suo Clementissimo quid pro tot ac tantis beneficiis Universitas literaria debeat? Oratio in sollemni Universitatis inauguratione habita a Fr. Graefo. Petropoli MDCCLXXXVIII. 8. 16 σπ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ОТЧЕТУ.

1. Struve. Stellarum fixarum imprimis duplicium et multiplicium Positiones Mediae pro epocha 1830,0, deducta ex observationibus meridianis annis 1822 ad 1843 in specula Dorpatensi institutis. Petropoli 1832. in fol.
2. Middendorff. Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844 mit Allerhöchster Genehmigung auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg ausgeführt und in Verbindung mit vielen Gelehrten herausgegeben. Bd. II. Zoologie. Th. 1. Wirbellose Thiere: Annulaten, Echinodermen, Insecten, Krebse, Mollusken, Parasiten, bearbeitet von F. Brandt, W. Erichson, Seb. Fischer, E. Grube, E. Ménétries, A. Th. v. Middendorff (mit 32 lithogr. Tafeln). St. Petersburg. 1851. 4.
3. Middendorff. Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844 mit Allerhöchster Genehmigung auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg ausgeführt und in Verbindung mit vielen Gelehrten herausgegeben. Bd. III. Ueber die Sprache der Jakuten von O. Böhlingk. Th. I. Einleitung. Jakutischer Text. Jakutische Grammatik. Th. II. Jakutisch-Deutsches Wörterbuch. St. Petersburg. 1851. 4.
4. Stephani. H. K. E. Köhlers gesammelte Schriften im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben. Bd. III. Abhandlung über die geschnittenen Steine mit den Namen der Künstler. Bd. IV. Kleine Abhandlungen zur Gemmen-Kunde. Th. I. (mit 2 lithographirten Tafeln). St. Petersburg. 1831.
5. Brosset. Additions et éclaircissemens à l'histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'en 1469 de J. C. St.-Petersbourg. 1851. 4.
6. Mélanges russes tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. (1849—1851). T. I. St.-Petersb. 1851. 8.
7. Ostrogradsky. Конспект Тригонометрии.
8. Bouniakovsky. Програма и Конспектъ начальной Геометрии, для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.
9. Bouniakovsky. Note sur le maximum du nombre des positions d'équilibre d'un prisme triangulaire homogène, plongé dans un fluide. (Bull. p. m. X. 49.)
10. Somov. Démonstration de quelques formules elliptiques de Jacobi. (Bull. p. m. X. 63.)
11. Clausen. Ueber den Werth des Kettenbruchs u. s. w. (Bull. p. m. IX. 333.)
12. Clausen. Ueber die Form Architectonischer Säulen. (Bull. p. m. IX. 369.)
13. Clausen. Ueber den Einfluss der Umdrehung und der Gestalt der Erde auf die scheinbaren Bewegungen an der Oberfläche derselben. (Bull. p. m. X. 17.)
14. Braschmann. Note sur le mouvement du pendule simple. (Bull. p. m. X. 81.)

13. O. Struve. Mémoire sur les dimensions de l'anneau de Saturne. (Mém. p. m. V. 439.)
16. O. Struve. Observations de la Comète de Faye, faites à Poulkova, en 1851. (Bull. p. m. X. 261.)
17. O. Struve. Supplément au Mémoire sur le voyage de M. Lemm.
18. O. Struve. Positions géographiques, déterminées en 1848, par le lieutenant-colon. Lemm, dans le Gouvernement de Novgorod.
19. W. Struve. H. C. Schumacher. Biographische Skizze. (Bull. p. m. IX. 237.)
20. Clausen. Ueber die Olbers'sche Methode Cometenbahnen zu berechnen. (Bull. p. m. X. 175.)
21. Пэрэвостчіков. О предвареніи равноденствій. (Bull. p. m. X. 97.)
22. Paucker. Das Astronomische Längenmass. (Bull. p. m. X. 209.)
23. Kupffer. Annales de l'observatoire physique central pour 1848. St.-Pétersb. 4.
24. Kupffer. Compte rendu des travaux de l'observatoire phys. central pour 1850.
25. Kupffer. Метеорологическое обозрѣіе Россіи за 1850 г. С. II. Б. 1851. 4.
26. Kupffer. Bemerkungen über das mechanische Aequivalent der Wärme. (Bull. p. m. X. 193.)
27. Lenz. Ueber die Leitung des galvanischen Stromes durch Flüssigkeiten, wenn der Querschnitt derselben verschieden ist von der Fläche der in sie getauchten Electroden. (Bull. p. m. X. 129.)
28. Helmersen. Versuche die relative Wärmeleitungsfähigkeit einiger Gesteinarthen zu ermitteln. (Bull. p. m. X. 117.)
29. Nöschel. Bemerkungen über die naturhistorischen, insbesondere über die geognostischen und hydrographischen Verhältnisse der Steppe zwischen den Flüssen Or und Turgai, Kuman und Sir-Darja, nebst Einleitung v. Helmersen.
30. Hamel. Die Flachsbaumwolle auf der Londoner Ausstellung. Ritter Clausen und Herr Ahnesorge. (Bull. p. m. X. 147.)
31. Hamel. Tradescant's Testament und Ashmoles Museum zu Oxford. (Bull. p. m. X. 161.)
32. Paucker. Zur Theorie der kleinsten Quadrate. V. Die Potenzreihe in der Physik. (Bull. p. m. X. 33.)
33. Döpping. Ueber die Einwirkung der schwefligen Säure auf einige Kupferoxydsalze. (Bull. p. m. IX. 179.)
34. Ruprecht. Ueber das System der Rhodophyceae. (Mém. VI Sér. sc. nat. VII. 23.)
35. Ruprecht. Animadversiones in plantas nonnullas horti imperialis botanici Petropolitani.
36. Ruprecht. Hatte die diesjährige Sonnenfinsterniss in St. Petersburg Einfluss auf die täglichen periodischen Erscheinungen im Pflanzenreiche. (Bull. p. m. IX. 362.)
37. Meyer. Einige Pflanzenmissbildungen, beobachtet und beschrieben. (Bull. p. m. X. 221.)
38. Meyer. Beiträge zur Pflanzenkunde des Russischen Reiches. 8te Lfrg. 1851. 8.
39. Claus. Localflora der Wolgagegenden. (Въ изданіи подлѣ № 38.)
40. Meinshausen. Beitrag zur Pflanzengeographie des Süd-Uralgebirges.
41. Brandt. Die von Lehmann gesammelten oder auf seinen Reisen beobachteten Wirbelthiere des Orenburger Gouvernements, ferner der Uralischen, Kaspischen und Kirgischen Steppen, ebenso wie Buchara's und Samarkand's. (Beitr. zur Kenntniss d. Russ. Reiches. 17. Bd. S. 297.)
42. Brandt. Beiträge zur nähern Kenntniss der Säugethiere Russlands. I. Selbstständige Mittheilungen über den äussern Bau des Zobel (*Mustela zibellina* var. *asiatica et americana*) im Vergleich mit dem des Baummarters.
43. Beiträge zur nähern Kenntniss der Säugethiere Russlands. II. Die Handflügler des europäischen und asiatischen Russlands, mit besonderer Beziehung auf die

- Geschichte ihrer Entdeckung, ihre Synonymie und geographische Verbreitung.
44. Brandt. Krebse bearbeitet von—(См. Middendorff's Sibirische Reise Bd. II. Th. 1. pag. 79—148.)
 45. Brandt. Bemerkungen über die Weichen oder Leistendrüsen der Gazellen.
 46. Gruber. Ueber einige osteologische Eigenthümlichkeiten am Menschenschädel, als Nachahmungen von Thierbildungen.
 47. Gruber. Ueber das *Os interparietale* der Säugethiere.
 48. Gruber. Ueber *ossicula Wormiana* an Säugethierschädeln.
 49. Gruber. Ueber das neu entdeckte wahre Thränenbein-Rudiment des Wallrosses (*Trichechus Rosmarus*).
 50. Middendorff. Ueber die als Bastarde angesprochenen Mittelformen zwischen *Lepus europaeus* Pall. und *Lepus variabilis* Pall. (Bull. p. m. IX. 209.)
 51. Middendorff. Untersuchungen an Schädeln des gemeinen Landbären, als kritische Beleuchtung der Streitfrage über die Arten fossiler Höhlenbären.
 52. Middendorff. Естественная Исторія медвѣдя бурого. С. II. 6. 1851. 8.
 53. Ваер. Человѣкъ въ естественно-историческомъ отношеиіи. С. II. Б. 1851. 8.
 54. Marcusen. Vorläufige Mittheilung über die Entwicklung der Geschlechtswerkzeuge der Batrachler. (Bull. p. m. IX. 253.)
Beitrag zur Lehre vom Verhältnisse der malpighischen Körper zu den Harnkanälchen. (Bull. p. m. X. 58.)
Merkwürdiger Fall von Eierstockcysten mit Haaren, Zähnen und Knochen bei einer Jungfrau von 15½ Jahren. (Bull. p. m. IX. 321.)
 55. Weisse. 1. Nachricht über einen Staubfall, welcher sich im Jahre 1834 im Gouvernement Irkutsk ereignet hat. (Bull. p. m. IX. 313.)
2. Kukkukseier und Wintereier der sogenannten Wappenthierchen (*Brachianus*). (Bull. p. m. IX. 346.)
 56. Reichert. Bericht über die Abhandlung des Hrn. Dr. Reisner: De auris internaе formatione. (Bull. p. m. X. 86.)
 57. Oustrialov. Extrait du tome II de l'histoire de Pierre le Grand, ayant pour objet les premières campagnes de récréation de Tsar (погулъные походы).
 58. Oustrialov. Second extrait. VIe chapitre du tome II. De la construction de la flotte sur le Voronèje.
 59. Oustrialov. Troisième extrait du tome III. Retour de Pierre de l'étranger en 1698.
 60. Kunik. Aufklärungen über Konrad Bussov und die verschiedenen Redactionen seiner Moscovitischen Chronik. (Bull. h. p. VIII. 305.)
 61. Kunik. Probe einer neuen Ausgabe der Byzantinischen Chronologie v. Philipp Krug. (Bull. h. p. IX. 223. 379.)
 62. Kunik. Analyse des recherches de M. Chwolsohn, relatives aux Sabiens syriens de Harran et au Sabisme des païens syriens, à l'époque du Khalifat. (Bull. h. p. IX. 223.)
I. Essai pour éclaircir, au moyen de l'histoire comparée, la question de l'influence des Iraniens sur les destinées de la race sémitique.
II. Exposé des recherches de M. Chwolsohn sur le développement historique du Sabisme.
 63. Brosset. Fragments d'un essai, au moyen des chartes, sur l'organisation sociale de la Géorgie. Revenus du roi et du clergé. Monnaies et mesures. Impôts et amendes.
 64. Brosset. Notice sur une médaille de l'an 1790 se rapportant à l'histoire de la Géorgie. (Bull. h. p. IX. 33.)
 65. Cte. Оуваров. Notice sur le monument antique de Poretch. (Bull. h. p. IX. 113.)
 66. Stephani. Ueber einige angebliche Steinschneider des Alterthums.

67. Stephanl. *Parerga archaeologica*. I—V. (Bull. h. p. VIII. 327. 387.) *Parerga archaeologica*. VI—VIII. IX. 193. 209.
68. Schir-Eddin's Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masanderan.
69. Dorn. Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la bibliothèque Impériale publique de St.-Pétersbourg.
70. Schiefner. Tibetische Studien. Einleitung und erster Artikel. (Bull. h. p. VIII. 212. 239. 292. 333.)
Beiträge zur tibetischen Lautlehre. (Bull. h. p. VIII. 267. 337.)
Ueber den sogenannten Artikel. (Bull. h. p. VIII. 341.)
71. Schiefner. Ueber die Verschlechterungsperioden der Menschheit, nach buddhistischer Anschauungsweise. (Bull. h. p. IX. 1.)
72. Schiefner. Bericht über die in Peking für die Akademie angekauften tibetischen Werke. (Bull. h. p. IX. 10. 17.)
73. Schiefner. Das Buddhistische Sûtra der zwei und vierzig Sätze; aus dem Tibetischen übersetzt. (Bull. h. p. IX. 63.)
74. Böhrlingk. Beiträge zur russischen Grammatik. I—V. (Bull. h. p. IX. 37. 81. 97.)
75. Graefe. Das Verhältniss des Lithauischen zu dem Indo-europäischen Sprachstamme.
76. Köppen. Der litauische Volksstamm; Ausbreitung und Stärke desselben in der Mitte des XIX. Jahrhunderts. (Bull. h. p. VIII. 273.)
77. Köppen. Reise in's Land der Donischen Kosaken, durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesch.
78. Sjögren. Ueber die Bedeutung des ehstnischen Wortes für Regenbogen: *Wikkerkaar*. (Bull. h. p. IX. 130.)
Kreuzwald. Bemerkungen über d. ehstnische Wort *Natuke*. (Bull. h. p. IX. 8.)
79. Lindhagen. Rapport sur son Expéd. en Norvège. (Bull. p. m. X. 241.)
80. Vorschläge an Astronomen für die Beobachtung der totalen Sonnenfinsterniss am $28\frac{8}{16}$ Juli 1851. 8.
81. Baer. Ueber einige ichtthyologische Nebenbeschäftigungen auf der Reise an den Peipus, vom Ende April's bis Anfang Juni's 1851.

ВОСПОМИНАНІЕ

ОБЪ

АКАДЕМИКЪ ФР. ГРЕФЕ.

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ, ГРАФА
С. С. УВАРОВА ¹⁾).

(Читано въ засѣданіи 6 февраля 1852.)

Господинъ Непремѣнный Секретарь!

Истекшій годъ ознаменовался двумя печальными утратами, важными для Академіи столько же, какъ и для меня. Академикъ Френъ, справедливо уважаемый оріенталистами за ученые труды, доставившіе ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ той школѣ, которая прославила Голландію и Францію, окончивъ, въ прошломъ году, свое продолжительное и непрерывными трудами ознаменованное поприще. Я не сомнѣваюсь, что Академія употребитъ всю свою заботливость къ благоговѣйному и тщательному сохраненію всего, что, между бумагами покойнаго, еще можетъ быть передано вниманію публики ²⁾). Другую, столь же чувствительную потерю мы понесли со смертію академика Грефе, который

1) Отпечатано отдѣльною книжкой подъ заглавіемъ: *Lettre à M. le secrétaire perpétuel de l'Académie des sciences. St.-Petersbourg, 1852.*

2) Въ отвѣтъ на письмо, которымъ Непремѣнный Секретарь извѣщалъ о кончинѣ Френа, Графъ С. С. почтилъ память покойнаго слѣдующими словами: «Со времени кончины Сильвестра де-Саси восточная литература еще не оплакивала имени болѣе великаго. Френъ — одно изъ свѣтилъ высшаго знанія, принадлежалъ къ разряду совершеннѣйшихъ ученыхъ, которыхъ племя теперь истощилось. Къ тому же, онъ былъ превосходный человекъ, съ прекрасными правилами, съ добрымъ и умѣреннымъ характеромъ. Вы не можете сомнѣваться въ моей готовности содѣйствовать всему, чѣмъ можно почтить память ученаго, присоединеніе котораго къ нашей Академіи я считалъ для себя славой.»

принадлежалъ къ небольшому числу эллинистовъ, поставившихъ на высокую степень познаніе греческой древности. Чѣмъ очевиднѣе изученіе филологіи клонится въ Европѣ къ своему упадку, тѣмъ живѣе эллинисты, подобно ориенталистамъ, будутъ сознавать, чего лишили ихъ эти двѣ, равно чувствительныя утраты.

Мои личныя сношенія съ академикомъ Грефе, продолжавшіяся сорокъ лѣтъ, его вліяніе на мои собственныя занятія, и глубокое уваженіе, которое непрерывно питалъ я къ этому ученому эллинисту, возлагаютъ на меня обязанность прінести, предъ лицемъ Академіи, послѣднюю дань его памяти. Для лучшей оцѣнки этихъ сношеній, я обязанъ войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности, не лишеныя, быть можетъ, въ глазахъ Академіи, нѣкотораго интереса.

Призванный, по соизволенію Его Величества покойнаго Императора Александра, къ отправленію обязанностей Попечителя санктпетербургскаго учебнаго округа, въ такомъ возрастѣ, когда другіе только-что начинаютъ свое университетское воспитаніе, я скоро замѣтилъ, что въ моемъ образованіи оказывался недостатокъ основательнаго знанія древнихъ языковъ. Я рѣшился восполнить этотъ пробѣлъ, произведенный въ моихъ познаніяхъ раннимъ вступленіемъ на поприще дѣловыхъ занятій. Въ это самое время начались мои тѣсныя сношенія съ Грефе, которому я имѣлъ удовольствіе открыть почетное поприще, пройденное имъ съ такимъ успѣхомъ.

Эти сношенія продолжались около пятнадцати лѣтъ съ замѣчательною настойчивостію. Почти всегда случалось такъ, что профессоръ, отдававшій Попечителю отчетъ въ своихъ университетскихъ трудахъ, вечеромъ занималъ при немъ профессорское мѣсто и, за греческой грамматикой, смѣло руководилъ своего начальника, котораго привѣтствовалъ поутру въ университетской аудиторіи. Не могу пройти молчаніемъ, что, когда знаменитый баронъ Штейнъ, изгнанный и гонимый Наполеономъ, прибылъ въ Россію, чтобъ найти убѣжище и принять участіе въ великихъ событіяхъ 1812 года, я прісовѣтовалъ ему, для временнаго развлеченія отъ тяжкихъ трудовъ и личныхъ огорченій, возобновить занятія греческимъ языкомъ. Я указалъ ему на Грефе, и знаменитый изгнанникъ, слѣдившій за всѣми политиче-

скими переворотами того времени, не пропускалъ ни одного дня безъ того, чтобы не прочесть съ Грефе нѣсколько страницъ изъ Оукидида. Мои личныя сношенія съ ученымъ эллинистомъ продолжались до той поры, пока служебныя занятія не поглотили всѣхъ моихъ досуговъ, — что однако жъ никогда не прерывало дружескихъ связей между учителемъ и ученикомъ. Упоминаю объ этомъ обстоятельстве единственно потому, что оно даетъ мнѣ право и вмѣстѣ возлагаетъ на меня священную обязанность посвятить нѣсколько страницъ воспоминанію объ этомъ отличномъ эллинистѣ. Никто, въ самомъ дѣлѣ, лучше меня не могъ цѣнить его неоспоримыхъ заслугъ. Получивъ филологическое образованіе въ такой школѣ, гдѣ всѣ трудности грамматики, понимаемой въ ея высшемъ значеніи, разрѣшены были вполне, Грефе съ этой спеціальной эрудиціей соединялъ утонченность вкуса и проникательность ума — такія качества, при которыхъ совершенно способенъ былъ доказать, что эти, такъ называемые *мертвые* языки, на извѣстной высотѣ пониманія ихъ, одушевлены болѣе, чѣмъ когда либо, и что многіе изъ новѣйшихъ языковъ пользуются противъ нихъ гораздо меньшимъ правомъ называться *живыми*. Ученикъ Готфрида Германа, который самъ считалъ его способнѣйшимъ и болѣе созрѣвшимъ между своими слушателями, Грефе беспрерывно посвящалъ всѣ минуты своей трудолюбивой жизни глубокому изученію языка, въ которомъ для него не было тайнъ. Изданныя имъ сочиненія, при всей малочисленности, достаточно подтверждаютъ мнѣніе знаменитаго учителя. Въ самомъ дѣлѣ, изучивъ языкъ грамматически во всемъ разнообразіи его формъ, Грефе, какъ нельзя болѣе, совмѣщалъ въ себѣ съ этимъ знаніемъ живое чувство, способное понимать утонченныя красоты его: доказать это было бы нетрудно огромнымъ количествомъ его неизданныхъ стиховъ, въ которыхъ греческій языкъ оживаетъ, безспорно, въ изящнѣйшихъ своихъ формахъ.

Великая школа, которой первыми двигателями были Сомезъ и Казобонъ, ознаменовала себя огромными успѣхами въ Голландіи, Франціи и Германіи. Въ этихъ странахъ впервые положены были основанія науки, которая теперь клонится по видимому къ своему упадку. Вольтеръ сказалъ о Сомезѣ:

. Les Daciens, les Saumaises
Gens hérissés de savantes fadaïses, etc.

При всемъ томъ должно замѣтить, что самъ Вольтеръ именно принадлежалъ къ этой школѣ, которая, развиваясь постепенно, даровала Франціи Расина и Паскаля, Депреа и Фенелона. Дурному тону Вольтерова сарказма противопоставимъ авторитетъ Горация, который, дѣйствуя въ самую блистательную эпоху римской литературы, совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ неутомимо трудиться надъ изученіемъ греческихъ образцовъ:

. Vos exemplaria græcæ
Nocturna versate manu, versate diurna.

Не говоря о другихъ государствахъ Европы, припомнимъ по крайней мѣрѣ то мгновение, когда, около половины XVIII вѣка, славный Гейне положилъ первыя основанія школы, терявшей постепенно своихъ знаменитѣйшихъ адептовъ: въ настоящее время едва осталось нѣсколько благородныхъ отраслей поколѣнія, у котораго не будетъ болѣе наслѣдниковъ. Ф. А. Вольфъ, славный издатель Гомера, и Г. Германъ составляли славу школы, передъ которой классическіе языки открыли все свои тайны. Говоря о классическихъ языкахъ, я разумѣю не только основательное знаніе самыхъ разнообразныхъ памятниковъ древности, но вмѣстѣ и тотъ мѣткій тактъ, то инстинктивное, такъ сказать, созерцаніе, которое проникаетъ въ глубочайшія тайны обоихъ языковъ, служившихъ источникомъ для европейской цивилизаціи съ пятнадцатаго вѣка. Изъ этой-то мощной и ученой школы вышелъ Грефе. Главнѣйшіе образцы греческой литературы уже были разработаны его наставниками: особая склонность ума и специальное направленіе идей заставили его посвятить себя изученію второй генераціи греческихъ поэтовъ, которые принадлежатъ собственно эпохѣ, современной первому періоду христіанства. Изданныя имъ изслѣдованія объ антологіи представляютъ неопровержимыя доказательства, что съ качествами совершеннѣйшаго грамматика профессоръ соединялъ вѣрный и разборчивый тактъ и симпатическую проникательность, такія свойства, которыя составляютъ истинное достоинство новѣйшей критики. Для удостовѣренія въ этомъ, довольно указать на его

изданіе Павла Силенціарія, и въ особенности на изданіе Нонна Панопольскаго, которое, къ несчастію, осталось неоконченнымъ. Это послѣднее изданіе, важнѣйшее между учеными трудами Грефе, имѣеть въ моихъ глазахъ тѣмъ болѣе прелести, что мы съ нимъ вмѣстѣ занимались предварительной работой. На каждой страницѣ оно хранитъ почетныя для меня свидѣтельства моего содѣйствія трудамъ знаменитаго эллиниста *). Въ ту самую пору я издалъ свой трактатъ подъ заглавіемъ: *Nonnos von Panopolis der Dichter*. Это составляло родъ введенія къ изданію ученаго академика. Посвятивъ со мною нѣсколько лѣтъ прилежному чтенію огромной поэмѣ Нонна, Грефе приступилъ къ окончательному собранію всѣхъ матеріаловъ, необходимыхъ для изданія послѣдняго памятника греческой литературы, при чемъ мы оба поражены были тѣмъ, что она оканчиваетъ свое существованіе не въ дряхлыхъ формахъ старческаго истощенія, но среди блистательныхъ увлеченій молодости и въ избыткѣ юношеской силы. Послѣ Нонна, глубокая тьма вдругъ овладѣваетъ греческой литературой, и она умираетъ, какъ тотъ азіатскій тиранъ, который погибъ въ концѣ великолѣпнаго пиршества, среди самаго блистательнаго торжества своихъ сокровищъ.

Представляя Академіи эти страницы, посвященныя воспоминанію одного изъ почтеннѣйшихъ ея членовъ, я прошу васъ, Господинъ Непремѣнный Секретарь, предложить Академіи это письмо, какъ свидѣтельство искренняго и постояннаго участія, которое я непрерывно, въ продолженіе тридцати четырехъ лѣтъ, принималъ въ полезныхъ трудахъ ея.

Примите, Господинъ Непремѣнный Секретарь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

*) Въ половинѣ Іюля 1830 года, Грефе навѣститъ меня въ Норѣчъ, моемъ любимомъ убѣжищѣ близъ Москвы. Было великолѣпное лѣтнее утро. Гуляя со мною въ аллеяхъ парка, онъ вдругъ воскликнулъ съ восторгомъ: «Ахъ, Боже мой! какъ это жаль, что вы были Министромъ!» — Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ я улыбаясь. — «То,» отвѣчалъ онъ, «что безъ этого вы, право, были бы превосходнымъ эллинистомъ.» Затѣмъ, понизивъ голосъ, онъ прибавилъ: «если бы впрочемъ вы захотѣли побольше завѣяться изученіемъ грамматики, которую вы не довольно уважаете.»

О ДРЕВНЕ-КЛАССИЧЕСКОМЪ ПАМЯТНИКЪ,

ПЕРЕВЕЗЕННОМЪ ИЗЪ РИМА ВЪ ПОРЪЧЬЕ.

Записка Президента Императорской Академіи Наукъ, Графа С. С. Уварова *).

(Читана 10-го октября 1831 года.)

Пластическіе памятники, посвященные тайному богослуженію въ классической древности, должны быть, по самой своей сущности, чрезвычайно рѣдки, потому что единственнымъ назначеніемъ этихъ памятниковъ могла быть только выставка ихъ въ мѣстахъ, опредѣленныхъ для мистерій, куда дозволенъ былъ доступъ однимъ только посвященнымъ. Въ этомъ отношеніи, порѣчій памятникъ въ высшей степени любопытенъ и чрезвычайно важенъ. Напрасно хотѣли присвоить ему погребальный характеръ: его форма, совершенно овальная, и барельефы, которыми онъ сплошь окруженъ со всѣхъ сторонъ, ведутъ къ противоположному заключенію. Винкельманъ ограничился только тѣмъ, что называлъ его *урной*, или *овальной урной* ¹⁾. Впрочемъ, важность памятника зависитъ не столько отъ назначенія, которое ему присвоиваютъ, сколько отъ окружающихъ его барельефовъ. Ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ тайнаго богослуженія древнихъ, нисколько не будутъ сомнѣваться, что дѣйствительнымъ назначеніемъ памятника было служить чашею,

*) Въ подлинникѣ напечатана въ *Bull. histor.-philol.* томъ IX, № 8, подъ заглавіемъ: Notice sur le monument antique de Poretsch.

1) Ничто однако жъ не оправдываетъ двусмысленнаго названія *урны*, если не предположить, что авторъ хотѣлъ только избѣжать необходимости употребить слово «саркофагъ».

бассейномъ, или вообще какимъ бы то ни было храпилищемъ священной воды, которая всегда играла важную роль въ церемоніяхъ мистерій. Четыре львиныя головы, параллельныя одна другой, еще болѣе подтверждаютъ, что таково было его истинное назначеніе, потому что головами льва всегда завершались только бассейны, фонтаны, водопроводы и проч., и всеѣмъ извѣстно, что употребленіе архитектурическихъ украшеній, совершенно изъятое отъ произвола художника, было у древнихъ подчинено постоянному правилу, неизмѣнной, строго соблюдаемой нормѣ. Тѣмъ, которые въ порѣскомъ памятникѣ непремѣнно хотятъ видѣть погребальную урну или саркофагъ, трудно будетъ объяснить, почему этотъ памятникъ не имѣетъ продолговатой и четверугольной формы саркофаговъ, и почему окружающіе его сплошные барельефы не оставляютъ, какъ въ большей части извѣстныхъ мраморныхъ саркофаговъ, гладкой стороны, которою саркофаги ставились къ стѣнѣ, и до которой обыкновенно не прикасался рѣзецъ художника. Въ огромномъ количествѣ мраморныхъ саркофаговъ, разсѣянныхъ въ Италиі, и особенно въ залахъ Ватикана, не найдется, сколько я знаю, ни одного памятника въ этомъ родѣ, лишеннаго продолговатой четверугольной формы: даже позднѣйшіе порфиновые саркофаги, отполированные со всеѣхъ сторонъ, не представляютъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго исключенія изъ общей освященной формы. Впрочемъ вопросъ этотъ, способный занять археолога, представляетъ только второстепенный интересъ для антикварія: его вниманіе неизбежно поглощено будетъ отвлеченнымъ, или религіознымъ смысломъ единственнаго памятника, который мы намѣрены описать.

Не заходя вдаль, здѣсь необходимо прежде всего утвердить внутреннюю связь, существовавшую между мистеріями Цереры и Вакха. При первомъ воззрѣніи на предметъ, связь эта казалась мнѣ сомнительною; но въ послѣдствіи, послѣ зрѣлаго размышленія, я долженъ былъ признать ее безъ всякихъ ограниченій въ своемъ «Опытѣ объ элевсинскихъ таинствахъ»²⁾. Ученый

2) См. *Essai sur les mystères d'Eleusis. Section VI* (въ собраніи сочиненій Графа С. С. Уварова, изданномъ Императорскою Академіею Наукъ подъ заглавіемъ: *Etudes de philologie et de critique. St.-Petersbourg, 1843.* На русскомъ языкѣ «Опытъ объ элевсинскихъ таинствахъ» напечатанъ въ февральской книжкѣ Современника за 1847 годъ).

другъ мой, профессоръ Крейцеръ, принимаетъ мое мнѣніе во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ, и покойный г. Сильвестръ де-Саси, воспоминаніе о которомъ навсегда останется для меня драгоценнымъ, соотнобщается также съ моимъ взглядомъ на этотъ предметъ (*Recherches sur les mystères du Paganisme, par St.-Croix. 2-me édit., publiée par M. le baron de Sacy. Paris, 1817. Т. II, р. 72*). Съ того времени, мысль о тождествѣ элевсиній и діонисіакъ была принята единодушно, и сліяніе этихъ двухъ формъ богослуженія, выясняясь по мѣрѣ того, какъ идея двухъ божествъ достигала постепенно большей высоты, становится теперь фактомъ, которому нѣтъ болѣе противниковъ.

Полезно въ настоящемъ случаѣ припомнить этотъ фактъ, представляющій неопровержимое доказательство, что тайное ученіе о поклоненіи Вакху есть не иное что, какъ ученіе о мистеріяхъ Цереры. Съ этой точки зрѣнія, порѣцкій памятникъ представляетъ синтетическій символъ, бывший нѣкогда общимъ для элевсиній такъ же, какъ и для діонисіакъ.

Барельефы на порѣцкомъ памятникѣ, не смотря на то, что искусство соединило ихъ удивительнымъ образомъ, рѣзко однако жъ раздѣляются на два эпизода. Съ одной стороны, Вакхъ Оивянинъ, Вакхъ, сынъ Юпитера и Семелы, богъ винограда, народное божество, столько любимое Греками. Окруженный свитою упившихся сатировъ, онъ идетъ къ Аріанѣ, чтобы раздѣлится съ нею ложе; сатирыскъ сдергиваетъ покрывало, скрывавшее лицо Аріаны. Вся композиція запечатлѣна вакхическимъ характеромъ, и все въ ней имѣетъ отношеніе къ чувственнымъ наслажденіямъ; все сообразно съ народными идеями; все свидѣтельствуетъ о торжествѣ вещественнаго сладострастія.

Станьте теперь на противоположной сторонѣ: вы увидите тѣ же лица, совершенно однако жъ преобразованныя, ту же сцену, но совершенно различную: вы увидите рѣшительную противоположность первой сценѣ. Это уже не сынъ Семелы, богъ вина и грубаго разгула: это — Якхъ, третій Вакхъ³⁾, новый богъ, качаемый на колѣняхъ у Цереры (*Διόνυσος ἐπί*

3) Въ исчисленіи различныхъ Вакховъ, Вакхъ Загрей, Египтянинъ, занимаетъ первое мѣсто; Вакхъ Оивянинъ, сынъ Семелы, второе; третье мѣсто принадлежитъ Вакху мистерій, и онъ называется Якхомъ.

τῷ μαστῷ, Suidas); онъ сдѣлался ея аколитомъ и воспитанникомъ ⁴⁾). Онъ уже не полу-нагой, какъ прежде: широкій плащъ (perlum), сдерживаемый большимъ поясомъ, покрываетъ его тѣло съ головы до ногъ. У него — длинныя и широкіе рукава, какъ на мантияхъ жрецовъ: онъ первосвященникъ, и въ этомъ смыслѣ, онъ держитъ священный сосудъ, откуда изливается таинственное питіе посвященія. Сатиры и Фауны окружаютъ его здѣсь, какъ и тамъ, но въ ихъ костюмѣ — большія перемѣны, и самъ Силень покрытъ мантией. Аріана опять лежитъ у ногъ бога, но уже отнюдь не приглашаетъ его къ сладострастію; совсѣмъ напротивъ: она протягиваетъ ему руку и требуетъ, чтобы онъ поднесъ къ ея губамъ божественной влаги, содержащейся въ сосудѣ. Насупротивъ Аріаны, у ногъ Вакха-Якха, лежитъ Геркулесъ на кожѣ немейскаго льва. Страшная палица выпала изъ рукъ Геркулеса: онъ совершенно пьянъ, и не можетъ болѣе держать священнаго напитка ⁵⁾); сатиры и Фауны смотрятъ на него съ изумленіемъ и проісію. Якхъ, спокойный и величавый, едва удостоиваетъ своимъ вниманіемъ Геркулеса, который представляетъ высшій символъ матеріальной силы; но теперь онъ лишенъ своихъ обычныхъ свойствъ и подверженъ осмѣлянію спутниковъ бога-первосвященника. Вся эта сцена запечатлѣна спокойнымъ и возвышеннымъ стилемъ.

Боковыя стороны, которыми соединяются двѣ главныя сцены, представляютъ, въ самыхъ художественныхъ формахъ, символы искусствъ, возникшихъ вслѣдствіе общаго развитія образованности. Трагедію олицетворяетъ классическое жертвоприношеніе козла; комедію — актеръ, который несетъ связку масокъ, прицѣпленныхъ одна къ другой; нимфы граціозными позами олицетворяютъ пляску. Все здѣсь есть, все, что составляло у древнихъ обыкновенную свиту церемоній тайнаго богослуженія: есть даже египетскій *псилль*, укрощающій змievъ. Ничего нельзя сравнить съ удивительнымъ искусствомъ, съ какимъ расположены всѣ эти фигуры. Нѣтъ ни малѣйшаго пробѣла въ общей

4) Sophocl. in Antigon. V, 1103 — 1110. Pindar in Isthm. VII, 3. Софокль и Пиндаръ были адептами великихъ мистерій.

5) Тѣ, которымъ эта гипотеза покажется слишкомъ смѣлою, должны будутъ въ упоеніи Геркулеса видѣть только простыя послѣдствія отъ избытка вина: это въ сущности не измѣнитъ аллегоріи.

группы: чтобы обставить Вакха, сына Семелы, всеми характеристическими лицами его свиты, эпизодическая сцена представляет молодого Фауна, вынимающего запозу из ноги старого сатира. Истинность выражения и уточенность рѣзца доведены здѣсь до возможной степени совершенства, и этотъ маленькій эпизодъ, уже самъ по себѣ, составляетъ пластическое произведеніе первоклассной красоты.

Послѣ этого простаго и точнаго описанія порфѣскаго памятника, пужно ли еще возвышать его важность въ глазахъ всякаго, знакомаго съ изученіемъ классической древности? Какое болѣе неопровержимое свидѣтельство, какой другой пластическій памятникъ и какой авторитетъ писателя могутъ живѣе и нагляднѣе выражать противоположность, существовавшую между простоароднымъ и таинственнымъ богослуженіемъ древнихъ? Смѣлость, съ какою воспроизведено на мраморѣ двойственное ученіе, раздѣлявшее древній міръ, можетъ быть объяснена не иначе, какъ самымъ назначеніемъ памятника: только въ глубинѣ храмовъ, посвященныхъ тайному богослуженію, могло найдти мѣсто это чудное произведеніе художника, который самъ былъ посвященъ въ религіозныя мистеріи. Великое употребленіе, какое, въ церемоніяхъ мистерій, дѣлали изъ очистительной воды, одно только удовлетворительнымъ образомъ объясняетъ назначеніе этого памятника, и имѣть почти никакого сомнѣнія, что онъ былъ скрытъ въ тѣни самаго святилища, откуда строго исключали всѣхъ непосвященныхъ.

Остается теперь объяснить въ короткихъ словахъ, какимъ образомъ этотъ памятникъ, быть можетъ, единственный въ своемъ родѣ, могъ быть почти неизвѣстенъ для антикваріевъ, не смотря на то, что онъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, находился въ самомъ центрѣ Рима. Это обстоятельство объясняется нѣкоторыми подробностями относительно вѣншей исторіи памятника, находящагося передъ нашими глазами. Около половины XVIII вѣка, когда изученіе древности въ Италіи, подъ сильнымъ вліяніемъ Винкельмана, подверглось совершенному перерожденію, классическая наука едва только приступала къ изслѣдованію религіозныхъ идей въ древнемъ мірѣ. Меурсіусъ оставилъ книгу о тайномъ поклоненіи въ элевсинскихъ мисте-

рiяхъ; другiе ученые касались мимоходомъ различныхъ предметовъ этого богослуженiя: общее вниманiе, слишкомъ живо занятое наружною формою, еще не углублялось въ лабиринтъ мнeологическихъ понятiй, и не принималось отыскивать, подъ изящной формою, важнаго и серьезнаго смысла, таинственно закрытаго странными символами, часто непостижимыми съ перваго взгляда. Такъ Винкельманъ — авторитетъ котораго въ Италiи еще столько силенъ, что всякiй древнiй памятникъ, упоминаемый въ его сочиненiяхъ, безспорно, по одному этому, приобретаетъ двойную цѣнность — Винкельманъ, рассматривая памятникъ въ альтемскомъ палаццѣ, былъ пораженъ только пьянымъ Геркулесомъ, и дальше этого обстоятельства не простеръ своихъ изслѣдованiй. Послѣдователи Винкельмана, никогда не достигавшие высоты, на которой стоялъ этотъ знаменитый археологъ, всѣ устремились по данному имъ направленiю и продолжали копать проведенную имъ бразду. Затѣмъ наступили войны французской революцiи и постепенныя завоеванiя различныхъ италiанскихъ государствъ. Около этого времени умеръ кардиналъ Альтемсъ, владѣлецъ палаца и галлерей, носившихъ его имя. Послѣ него остались только боковыя наслѣдники, жившие въ Германiи: они явились на сдѣланный вызовъ, и во владѣнiе наслѣдствомъ введенъ тотъ изъ нихъ, кто, по приговору суда, былъ объявленъ ближайшимъ родственникомъ кардинала. Съ той поры, доступъ въ альтемскiй палацъ становился болѣе и болѣе затруднительнымъ, и его коллекцiи, запертыя для публики, были почти забыты. По истеченiи многихъ лѣтъ, возникъ процессъ между многочисленными членами фамили Альтемсъ, и права кардинальскаго наслѣдника сдѣлались предметомъ юридическаго спора. Процессъ этотъ, какъ говорили мнѣ въ Римѣ, тянулся очень долго, и результатъ его былъ тотъ, что владѣлецъ сокровищъ кардинала былъ объявленъ лишеннымъ полученнаго имъ наслѣдства, и права его перешли па другую вѣтвь этой фамили. Когда произошла эта перемѣна, вдругъ узнали, что многiе изъ драгоценнѣйшихъ памятниковъ исчезли изъ палаца, и между ними — *овальная урна*: въ этомъ увѣряли меня въ Римѣ свѣдущiе люди, достойные вѣры. Я въ свою очередь могу засвидѣтельствовать, что, въ 1843 году, мнѣ показывали овальную урну

въ углу оставленной іезуитами церкви на площади Навонской, и что безъ нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, отчасти безъ благосклоннаго содѣйствія правительства, мнѣ бы никогда не удалось вывезти изъ Рима этотъ памятникъ, включенный въ такъ называемый *тѣсный* (*stretta*) реестръ, содержащій исчисленіе предметовъ, которые, ни подъ какимъ видомъ, не могутъ быть вывозимы безъ вѣдома верховной власти. Прибавлю еще, что, приобретаая овальную урну, я встрѣтилъ сильное соперничество со стороны луврскаго античнаго музея, представителемъ котораго былъ баронъ Тэйлоръ, и со стороны г. Вагена, которому прусское правительство поручило закупать въ Италіи предметы искусства и древности: какъ отличные знатоки въ этихъ предметахъ, они не могли, конечно, составить ошибочнаго понятія относительно важности альтемесскаго памятника и относительно изящныхъ, характеризующихъ его, красотъ.

Цѣль настоящей записки — познакомить антикваріевъ и художниковъ съ существованіемъ одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ древности, который, по стеченію особенныхъ обстоятельствъ, переселился изъ римскаго дворца въ окрестности Москвы. Памятникъ этотъ, по всему праву, можетъ считаться еще *неизданнымъ*, не смотря на то, что Винкельманъ, въ свое время, указывалъ на *овальную урну*. Я намѣренъ издать отчетливое описаніе его, какъ скоро опытный художникъ пособитъ мнѣ своимъ рѣзцомъ воспроизвести это прекрасное произведеніе древности съ такимъ вкусомъ и вѣрностію, какія необходимы для произведеній этого рода.

Нужно ли прибавлять, что гостепріимныя двери порѣцкаго дома открыты для всѣхъ, являющихся туда во имя искусства и науки?

ГРАММАТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ,

О. БЕТЛИНГА.)

(Читаны 1-го августа 1831.)

I.

Сколько звуковъ въ современномъ русскомъ языкѣ, и какіе именно?

Не разъ увѣряли, будто въ русскомъ языкѣ для каждаго звука есть особенный знакъ. Если бъ это было совершенно справедливо, то рѣшить заданный нами вопросъ было бы всего легче: стоило бы только пересмотрѣть существующія буквы. Но, разсматривая русскій алфавитъ безъ предубѣжденій, всякій замѣтитъ, что въ немъ одинъ знакъ (ѣ) стоитъ безъ всякаго фонетическаго значенія, другой (ѵ) не имѣетъ его самъ по себѣ, а обозначаетъ только особенный выговоръ предыдущей согласной, и наконецъ нѣсколько знаковъ имѣютъ разное значеніе, смотря по тому, употребляются ли они въ началѣ слога, или послѣ согласной. Эти двусмысленныя буквы суть: и, я, ю, ъ и е. Въ русской грамматикѣ онѣ называются мягкими гласными, а по-

*) Въ *Bull. hist.-philol.* Т. IX, № 3, 4, 6, 7, подъ заглавіемъ: «Beiträge zur russischen Grammatik».

слѣднія четыре, сверхъ того, двугласными. Въ началѣ слога эти такъ называемыя двугласныя всегда представляютъ простую гласную съ предыдущимъ согласнымъ звукомъ *j*; даже *и* въ началѣ слога часто значить *ji*, хотя въ другихъ случаяхъ означаетъ и простое *i*. Послѣ согласной всѣ эти буквы также выражаютъ только -простой гласный звукъ, а согласная, имъ предшествующая, выговаривается смягченно. Смягченіе же состоитъ не просто въ соединеніи согласной съ буквою *j*, а въ полномъ сліянніи обонхъ звуковъ, такъ что слышится *простой* согласный звукъ. Русскіе грамматики отчасти признають это смягченіе согласныхъ, но думаютъ, что вмѣстѣ съ согласною смягчается и гласная. Последнее, по моему мнѣнію, вовсе несправедливо. Русскіе произносятъ мягкую согласную и на концѣ словъ и предъ другою согласною, стало быть и тамъ, гдѣ вслѣдъ за нею иѣтъ гласной, совершенно также, какъ передъ мягкими гласными. Такъ напр. буква *л* въ словѣ *солъ* ничѣмъ не отличается отъ выговора ея въ словѣ *солн*. Напрасно стали бы возражать, что буква *ь* въ словѣ *солъ* означала иѣкогда гласную: если это и было когда нибудь, то нынѣ слово *солъ* оканчивается, въ самомъ строгомъ смыслѣ, согласною. Какимъ образомъ произошло въ этомъ и другихъ подобныхъ словахъ смягченіе согласной, для насъ теперь все равно, потому что здѣсь говорится о звуковомъ, а не объ этимологическомъ значеніи буквъ. Что касается такъ называемыхъ мягкихъ гласныхъ или двугласныхъ, то, произнося ихъ безъ предыдущей согласной, вы слышите или чистыя гласныя: *а, ѧ, е, і, о, и*, или съ предшествующимъ согласнымъ *j*. А съ предыдущею согласною *л, е, ѣ, ѣ, ю* представляютъ не слоги *ја, ја, је, јі, јо, ји*, а простые гласные звуки: въ этомъ убѣдитесь всякій, сравнивъ выговоръ буквы *ь* въ словахъ *съль* и *спль*. *Ъ* въ словѣ *съль* не имѣетъ никакого фонетическаго значенія, какъ въ словѣ *сумль*: онъ ставится только въ качествѣ словоотдѣлительнаго знака, а для глазъ и въ смыслѣ слоگوотдѣлителя, для того, чтобы слѣдующая за нимъ гласная получила въ выговорѣ звукъ *j*, свойственный ей въ началѣ слога. Если бы Русскимъ только теперь надобно было изобрѣтать письмо для своего языка, они никакъ не попали бы въ этомъ случаѣ на букву *ь*: вмѣсто ея въ словѣ *съль* они непре-

мѣнно поставили бы что нибудь въ родѣ *j*. *Сль.ль* различается отъ *сль.ль* только тѣмъ, что въ первомъ звукъ *j* слышится ясно, а во второмъ онъ сливается съ *с* въ одинъ согласный звукъ, неразложимый для нашего слуха; а гласная въ обоихъ случаяхъ одна и та же — чистое *а*. Русскіе грамматикки, пожалуй, увѣряютъ, что и въ латинскомъ языкѣ есть твердое *a* и мягкое *a*, твердое *и* и мягкое *и*, но что на письмѣ этого различія не видно. Такъ напр. говорятъ, что *a* въ *illam* и *и* въ *illum* — мягкія буквы, потому что первое русскими буквами надобно передать: *и.л.я.и*, послѣднее — *и.л.ю.и*. Предполагая эту особенность въ латинскомъ языкѣ, г. Павскій¹⁾ явно не догадывался, что латинскій *l*, какъ нѣмецкій и романскій, столь же далекъ отъ русскаго *ль*, какъ и отъ твердаго *л*. Какъ между *и.л.а.и*, *и.л.я.и*, *illam*, такъ и между *и.л.ю.и*, *и.л.ю.и*, *illum* различіе состоитъ не въ гласной, которая во всѣхъ трехъ начертаніяхъ одна и та же, а въ тройкомъ различіи буквы *l*.

Такимъ образомъ оказывается, что русскій алфавитъ въ отношеніи къ гласнымъ звукамъ имѣетъ слишкомъ много буквъ, а въ отношеніи къ согласнымъ — слишкомъ мало. Если надобно согласиться, что этой особенностью русская письменность дѣйствительно заслоняетъ отъ нашего взгляда настоящую систему звуковъ языка, — въ высшей степени интересную систему, — за то, съ другой стороны, нельзя смотрѣть безъ удивленія на алфавитъ, который съ столь малыми средствами вполнѣ достигаетъ своей цѣли, не оставляя ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ выговора согласныхъ въ упомянутомъ отношеніи. Своими мягкими гласными *ю* и *я* и знакомъ смягченія (*ь*) онъ избавилъ себя, какъ сейчасъ увидимъ, отъ *j* и отъ 20 знаковъ для слитыхъ съ *j* согласныхъ. Мягкія гласныя: *е*, *и* и *ь* не имѣютъ соответствующихъ имъ твердыхъ гласныхъ, потому что *а*, *е* и *и* обыкновенно соединяются только съ смягченными согласными. Для звука *е*, выговариваемаго въ началѣ слоговъ безъ прибавленія *j*, введено оборотное *э* (*э*); но *и*, выговариваемое безъ *j* въ началѣ слога, не имѣетъ для себя особеннаго знака.

1) Въ «*Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка*. Первое разсужденіе», стр. 38. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ, я ссылаюсь на 2-е изданіе этого сочиненія.

Если, такимъ образомъ, ни обозначеніе каждого звука особеннымъ и всегда однимъ и тѣмъ же знакомъ не составляетъ прямой цѣли русскаго алфавита, ни сохраненіе древнихъ звуковъ въ памяти народа (иначе какъ бы пренебречь столь достопамятными буквами, какъ носовыя? ²⁾); если, однимъ словомъ, главная задача русскаго алфавита — вести читателя къ правильному выговору и разумѣнію письма возможно-меньшими средствами, то я рѣшительно не вижу, чѣмъ бы можно было оправдать употребленіе ера на концѣ словъ въ нынѣшнемъ правописаніи. Я не могу приписать ему даже историческаго значенія, какъ бы ни было значительно его употребленіе въ древности; потому что нынѣ ѣ ставится на концѣ не только въ тѣхъ словахъ, которыя въ древности оканчивались гласною, но и въ тѣхъ, которыя со времени своего появленія въ русскомъ языкѣ всегда оканчивались согласною. Такъ напр. въ словахъ: *полъ*, *будемъ* и многихъ другихъ, ѣ имѣетъ историческое значеніе, но въ словахъ: *профессоръ*, *офицеръ* — никакого. Въмѣсто того, чтобы беспрестанно повторять эту букву безъ всякой надобности, довольно было бы замѣтить въ двухъ-трехъ словахъ, что въ языкѣ св. Кирилла ни одно слово не оканчивалось согласною. Этимъ замѣчаніемъ былъ бы поставленъ на видъ интереснѣйшій филологическій фактъ, который не всякому удастся угадать по внѣшнему виду буквы, давно уже осужденной на вѣчное молчаніе. Сохраненіе буквы ѣ достаточно оправдывается выговоромъ, пока не найдено другое средство для обозначенія смягченія согласныхъ. Но и здѣсь надобно осторожно принимать эту букву за остатокъ гласной, нѣкогда существовавшей въ русскомъ языкѣ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній я приступаю къ исчисленію звуковъ, существующихъ въ здѣшнемъ выговорѣ. Я даю имъ слѣдующій порядокъ:

2) Носовые звуки, сохранившіеся въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчійхъ, явились въ нихъ не послѣ ихъ отдѣленія отъ своего славянскаго корня, потому что въ нихъ носовые звуки встрѣчаются въ такихъ формахъ, гдѣ и въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ стоитъ *m* или *n* съ предыдущею гласною. Стало быть, и въ русскомъ языкѣ носовые звуки нѣкогда были. Считаю пужнымъ замѣтить это потому, что г. Срезневскій, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: *Мысли объ Исторіи Русскаго Языка* (стр. 49), высказалъ предположеніе, будто «въ русскомъ языкѣ не было носовыхъ звуковъ уже при самомъ началѣ отдѣленія его отъ нарѣчій западныхъ.»

в'у (червю), вал'ат' (валять), л'он (лень), л'убл'у (люблю); зар'а (заря), б'ѣрош (берешь), гавар'у (говорю), пач'от (почетъ). Нѣкоторыя изъ смягченныхъ согласныхъ, именно: к', г', х', ѣ', ч', не допускаютъ послѣ себя буквъ а, о, у; другія, какъ ж', ч', ш', не соединяются съ а и у³); смягченные губныя имѣютъ отращиваніе отъ буквы у, такъ что сочетаній н'у, ф'у вовсе не встрѣчается. О является послѣ j, ш, ж, ц, ч и послѣ всѣхъ смягченныхъ согласныхъ только тогда, когда на этомъ слогѣ бываетъ удареніе.

2) Буквою і я обозначаю звукъ и въ союзѣ и, въ словѣ *икра* и подобныхъ. Я не принялъ начертанія и по причинѣ двусмысленности его значенія: оно употребляется какъ для обозначенія простаго і, такъ и для слога ji, такъ наконецъ и для і, требующаго смягченія предыдущей согласной. Кирилловское начертаніе и (И) совершенно одинаково съ греческою итой, и такъ какъ оно состоитъ, по видимому, изъ двухъ I, соединенныхъ между собою чертою, и во времена Кирилла означало удвоенное, то-есть долгое і, то я полагаю, что изобрѣтатель кирилловской азбуки принялъ для обозначенія звука і не іоту, хотя и она принята въ славянскую азбуку, а иту, потому что звукъ этотъ въ славянскомъ языкѣ въ началѣ слога выговаривался большею частью, а можетъ быть и всегда, какъ ji, а послѣ согласной всегда требовалъ ея смягченія. Если это объясненіе вѣрно, то буква и, и по звуку и по самому начертанію, занимала въ славянскомъ алфавитѣ одинаковую степень съ буквами: ѡ, ѧ, ю, ѣ, ѡ. Г. Катковъ (*въ томъ же сочиненіи* стр. 68) полагаетъ, что буква и въ старославянскомъ языкѣ означала долгую гласную, и что по этой причинѣ св. Кириллъ принялъ въ свой алфавитъ греческую η.

3) Є представляетъ у меня звукъ е въ словѣ *шея*: звукъ этотъ я сравниваю съ франц. е въ словахъ *aimez, voyez*. Я предпочелъ старинное є потому, что нынѣшнее е имѣетъ слишкомъ разнообразное значеніе. Оно выражаетъ не только наше е, но и ѣ, напр. въ словѣ *честный*; потомъ представляетъ букву о въ словѣ *лице*, звукъ je въ словѣ *ель*, ja — въ словѣ *ерь*, jo — въ *елка*;

3) Впрочемъ въ Москвѣ слова: чадо и чудо, выговариваютъ, будто бы, почти какъ *чядо* и *чудо*. См. Каткова, *Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка*. Москва, 1843, стр. 98. Объ этой книжкѣ можно сказать много добраго.

также — звукъ *ε* съ смягченіемъ предыдущей согласной въ словѣ *каретникъ*, звукъ *ä* съ такимъ же смягченіемъ въ словѣ *карета*, наконецъ звукъ *o* также съ смягченіемъ согласной во второмъ слогѣ слова *зеленый*. Почти также разнообразно значеніе буквы *ь*.

4) *ä* означаетъ у меня звукъ *э* въ словѣ *этотъ*: тотъ же самый звукъ въ гласной перваго слога въ словахъ: *пхатъ* (по нашему правописанію: *jāhat'*) и *шесть* (по нашему: *šäst*). Въ нѣмецкомъ этому *ä* соотвѣтствуетъ первое *e* въ словѣ *bersten*, и *ä* въ словѣ *Hände*. Различія между *ε* и *ä*, кажется, не замѣтилъ ни одинъ изъ русскихъ грамматиковъ; ниже мы возвратимся къ этому предмету въ особенной статьѣ.

5) Гласныя *i*, *ε* и *ä* соединяются почти исключительно съ смягченными согласными и съ *j*: по этому ихъ можно назвать *смягчающими* гласными. Г. Павскій⁴⁾ утверждаетъ, что *и*, *е* и *ь* въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ, именно съ буквами *к*, *г*, *х* и съ губными согласными, выговариваются не мягко, а твердо. По нашему возрѣнію это значитъ, что буквы *к*, *г*, *х* и губныя, стоя предъ *i*, *ε* и *ä*, не смягчаются. Но на мой слухъ буква *к* въ словахъ: *шки*, *ски*, *къмъ* выговаривается смягченно, равнымъ образомъ буква *г* въ словѣ *бги*, и *х* въ словѣ *гръхи*, *гръхъ*. Въ самомъ дѣлѣ, сравните слово *къмъ* (по нашему: *к'ам*) съ нѣмецкимъ повелительнымъ наклоненіемъ *kämi* (вм. *kämmе*): вы увидите, что все различіе между этими словами — въ томъ, что въ *къмъ* буква *к* смягчается, а въ *kämi* выговаривается безъ смягченія. Смягченіе буквъ: *к*, *г*, *х* въ *шки*, *бги*, *гръхи* подтверждается и выговоромъ буквы *ь*, зависящимъ отъ этого смягченія, какъ объяснится ниже. Подтверженіе своему мнѣнію о твердомъ выговорѣ буквы *к* въ словахъ: *легкій*, *далекій*, *емкій*, г. Павскій находитъ въ выговорѣ предшествующей буквы *e* за *jo* (тамъ же, стр. 131 прим. 2). Но это доказательство отстраняется тѣмъ, что въ прилагательныхъ на *кій*, какъ не разъ замѣтилъ и самъ г. Павскій, окончательная двугласная выговаривается какъ *ой*, вслѣдствіе чего буква *к*, естественно, остается несмягченною. Поляки выговариваютъ *k* и *g* предъ носовымъ *e* всегда смягченно, почему и пишутъ: *wielkiego*, *ubogiego* и

4) Въ первомъ разсужденіи стр. 28, 48 и 64, прим. 2. Также стр. 65 прим. 5, стр. 91 § 83, стр. 126 § 116, стр. 131 прим. 2.

т. д.⁵⁾ Въ примѣръ несмягченнаго выговора губныхъ предъ *i, e, ä* г. Павскій приводитъ слова: *безъ, бей, пей, пень, перо* (тамъ же стр. 126 § 116). Если дѣйствительно таковъ обыкновенный выговоръ этихъ словъ, въ чемъ я однакожь смѣю сомнѣваться, то въ нихъ слѣдовало бы писать *э*. Впрочемъ надобно замѣтить, что смягченіе согласныхъ предъ *i, e, ä* слышно вообще не довольно ясно. *Ж, ш, ч, ц* будто бы и вовсе не допускаютъ смягченія; но моему уху совершенно ясно слышится смягченіе въ словахъ: *въ кожъ, въ еришъ, чьмъ, четверо, на улицъ*. Впрочемъ, эти согласныя, какъ извѣстно, составляютъ смягченіе гортанныхъ или зубныхъ, хотя бы и произносились твердо. Въ Остромировомъ Евангеліи буква *к*, то-есть смягчающее *е*, ставится, если не ошибаюсь, только послѣ *н* и *л*, и то не вездѣ. Такъ напр. во всѣхъ словахъ, происходящихъ отъ глагола *лжати*, также въ иностранныхъ: *мкзгиты, мксона, мкнтии, мкптѣ*, пишется *е*, а не *к*. Въ словахъ: *нко, нки, нкмоу, нкма* и т. д., *н* очевидно смягчается, а въ отрицательной частицѣ *нѣ*, въ словѣ *нѣбеса* и другихъ, остается твердымъ. Гортанныя предъ *е* смягчаются: *дружѣ, члсѣчѣ* и т. д. Въ польскомъ буква *е* донинѣ соединяется съ несмягченною согласною, даже съ *l*, напр. въ словѣ *рѣс*⁶⁾.

6) Буква *ы* никогда не употребляется послѣ смягченныхъ согласныхъ, ни послѣ буквъ: *к, г, х, б, ж*, тогда какъ въ старославянскомъ, наоборотъ, послѣ *к, г, х* употреблялось только *ы*, а не *и*. Послѣ *ж, ш, ч* обыкновенно пишутъ *и*, а выговариваютъ *ы* (см. Павскаго стр. 121). Ни одна гласная не можетъ быть такъ справедливо названа твердою, какъ *ы*. Копитаръ⁷⁾ и русскіе грамматики называютъ ее двугласною. Какъ

5) См. Smith, Grammatik der polnischen Sprache. Berlin 1843, стр. 11. Смягченіе русскихъ гортанныхъ признаетъ и г. Срезневскій, см. тамъ же, стр. 42.

6) Съ удивленіемъ прочелъ я одно мѣсто у г. Срезневскаго (стр. 61), гдѣ онъ говоритъ, что польское *е* требуетъ передъ собою средняго (нѣмецкаго) *l*. Смитъ говоритъ (стр. 9): «Твердое *l* ясно отличается отъ мягкаго *l*; ни то, ни другое не есть нѣмецкое *l*, занимающее средину между обоими.» Если бы Поляки въ словѣ *рѣс* выговаривали *l* какъ нѣмецкое *l*, то они употребили бы скорѣе *l*, чѣмъ *l*, потому что первое предъ *i* и *e* ближе къ нѣмецкому *l*. Въ 1843 году г. Срезневскій отрицалъ существованіе нѣмецкаго *l* въ польскомъ, хотя признавалъ въ то же время у всѣхъ прочихъ западныхъ Славянъ и у Малоруссовъ. См. Ж. М. Н. П. ч. XLVIII, отд. II, стр. 137.

7) Glagolita Clozianus, стр. XXII, а. «Нашъ глаголита» (т. е. писецъ Клоцева отрывка глагольской рукописи) «принималъ начертаніе полъ 31 *л*² (= ъи)

и *вы* выходитъ не *выиду* (выйду), *пр'иду* (прійду), а *выду*, *приду*. Глаголь *рыть* въ повелительномъ имѣетъ не *рыи* (рыи), а *рой* (рой), *пить* — не *п'и* (пй), а *п'еи* (пей). Сочетаніе *иј* и *иј* также непріятно русскому слуху; отъ того говорятъ *моју*, *роју*, вмѣсто *мыју*, *рыју*; *б'ју* (бы), *л'ју* (лы) вм. *б'ѣју*, *л'ѣју*; *бр'ѣју* (брѣю) вм. *бр'ѣју*⁹). Въ Остромировомъ Евангеліи видимъ: сумѣиѣж, оумѣиѣши, вѣиѣще, вѣиѣше и т. д.; въ русинскомъ нарѣчьи донынѣ употребляется: *мыю*, *рыю*.

8) Г. Павскій (въ 1 разс. стр. 53) не одобряетъ названія сочетаній: *ай*, *ой* и др., двугласными: по его мнѣнію, буква *й* здѣсь не гласная, а придыханіе, какъ латинское *h* и *j*. Несчастная теорія славянскихъ придыханій помрачила здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, взоръ филолога. Кто не захочетъ безъ нужды выдумывать особеннаго закона для образованія повелительнаго наклоненія изъ глагольныхъ корней, оканчивающихся гласною, тотъ, безъ сомнѣнія, согласится, что буква *й* въ повелительныхъ: *дай*, *пей*, *рой*, та же гласная, что и въ глаголахъ: *бери*, *неси* и т. д. Вообще надобно сознаться, что у г. Павскаго свое особенное понятіе о двугласныхъ: онъ принимаетъ за двугласныя такъ называемые смѣшанные звуки, тогда какъ они-то именнo и не заслуживаютъ этого названія. Смѣшанный звукъ остается для слуха простымъ звукомъ, который можно продолжать по произволу, тогда какъ настоящая двугласная отъ протяженія разлагается на свои элементы. Если будемъ опредѣлять

9) У г. Павскаго (въ третьемъ разсужденіи, на стр. 148 и далѣе) мы находимъ слѣдующее объясненіе формъ *мою* и подобныхъ: «Глаголы, кончащіеся на *ы*, предъ личными приращеніями сокращаютъ свою природную гласную *ы*, «замѣняя ее *ѣ*-омъ. Но какъ *ѣ* въ среднѣи слова устоять не можетъ, то они «принимаютъ въ помощь ему *о*: вою = вѣю.» На общепонятномъ языкѣ это значитъ: гласная *ы* сокращается въ нуль (*ѣ*), и этотъ нуль, чтобы быть въ состояніи соединиться съ личнымъ окончаніемъ, принимаетъ себя въ помощь *о*. Въ глаголь *быю*, по мнѣнію г. Павскаго, *и* выброшено и замѣнено буквою *ѣ*; въ *брею* (правописаніе г. Павскаго) этотъ *ѣ* получилъ вспомогательную гласную *е* по причинѣ предшествующихъ двухъ согласныхъ. Предупреждаю читателя, что если я здѣсь, и еще болѣе ниже, вдаюсь въ полемику противъ г. Павскаго, то вовсе не потому, чтобы я не цѣнилъ его заслугъ русской грамматикѣ. Совсѣмъ напротивъ, я вовсе не ставлю бы выставлять слабыхъ сторонъ «Филологическихъ Наблюденій», если бы это сочиненіе не занимало, по своимъ достоинствамъ въ другихъ отношеніяхъ, столь высокаго мѣста въ русской филологической литературѣ. Но чѣмъ выше авторитетъ г. Павскаго, тѣмъ рѣшительнѣе должно возставать противъ тѣхъ теорій, которыя въ цѣломъ или въ отдѣльныхъ объясненіяхъ не могутъ выдержать строгой критики.

свойство двугласныхъ ихъ происхожденіемъ, то намъ придется считать за двугласную и греч. η, когда она стоитъ вмѣсто ea. Г. Павскій ссылается на Копитара, который также будто бы не признаетъ въ краинскомъ языкѣ двугласныхъ: я откровенно долженъ сказать, что г. Павскій вовсе невѣрно попялъ Копитара. Вотъ это мѣсто въ его Краинской Грамматикѣ (стр. 173): «Наперекоръ другимъ тевтонскимъ орфографіямъ, онѣ (буквы j «и v), при выраженіи двугласныхъ, берутъ на себя должность «i и u (отъ чего и выходитъ, что мы вовсе не имѣемъ двугласныхъ въ смыслѣ грамматическомъ).» Копитаръ, очевидно, хотѣлъ сказать только, что краинское письмо, пользуясь латинско-нѣмецкими буквами, не въ состояніи вѣрно передавать двугласныя; но что онъ признаетъ ихъ въ краинскомъ языкѣ, объ этомъ говорится на слѣдующихъ (174 и 175) страницахъ. «Итакъ мы Краинцы», продолжаетъ Копитаръ, «употребляемъ «j и v, какъ кирилловцы, свои ѣ и в, послѣ гласныхъ, и, стало «быть, слогами замѣняемъ двугласныя другихъ тевтонскихъ орфографій; aj, ej, ij, oj, uj и av, ev, iv, ov, uv у насъ то же, что «у Нѣмцевъ ai, ei, au, eu и т. д. (Русскіе пишутъ ай, ей, ий, ой, «уй, а не ап, еп, оп, уп, и имъ никогда не приходило въ голову «писать: ау, еу, іу, оу, уу, вмѣсто ав, ев, ив, ов, ув). Наша орфографія не знаетъ двугласныхъ.» — Г. Павскій приписываетъ большую важность чешскому правописанію ag, og, ug, и задаетъ при этомъ вопросъ: ужели и g есть гласная? Если Чехи выговариваютъ ag какъ ай, то буква g въ этихъ сочетаніяхъ, естественно, означаетъ гласную i, оставаясь въ другихъ сочетаніяхъ согласною. Вообще, при опредѣленіи звуковъ живаго языка не очень важно, какъ они изображаются на письмѣ: оно имѣетъ значеніе при опредѣленіи только древняго выговора звуковъ, хотя и тутъ надобно поступать осторожно. Лепсіусъ сказалъ¹⁰⁾ и за нимъ часто повторяютъ, что «нѣтъ буквы, которая не выговаривалась бы когда нибудь такъ, какъ пишется»: принимая это положеніе безъ ограниченія, въ приложеніи можно дойти до ложныхъ заключеній. Изъ того, что Тибетцы пишутъ las, а произносятъ lai, конечно, можно заключать, что прежде этотъ слогъ такъ и выговаривался, какъ пишется; но отвергать

10) Lepsius, Paläographie als Mittel für die Sprachforschung, стр. 7.

на основаніи этого правописанія существованіе двугласной *ai* въ нынѣшнемъ тибетскомъ, очевидно, было бы несправедливо. Церковно-славянское *ou* конечно нельзя считать за двугласную на основаніи его начертанія, заимствованнаго изъ греческаго алфавита ¹¹⁾). Изъ правописанія *o>|* (*erdeh*) слѣдуетъ ли также заключать, что въ турецкомъ языкѣ мѣстный падежъ оканчивался нѣкогда буквою *h*? Если бы я на основаніи латышскаго правописанія заключилъ, что въ словахъ *wahgda*, *mehle*, *libks*, *powma*, *guhdsis* буква *h* имѣла прежде дѣйствительный звукъ, я сдѣлалъ бы грубую ошибку, потому что *h* въ этихъ случаяхъ отъ самаго начала употреблялось въ латышскомъ правописаніи, въ подражаніе нѣмецкому, только въ смыслѣ знака долготы гласной.

9) Русскій языкъ не любитъ двугласныхъ въ замкнутомъ согласномъ слогѣ. Отъ *тайна*, *яйцо*, *стойло*, происходятъ въ родительномъ множественнаго не односложныя: *тайнъ*, *яйцъ*, *стойлъ*, а двусложныя формы: *таинъ*, *яицъ*, *стоилъ* ¹²⁾ (см. Павскаго, I. стр. 80). Пишутъ и говорятъ: *итти* (*идти*), *притти* (*прийти*) и *вытти* (*выйти*) съ двумя *t*, изъ которыхъ одно со-

11) Я не могу одобрить упрековъ Копитара Русскимъ за то, что они замѣнили *ou* простымъ *u* (Gl. Cloz. стр. 49, 6). По моему мнѣнію, эта замѣна только исправила старинный промахъ. Такъ какъ въ славянскомъ языкѣ не было звука *u*, то эта буква уже сама по себѣ годилась для слав. *u*. Если же изобрѣтатель славянскаго алфавита непремѣнно захотѣлъ бы удержать звукъ греческаго *u* въ словахъ, заимствованныхъ съ греческаго, то для простаго звука *u* могъ бы изобрѣсть новый простой знакъ. Копитаръ простираетъ свое негодованіе на Русскихъ до того, что употребленіе *u* вм. *ou* кажется ему такимъ же искаженіемъ, какое сдѣлалъ бы въ своемъ языкѣ Французъ, ставя вездѣ *u* вм. *ou*. Ученый славянинъ забылъ при этомъ сравненіи, что во французскомъ языкѣ есть тотъ и другой звукъ, и что, сверхъ того, съ буквою *ou* соединено историческое воспоминаніе, тогда какъ кириловое *ou* есть только подражаніе греческому письму, не имѣющее для славянскаго языка никакого значенія. Но, находя простое *u* совершенно умѣстнымъ, мы жалѣемъ, съ другой стороны, что для звука *ju* Русскіе не ввели сочетанія изъ *i* и *u*, а удержали старинное *ю*, очевидно сокращенное изъ *iu*. Предположеніе этого начертанія нисколько не опровергается тѣмъ, что оно, какъ замѣтилъ Копитаръ (тамъ же, стр. 49, а.), ни разу не встрѣчается въ древнихъ рукописяхъ: сокращенное начертаніе *ю*, по всей вѣроятности, ведетъ свое начало отъ самаго изобрѣтателя славянскаго алфавита, тѣмъ болѣе, что въ славянскомъ языкѣ не было сочетанія *iu*.

12) Род. множ. боіаи отъ боіа — соответствуетъ родительному мн.: спаіаи отъ спаіа; шѣіакъ отъ шѣіка — л'ул'акъ отъ л'ул'ка. Въ замкнутомъ слогѣ двугласныя встрѣчаются, если не ошибаюсь, только въ нѣкоторыхъ род. мн., напр. *войнъ*, *койнъ* (иначе *каемъ*), *войскъ*, и въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ именахъ на — *скъ*: *Вилойскъ*, *Енисейскъ*, *Зарайскъ*, *Можайскъ*, *Ногайскъ*, *Суйскъ*.

ставляет окончание первого слога, а другое — начало второго; но произносить ли ктонибудь съ удвоеннымъ *т*: *найти*, *зайти*, *пройти*, *уйти*, хотя и пишутъ иногда, по аналогіи, *найдти*? Не замѣтивъ этой особенности русскихъ двугласныхъ, г. Павскій произноситъ строгіи приговоръ формѣ *идти*, — конечно неправильной, — и въ правописаніи *найти* видитъ остатокъ древней и единственно вѣрной орфографіи. Но взгляды, на которомъ основывается здѣсь г. Павскій, мнѣ кажется, невѣренъ: по его мнѣнію, форма *итти* обязана своимъ происхожденіемъ соображенію ученыхъ¹³⁾, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она образовалась въ устахъ народа и ученые стали употреблять ее слѣдуя народному выговору, а форму *идти* составили посредствомъ этимологін. Что въ глаголѣ *иду* корень слова составляетъ только звукъ *и*, какъ въ *буду* — *бу*, это было извѣстно и сказано еще задолго до сочиненія г. Павскаго. Неправильность формы *итти*, въ которой *т* не измѣнилось на *с* по примѣру *вести*, *брести*, *лсть* и т. д., мнѣ кажется, объясняется тѣмъ, что форма эта, судя относительно, позднѣйшаго образованія. Въ разныя времена различны и законы измѣненія буквъ. Въ польскомъ языкѣ неопредѣленное склоненіе этого глагола, произведенное также отъ усиленной формы корня *id*, образовалось правильно: *ісѣ*. Въ старославянскомъ языкѣ, при обыкновенной формѣ неопредѣленнаго накл. *ити*, г. Миклошичъ (въ *Formenlehre der altslovenischen Sprache*, стр. 42) находитъ еще странную форму *идити*. Онъ же нашелъ въ одной рукописи

13) См. Павскаго, I Р. § 97, прим. всю главу: *Пятый способъ устроить слоги*, я долженъ объявить въ высшей степени неудачною. §-а 92-го я коснулся уже выше, въ прим. 8. Примѣчаніе къ 94 § о выпускѣ коренныхъ буквъ и сохраненіи звуковъ грамматической формы, по своей странности, близко къ ироніи. Въ примѣчаніи § 96 говорится, что *с* въ словѣ *нести* есть вставочная буква, а коренной *с* выброшенъ по причинѣ встрѣчи съ вставочнымъ. Форма *гребсти* объявляется изобрѣтеніемъ старинныхъ писцовъ, для того, чтобы можно было автору считать *с* замѣною *б*. Но если коренной *с* выпущенъ, и, стало быть, нѣкогда былъ, то почему же не допустить, что и *б* нѣкогда выговаривалось? *Гребсти*, безъ сомнѣнія, древнѣе, чѣмъ *грести*: *с* вставленъ только для облегченія выговора въ неприятомъ стеченіи буквъ *бт*. Такое же значеніе имѣетъ *s* въ латинскомъ *absque* и въ нѣмецкомъ *Kunst*, *δ* въ *аудрос*, *f* въ *Verpflicht* и т. д. Въ старославянскомъ *п* и *к* предъ окончаніемъ *ти* обыкновенно выпускаются: *чръѣти*, *грѣти*; но и тамъ встрѣчаются: *чръпсти*, *грѣпсти*, *тѣпсти*, *дзѣпсти*, *зѣпсти*, *скоупсти*. См. Миклошича *Lautlehre*, стр. 46 § 67, и *Formenlehre*, стр. 44.

Вѣнской Придворной Библіотеки форму высти, произведенную, можетъ быть, также отъ усиленнаго буквою д корня *кы*. — Отвращеніе русской фонетики отъ двугласной въ замкнутомъ слогѣ обнаруживается еще въ повелительномъ наклоненіи возвратныхъ глаголовъ, когда ихъ корень оканчивается гласною. Говорятъ напр.: *байус'* вм. *байус'а*, но никогда *боіс'* вм. *боіс'а*. Когда же хотятъ употребить возвратное мѣстоименіе въ сокращенной формѣ, то сокращаютъ и двугласную въ простой звукъ и говорятъ: (не) *бос'*.

О СОГЛАСНЫХЪ.

10) Начертаніемъ *г* я обозначаю соответствующій буквѣ *к* мягкій звукъ въ началѣ слова *готовъ*; буква *ѣ*, изобрѣтенная Шегреномъ для осетинскаго и потомъ употребленная мною въ якутскомъ, значитъ у меня мягкій звукъ, соответствующій буквѣ *х* въ словахъ: *господь*, *благо* и др. Это послѣднее *ѣ* многіе сравнивали съ латинскимъ и нѣмецкимъ *h*: но собственно оно одинаково съ буквою *g* въ словахъ: *wagen*, *wogen*, *Jugend*. Соответствующій этой буквѣ твердый звукъ есть *ch* въ словахъ: *Fach*, *Loch*, *Buch*: это *ch* выговаривается совершенно одинаково съ *g*, когда оно стоитъ на концѣ словъ, напр. въ *Lug*, *Trug*. *Ch* въ словѣ *siech* составляетъ противоположность буквѣ, выговариваемой какъ *j* въ словахъ: *liegen*, *kriegen*, *lügen*: такимъ образомъ *g*, выговариваемое въ концѣ словъ твердо, въ словахъ *Sieg* и *Krieg* совершенно сходится съ *ch* въ словѣ *siech*.

11) Полугласная *j* такъ мало имѣетъ въ себѣ вещественнаго, что не можетъ удержаться на концѣ слова. Въ такомъ случаѣ она переходитъ въ близкую ей гласную *i*. Такъ изъ *двоjа* и *троjа*, по отпаденіи *а*, выходитъ двоика, троика¹⁴⁾. По тому же правилу образованы; *четверка* изъ *четверо*, *пятерка* изъ *пятеро* и т. д. Изъ твор. рукоjу образуется рукоі, изъ тваjеjу — тваjеі, изъ нашеjа — нашеі. *J* часто встрѣчается послѣ согласной, какъ напр. въ 3 л. мн. наст. вр. глагольнаго корня: *л'і* — *л'jут*, вмѣсто чего въ древнемъ языкѣ *л'іjут* (сравни *гн'іjут*, *пач'іjут*, ср. поясненіе 7). Эти простые и общепонятные законы тотчасъ обнаруживаются сами собою, какъ скоро такъ называемыя мяг-

14) Г. Павскій для объясненія этого производства прибѣгаетъ къ небывалымъ формамъ *двоj* и *троj*.

кія гласныя, употребляемыя въ началѣ слова, правильно разложены на свои составныя части, то-есть на простую гласную съ предыдущимъ *j*, и когда этотъ согласный звукъ получаетъ всегда и вездѣ одинаковое употребленіе въ правописаніи. Но если будемъ строго держаться обычнаго правописанія и принимать его за вѣрное выраженіе живой рѣчи, то, сравнивъ формы: *рукой, твоей, нашей, льютъ*, съ формами: *рукою, твоею, нашею, льютъ*, легко можно прийти, какъ и случилось съ г. Павскимъ, къ тому ложному заключенію, будто *ь* (*й*) служитъ замѣною всякой выпущенной гласной какъ въ срединѣ словъ, такъ и на концѣ послѣ гласной, будто въ словѣ *льютъ* напр. *ь* замѣняетъ выброшенное *и*, въ *рукой твоей* — *ю*, въ *нашей* — *я*¹⁵⁾.

12) Приложивъ это употребленіе *j* къ склоненію, мы тотчасъ удостовѣримся въ его вѣрности. Формы, кажущіяся съ перваго взгляда неправильными, тотчасъ теряютъ всякій призракъ неправильности, какъ скоро звуки будутъ обозначены вполнѣ соответствующими знаками. Такъ напр. склоненіе слова *сад* становится совершенно одинаковымъ съ склоненіемъ слова *обычай*¹⁶⁾, какъ скоро будетъ допущено правило, что *i* передъ гласными всегда переходитъ въ *j*, что этотъ *j*, какъ и всѣ смягченныя согласныя, не терпитъ послѣ себя *ы*, а съ буквою *о* соединяется только тогда, когда на немъ бываетъ удареніе.

	Единств. ч.		Множ. ч.	
Им. и вин.	сад	обычай	сады	обычaji
Род.	сада	обычая	садох	обычajiоф
Дат.	саду	обычаю	садам	обычајам
Твор.	садом	обычајам	садам'и	обычајам'и
Предлож.	садъ	обычајѣ	садах	обычајах.

Не болѣе разницы и между склоненіями: *стр'ѣл'ацъ, зајѣцъ* и *вараб'ѣцъ*.

	Единств.			Множ.		
Им.	стр'ѣл'ацъ	зајѣцъ	вараб'ѣцъ	стр'ѣл'ацы	зајѣцы	вараб'ѣци
Род.	стр'ѣл'аца	зајѣца	вараб'ѣца	стр'ѣл'ацоф	зајѣцоф	вараб'ѣцоф

15) См. Первое Разс. § 92.

16) Г. Срезневскій (въ Ж. М. И. П. ч. XLVIII, отд. II, стр. 174) считаетъ выговоръ *о*, когда на немъ нѣтъ ударенія, за звукъ, занимающій средину между *а* и *о*, и обозначаетъ его буквою *а*. При всемъ стараніи я не могъ найти никакого различія между этимъ *о* и простымъ *а*, не имѣющимъ ударенія.

Дат. стр'ѣлцу заіцу вараб'ју стр'ѣлцам заіцам вараб'јам
 Вин. стр'ѣлца заіца вараб'ја стр'ѣлцоѡ заіцаѡ вараб'јоѡ
 Твор. стр'ѣлцом заіцам вараб'јом стр'ѣлцам'і заіцам'і вараб'јам'і
 Пред. стр'ѣлца заіца вараб'ја стр'ѣлцах заіцах вараб'јах.

Склоненіе *кул'ок*, *кул'ка* и т. д. совершенно соотвѣтствуетъ склоненію *најом*, *наіма*. Точно также одинаковы, съ вышеупомянутымъ ограниченіемъ, склоненія *рука* и *шеја*.

	Единств.		Множ.	
Им.	рука	шеја	рук'і	шејі
Род.	рук'і	шејі	рук	шеі
Дат.	рук'а	шеја	рукам	шејам
Вин.	руку	шеју	рук'і	шејі
Твор.	рукоју	шејају	рукам'і	шејам'і
Предл.	рук'а	шеја	руках	шејах.

Нельзя отрицать, что общепринятое русское правописаніе проще и удобнѣе для практики; но, съ другой стороны, всякій лингвистъ согласится, что только строго вѣрное правописаніе даетъ возможность отыскать истинные законы языка. Въ словахъ: *обычай*, *обычаю*, буквы *я* и *ю* кажутся окончаніями, а *й*, находящееся въ темѣ слова, кажется выпущеннымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ буквахъ *я* и *ю* соединено окончаніе темы слова съ надежнымъ окончаніемъ. Судя по обыкновенному правописанію, легко подумать, что въ словахъ: *заіца*, *заіцу*, *я* выпущено, и вставлено *й*, а между тѣмъ выпущена только гласная часть *я*, а согласная (*ј*) превращена въ соотвѣтствующую гласную. Въ словахъ: *воробья*, *воробью*, *ь* представляетъ смягченіе согласной, которое есть уже и въ именительномъ *воробей*, но по обыкновенному правописанію остается необозначеннымъ.

13) Букву *ж* можно считать сгущеніемъ буквъ *ј* и *з*, а букву *ш* — сгущеніемъ *ј* и *с*. *Ж* является сгущеніемъ *ј* въ несклоняемой сравнительной степени, когда впереди его стоитъ буква *б*, а *ш* — послѣ *н*, *л*, *р*. Такъ напр. изъ слаб'ѣя (*слабѣе*) и глуб'ѣя, чрезъ посредство формъ: слаб'ја, глуб'ја, произошли формы: слабжа и глубжа; изъ тон'ѣя, бол'ѣя и стар'ѣя, при посредствѣ тон'ја, бол'ја, стар'ја, формы тон'ша, бол'ша и старша. Г. Павскій думаетъ, что *слабже*, *глубже* произошли отъ *слабше*, *глубше*, и что *ш* въ этихъ послѣднихъ указываетъ на окончаніе

льйшій¹⁷⁾). При этомъ объясненіи для сравнительной степени приводится допустить три формы: *ѣе*, *ше* и *е*, тогда какъ я могу объяснить всѣ эти явленія гораздо проще — посредствомъ одного окончанія *ѣе*. Такъ напр. переходъ *з* въ *ж*, *д* въ *ж*, *в* въ *вж* въ словахъ: *уже*, *глаже*, *дешевле*, никакъ не объяснятся однимъ *е*, потому что въ другихъ случаяхъ *е* не требуетъ подобнаго смягченія согласныхъ: говорятъ: *лѣзетъ*, а не *лѣжетъ*, *сѣдетъ*, а не *сѣжетъ*, *живетъ*, а не *живетъ*. Но если мы будемъ производить формы *уже*, *глаже*, *дешевле* отъ формъ: *узѣе*, *гладѣе*, *дешевѣе*, то усиленное смягченіе согласныхъ удовлетворительно объяснится переходомъ въ нихъ буквы *ј*. По тому же закону образуются причастія: *униженный* отъ *унизить*, *глаженный* отъ *гладить*, *объявленный* отъ *объявить*, *ношенный* отъ *носить*. Хотя и странно, что мы не встрѣчаемъ формъ *слабле*, *глубле*, по аналогіи *дешевле*; но, съ другой стороны, не должно выпускать изъ виду, что объяснить формы *слабже* и *глубже* изъ формъ: *слабше* и *глубше*, еще труднѣе, потому что въ русскомъ языкѣ при встрѣчѣ двухъ разнородныхъ согласныхъ должна приспособляться предыдущая къ послѣдующей, а не наоборотъ. По этому правилу скорѣе можно бы ожидать *глубше* и *слабше*, а не *глубже* и *слабже*.

14) Соединеніемъ *ш*, происшедшаго изъ *ј*, съ предшествующимъ *т* (*т'*) образуется слитный звукъ *ч*, слышимый въ видѣ простаго звука: *мут'ѣжу*, *мут'ѣжу*, *мучу*. Тогда какъ *т* переходитъ въ *ч* только при усиленномъ смягченіи, *к* переходитъ въ *ч* передъ простою смягчающею гласною: *плету* — *плетешь*, *пеку* — *печешь*. Впрочемъ извѣстно, что предъ простыми смягчающими гласными, въ склоненіи и въ повелительномъ наклоненіи, употребляется простое смягченіе согласной: *рук'и*, *рук'а*, *н'к'и*. Перемѣна *к* на *т*, которою мы объясняемъ переходъ *к* въ *ч*, встрѣчается и въ другихъ случаяхъ, напр. *Авдотья* вм. *Евдокія*.

15) Согласный звукъ, происшедшій изъ слиянія *д* (*д'*) и *ж*, соотвѣтствующій твердому *ч*, Сербы выражаютъ знакомъ *џ*, а Русины буквою *ж* съ надписаннымъ наверху *д*¹⁸⁾. Этотъ звукъ,

17) Перв. Разс. стр. 129, 135, 136.

18) Joseph Lewicki, Grammatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache in Galizien. Przemysl, 1834, стр. 21 въ примѣчаніи.

по своему выговору столь же простой, какъ и *ч*, составляетъ въ русинскомъ языкѣ усиленное смягченіе буквы *д*, какъ *ч* есть смягченіе *т*: *ходжу* отъ *ходити*, какъ *молочу* отъ *молотити*. Въ русскомъ языкѣ вмѣсто этого *дж* является простой смягченный звукъ — *ј* въ своемъ сгущенномъ видѣ (*ж*), безъ звука *д*. Въ церковнославянскомъ вм. *дж* употребляется *жд*¹⁹⁾, слѣды котораго сохранились и въ нынѣшнемъ русскомъ (*стражду*, *жажду* и т. д.). Этому мягкому сочетанію въ старославянскомъ соотвѣтствуетъ твердое сочетаніе *шт*, происшедшее изъ *ч* также чрезъ перестановку, вмѣсто котораго изобрѣтатель славянскаго письма ввелъ сокращенное начертаніе *щ*²⁰⁾. Такимъ образомъ между *вждж* и *хщж* соотвѣтствіе очевидно. Вмѣсто *шт* въ русскомъ обыкновенно употребляется *ч*, а *щ* является только въ видѣ исключенія²¹⁾, и представляетъ усиленное смягченіе послѣдней составной части сочетанія *шт*. Русское *щ* есть слабое сочетаніе *ш* и *ч*, въ которомъ оба элемента слышатся ясно²²⁾, почему я и не принялъ этого звука въ число слитныхъ буквъ. Соотвѣтствующая ему группа мягкихъ согласныхъ есть *жджж*: въ московскомъ нарѣчій, по словамъ г. Каткова (стр. 97), это сочетаніе встрѣчается въ употребленіи.

16) *К* переходитъ въ *ч* не только въ русскомъ, но и въ старославянскомъ; тамъ, гдѣ русскій языкъ довольствуется простымъ смягченіемъ согласной, напр. въ склоненіи предъ *і* и *а* и въ повелит. (*рук'и*, *рук'а*, *с'к'и*), тамъ въ церковно-славянскомъ является *ц*: *кѣстоцѣ*, *каженици*, *рѣци* и т. д. По этой аналогіи надобно бы ожидать въ обоихъ языкахъ перехода *г* въ соотвѣт-

19) Сравни отношеніе дорическаго *од* (т. с. *эд*) къ *ζ* (*дз*), происшедшей изъ *γј* и *δј*.

20) Если бы начертанія *ж* и *д* также удобно было слить въ одно, какъ *ш* и *т*, то, вѣрно, явилось какое нибудь сокращеніе, соотвѣтствующее *щ*.

21) Напр. *клевецу*, *запрещу*, *освяцу* и т. д. и въ прич. наст. дѣйств. Окончанія *щц* и *щц*, сокращаемыя въ им. ед. муж. въ *щ* и *щ*, соотвѣтствуютъ санскр. *शृत्*, греч. *ουτ* и лат. *ent* и т. д. Стало быть, и здѣсь *шт* представляетъ смягченное *т*, происходящее отъ окончательнаго *і*. Въ русинскомъ языкѣ *что* выговаривается не только *што*, какъ въ русскомъ, но и *що*. Въ старославянскомъ *щ* ставится и вм. *шч*, напр. *иццѣ*.

22) Г. Катковъ (стр. 98) утверждаетъ, что *щ* въ устахъ Русскаго есть какъ-бы заостренный и нѣсколько усиленный, но цѣльный звукъ *ш*, — но совсѣмъ не то, что грубое соединеніе *шч*. Мнѣ онъ всегда казался сложнымъ звукомъ, какъ *жд* и *шт*; но *ц* и *ч* на мой слухъ — простые звуки.

ствующій буквѣ *ч*, мягкой звукъ *дж*, а въ старославянскомъ, сверхъ того, перехода въ соответствующій буквѣ *ц*, мягкой звукъ *дз*. Между тѣмъ нѣтъ ни того, ни другаго: звуковъ *дж* и *дз* нѣтъ ни въ русскомъ, ни въ старославянскомъ. Русскому выговору свойственны только *г* (*другъ, помоги*), *з* (*друзья*) и *ж* (*поможетъ*), а старославянскому — только *з* и *ж* (*дрѣзѣти, дрѣзѣти; помози, поможетъ*)²³). А такъ какъ соответствующіе *з* и *ж* твердые звуки *с* и *ш* составляютъ двѣ степени смягченія *х* (*доуси, доуше*), вмѣсто которыхъ въ русскомъ употребляются *х'* (*духи, духъ*) и *ш* (*сушить*), то приходишь къ заключенію, что въ старославянскомъ *г* есть звукъ, соответствующій не *к*, но *х*, и что въ русскомъ звукъ *г* образовался изъ *г* только въ повѣйшее время. Поэтому нѣтъ достаточнаго основанія смѣяться надъ Малоруссами, когда они букву *г* выговариваютъ за *б*. Въ польскомъ языкѣ, гдѣ *g* укоренилось глубже, чѣмъ въ русскомъ, *дз* (*dz*), соответствующій буквѣ *ц* мягкой звукъ, является смягченіемъ *g*: *пога* — въ дательц. и предл. *podze*. Вслѣдствіе этихъ замѣчательныхъ обнаруживается рѣшительное различіе между *ж*, замѣняющимъ *г* и *б*, и между *ж*, составляющимъ высшее смягченіе *д*: первое составляетъ послѣднюю степень смягчаемаго *б* и ближайшимъ образомъ развивается, пожалуй, изъ смягчаемаго *з'*, какъ *ш* происходитъ изъ *с'*; напротивъ того, *ж*, составляющее послѣднюю степень смягченія *д*, есть ослабленіе *жд* или *дж*.

17) *Ц* образуется въ старославянскомъ и въ нѣкоторыхъ повѣйшихъ славянскихъ нарѣчіяхъ изъ *к*, когда эта буква встрѣчается съ флексивнымъ *и* или *ь*. Переходъ этотъ совершается такъ: *к*, слѣдующій за *к*, постепенно сгущается въ *с* (*с'*), а *к* переходитъ въ *т*. Сочетаніе *тс'* произносится нынѣ какъ *ци*: *лѣтсѣя, постсѣя* — *л'юциѣя, пѣюциѣя* (см. Павскаго, I, стр. 130 § 120 прим.). Въ русинскомъ языкѣ *ц* есть смягченіе *т* въ повелительномъ: *хци* = *хтѣи* отъ *хотѣти*.

18) *Ж*, *ш* и *ч*, составляя вообще смягченіе согласныхъ, ино-

23) По мнѣнію г. Срезневскаго (*Мысли объ И. Р. Я.* стр. 179), *к* и *г* въ старославянскомъ переходятъ также въ *ц*, напр. *могж* — *моци*, *тѣкж* — *тѣци*. Разгадая вѣрно эти неопредѣл. наклоненія, находимъ, что въ нихъ нѣтъ никакой неправильности, потому что *ш* въ *мошти* происходитъ изъ *ж*, а *ш* въ *тѣшти* изъ *ч*.

гда не имѣютъ послѣ себя смягчающей гласной, какъ напр. въ словахъ: *влажный, грѣшный, личный*. Къ объясненію причины смягченія ведутъ усѣченныя формы прилагательныхъ: *влаженъ, грѣшенъ, (при-)личенъ*, въ которыхъ *e* стоитъ вм. старославянскаго *ь*, напр. *недѣжънъ, грѣшънъ, алчънъ*. Этотъ *ь* сохранялся во всѣхъ формахъ склоненія: *недѣжънзи, грѣшънзи, вѣчънзи* и т. д., тогда какъ въ русскомъ, переходя въ *e* въ имен. муж. усѣченныхъ прилаг., въ прочихъ формахъ сдѣлался безгласнымъ, оставивъ слѣдъ своего существованія въ смягченіи предыдущей согласной.

19) Согласныя, слитыя съ *j*, образуются изъ простыхъ согласныхъ вліяніемъ слѣдующаго *i*, или близкихъ къ нему гласныхъ *e* и *ä*. Если же послѣ смягченной согласной (къ числу которыхъ я отношу *н ж, ш, ч*) слѣдуетъ какая нибудь другая гласная, то надобно думать, что эта гласная произошла изъ *e* или *ä*, или лишилась стоявшаго предъ нею *i* или *j*. Такъ напр. *о* въ словѣ *ид'от* произошло изъ *e*, а въ словѣ *п'ат'* — изъ носоваго *я*; напротивъ, въ словѣ *гавар'у* смягченіе *р* происходитъ отъ буквы *и* въ глагольной темѣ (*говори-тъ*): *гавар'ју, гавар'ју, гавар'у*. Такимъ же образомъ объясняются: *ачу* изъ *алкају* (*алк'ју*), *д'в'іку* изъ *д'в'ігају* (*д'в'іг'ју*), *калышу* изъ *калыхају* (*калых'ју*), *мачу* изъ *макају* (*мак'ју*), *машу* изъ *махају* (*мах'ју*), *прышчу* изъ *прыскају* (*прыск'ју*), *с'т'ен'у* изъ *с'т'енају* (*с'т'ен'ју*), *ічу* изъ *ікају* (*ік'ју*). Гдѣ полной формы нѣтъ въ наличности, тамъ надобно полагать, что она или вышла изъ употребленія, или кратчайшая форма никогда не имѣла своей полной и образована по аналогіи другихъ. Такъ напр. для объясненія формъ: *в'ажу* (*вяжу*), *ишчу* (*ищу*), *мажу*, *ар'у* (*орю*), *пашу*, *пишу*, нельзя привести полныхъ формъ: *в'азају, іскају, мазају, арају, пахају, п'ісају*, но предполагать ихъ теоретически надобно, потому что иначе нельзя объяснить смягченія согласныхъ²⁴). Происхожденіе сокращенныхъ формъ забыто до того, что нѣкоторыя формы спряженія, напр. повелит. накл. *иши*, производятся прямо отъ этихъ новыхъ темъ, не предполагая полнѣйшаго вида *и-сай*, тогда какъ другія формы, напр. *ишишь, пишеть*, весьма

24) Смитъ, въ своей Польской Грамматикѣ (стр. 87), точно также объясняетъ формы: *placze, placzesz* и др. изъ *plakaje, plakajesz* и т. д.

легко производятся отъ полныхъ: *писаешь, писаетъ*. У русскихъ филологовъ или вовсе нѣтъ объясненія этимъ, съ перваго взгляда въ высшей степени неправильнымъ формамъ, или находились вовсе неудовлетворительныя объясненія. Такъ г. Срезневскій говоритъ, что *з* и *с* предъ *е* и *и*, а также и предъ *ж* и *л*, перемѣняются, на обще-славянскомъ основаніи, въ шипящія *ж* и *ш*, и приводитъ въ примѣръ: *мажж* отъ мазати, *пишж* отъ писати, *каженз* отъ казати, *прошенз* отъ просити. Такъ какъ *ж* въ другихъ случаяхъ нигдѣ не оказываетъ такого вліянія на предыдущую согласную (какъ показываютъ: *грызж*, *вѣзж*, *трусж*), то и въ этомъ случаѣ нельзя приписать ему смягченія согласной. Нельзя приписывать смягченія и буквѣ *е*, потому что оно, очевидно, не производитъ его въ формахъ: *вѣзенз*, *исенз*. Смягченіе согласной въ *каженз*, *прошенз* и др. зависитъ отъ сліянія съ *з* и *с* буквы *и*, находящейся въ окончаніи темы: *кази-ти*, *проси-ти*. Другое объясненіе находимъ у г. Павскаго. На стр. 97 перваго Р. онъ говоритъ: «По свойству нашего языка, любящаго краткость, передъ *у* (въ 3 л. мн. ч. наст. вр.) должно опустить «*a* (= *za*) и *и* (= *yi*). По опущеніи твердой гласной *a*, намѣстникомъ ея долженъ бы остаться *ъ*, а по опущеніи мягкой *и* — «*ь*, и вышло бы 1-е лицо *пису*, *просу*. Но какъ *ъ* въ среднѣмъ словѣ не можетъ устоять передъ гласною, то онъ и уступаетъ мѣсто *ь-ю*. Этотъ *ь* перемѣняетъ гласную *у* на мягкую, скрывающую въ себѣ другой *ь*. Произшедшая отъ сего встрѣча двухъ *ь-ей* при чистой зубной буквѣ *с* требуетъ преобразованія одного изъ нихъ въ *с* и производитъ изъ чистаго *с* зубную придыхательную *ш*. Такимъ образомъ происходитъ форма: *пишу*.» Въ этомъ математическомъ разчетѣ звуковъ я нахожу у г. Павскаго небольшую ошибку: вмѣсто одной величины — *ъ* (*пису*) онъ безотчетно ставитъ совѣмъ другую величину — *ь* (*пису*) и приписываетъ этой величинѣ *ь* силу увеличивать слѣдующую величину *у* на такую же величину *ь* (*писью*). Потомъ я желалъ бы знать, почему форма *несу* не перемѣняется сперва въ *несу*, потомъ въ *несью* и наконецъ въ *нешу*, когда и здѣсь *у* также должно значить *у*, какъ въ *пишу*, и, точно также являясь въ среднѣмъ, должно превратиться въ *ь*? Столь же произвольно пишетъ г. Павскій *пису* съ однимъ *ъ*: вмѣсто одного здѣсь надобно бы, по его

системѣ, поставить три, потому что *c*, по его теоріи, есть уже съ, потомъ *y=cy*; а третій *z* долженъ явиться въ качествѣ намѣстника опущеннаго *a*. Противъ того, что г. Павскій не позволяетъ пропасть буквѣ *a* безъ вѣсти, а обозначаетъ слѣдъ ея существованія знакомъ, не выражающимъ ни положительной, ни отрицательной величины, — противъ этой невинной замѣны нельзя сдѣлать никакого возраженія: можно только замѣтить, что въ обыкновенной жизни въ подобныхъ случаяхъ обходятся короче. Истративъ всѣ наличныя деньги, говорятъ просто: «я истратилъ всѣ свои деньги.» Но если бы я вздумалъ къ тому прибавить: «всѣ мои деньги превратились въ 0», то, конечно, ни одинъ математикъ не сдѣлалъ бы мнѣ возраженія, но едва ли кто почелъ бы эту прибавку сколько нибудь нужною для объясненія дѣла.

20) Послѣ губныхъ буквъ (*n, b, m, v*) въ спряженіи и словопроизводствѣ *j* часто переходитъ въ *l*. Такъ изъ *л'уб'ію*, при посредствѣ формы: *л'уб'ю*, произошло: *л'уб'ю*, пзъ канаю (*кап'ю*) *кап'ю*²⁵). Такимъ же образомъ явился *l* въ двухъ словахъ, которыя при этомъ объясненіи оказываются происшедшими отъ одного корня, чего, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ никто не подозрѣвалъ. Эти два слова суть: *слона* и, среднее съ нимъ по понятію, *плевать*. Латинскому *spu-o* соотвѣтствуетъ въ готскомъ *spreiv-an*, въ новомъ верхне-нѣмецкомъ *sprei-en*, въ литовскомъ *srjau-ju*, въ латышскомъ *srļau-ju*²⁶). Соображая всѣ эти формы, невольно приходишь къ мысли, что *плевать* и *слона* принадлежатъ къ тому же латинско-нѣмецко-литовскому корню: только слово *плевать* лишилось начальнаго *s*, а *слона* потеряло изъ середины букву *n*, какъ *усну* вм. *успну*. Форму *сплона* можно производить отъ причастія страдат. жепскаго: *сплевана*²⁷). Букву *l* въ обоихъ словахъ нельзя считать коренною, какъ и въ словѣ *плеко*, которое едва ли можно считать от-

25) Г. Павскій (I, стр. 97) выводитъ формы *люблю* и *каплю* довольно лпынымъ и не довольно гладкимъ путемъ: *любвиу, любью, любьбу, люблю, люблю; капъау, капъу, капъу, капъбу, капълю, каплю*. Формы, подобныя *л'уб'ю*, встрѣчаются и въ церковно-славянскомъ: у Миклошича: *избакиаше, приस्ताкиаше* (Lautlehre, стр. 9 § 14).

26) Латышск. *l*, въ противоположность польскому *l*, значитъ мягкій *l* (*л'*).

27) Г. Павскій (II. А. стр. 147), допуская взаимную замѣну между *n* и *v*, слово *слона* считаетъ за одно и то же съ лат. *saliva*.

личнымъ отъ лит. *pétis, péczió*, и которое въ латышскомъ опять съ буквою *l*: *plezze*. Такъ какъ *плевать* и *блевать* первоначально могли составлять одно и то же слово, подобно нѣмецкому *spreien*, совмѣщающему въ себѣ оба значенія, то, въ случаѣ вѣрности предлагаемаго словопроизводства, не *плевать* надобно поставить подѣ словомъ *блевать*, какъ сдѣлалъ Рейфъ въ своемъ превосходномъ этимологическомъ словарѣ, а, наоборотъ, слово *плевать* надобно принять за древнѣйшую и коренную форму.

21) Нѣкоторыя изъ смягченныхъ согласныхъ, какъ напр. гортанныя, никогда не являются на концѣ словъ. Равнымъ образомъ губныя расположены принимать на концѣ словъ твердый звукъ; но мнѣ кажется, что г. Павскій заходитъ слишкомъ далеко, утверждая, будто зубныя на концѣ словъ всегда выговариваются твердо. Уже ли напр. повелительное: *составъ* и существительное: *составъ*, ничѣмъ не различаются въ выговорѣ? Во многихъ случаяхъ правописание уже сдѣлало уступку выговору: напр. въ окончаніи 3 лица на *тъ*, твор. ед. на *мъ*; пишутъ также: *спаленъ, сомненъ, пѣсенъ, кухонъ* и т. д. Что смягченная согласная производитъ смягченіе предыдущей согласной, это извѣстно; но въ какихъ именно случаяхъ, опредѣлить трудно. Современное правописание обозначаетъ только тѣ видоизмѣненія согласныхъ, для которыхъ находятъ въ азбукѣ готовые знаки, напр. *ш.ю, умерщвленъ* и пр. Но если видоизмѣненіе согласной ограничивается простымъ смягченіемъ, которое мы выражаемъ знакомъ придыханія, то оно остается въ обыкновенномъ правописаніи не обозначеннымъ. Такъ напр. пишутъ: *есть, тыся, мысль*, хотя произносятся: *есть, тыся, мысль*. Польское правописание въ этомъ отношеніи точнѣе русскаго: тамъ пишется: *pieśń, myśl*; въ *jest* обѣ согласныя выговариваются твердо. Смягченіе буквъ *л* и *н* обыкновенно обозначается, потому что оно слышно весьма ясно.

22) Въ заключеніе, привожу еще нѣсколько примѣровъ, чтобы показать, какъ много упрощается склоненіе, когда вмѣсто такъ называемыхъ мягкихъ гласныхъ ставятся простыя, а смягченіе переносится на согласныя. Для этой цѣли я ставлю рядомъ склоненіе словъ: *стол* и *конъ, вална* (волна) и *пуля* (пуля), *число* и *мор'я*.

	Единств. ч.		Множеств. ч.	
И. и В.	стол	кон'	столы	кон'и
Р.	стала	кан'а	сталоф	кан'ѣ
Д.	сталу	кан'у	сталам	кан'ам
Т.	сталом	кан'ом	сталам'и	кан'ам'и
Пр.	стал'а	кан'а	сталах	кан'ах.
И.	вална	пул'а	волны	пул'и
Р.	валны	пул'и	волн	пул'
Д.	вали'а	пул'а	валнам	пул'ам
В.	волну	пул'у	волны	пул'и
Т.	валноју	пул'ѣју	валнам'и	пул'ам'и
Пр.	вали'а	пул'а	валнах	пул'ах.
И. и В.	число	мор'а	числа	мар'а
Р.	числа	мор'а	числ	мар'ѣ
Д.	числу	мор'у	числам	мар'ам
Т.	числом	мор'ам	числам'и	мар'ам'и
Пр.	числ'а	мор'а	числах	мар'ах.

Буквѣ *ы* при твердой согласной соотвѣтствуетъ *и* при согласной смягченной; буквѣ *о* при твердой согласной — *ѣ* или *а* при смягченной, если только нѣтъ на этомъ слогѣ ударенія.

II.

О вліяніи смягченной согласной на предыдущую гласную.

Въ предыдущей статьѣ я сдѣлалъ попытку доказать, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ *мягкихъ* гласныхъ, какъ понимаютъ ихъ грамматики; что особенность русскаго, какъ и другихъ славянскихъ языковъ, состоитъ въ смягченіи не *гласной*, а *согласной*; что согласная выговаривается то *твердо*, то *смягченно*, а гласная въ обоихъ случаяхъ остается одинакова. Здѣсь я хочу обратить вниманіе читателя на одно явленіе, котораго, сколько мнѣ из-

вѣстно, не замѣтилъ ни одинъ изъ русскихъ грамматиковъ. Миѣ удастся, надѣюсь, убѣдить всякаго, кто съ молодыхъ лѣтъ говоритъ по-русски и приучилъ свой слухъ къ особенностямъ русскаго выговора, что смягченною согласною видонзмѣняется не слѣдующая гласная, а предыдущая, и что если надобно допустить мягкія гласныя, то на это названіе несравненно болѣе имѣетъ права предыдущая, чѣмъ слѣдующая гласная. Чтобы сдѣлать это вліяніе доступнымъ даже и мало изощренному слуху, я начинаю съ такой гласной, въ которой видонзмѣненіе звука отъ этого вліянія яснѣе, чѣмъ во всякой другой. Для этого я приглашаю читателя сравнить выговоръ *ь* и *е* въ слѣдующихъ столбцахъ:

вѣкомъ	вѣки	пеку	пеки
лѣта	лѣтъ	летать	летѣть
слѣпой	слѣпить	тепло	теперь
бѣгомъ	бѣги	берегу	береги
ѣду	ѣдетъ	веду	веди
хлѣба	хлѣбецъ	гребу	греби
сѣно	сѣни	жена	женѣ
тѣмъ	тѣми	темнота	темнѣть
грѣха	грѣхи	несу	неси
вѣсомъ	вѣситъ	везу	вези
рѣзво	рѣзба	беру	бери
лѣвой	лѣвѣ	мелько	мельче
сѣрая	сѣренка	бѣглеца	бѣглецѣ
сидѣла	сидѣли		

При нѣкоторомъ вниманіи читатель тотчасъ замѣтитъ, что *ь* въ первомъ и *е* въ третьемъ столбцѣ выговариваются какъ *а*, то-есть ближе къ *а*, а во второмъ и четвертомъ столбцахъ — какъ *е*, ближе къ *і*. И эта разница, какъ всякій можетъ убѣдиться изъ приведенныхъ примѣровъ, вовсе не зависитъ отъ предыдущей согласной, ни отъ слѣдующей гласной, потому что какъ *а*, такъ и *е* встрѣчаются и въ замкнутыхъ конечныхъ слогахъ, гдѣ не имѣютъ послѣ себя гласной, напр. въ словахъ: *мль* и *мель*. Всякій согласится, что различіе выговора зависитъ здѣсь прямо отъ слѣдующей согласной, именно отъ того, что въ первомъ и третьемъ столбцахъ за гласными *ь* и *е* слѣ-

дуютъ несмягченныя согласныя (*к, т, п, г, д* и т. д.), а во второмъ и четвертомъ — смягченныя (*к', т', п'* и т. д.). Такимъ образомъ является слѣдующій законъ русской фонетики: *звукъ ѣ* бываетъ только на концѣ словъ и предъ согласною несмягченною, *звукъ е* — только предъ смягченною. Предъ *ш* и *ж* произносятся то *ѣ*, то *е*, смотря по тому, смягчены онѣ или не смягчены; предъ *ч* и *й* имѣетъ мѣсто только *е*. Тотъ же самый *й*, который находится въ сліяніи съ каждою смягченною согласною, превращаетъ далекіи отъ *і* (*й*) *звукъ ѣ* въ ближайшую къ *і* букву *е*, потому что чрезъ это облегчается выговоръ слѣдующаго *й* или слитой съ нимъ согласной. Какъ сочетаніе *ѣй* не допускается русскимъ слухомъ, такъ и двугласная *ѣі*; но двугласная *еі*, напротивъ, составляетъ любимыи звукъ.

Вліяніе смягченной согласной простирается даже за предѣлы отдѣльнаго слова и допускается не только при сложеніи одного слова съ другимъ, но и при отдѣльности ихъ, какъ напр. въ отрицаніи *не*, когда оно стоитъ вмѣсто *нѣтъ*, изъ котораго тогда, можетъ быть, и образуется. Такъ въ словахъ: *недругъ* и *не* (= *нѣтъ*) когда буква *е* имѣетъ звукъ *ѣ*, а въ выраженіяхъ: *до не-льзя* и *не* (= *нѣтъ*) *чего дѣлать* — звукъ *е*. Ту же силу смягченія оказываетъ энклитическая частица *ли*: въ фразѣ: *всѣ ли вы здѣсь*, буква *ь* въ словѣ *всѣ* имѣетъ звукъ *е*, а въ фразѣ: *всѣ здѣсь* — звукъ *ѣ*.

Изъ родственныхъ языковъ можно привести поразительныя аналогіи вліянія смягченныхъ согласныхъ на предыдущую гласную. Такъ въ польскомъ языкѣ *а* (*ia*) и *о* (*io*), происходящія изъ *е* (*ie*), тотчасъ принимаютъ прежній видъ, какъ скоро послѣ ихъ является смягченная согласная. Слова: *kościół*, *las* (*лѣсъ*), *świat* (*свѣтъ*), *obiad* (*обѣдъ*) имѣютъ въ предложномъ падежѣ: *kościółe*, *lesie*, *świecie*, *obiedzie*; *miara* (*мѣра*) въ дательномъ — *mierze*; прилагательное *miałki* (*мѣлкій*) въ сравнительной степени — *mielszy* (сличи также: *mędrszy* отъ *mądry*, *gorętszy* отъ *gorący*); говорятъ: *śmiała* (*смѣла*), *śmiało*, *śmiały*, и *siała* (*сѣяла*), *siało*, *siały*, но при окончаніи на *і* — *śmieli* и *sieli*; отъ *biały* происходитъ *bieleć*, отъ *czapny* — *czernieć*, отъ *rzadki* (*рѣдкій*) — *rzędzieć*, отъ *blady* — *blednieć*, отъ *gniazdo* — *gnieździć*¹⁾. О старо-

1) Смотри въ Польск. Грамм. стр. 13, 52 и слѣд., 73, 102 и слѣд.

чешскомъ языкѣ Шафарикъ говоритъ, что *a* передъ *j* и смягченными согласными переходитъ въ *e*: *wajce* — *wejece*, *tajny* — *tejny*, *krajci* — *krejci*, *wolaj* — *wolej*, *naj* — *nej* и т. д.²⁾ Лужицкіе Сербы также измѣняютъ *a* на открытое *e*, какъ скоро оно приходится между двумя смягченными согласными³⁾.

Дозволю себѣ пѣсколько подробнѣе войти въ разсужденіе о буквѣ *ь*. Въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ эта буква, какъ принимаютъ и грамматики, совершенно одинакова съ *e*; но о различіи ихъ въ старославянскомъ языкѣ ученые, по видимому, согласны между собою. Вообще извѣстно, что въ этимологическомъ отношеніи между *e* и *ь* есть существенное различіе. Копитаръ, представляя въ своемъ *Glagolita Clozianus* сравнительную таблицу глаголитскихъ и кирилловскихъ буквъ, ставитъ противъ *ѣ* и *к*, для объясненія ихъ выговора, одну и ту же букву, какъ Добровскій и Востоковъ, именно — *je*, но на стр. 51 а. замѣчаетъ, что въ древнія времена *ѣ* никогда не ставилась вмѣсто *к*, да и въ новѣйшія времена замѣняли другъ друга только *ѣ* и *є*, а *ѣ*, не имѣя на себѣ ударенія, переходила въ древности въ букву *ь*. Изъ всего этого Копитаръ заключаетъ, что *ь* во времена св. Меѳодія значила скорѣе французское *é fermé*, чѣмъ *к*, и что *ръка* выговаривалось болѣе *reka*, чѣмъ *rjeка*. Въ то же время Копитаръ указываетъ на армянскую букву *եւ* (*է*), отъ которой уже Добровскій производилъ начертаніе *ѣ*. Шафарикъ въ 1833 году признавалъ между *к* и *ѣ* такое же отношеніе, какъ между *є* и *ѣ*, и принимая начертаніе *ь*, найденное г. Кеппеномъ въ Сборникѣ 1073 года, за первобытный видъ этой буквы, находилъ въ ней соединеніе *не* и *ѣ*, какъ полагалъ г. Кеппенъ, а скорѣе *и* и *ѣ*⁴⁾. Но въ 1847 году Шафарикъ высказалъ въ своей «Старочешской Грамматикѣ» (*Elemente der altböhmischen Grammatik*, стр. 10) новый взглядъ, который состоитъ въ слѣдующемъ: «Гласная *ě*, или кирилловская *ѣ*, была по своему качеству мягкая буква, первоначально произошла изъ двугласной *ai*; такъ напр. старославянское «*cēsar*» происходитъ отъ *каїсар*, *caesar*; равнымъ образомъ:

2) *Elemente der altböhmischen Grammatik*, стр. 14.

3) *Jordan, Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz*, стр. 11.

4) *Serbische Lesekörner*, стр. 37 и 72.

«wēga, chlĕb, mĕna и т. д. ведутъ къ древнѣйшимъ формамъ: «waiga, chlaib, maĭna и т. д. Вотъ почему въ русскомъ и словацкомъ гортанныя *g, k, x* предъ *ŕ* вовсе не измѣняются, какъ «предъ твердымъ звукомъ *a*: въ русскомъ — на *рукъ, въ ногъ, въ словацкомъ — на ruke, w pohe* и т. д.⁵⁾. Впослѣдствіи, перемѣщая звуки, стали произносить *ia, ea* (Поляки и нынѣ выговариваютъ *ŕ* — *ia*, повнѣйшіе Болгары — *ea*); позднѣе вкрались *je* и разныя невѣрныя *ĕ* и ввели измѣненіе гортанныхъ; по внимательный изслѣдователь, конечно, не сочтетъ первобытнаго *ĕ* за одно и то же съ смягченнымъ *e* или *je*, если не захочетъ попасть въ бесконечную путаницу.»

Если Шафарикъ въ своемъ *ai* видитъ греческую двугласную *ai*, — а въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться, — то надобно замѣтить, что это сочетаніе уже за тысячу лѣтъ до изобрѣтенія славянской азбуки перестало быть двугласною и выговаривалось какъ простое *ā* или *e*. Если же Славяне переладали греческое *ai* и латинское *ae* своимъ *ŕ*, то мы не имѣемъ права предполагать въ этой буквѣ никакого другаго звука, кромѣ того, какой соединился съ этими начертаніями въ выговорѣ того времени. И если въ греч. звукъ *ā* или *e* произошелъ изъ *ai*, а Римляне передаютъ этотъ звукъ своимъ *ae*, то здѣсь вовсе нѣтъ причины утверждать, что въ славянскомъ звуки *ia* и *ea* произошли изъ *ŕ* (т. е. изъ *ā* или *e*) именно черезъ перестановку звуковъ *ai* или *ae*. Иначе можно бы было объяснять напр., *ŕ* въ нижне-саксонскомъ *Lüde* перестановкою верхне-пѣмецкаго *ei* въ *Leute*. Наконецъ, пора бы перестать такъ механически объяснять переходы звуковъ мертвыми знаками на бумагѣ, когда есть возможность перевести эти мертвые знаки на живые, внятные для слуха звуки.

Изъ того, что Русскіе и Словаки не перемѣняютъ гортанныхъ предъ буквою *ŕ*, никакъ не слѣдуетъ заключать, что *ŕ* первоначально была твердою буквою, потому что Русскіе не измѣняютъ гортанныхъ и предъ флексивнымъ *и* (напр. *бѣги, руки, грѣхи* и т. д.), хотя эта буква, безспорно, мягкая и всегда была

5) Г. Павскій (I, стр. 62) называетъ *ŕ* «среднею» или «двушчною» буквою, потому что она входитъ въ сочетаніе со всѣми согласными, мягкими и твердыми. Но на этомъ основаніи можно бы и букву *и* назвать среднею. Но буква *и*, по мнѣнію г. Павскаго (I, стр. 64, прим. 2), только по средству съ *ŕ* воспользовалась ея правомъ.

такую въ славянскомъ языкѣ. Говоря, что въ русскомъ гортанныя предѣ и остаются безъ перемѣны, я допускаю только то, что эти согласныя не переходятъ предѣ и въ соотвѣтствующія звучныя согласныя; но я отнюдь не отрицаю простаго смягченія согласныхъ предѣ и и ѡ. Что буква ꙗ въ старославянскомъ была *смягчающею* гласною, видно изъ того, что, стоя передъ нею, г измѣнялось на з, х на с, к на ц. А такъ какъ буквою и производилось такое же смягченіе этихъ согласныхъ, а буквою ѡ — высшая степень смягченія (кози, возѣ, коже; доуси, доусѣ, доуши; чловѣци, чловѣцѣ, чловѣче), то я заключаю, что старославянская ꙗ была ближе къ и, чѣмъ ѡ, то-есть, что ꙗ соотвѣтствовала нашему ѡ, сложенному съ ј, а старославянское ѡ — нашему ā. Сверхъ того, между ꙗ и ѡ могло быть различіе по количеству, чѣмъ объяснится, можетъ быть, и то, что буквою ꙗ такъ часто передается греческое αι, которое хотя и было въ то время уже короткою гласною, но въ глазахъ литераторовъ могло еще казаться долгою. Замѣчательно также, что въ старославянскомъ нѣтъ глагольныхъ темъ съ окончаніемъ на ѡ, точно также, какъ и съ окончаніемъ на о, ѡ и ѡ: это опять говоритъ въ пользу долготы буквы ꙗ. Надобно впрочемъ замѣтить, что въ старославянскомъ и греческое ѡ передается иногда буквою ꙗ, и наоборотъ, греческое αι — простымъ ѡ, какъ это видимъ даже въ Остромировомъ Евангеліи ⁶⁾. — Г. Катковъ (въ вышеупомянутомъ сочиненіи стр. 50) принимаетъ ꙗ за соотвѣтствующую полугласной ѡ долгую, и подтвержденіемъ этого взгляда считаетъ самое начертаніе ꙗ.

Послѣ гортанныхъ согласныхъ ꙗ, какъ извѣстно, вовсе не встрѣчается въ старославянскомъ языкѣ: единственное исключеніе составляетъ слово *хъръ* — названіе буквы х. Добровскіи рѣшительно утверждаетъ, что ѡ стоитъ здѣсь вмѣсто е (хотя и эта буква также неупотребительна послѣ гортанныхъ, какъ и ѡ) или вмѣсто ѡ: «ибо *хъръ*», говоритъ онъ, «у Словаковъ значить *крикъ*» ⁷⁾. Копитаръ, въ своемъ Glagol. Cloz., даетъ слову *хъръ* значеніе молвы (fama). Миклошичъ ⁸⁾ говоритъ, что имя буквы

6) Ср. Miklosich, Lautlehre der altslovenischen Sprache, стр. 24.

7) Въ Грамматикѣ языка Славянскаго по древнему нарѣчію, стр. 33.

8) Lautlehre, стр. 47.

хльръ, вѣроятно, есть заимствованное, но не пускается въ дальнѣйшія объясненія. Г. Павскій справедливо объявляетъ себя противъ Добровскаго, указывая на то, что: 1) между *ль* и *ы* большое различіе и эти буквы не замѣняютъ одна другую; 2) св. Кириллѣ могъ бы выбрать несравненно болѣе употребительное слово, чѣмъ малонзвѣстное *хльръ*, если бы захотѣлъ дать славянское названіе этой буквѣ, и 3) сочетаніе *х* съ буквою *ль* или *е* (потому что пишется иногда и *херъ*) въ старославянскомъ языкѣ неслыханно. Одобряя эти возраженія г. Павскаго, мы должны однако рѣшительно отвергнуть его объясненіе слова *хльръ*: онъ считаетъ это слово за греческое *χερ*, тогда какъ греч. *ει*, уже двѣ тысячи лѣтъ выговариваемое за *і*, постоянно передается славянскимъ *и*. Это объясненіе нисколько не дѣлается вѣроятнѣе отъ того, что еврейское названіе буквы צ (*ch*, *c*) значить: *горсть* (а не просто *рука*, какъ говоритъ г. Павскій). Удивительно, какъ г. Павскій не попалъ на сравненіе имени *хльръ* съ словомъ *חַיָּרָה*, которое должно было сдѣлаться извѣстнымъ всякому Славянину, если онъ хоть разъ встрѣчался съ Грекомъ. Замѣна конечнаго *е* славянскимъ *ъ* не могла составить для г. Павскаго затрудненія, точно также, какъ имя буквы *фертъ* онъ безъ всякаго затрудненія производитъ отъ 2-го лица повел. накл. глагола *фѣреть*, пользуясь эпической формой этого лица — *фѣрте*⁹⁾.

Переходя снова къ предмету моеи статьи, я обращаюсь теперь къ тѣмъ изъ читателей, у кого слухъ изощренъ подобными наблюденіями: они, надѣюсь, убѣдятся вмѣстѣ со мною, что смягченныя согласныя оказываютъ свое дѣйствіе не только на *е*, *ль* и *э*, но и на другія предшествующія имъ гласныя. Буква *а* въ словѣ *бани* выговаривается мягче, чѣмъ въ словѣ *бабы*, среднее *о*

9) Названіе буквѣ *юсъ* г. Павскій (I, стр. 32) считаетъ за греч. *ους*, которое значить будто бы *ихъ* (лат. *eos*). Онъ находитъ, что это названіе выбрано весьма удачно, потому что въ формѣ *ους* скрывается носовой звукъ (= *ους*). Но г. Павскій забылъ, что *ους* (*ους*) есть винит. множ. *относительнаго* мѣстоименія, и что звукъ *υ* въ составѣ этой формы открытъ только посредствомъ сравненія съ санскритскимъ. Другая носовая буква *Ѧ* также значить будто бы *ихъ* (какъ обольстительно кстати!), если не въ греческомъ, такъ въ старославянскомъ. Но винит. множ. славянскаго мѣстоименія 3-го лица, по правильной орфографіи, пишется не *Ѧ*, а *ѦА*, и это *ѦА* въ кирилловской азбукѣ занимаетъ особенное мѣсто возлѣ *Ѧ*.

мягче въ *молоки*, чѣмъ въ *молока*; такое же различіе замѣтно въ выговорѣ *ы* въ формахъ *мыла* и *мыли*, въ выговорѣ *і* въ формахъ *била* и *били*, и наконецъ въ выговорѣ *у* въ формахъ *дула* и *дули*. Кому измѣняетъ слухъ, пусть тотъ замѣтитъ положеніе рта при выговорѣ: оно весьма значительно измѣняется при выговорѣ одного и того же слога (*ба, ло, мы, би, ду*), смотря по тому, какая слѣдуетъ за нимъ согласная, смягченная или несмягченная. Тотъ же звукъ, какой даютъ гласныя *а, о, у* предъ смягченною согласною, слышенъ и въ двугласныхъ: *ай* (напр. *дай*), *ой* (*мой*), *уй* (*пожалуй*). *А, о, у*, съ предыдущею смягченною согласною, или, по обыкновенному правописанію: *я, ё, ю*, при разсматриваемыхъ условіяхъ также измѣняются: *я* въ словѣ *мляю*, кромѣ смягченія предыдущей согласной, выговаривается точь-въ-точь какъ *а* въ *бабы*; *я* въ *мляи* — какъ *а* въ *бани*; *ё* въ *зелёный* — какъ среднее *о* въ *молока*; *ё* въ *идёте* — какъ *о* въ *молоки*; *ю* въ *мото* — какъ *у* въ *дула*; *ю* въ *моди* — какъ *у* въ *дули*.

Меня упрекнуть, можетъ быть, за то, что я, замѣчая двоякое свойство русскихъ *а, о, у, і, ы*, не упомянулъ объ этомъ въ полномъ перечнѣ буквъ въ первой статьѣ. Дѣйствительно, соблюдая строго логическую послѣдовательность, тогда же надобно было отдѣлить твердыя гласныя отъ смягченныхъ; но я боялся возстановить противъ себя читателя, обременяя его, пока онъ еще не отказался отъ *своихъ* мягкихъ гласныхъ, пятью новыми буквами, о которыхъ я не могъ тогда въ короткихъ словахъ сообщить точнаго понятія. Да я и не думаю, чтобы нужно было обозначать эти смягченныя особенными буквами, потому что смягченіе ихъ при извѣстныхъ условіяхъ является постоянно, и, стало быть, два-три слова въ грамматикѣ могутъ отстранить всякое недоразумѣніе. Вводить на письмѣ различіе между *е* и *я* итъ прямой необходимости, но, можетъ быть, нельзя и отсовѣтовать, потому что во многихъ языкахъ эти двѣ буквы стоятъ въ алфавитѣ отдѣльно, и появленіе той или другой не подчинено опредѣленнымъ правиламъ, какъ въ русскомъ. Но чѣмъ меньше нужно заботиться о принимаемыхъ мною мягкихъ гласныхъ, тѣмъ строже надобно, съ другой стороны, отмѣчать каждую смягченную согласную, когда она стоитъ предъ другою согласною, потому что во многихъ случаяхъ уловить смяг-

ченіе согласной гораздо труднѣе, чѣмъ замѣчать смягченіе гласныхъ. Безъ обозначенія этого смягченія письмо слишкомъ неполно изображаетъ живой выговоръ и легко можетъ подавать поводъ къ неправильному произношенію, потому что въ случаѣ затрудненія обыкновенно ссылаются на авторитетъ письма. Если въ словѣ *естественный* оба *с* и оба *т* выговариваются смягченно, то на письмѣ непременно надобно отмѣтить это смягченіе, потому что смягченныя согласныя не всегда смягчаютъ предыдущую согласную. Сверхъ того, бываютъ даже такіе случаи, что согласная выговаривается смягченно предъ твердою согласною: въ обыкновенномъ правописаніи и въ этихъ случаяхъ смягченіе согласной остается необозначеннымъ, какъ напр. въ словѣ *первый*, которое произносятъ *первьий*. Частое повтореніе *ь* было бы не только отяготительно для зрѣнія, но и занимало бы слишкомъ много мѣста. Для избѣжанія этого неудобства, *ь* можно бы вообще замѣнить диакритическимъ знакомъ надъ —, или подъ смягченными буквами. Если бъ и это оказалось для обыкновеннаго употребленія неудобнымъ, то, мнѣ кажется, можно по всей справедливости требовать, чтобы по крайней мѣрѣ въ полномъ словарѣ и въ подробной грамматикѣ русскаго языка, вмѣстѣ съ общепринятымъ правописаніемъ, гдѣ оно неточно передаетъ выговоръ, ставилось въ скобкахъ строго вѣрное правописаніе, которое не оставляло бы никакого недоразумѣнія на счетъ произношенія. Если бъ наши предки обращали вниманіе на такія ничтожныя, по видимому, мелочи, они много убавили бы труда у нынѣшнихъ лингвистовъ. Знаю очень хорошо, какъ трудно надѣяться передать потомству точное понятіе о звукахъ языка, потому что съ теченіемъ времени много измѣняются и тѣ языки, звуками которыхъ мы пользуемся для объясненія своего выговора; по лингвисту иногда нужно не столько точное знаніе живаго выговора мертваго знака, сколько то, чтобы мертвая буква всегда означала одинъ и тотъ же звукъ, и чтобы такимъ образомъ каждый звукъ изображался особеннымъ знакомъ.

Послѣловіе. Когда эта статья была почти вся уже набрана, одному изъ моихъ друзей, съ которымъ я не разъ говорилъ о разсматриваемой здѣсь сторонѣ русскаго языка, совершенно случайно попала подъ руку «Этимологическая часть русскої грамматики для Нѣмцевъ», Николича (Etymologischer Theil der russischen Grammatik, bearbeitet für Deutsche. Zweite, verbesserte und vermehrte Auflage. Mitau und Leipzig, 1851). Онъ тотчасъ пробѣжалъ тѣ мѣста книги, гдѣ говорится о выговорѣ буквъ, и въ § 11 нашелъ указаніе на статью въ Журналѣ Мин. Народн. Просв. 1847. Ч. LVI, отд. VI, стр. 250, въ которой сообщена въ извлеченіи (изъ Спб. Вѣд. 1847, № 173) статья профессора гельсингфорскаго университета, г. Грота: «О произношеніи буквъ е, ѣ, э». Прочитавъ эту статью, я вмѣняю себѣ въ обязанность объявить, что профессоръ Гротъ уже въ 1847 году нашелъ различіе въ выговорѣ е, ѣ и э, и объяснялъ это различіе вліяніемъ слѣдующихъ за ними буквъ. Только въ одномъ я не могу согласиться съ г. Гротомъ: онъ слишкомъ много придаетъ важности гласной слѣдующаго слога. Эта гласная имѣетъ вліяніе на выговоръ разсматриваемыхъ буквъ только потому, что смягчаетъ согласную, слѣдующую за ѣ и е непосредственно или посредственно. Гдѣ вліяніе смягчающей гласной не достигаетъ до согласной, непосредственно слѣдующей за ѣ и е, какъ въ словѣ *крѣпки*, приводимомъ самимъ г. Гротомъ, тамъ, не смотря на мягкую гласную въ слѣдующемъ слогѣ, ѣ и е выговариваются какъ *ä*. По этой причинѣ я не могу одобрить и того, что г. Гротъ, считая этотъ законъ русскаго выговора неприменимымъ къ другимъ языкамъ, приводитъ, въ подтвержденіе того, *verschmähen* и *Aehnen* изъ нѣмецкаго, и *agrêter, mêler, rêcher* изъ французскаго языка. Если бы Русскіе могли выговаривать такъ называемыя *мягкія гласныя* безъ смягченія предыдущей согласной, какъ Нѣмцы и Французы, то и они допускали бы звукъ *ä* въ предыдущемъ слогѣ, не смотря на *е* въ слѣдующемъ. Смягченія гласныхъ *a, o, y, i, ы* предъ смягченною согласною г. Гротъ, кажется, не замѣтилъ: у него нѣтъ ничего подобнаго, хотя упомянуть объ этомъ было совершенно кстати. Его статья, отличающаяся ловкимъ и яснымъ изложеніемъ, такъ мало обратила на себя вниманія, что моеї статьѣ не поздно было явиться

даже и въ томъ случаѣ, если бы въ ней не было ничего новаго. Г. Николичъ, зная статью г. Грота, заимствовалъ изъ нея только самыя маловажныя вещи, о которыхъ говорятъ и другіе грамматики, но вовсе не упомянулъ о видоизмѣненіи выговора *e*, *ь* и *э*: этого я не могу оставить безъ замѣчанія.

III.

О буквахъ Ъ, Ь и Ы.

Сколько ни писали о прежнему и нынѣшнему значеніи *ѣ* и *ь*, мнѣнія ученыхъ все еще различны. Тогда какъ нѣкоторые приводятъ убѣдительныя доказательства, что при началѣ славянской письменности *ѣ* и *ь* значили короткія гласныя, одинъ — *твердую*, другой — *смягчающую*, а нынѣ обѣ эти буквы служатъ только для обозначенія *твердаго* и *мягкаго* выговора согласныхъ, другіе ученые утверждаютъ, что *ѣ* и *ь* остаются полугласными и донынѣ. По третьему мнѣнію, которое, кажется, принадлежитъ собственно г. Павскому, *ѣ* и *ь* при началѣ письменности означали будто бы не гласныя, а придыханія, и сохранили это значеніе донынѣ. Такъ какъ этотъ взглядъ принятъ нѣкоторыми учеными, то не бесполезно будетъ раскрыть его неосновательность, что я и предпринимаю въ настоящей статьѣ. При этомъ мнѣ будетъ кстати высказать свое мнѣніе о выговорѣ *ѣ*, *ь*, и *ы* при изобрѣтеніи славянскаго алфавита. Въ четвертой статьѣ, въ которой я предполагаю разсмотрѣть такъ называемый послѣположительный славянскій членъ *ѣ, а, о*, я снова возвращусь къ *ѣ* и *ь*.

«Гласныя» — говоритъ г. Павскій¹⁾ — «справедливо называютъ *душею*, а согласныя ихъ *тѣломъ*. Какъ душѣ человѣческой тѣло даетъ ограниченность и опредѣленность, а безъ тѣла «нельзя ощущать ея дѣйствій, такъ и гласныя буквы не могутъ «быть слышимы, доколѣ дыханіе, выходящее изъ груди, не

1) I, стр. 39 и слѣд.

«приразится къ которой либо части усть и не получить опредѣ-
 «леннаго звука. Звукъ, происшедшій отъ прираженія дыханія
 «къ устамъ, если онъ слабъ и едва примѣтенъ, называется *при-*
 «*дыханіемъ*; если же онъ твердъ и совершенно ясень, называет-
 «ся *согласною* буквою.» Изъ этого понятія г. Павскій выводитъ
 заключеніе, что «у всякаго органа усть есть свое придыханіе,
 «равно какъ есть свои согласныя. Гортанное придыханіе изоб-
 «ражается буквою *ъ*, гортанны-небное буквою *ь* (*й*), губное
 «буквою *в*, зубное буквами *с*, *р*, язычное буквою *л*, носовое бук-
 «вами *м*, *н*. Изобрѣтатель славянской азбуки не далъ особеннаго
 «почерка придыханіямъ и полусогласнымъ *в*, *с*, *р*, *л*, *м*, *н*» (да
 и зачѣмъ давать, если по звуку они были совершенно одинаковы
 съ полными согласными?), «и не отличилъ ихъ особеннымъ
 «именемъ отъ полныхъ согласныхъ, какъ это сдѣлали латин-
 «скіе грамматикъ, назвавшіе такія буквы именами *ef*, *es*, *er*, *el*,
 «*em*, *en*.» *Ъ* и *ь*, по выраженію г. Павскаго, — «безотлучныя
 «спутники и намѣстники гласныхъ. Отъ нихъ зависитъ *твер-*
 «*дый* и *мягкій* выговоръ гласныхъ. Придыханіе *ъ* образуется
 «въ гортани при самомъ выходѣ дыханія изъ груди, но само
 «остается *дебелымъ*, *неопредѣленнымъ* и *едва примѣтнымъ*²⁾.
 «Когда же дыханіе, вышедъ изъ груди и оставаясь гортаннымъ,
 «частію приразится къ верхней части усть, тогда придыханіе
 «получаетъ больше опредѣленности и сжатости, и дѣлается тон-
 «кимъ *ь*. Придыханіями *ъ* и *ь* отмѣчается твердый и мягкій вы-
 «говоръ не однихъ гласныхъ, но и согласныхъ. При гласныхъ

2) *Дебелымъ* и все-таки *едва примѣтнымъ*! Удивляюсь, какъ это удалось г. Павскому, такъ часто не замѣчающему русскихъ звуковъ, вслушаться въ нынѣшній звукъ *ера*, о которомъ я не могу составить себѣ даже темнаго представленія. По мнѣнію другаго ученаго (въ Ж. М. Н. Пр. XLVIII, Отд. II, стр. 152), еще Пушкинъ будто бы замѣтилъ, что въ междометіи *гмъ* *ь* есть гласная буква, и вслѣдствіе того въ известномъ стихѣ:

Гмъ — гмъ! читатель близгородный,

повторилъ это междометіе въ качествѣ двухъ слоговъ. Кромѣ того, звучный *ь* слышится, по мнѣнію г. Срезневскаго (*Мысли объ И. Р. Я.* стр. 31), еще въ междометіи *бръ* и въ выговорѣ *члаекъ* (вм. *человѣкъ*). Чтобы предупредить всякое недоразумѣніе, прибавлю, на основаніи личнаго объясненія съ г. Срезневскимъ, что онъ приписываетъ выговоръ древней полугласной не столько самой буквѣ *ъ* на концѣ помянутыхъ междометій, сколько ихъ выговору вообще, и что это именно хотѣлъ онъ сказать въ обоихъ, указанныхъ нами, мѣстахъ своихъ сочиненій. Онъ согласился со мною, что эти междометія выговариваются собственно, какъ *гъм* и *бър*, разумѣя подъ буквою *ъ* глухую, едва слышную гласную.

«буквахъ они слышатся *впереди*, а при согласныхъ *позади* буквъ. «Стоя предъ гласными, онѣ являются въ собственномъ своемъ видѣ, какъ придыханія, а послѣ гласныхъ онѣ служатъ и придыханіями и вмѣстѣ намѣстниками гласныхъ. Дебелое придыханіе замѣняетъ гласную *твердую*, а тонкое ѵ — гласную *мягкую*, какую бы то ни было.»

Не буду заводить спора съ г. Павскимъ изъ-за того, что сперва онѣ представляетъ придыханія какими-то едва слышными звуками, а потомъ причисляетъ къ нимъ рѣзко опредѣленные звуки *с, р, л* и т. д.; но набросаю нѣсколько вопросовъ, которые, при взглядѣ на его теорію, рождаются сами собою. Если *ѣ* и *ѵ* значатъ придыханія, и если гласная непременно должна имѣть предъ собою или придыханіе, или согласную, то почему *ѣ* и *ѵ* вовсе не встрѣчаются въ началѣ слога ни въ нынѣшнемъ русскомъ, ни въ старославянскомъ? Почему св. Кириллъ ни одного славянскаго слова, начинающагося гласною, не снабдилъ еромъ или еремъ³⁾, когда въ своемъ природномъ, греческомъ языкѣ онѣ видѣтъ въ началѣ словъ или согласную, или придыханіе? Почему *ѣ*, будучи придыханіемъ, является въ русскомъ языкѣ только на концѣ словъ и притомъ всегда послѣ согласной? Почему *ѣ* и *ѵ*, бывъ придыханіями въ старославянскомъ, въ срединѣ и въ концѣ словъ всегда имѣютъ *впереди* себя согласную и никогда не имѣютъ *послѣ* себя гласной?⁴⁾ Зачѣмъ было св. Кириллу обозначать особенною буквою нормальный несмягченный выговоръ согласныхъ въ славянскомъ, когда этотъ выговоръ ни въ греческомъ, ни въ другихъ извѣстныхъ ему языкахъ не имѣлъ для себя особеннаго знака? Почему онѣ, отмѣчая особеннымъ знакомъ нормальный выговоръ согласныхъ, не счелъ этого нужнымъ для гласныхъ? Почему *ѵ*, будучи придыханіемъ въ нынѣшнемъ русскомъ, является только на концѣ словъ послѣ согласныхъ, или и въ срединѣ слова, но передъ *мягкими* гласными, которыя, по мнѣнію самого г. Павскаго, уже снабжены придыханіемъ (*j*)? По какому праву утверждаетъ также г. Павскій, что *а* въ на-

3) Во II Б. стр. 271 говорится, что изобрѣтатель слав. азбуки не снабдилъ гласныхъ *а, о* буквою *ѣ* въ видѣ придыханія, потому что «*поступалъ робко*».

4) Къ буквѣ *ы* я возвращусь послѣ; *тѣи, дѣрзи* — суть сложные слова, въ которыхъ *ѣ* составляетъ окончаніе перваго слова. Въ сочетаніяхъ: *ѣи, ѣи, ѣи*, *ѵи, ѵи* стоятъ не передъ гласною, а передъ *j*.

чалъ слова значить *ѡа*, а *я* — *ѡа*⁵⁾, когда такъ не писалось ни въ одномъ славянскомъ нарѣчїи, ни въ какомъ періодѣ языка? По какому праву онъ принимаетъ *ѡ* и *ѣ* за одно и то же между собою и съ буквою *ј*, когда *ѡ* и *ѣ* никогда не замѣняютъ другъ друга и оба одинаково не имѣютъ выговора *ј*?⁶⁾ Вѣроятно ли, чтобы буква *ѣ* значила придыханіе, когда она всегда ставится только *послѣ* гласной, а не *предѣ* гласною? Не довольно ли даетъ знать самъ изобрѣтатель этой буквы, что принимаетъ ее за гласную, употребивъ для нея начертаніе буквы *и* и названіе: *и съ краткой*?

Въ опроверженіе тѣхъ, которые называли *ѡ* и *ѡ* *безгласными* буквами, г. Павскій⁷⁾ спрашиваетъ: что же могло побудить изобрѣтателя славянскої азбуки вводить въ нее безгласныя буквы? — и въ подтвержденіе того, что *ѡ* и *ѡ* имѣли свой собственный звукъ, приводитъ различный выговоръ словъ: *сѡль* и *сѡль*, *князь* и *князь*.

Кто принимаетъ *ѡ* и *ѡ* въ нынѣшнемъ русскомъ за безгласныя буквы, тотъ еще не говоритъ, что и при началѣ славянскої письменности эти буквы не имѣли собственнаго звука. Кто же, напротивъ, отрицаетъ у *ѡ* и *ѡ* всякій самостоятельный звукъ въ нынѣшнемъ русскомъ, тотъ совершенно правъ. Кто скажетъ, что *мѡ* въ словѣ *кѡмѡ* и *сѡ* въ словѣ *здѡсь* даютъ иной звукъ, чѣмъ нормальный видъ буквы *м* въ *мою* и смягченное *с* въ словѣ *сѡдь*? Правда, г. Павскій готовъ увѣрять, что *мою* пишется вмѣсто *мѡю*, *сѡдь* вмѣсто *сѡдь*; но онъ никакъ не разрѣшитъ вамъ загадки, почему этого правописанія нѣтъ и не бывало ни встарину, ни нынѣ. А изъ того, что г. Павскій въ подтвержденіе звучности *ѡ* и *ѡ* приводитъ различіе выговора въ словахъ: *сѡль* и *сѡль*, я усматриваю, хотя это и тяжело мнѣ выговорить, что нашъ ученый, въ другихъ случаяхъ столь проникательный, на этотъ разъ вовсе не понялъ существа русскої орфографїи. Спору нѣтъ, что *сѡль* и *князь* произносятся иначе, чѣмъ *сѡль* и *князь*, и что различіе выговора здѣсь обозначается вставкою *ѡ* и *ѡ*; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы *ј*, слышимый въ

5) I, стр. 50.

6) Не приведутъ ли противъ этого дурное правописаніе заимствованныхъ словъ: *майорѡ*, *Дейкоѡ*, *Йоркѡ* (у Павскаго I, стр. 51)?

7) I, стр. 41, прим.

съль и *князь*, изображался тѣмъ или другимъ изъ этихъ знаковъ. *Ъ* и *ь* въ этихъ случаяхъ — просто знаки для глазъ, искусственные слогоотдѣлители, которые показываютъ читателю, что гласнымъ *ь* и *я* онъ долженъ дать свойственный имъ въ началѣ слога звукъ *jā* и *ja*, и что предыдущая согласная въ одномъ случаѣ должна быть произнесена *твердо*, а въ другомъ *смягченно*. И вотъ причина, почему *ѣ* въ словахъ, сложенихъ съ предлогомъ, оканчивающихся согласною, придается къ этой согласной обыкновенно только тогда, когда другая часть сложнаго слова начинается такъ называемою мягкою гласною. Пишутъ всегда: *объяте, подьемъ, разьхаться*, потому что *я, е* и *ь* выговариваются различно, смотря по занимаемому ими мѣсту, въ началѣ слога, или послѣ согласной. Наоборотъ, пишутъ: *подучить, обучать, разучить*, потому что *а, о* и *у* въ началѣ слога выговариваются точно также, какъ и послѣ согласной⁸⁾. *Ъ* въ словѣ *съль* точно также не имѣетъ собственного звука, какъ слогоотдѣлительный знакъ въ словѣ *auf-essen*, который показываетъ здѣсь, что *f* принадлежитъ къ первому слогу, а не ко второму, какъ это бываетъ въ словахъ несложныхъ. Что и *ь* не значить звука *j*, видно, между прочимъ, изъ того, что иностранныя слова: *Julianus, Tatiana, Соф'я, Massillon, pavillon*, въ русскомъ правописаніи являются въ формѣ: *Ульянъ, Татьяна, Соф'я, Массильонъ* или *Массильюнъ, навильюнъ* или *навильюнъ*⁹⁾, а не *Ульянъ, Татьяна, Соф'я, Массильонъ, навильонъ*. Я взялъ эти примѣры у г. Павскаго, который приводитъ ихъ въ подтвержденіе того, что, по закону русской фонетики, тонкое придыханіе *ь* является предъ гласною только тогда, когда эта гласная мягкая. Выраженный такимъ образомъ законъ касается самой вышней стороны, только той, которая доступна зрѣнію. Возводя

8) Пишутъ также: *сзульте, сзузить* и т. д., но для чего, мнѣ не совсѣмъ ясно.

9) Такъ пишетъ г. Павскій, I, стр. 31. Я, съ своей стороны, нисколько не усомнился бы предпочесть правописаніе: *Массильюнъ* и *навильюнъ* (такъ и пишется это слово въ Академическомъ Словарѣ): это правописаніе освобождаетъ отъ чуждой русскому алфавиту буквы *j*, а букву *й*, имѣющую совсѣмъ иное назначеніе, чѣмъ *j*, устраняетъ отъ несвойственнаго ей мѣста въ началѣ слога. Еще проще было бы писать: *Массильёнъ, навильёнъ*. Кто же пишетъ: *навильюнъ*, т. е. *пав'и'-он*, тотъ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, долженъ также писать: *Ульянъ, Татьяна, Соф'я* и *князь*.

это явлєніє къ его истинному значенію, я нахожу, что въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ ъ въ срединѣ словъ, подобно ъ-у, есть слогоотдѣлительный знакъ; что онъ, конечно, означаетъ смягченіє предыдущей согласной, но вовсе не имѣетъ собственнаго звука, и что, наконецъ, въ русскомъ языкѣ, какъ и во многихъ другихъ, слогъ, начинающійся гласною, внутри слова никогда не можетъ слѣдовать за слогомъ, оканчивающимся согласною, то-есть, что простая согласная въ срединѣ словъ принадлежитъ къ слѣдующему слогу, а не къ предыдущему; слово *князь* напр. по законамъ русской орфографіи можно не иначе произнести, какъ *князь-а*, а форму *князь* — *князь-я* (съ звукомъ согласной въ началѣ втораго слога: *кн'аз'-ја*). Если мнѣ возразить, что въ выговорѣ формы *князь-я* з переходитъ ко второму слогу, я допущу это, но, не смотря на то, буду утверждать, что орфографія предписываетъ произносить *князь-я*, потому что только такимъ образомъ можетъ быть выраженъ на письмѣ надлежащій выговоръ; *быю* и *сълъгъ* по произношенію также односложны, а между тѣмъ письмо представляетъ эти слова двусложными, потому что ъ и ю только въ началѣ слога имѣютъ полный звукъ *ја* и *ју*¹⁰⁾. Эти примѣры должны также показать, какія противорѣчія между письмомъ и выговоромъ производятъ въ русскомъ языкѣ недостатокъ особеннаго знака для буквы *ј*.

Г. Павскій, какъ мы уже видѣли, допускаетъ¹¹⁾, что ъ и ѳ ставятся и для того, чтобы показать *твердый* или *смягченный* выговоръ предыдущей согласной. Происхожденіє этого употребленія онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Изобрѣтатель нашей азбуки замѣтилъ, что въ славянскомъ языкѣ не только гласныя, но и согласныя имѣютъ *твердый* и *мягкій* выговоръ, и «что различный выговоръ согласныхъ зависитъ отъ слѣдующей гласной. Но извѣстно, что согласная буква не всегда имѣетъ «при себѣ гласную; она часто лишается ея по разнымъ причинамъ и примыкаетъ къ чужой гласной, стоящей близъ ея. Недостатокъ гласной нечувствителенъ для согласной буквы, по-

10) Если бѣ и надобно было допустить какой нибудь собственный звукъ въ буквѣ ъ въ словѣ *сълъгъ*, и въ ѳ въ словѣ *князь*, то здѣсь возможенъ только одинъ звукъ — *ј*. Стало быть, для обѣихъ буквъ былъ бы одинъ и тотъ же звукъ!

11) I, стр. 53.

«тому что она легко можетъ быть слышима и при пособіи чужой гласной. Но если бы она съ потерею своей гласной потеряла и признакъ своего твердаго или мягкаго произношенія, то эта потеря была бы для нея немаловажна. И потому для сохранения твердаго или мягкаго произношенія согласныхъ буквъ, «лишившихся своей гласной, изобрѣтатель словенской азбуки на мѣстѣ опущенной гласной оставлялъ по крайней мѣрѣ ея придыханіе. Когда опускалась гласная твердая, тогда онъ оставлялъ на ея мѣстѣ *ъ*; когда мягкая, тогда — *ь*. И дѣйствительно, въ древнихъ рукописяхъ при каждой согласной буквѣ видимъ или гласную, или знакъ ея отсутствія — *ъ* и *ь*. Тогда писали: «правдѣныхъ, срдѣца, оусѣпѣ, сѣниде и т. п. Нынѣшніе правописатели, избѣгая частаго повторенія *ъ*-а и *ь*-я, удержали ихъ только на концѣ словъ, а *ь* допускаютъ и въ срединѣ, когда онъ слышенъ. Прежде писали: ползныи, много, никто, нынѣ пишутъ: *полный, много, никто*. Но въ *вольный* и *горько* и т. д. нынѣшнее правописаніе однаково съ древнимъ.»

Гдѣ много свѣту, тамъ много и тѣни. Это изреченіе вполне оправдывается филологическими изысканіями г. Павскаго, которыя то бросають яркій свѣтъ на область, до тѣхъ поръ темную, то опять сгущають туманъ, который началъ-было разсѣваться.

По какому праву г. Павскій увѣряетъ, что сочетанія изъ двухъ или трехъ согласныхъ въ одномъ слогѣ произошли отъ опущенія между ними гласныхъ? На какомъ основаніи утверждаетъ, будто въ древнихъ рукописяхъ каждая согласная имѣла при себѣ или гласную, или одно изъ придыханій, когда уже имъ самимъ приведенные примѣры (*правдѣныхъ, срдѣца*) обличають невѣрность этого предположенія? Если *ъ* и *ь* означали только твердый и мягкій выговоръ согласныхъ и отнюдь не были гласными, то какъ же произносились слова: *вѣзѣкъ, шѣвѣчѣкъ, чѣгда, чѣжде, вѣ чѣ дѣнѣ*? Откуда могъ знать изобрѣтатель азбуки, что въ словахъ *вѣ, чѣ, дѣнѣ* и т. д. выпущена гласная, когда эти слова въ его время никогда не являлись съ полною гласною, и когда славянскій языкъ, не имѣвшій до него письма и литературы, онъ могъ знать только въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ его время?

Г. Павскіи хочетъ рѣшить эту загадку, предполагая, что изобрѣтатель славянской азбуки ставилъ *ѣ* и *ь* и тамъ, гдѣ нынѣ являются такъ называемыя «бѣглыя» гласныя *о* и *е*, и предоставлялъ самому читателю догадываться, гдѣ надобно прибавить въ выговорѣ *о* и *е*. Но это вовсе не значитъ, замѣчаетъ г. Павскіи, «будто бы *ѣ* и *ь* когда-то были краткими гласными и выговаривались за *о* и *е*. Если *ѣ* и *ь*» продолжаетъ г. Павскіи, «были «то же, что краткія гласныя *о* и *е*, то слова: *сърдцѣмѣ*, *дньсь*, «*дѣлѣжникомѣ*¹²⁾, *мѣнѣ*, какъ они писаны въ Остромировомъ Евангеліи, слѣдовало бы выговорить: *сердцеце*, *денесе*, *доложникомо*, «*монѣ*, на что едва ли кто согласится. Впрочемъ древняя система правописанія стала мало по малу истребляться отъ того, «что бѣглыя буквы *о* и *е*, требуемыя для удобства произношенія и доразумѣваемыя читателемъ, писцы осмѣлились выставить открыто. Въ нынѣшнемъ правописаніи принято писать «бѣглыя гласныя *о* и *е* вездѣ, гдѣ онѣ слышны. Встарину легко «было склонять: *зѣмѣ*, *зѣмы* и *козѣ*, *колы*; а теперь, когда и въ «словѣ *золѣ* пишется *о*, при склоненіи надобно предварительно «сказать, что въ словѣ *золѣ* гласная *о* бѣглая, а въ словѣ *воль*, «напротивъ, *постоянная*. Природному Русскому легко узнавать «бѣглость буквъ *о* и *е*; но есть случаи, гдѣ бѣглость сихъ буквъ «и Русскіи можетъ узнать только при помощи древнихъ рукописей. Такъ напр. въ окончаніяхъ твор. ед. муж. и средн. *омѣ*, «*емѣ*, гласныя *о* и *е* суть бѣглыя, потому что въ старинныхъ «рукописяхъ пишется *ѣмѣ* и *ѣмѣ*; точно также бѣглость *е* въ *пер-* «*выи*, *сердце*, *дверь*, *пришедшии*, *воскресѣ* узнается только изъ старинныхъ формъ: *пѣръви*, *сърдѣце*, *дѣръвѣ*, *шѣдѣше*, *вѣскръсѣ*»¹³⁾.

Кто выдаетъ *ѣ* и *ь* за короткія *о* и *е*, тотъ, конечно, долженъ прежде сдѣлать сколько нибудь вѣроятнымъ, что *о* и *е* въ старославянскомъ были долгими гласными (чему однако жъ немного можно привести доказательствъ); потому что иначе трудно было бы понять, зачѣмъ употребляли одинъ разъ *о* или *е*, а въ другой — *ѣ* или *ь*. Но если г. Павскіи ничего не находитъ возразить противъ формы *сердцеце* и др., кромѣ того, что «на это

12) Въ Остромировомъ Евангеліи стоитъ: *дѣлѣжникомѣ*, вмѣсто чего, по всей справедливости, надобно читать: *дѣлѣжникомѣ*.

13) I, стр. 71 и далѣе.

едва ли кто согласится», то я долженъ объявить этотъ аргументъ чрезвычайно слабымъ. Старославянскую форму нельзя считать неправильною потому только, что она кажется странною нынѣшнему русскому слуху. Что же касается замѣны *era* и *erya* гласными *o* и *e*, допускаемой переписчиками въ срединѣ словъ, то они отваживались на это не изъ самонадѣянныхъ притязаній исправлять старинныя ошибки, а потому что въ ихъ время *z* и *ь* на концѣ словъ потеряли свой самостоятельный звукъ, а въ срединѣ словъ перешли въ гласныя *o* и *e*. Если нынѣ иностранцу нужны особенныя правила, чтобъ онъ понялъ, когда бѣглыя *o* и *e* въ склоненіи и въ словопроизводствѣ выпускаются, то въ древнія времена онъ долженъ былъ также изъ правилъ узнавать, гдѣ должно *писать* *o* и *e*, и гдѣ *z* и *ь*, если допустимъ съ г-мъ Павскимъ, что въ *zълз* послѣ *z* слышалась гласная, что, конечно, и не могло быть иначе, а въ *zълы* *z* былъ безгласнымъ. Притомъ, не слишкомъ ли смѣло — увѣрять, что св. Кириллъ писалъ *лвѣз* и *zълз* вм. *лѣвѣ* и *zълз* для того, чтобы Славянамъ легче было производить родительный и другіе падежи, тогда какъ въ то же время онъ предоставлялъ имъ угадывать, какою гласною надобно произносить *z* и *ь* въ именительномъ? Если *o* и *e* въ окончаніяхъ творительн. единств. *омъ* и *емъ*¹⁴⁾ и въ словахъ: *первый*, *сердце*, *дверь*, *пришедшій*, *воскресъ*, называются бѣглыми только потому, что встарину писались вмѣсто ихъ *z* и *ь*, и если г. Павскій допускаетъ, что въ старинномъ правописаніи этихъ словъ и формъ всегда слышалось въ выговорѣ *o* и *e*, или какая нибудь другая гласная, то, стало быть, только въ отношеніи къ позднѣйшему письменному употребленію *o* и *e* вмѣсто *z* и *ь* можно утверждать, что въ древности *z* и *ь* означали въ этихъ случаяхъ бѣглыя гласныя. Но изобрѣтатель азбуки писалъ: *хлѣкъмѣ*, *двѣрь* и *шѣдъше* вовсе не для того, чтобы ввести въ заблужденіе нынѣшнихъ грамматиковъ, чтобы они объявили *o* въ *хлѣбомъ* и *e* въ *дверь* и *шедшій* бѣглыми; онъ писалъ такъ, какъ писалъ бы на его мѣстѣ всякій здравомыслящій, предположивъ

14) Что въ этомъ окончаніи предъ буквою *л* въ древнѣйшія времена была гласная, видно изъ сравненія его съ твор. падежемъ именъ, кончающихся на *д*: *женсѣ*, *кодсѣ*, *вадыксѣ*, гдѣ *ѣ*, происшедшій изъ *мд* съ предыдущею гласною (ср. Павскаго, I, стр. 281 и далѣе), слѣдуя за гласною, долженъ принять *ј*, который, для избѣжанія зыблѣ, является и въ другихъ случаяхъ.

себѣ задачей — образовать письменность для языка, до тѣхъ поръ только изустнаго; онъ писалъ, однимъ словомъ, такъ, какъ говорилъ. А если онъ писалъ такъ, какъ говорилъ, то *з* и *ѣ* были вовсе не придыханія, а гласныя.

А, о, у въ выговорѣ будто бы то же, что *ѣа, ѣо, ѣу*, лат. *ha, ho, hu*, греч. *ἄ, ὄ, οὔ*¹⁵⁾. Начертанія *з* и *ѣ* произошли, говорятъ, изъ гр. *Н = h*¹⁶⁾.

Если *а, о, у = лат. ha, ho, hu, = греч. ἄ, ὄ, οὔ*, то какое значеніе дать лат. *а, о, и* и греч. *ἄ, ὄ, οὔ*? Въ старославянскомъ и русскомъ нѣтъ лат. *h* или греч. густаго придыханія (*spiritus asper*), вслѣдствіе чего лат. *ha, ho, hu*, Славяне передаютъ простыми *а, о, у*, оставляя безъ всякаго вниманія придыхательное *h*: слѣдуетъ ли заключать изъ этого, что славянскія *а, о, у* выговариваются какъ латинскія *ha, ho, hu*? Французъ говоритъ *aben* вмѣсто нѣмецкаго *haben*: изъ этого, конечно, никто не выведетъ заключенія, что французское *a* одинаково съ нѣмецкимъ *h*. Такъ какъ мы видѣли, что вся теорія придыханій г. Павскаго способна только запутывать, ничего не объясняя, то естественно отпадаетъ всякая охота производить *з* и *ѣ* отъ *Н* и *h*. Другой ученый, г. Катковъ, находя въ своихъ изслѣдованіяхъ, что *з* въ этимологическомъ отношеніи состоитъ въ близкомъ сродствѣ съ *оу*, и убѣдясь, что *з* есть рѣшительно краткій звукъ, соотвѣтствующій долготу *оу*, склоняется въ пользу связи между буквою *з* и губными согласными *к* и *ѣ*¹⁷⁾. Я охотно допускаю между ними этимологическое сродство, но, по моему мнѣнію, оно не даетъ еще права сблизать эти звуки между собою и въ фонетическомъ отношеніи.

Послѣ того, какъ всѣ явленія такъ рѣшительно говорятъ противъ теоріи придыханій г. Павскаго, намъ ничего не остается, какъ только принять съ большинствомъ славянистовъ, что *з* и *ѣ* въ старославянскомъ при началѣ письменности были гласными буквами. Но вразсужденіи выговора этихъ буквъ ученые несогласны между собою. Копптаръ¹⁸⁾ приписываетъ буквѣ *з* звукъ шѣмьющаго (*mutescens*) *о*, а *ѣ* — звукъ такого же

15) I, стр. 24.

16) I, стр. 23.

17) *Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка*, стр. 23 въ прим.

18) *Glagolita Clozianus*, стр. 48 и 31. b.

e (*i*), и сравниваетъ ихъ въ срединѣ словъ съ еврейскою *shoio*. Шафарикъ и Палацкій¹⁹⁾ сравниваютъ *z* съ слабымъ *o*, а *z* съ слабымъ *e* и *i*, и предполагаютъ, какъ общезвѣстный фактъ, что составитель кирилловской азбуки принималъ за основаніе нѣкоторые восточные языки, въ которыхъ каждый слогъ требуетъ окончанія гласною (!), полною или глухою; для того онъ изобрѣлъ *z* и *z*, по аналогіи арм. *Jet*. Миклошичъ²⁰⁾ принимаетъ *z* и *z* за короткія *u* и *i*; частый переходъ *o* въ *z*, *e* въ *z* и обратно, онъ объясняетъ тѣмъ, что короткія *u* и *i* едва ли отличаются отъ *o* и *e*, при скоромъ произношеніи послѣднихъ. При составленіи древнѣйшей славянской азбуки, какою г. Миклошичъ считаетъ глаголицкую, таковъ, безспорно, былъ, по его мнѣнію, выговоръ *z* и *z* въ устахъ народа; но мало по малу онъ сталъ ослабѣвать, и прежде всего исчезъ въ окончаніи словъ и въ легкихъ сочетаніяхъ согласныхъ. Онъ же, г. Миклошичъ, готовъ думать, что сочетанія *lz* и *nz* уже при началѣ кирилловской письменности выговаривались какъ мягкія *l* и *n*, и, стало быть, особенный выговоръ буквы *z*, равно какъ и приписанный (во всѣхъ случаяхъ?) буквѣ *z*, былъ уже утраченъ. *z* и *z* послѣ согласныхъ *l* и *z* внутри словъ г. Миклошичъ считаетъ безгласными, принимая въ этомъ случаѣ *l* и *z* за гласныя. Но приводимыя имъ доказательства въ пользу этого взгляда²¹⁾ нисколько не ослабляютъ его же собственныхъ возраженій. Сравненіе съ санскритскими *ṛ* и *ṝ*, изъ которыхъ послѣднее встрѣчается въ производныхъ только одного корня, неумѣстно уже и потому, что здѣсь приходится имѣть дѣло съ звуками языка, уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ мертвого.

Отъ знатока славянскихъ языковъ, на мѣстѣ изучавшаго ихъ діалектическія различія, отъ академика Срезневскаго мы узнаемъ²²⁾, что у Сербовъ, Чеховъ, Словаковъ, Хорутанъ и Болгаръ еще и нынѣ слышится звукъ буквы *z*. У нѣкоторыхъ хорутанскихъ племенъ этотъ звукъ, по свидѣтельству г. Срезневскаго, распространенъ до того, что иной разъ въ цѣломъ пред-

19) Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache, стр. 68 и слѣд.

20) Lautlehre der altslovenischen Sprache, § 31.

21) Тамъ же, § 18.

22) Ср. Ж. М. Н. Пр. ч. XLVIII, отд. II, стр. 134 и Мысли объ Исторіи Русскаго Языка, стр. 49 и дал.

ложеніи цѣтъ другой гласной, кромѣ ъ. Звукъ этотъ въ живыхъ нарѣчіяхъ занимаетъ средину между *a*, *o*, *y*; тѣмъ не менѣе онъ не смѣшанный, но совершенно «независимый и полный», способный даже къ протяженію въ выговорѣ. Звука ъ г. Срезневскій не нашелъ ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій. Изъ новѣйшаго сочиненія г. Миклошича, только-что полученнаго мною, я усматриваю, что онъ находитъ въ новоболгарскомъ нарѣчій глухое *y*, произносимое одинаково съ буквою *y* въ новославянскомъ *куп* и въ англійскомъ *but* (гдѣ впрочемъ и выговаривается какъ глухое *o*). Этотъ звукъ, по причинѣ тождества его съ старославянскимъ *z*, г. Миклошичъ изображаетъ буквою *z*²³⁾.

Принимать этотъ звукъ въ нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчіяхъ за одинъ и тотъ же съ первобытнымъ звукомъ старославянского *z* запрещаетъ намъ не только опытъ всѣхъ языковъ, показывая, какимъ значительнымъ перемѣнамъ подвергаются звуки съ теченіемъ времени, но и то еще обстоятельство, что нынѣшній *z* встрѣчается не въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ онъ былъ въ старославянскомъ, но и на мѣстѣ многихъ другихъ старославянскихъ гласныхъ. Такъ, новоболгарскій *z* соответствуетъ не только древнему *z* и *z*, но и носовымъ *z*, *z* и *z*, также *o* и *a*, даже такъ называемой гласной *l*. Звукъ, обозначаемый Миклошичемъ буквою *z*, самими Болгарами изображается буквами: 1) *a*, 2) *a* съ особеннымъ знакомъ, 3) *o*, 4) *y*, 5) *e* и 6) *z*²⁴⁾. Столь же невѣрно было бы, хотя это и нерѣдко бываетъ, дѣлать заключеніе отъ этимологическаго значенія *z* и *z* къ фонетическому значенію ихъ въ старославянскомъ. Г. Павскій хотѣлъ найти третій способъ опредѣлить значеніе этихъ буквъ — посредствомъ латинскаго *h*, которое онъ признаетъ, какъ мы видѣли, въ начертаніи старославянскихъ *z* и *z*. Опровергая это сближеніе, я отнюдь не думалъ возставать противъ этого способа изслѣдованія вообще: напротивъ, такимъ путемъ, по моему мнѣнію, всего вѣрнѣе можно достигнуть цѣли. Начну съ буквы *z*, о которой я осмѣливаюсь предполагать, что ея начертаніе произошло изъ *i* и означало не настоящее *i* короткое, а

23) Slavische Bibliothek oder Beiträge zur slavischen philologie und geschichte, herausgegeben von Fr. Miklosich. Erster Band, стр. 47.

24) Тамъ же, стр. 47 и 48.

неполный и едва слышный звук этой буквы. Близкое родство между *ѣ* и *ѧ* очевидно и дает полное право заключать, что и по выговору *ѣ* такъ же близокъ былъ къ *ѧ*, какъ по начертанію, то есть, что онъ представлялъ звукъ, точно такъ же относившійся къ нынѣшнему *ы*, какъ *ѧ* относится къ нынѣшнему *и*²⁵). Что начертаніе *ы* (*ѣ*) состоитъ изъ *ѣ* + *и*, это давно извѣстно; но когда на этомъ основаніи выдаютъ *ы* за двугласную, я не могу не высказать своего сомнѣнія, которое находитъ себѣ основаніе въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) въ повѣйшихъ славянскихъ нарѣчіяхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда такой двугласной, потому что нынѣшнее *ы*, какъ сказали мы въ первой статьѣ, есть простой звукъ²⁶), а двугласная *ый* соотвѣтствуетъ въ старославянскомъ не *ѣи*, а *ѣи* или *ѣи*. 2) Принимая *ѣи* за двугласную, трудно было бы объяснить ее этимологически. 3) Русское *ы* въ предлогѣ *вы* точно такъ же относится къ *он* въ нарѣчій *вонъ*²⁷), какъ въ старославянскомъ окончаніе причастія наст. (*нѣсѣи*) и винит. множ. (*добрѣи*), при сравненіи съ другими индоевропейскими языками, заставляетъ предполагать въ до-кирилловской эпохѣ языка существованіе полнѣйшаго окончанія *он*. 4) Гораздо легче согласиться, что въ старославянскомъ не было ни одной двугласной съ буквою *и* на концѣ²⁸), чѣмъ допустить

25) Стоило бы труда разыскать, не должно ли принимать нынѣшній *ѣ*, о которомъ говорено выше, за половину *ы*? Сочинитель Турецкой Грамматики (Éléments de la langue turque), Вигье (Vigüier), твердый звукъ *ѣ* въ турецкомъ языкѣ, соответствующій русскому *ы*, равняется съ франц. *e muet*.

26) Сочетаніе *иѣ*, употребляемое въ фризингской рукописи, также не рѣшаетъ дѣла въ пользу состава *ы* изъ двухъ гласныхъ, потому что нѣтъ неизмѣнной надобности принимать это *иѣ* за двугласный звукъ (какъ напр. и нѣмецкое *ae, oe, ue, ie*); сверхъ того, вмѣсто *иѣ* употребляется и просто *и* и *e*. Греч. *oi*, которое иногда перелается буквою *ы*, также не опровергаетъ нашего мнѣнія, потому что *oi* въ то время уже не было двугласною.

27) Уже и прежде, въ моемъ сочиненіи «О языкѣ Якутовъ», стр. XVI, въ примѣчаніи, я производилъ *вы* отъ *вонъ* (вм. *ѣѣѣ* тамъ надобно читать *ѣѣѣѣ*), а теперь вижу, что г. Катковъ гораздо раньше меня высказалъ то же самое (см. стр. 39 въ улом. соч.). Если наше производство вѣрно, то указанное г. Павскимъ средство между *вы* и *ѣи* уничтожается само собою.

28) Что старославянское *и*, стоя послѣ гласной, всегда составляло особенный слогъ (*ji*), противъ этого нельзя найти возраженія. Формы: *дай* и подобныя легко объясняются изъ *даѣи* чрезъ усѣченіе. Допустивъ это усѣченіе, мы найдемъ объясненіе и для формы *пиши*, которую, какъ я замѣтилъ въ первой статьѣ, трудно произвестъ отъ *писай*, но довольно удобно — отъ *писай* (*pi'sajı*), какъ *пишу* отъ *писю* (*pi'saju*).

окончаніе правильно. При встрѣчѣ ера съ буквою и при сложесии словъ мы видимъ *ѣ*, какъ напр. въ словахъ: *вззиграти*, *вззѣмати*, *подзѣти* и *взѣж*³¹⁾; но вмѣстѣ съ тѣмъ пишется и *подзѣмати*, *подзѣти*, *сзѣзбранѣ*, *сзѣзвѣштѣвати*³²⁾, тогда какъ въ словахъ: *дзѣмѣ*, *тзѣкати*, *взѣкѣ*, *взѣти* и т. под. едва ли гдѣ можно найти *ѣ* вмѣсто *ѣ*.

Изъ того, что слова: *сзѣграти*, *изъ игри*, *въ игръ* и т. д. выговариваются: *сыграти*, *изыгри*, *выгрь* и т. д. хотѣли вывести заключеніе, что и въ русскомъ языкѣ *ы* состоитъ изъ *ѣ* и *и* и есть, стало бытъ, двугласная. Въ отношеніи къ начертанію, это совершенно справедливо; но въ дѣйствительности надобно понимать нѣсколько иначе. *Твердые* согласныя *с*, *з* и *в* въ предлогахъ *с*, *из* и *в*, съ слѣдующимъ безгласнымъ *ѣ*, не могутъ соединяться съ буквою *и*, потому что она требуетъ впереди себя *смягченной* согласной. Если же *с*, *з*, *в* непременно надобно соединить съ *и*, то или эти согласныя должны получить смягченіе, или гласная приспособиться къ твердому выговору согласныхъ, то есть, перейти въ сродный съ нею звукъ *ы*. Въ настоящемъ случаѣ языкъ избралъ послѣдній изъ этихъ двухъ способовъ сочетанія буквъ.

На общеупотребительную форму начертанія *ы* давно уже и справедливо объявляли неудовольствіе и предлагали замѣнить ее стариннымъ *ѣ*. Такъ какъ по крайней мѣрѣ нынѣ *ы* значитъ не двугласную, а простую гласную, то я и вмѣсто *ѣ* предпочелъ бы *ѣ*, въ которомъ оба элемента начертанія соединены въ одинъ знакъ, — предпочелъ бы тѣмъ болѣе, что это начертаніе встрѣчается уже въ Остроміровомъ Евангеліи. Начертаніе *ы* стоило бы изгнать уже и потому, что оно можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію: черезъ тысячу лѣтъ филологи будутъ, можетъ быть, спорить о томъ, какъ произносилось стоящее въ Академическомъ Словарѣ слово: ПАВИЛЫОНЪ — павильюнъ или павильюнь?

Если *ѣ* и *ѣ* въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ значили гласныя, то надобно допустить, что въ языкѣ того времени каждое слово оканчивалось или гласною, или носовымъ зву-

31) Miklosich, Lautlehre § 53.

32) Miklosich, Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti, стр. 113. b. 16S. a.

комъ, подобнымъ нынѣшнему французскому *n* на концѣ словъ³³⁾. Нынѣ это явленіе никого не можетъ удивлять, потому что уже доказано, что на концѣ словъ буквѣ *z* почти всегда, а иногда и *ь*, соответствуетъ въ родственныхъ языкахъ полная гласная съ слѣдующею согласною³⁴⁾. Такъ, на мѣстѣ славянскаго *z* въ имен. ед. муж. мы находимъ въ латинскомъ *us*, въ вин. ед. — *um*, въ перв. лицѣ множ. наст. вр. *us* и т. д. Такимъ образомъ въ славянскомъ языкѣ въ ту пору, съ какой онъ становится извѣстнымъ, согласныя буквы старинныхъ окончаній, за исключеніемъ носовыхъ, были уже совершенно потеряны, а гласныя, стоявшія на самомъ концѣ словъ или прикрытыя слѣдующею согласною, сохранились въ однихъ случаяхъ вполнѣ, въ другихъ ослабли до звуковъ *z* и *ь*. Такъ какъ всѣ формы словъ оканчивались тогда гласною, то не удивительно, что чужія слова, оканчивавшіяся согласною, при переходѣ въ славянскій языкъ, принимали въ окончаніи *z* и *ь*. Когда же не только эти слабые звуки, но и полныя гласныя, какъ напр. *и* въ неопред. наклоненіи, сдѣлались безгласными, тогда опять явилось множество формъ съ конечною согласною, которыя остаются и доннынѣ.

Изъ того, что древніе Славяне не терпѣли согласной на концѣ словъ, съ вѣроятностью можно заключать, что они вообще имѣли отвращеніе отъ окончанія слога согласною. Сверхъ того, замѣтно, что въ срединѣ словъ двѣ или три согласныя допускаются только тогда, когда въ началѣ слога могутъ быть произнесены безъ всякаго затрудненія: въ этомъ обстоятельствѣ находить себѣ нужное подтвержденіе извѣстная догадка, что въ старославянскомъ слоги всегда оканчивались гласною и сочетанія согласныхъ

33) Если бы слав. носовой звукъ, принадлежащій, по своему качеству, къ согласнымъ, употреблялся не въ концѣ только слога, и могъ входить въ сочетаніе со всѣми гласными, то, по всей вѣроятности, получилъ бы для себя особенное начертаніе, тогда какъ теперь носовой звукъ и предшествующая ему гласная выражаются однимъ знакомъ.

34) О звукахъ, соответствующихъ церковно-славянскимъ *ѣ* и *ь* въ литовскомъ языкѣ, читатель найдетъ замѣчательную статью у Шлейхера въ сочиненіи: *Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht*, стр. 244—256. Во второмъ прибавленіи къ этому сочиненію (стр. 256—259) говорится о славянскомъ суффиксѣ, а въ третьемъ (стр. 260—263) о нѣкоторыхъ формахъ славянскаго причастія. Окончаніе причастія — *иъ*, которое Левицкій въ своей грамматикѣ (стр. 121) производитъ отъ 1-го лица множ. ч. настоящаго времени (*sic!*), Шлейхеръ сравниваетъ — и совершенно справедливо — съ окончаніемъ причастія въ литовскомъ: *amas, omas, imas*.

всегда составляли, стало быть, начало слога. Отсутствие удвоенных согласных также объясняется тѣмъ, что слоги не оканчивались согласною. Чтобы составить себѣ отчетливое понятіе о любимыхъ и терпимыхъ сочетаніяхъ согласныхъ буквъ въ старославянскомъ, я сравнивалъ все такія сочетанія, встрѣчающіяся въ началѣ слова по словарю Миклошича (*Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti*): при этомъ сравненіи я нашелъ, что самыя любимыя сочетанія въ старославянскомъ тѣхъ, въ которыхъ второе мѣсто занимаютъ: р, л, в, н, м.

Сочетанія съ буквою р:

кр, тр, др, пр, бр; нр (однажды); мр; хр, гр, єр, зр, шр (однажды), жр, фр (въ иностранныхъ словахъ), вр; цр, чр.

Сочетанія съ л:

кл, тл, дл, пл, бл; мл; хл, гл, сл, зл, шл, жл, бл; чл.

Сочетанія съ в:

кв, тв, дв; хв, гв, св, зв, жв (однажды), цв, чв.

Сочетанія съ н:

кн, мн; гн, сн, зн.

Сочетанія съ м:

км; см, зм, шм (однажды).

Если на второмъ мѣстѣ нѣмая согласная, то на первомъ всегда бываетъ с, з, ш, или ж: ск, ст, сп; зд, зк (однажды); шт; жк (однажды). Сц встрѣчается только въ словѣ сцѣлз = цѣлз; чк — только въ чканз = чванз.

При сочетаніи трехъ согласныхъ, первую, за исключеніемъ одного твр, всегда бываетъ звучная (с, з, ж, х), а послѣднею р, л или в: скр, стр, смр, здр, ждр, хвр; скл, стл, змл (змлнн); скв. Сквр есть единственное сочетаніе четырехъ согласныхъ. Изъ сочетаній внутри словъ любимое есть сткв; въ началѣ словъ у Миклошича оно не встрѣчается. Полная классификація всѣхъ сочетаній, допускаемыхъ въ срединѣ словъ, была бы весьма почетельна. *Нѣмая* согласная никогда не встрѣчается передъ такою же другою; точно также м и н предъ *нѣмною*, ни предъ *звучною*. Отвращеніемъ отъ подобныхъ сочетаній объясняются: измѣненіе к въ неопредѣленномъ наклоненіи: пшшти, вставка с въ тепсти, дзлпшти, залпшти, скоупшти, опущеніе губной въ погрѣти, чрѣти, переходъ н и м съ предыдущею гласною въ носовой

звукъ въ словахъ: *клати, ѣти* и т. д. Формы *дзпсти, злпсти, скоупсти* отъ корней *дзъ, зъ* и *скоуъ*, показываютъ, сверхъ того, что въ древности въ правописаніи строго держались выговора, а не этимологін. Если же это было общимъ закономъ правописанія, то уже изъ беспрестаннаго повторенія окончаній *дъ, гъ, зъ* и т. д. надобно бы, можетъ быть, заключить, если пужно еще доказывать гласность *ера* и *еря*, что буквы *д, г, з* и др. не составляли самаго окончанія, но издавали послѣ себя звукъ гласной.

IV.

Старорусское мѣстоименіе *ъ, а, о* не можетъ быть то же, что санскр. *sa, śa*, греч. *ς, ῥ, το*, лат. *hi-c, hae-c, ho-c*, какъ принимаетъ г. Павскій.

Г. Павскій находитъ въ древнемъ русскомъ языкѣ мѣстоименіе *ъ, а, о*, котораго до тѣхъ поръ не подозрѣвалъ ни одинъ грамматикъ, и выставляетъ полную схему склоненія этого мѣстоименія, но въ дѣйствительномъ употребленіи указываетъ только формы: дат. ед. муж. *ому*, виш. ед. жен. *ю* и виш. мн. муж. *ны*, а о формахъ сред. ед. *о* и мн. *а* говоритъ, что онѣ чрезвычайно часто встрѣчаются¹⁾. Я не считаю себя въ правѣ подвергать сомнѣнію существованіе этого мѣстоименія, но его форму въ им. ед. муж. *ъ* не могу не объявить въ высшей степени подозрительною, потому что *ъ* всегда является только отголоскомъ согласной и никогда не составляетъ особеннаго слога; выставленные г. Павскимъ падежи этого мѣстоименія: *ымъ, ѳ, ѳмъ, ѳми*, были бы также единственными формами, въ которыхъ *ѳ* является въ началѣ словъ.

Это старорусское мѣстоименіе г. Павскій ставитъ ближе всего къ греческому члену *ς, ῥ, το*. Онъ говоритъ, что греч. *ς* является въ русскомъ въ видѣ *о*, по это *о* рѣдко удерживается въ своемъ полномъ видѣ, сокращаясь большею частью въ *ъ*. Судя строго, *ъ* въ видѣ самостоятельнаго мѣстоименія встрѣчается

1) П. Б. стр. 272 и далѣе.

не чаще *o*, потому что на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни того, ни другаго. Не смотря на то, г. Павскій признаетъ въ своемъ новооткрытомъ мѣстоименіи *o* вторую стихію греческаго члена \acute{o} , то-есть гласную *o*. Но вслѣдъ за тѣмъ тотчасъ прибавляетъ: «Если бы составитель нашей азбуки и установитель правописанія, принявшій лат. придыханіе *h* подъ видомъ *ъ*, и чрезъ то «образовавшій твердую гласную *ы*, поступилъ не робко (*sic!*) и, «пошедь далѣе, передалъ это придыханіе всѣмъ твердымъ гласнымъ, то и мы писали бы теперь *ъо*, *ъа*, подобно какъ Латинны *ho*, *ha* и Греки \acute{o} , \acute{a} ; и тогда нашъ членъ *ъ*, происшедшій «отъ *s*, былъ бы видѣе»²⁾. Здѣсь г. Павскій принимаетъ, стало быть, русскій членъ *ъ* за одно и то же съ греческимъ густымъ придыханіемъ (*spiritus asper*), которое, и по его мнѣнію, происходитъ отъ первоначальнаго *s*, видимаго въ санскритскомъ мѣстоименіи *sa*, *sā*. Впрочемъ противорѣчіе совершенно исчезнетъ, если допустить образованіе мѣстоименія *ъ* изъ сліянія двухъ еровъ (*ъз*), а въ этой формѣ г. Павскій не нашелъ бы ни малѣйшаго затрудненія.

Попробуемъ теперь нѣсколько отчетливѣе разобрать предполагаемое сродство между помянутыми мѣстоименіями. Знаткамъ фонетическихъ законовъ разныхъ индо-германскихъ языковъ извѣстно, что санскритскому *s* въ началѣ слова постоянно соответствуетъ въ зенд. и греч. придыханіе (по санскр. *sv* = зенд. *q*), а въ латинск. и слав. — тотъ же *s*. Сравнимъ напр.:

Санскр.	Латин.	Слав.	Зенд.	Греч.
<i>sad</i>	<i>sid-o</i>	сѣс-ти	<i>had</i>	$\acute{\epsilon}\delta\text{-}\acute{o}\varsigma$
<i>saptan</i>	<i>septem</i>	седмѣ	<i>hapta</i>	$\acute{\epsilon}\pi\tau\acute{\alpha}$
<i>sva</i>	<i>suu-s</i>	сво-и	<i>hva, qa</i>	$\acute{\epsilon}\acute{o}\text{-}\varsigma, \acute{o}\text{-}\varsigma$
<i>svapna</i>	<i>somnu-s</i>	сѣнѣ	<i>qafna</i>	$\acute{\upsilon}\pi\nu\acute{o}\text{-}\varsigma$
<i>svādu</i>	<i>suav-is</i>	сладъ-кѣ		$\eta\delta\acute{\upsilon}$
<i>svasar</i>	<i>soror</i>	сестр-а	<i>qañha</i>	
<i>sama</i>	<i>sim-ilis</i>	самѣ		$\acute{o}\mu\acute{o}\text{-}\varsigma$
<i>sam</i>		сѣ	<i>ham</i>	
<i>san</i>	(<i>ab-</i>) <i>sens</i>	сѣи	<i>hāt</i>	$\acute{\omega}\nu$ ³⁾
<i>santi</i>	<i>sunt</i>	сѣть	<i>henti</i>	$\acute{\epsilon}\nu\tau\acute{\iota}$ ³⁾

2) Тамъ же, стр. 271.

3) Буква \acute{o} въ $\acute{\omega}\nu$ и $\acute{\epsilon}\nu\tau\acute{\iota}$, по мнѣнію Боппа, потеряна. Впрочемъ $\acute{\omega}\nu$ могло произойти чрезъ сокращеніе изъ $\acute{\epsilon}\acute{\omega}\nu$, которое въ свою очередь могло быть со-

Послѣ этого, допустить потерю начального *s* въ предполагаемомъ русскомъ мѣстоименіи *ъ, а, о* значило бы допустить совершенный произволъ въ сравнительномъ языкознаніи. И Боппъ сравниваетъ съ санскр. *sa* и греч. *ῶ* отнюдь не *hi-c, hae-c, ho-c*, а вопросительно-относительное мѣстоименіе *quis, qui*, отчасти потому, что лат. *h* и санскр. *s* не соответствуютъ другъ другу. Принимать русское *ъ, а, о* за одно и то же съ греч. *ῶ, ῥ*, то и съ санскр. *sa, sâ* невозможно еще и потому, что послѣдніи во всѣхъ косвенныхъ падежахъ, вмѣсто придыханія и буквы *s*, принимаютъ, какъ видно, родственное этимъ звукамъ *t*, и въ этой формѣ совершенно сходны съ слав. *тѣ, та, то*, какъ издавна учить и Боппъ въ своей грамматикѣ⁴). Г. Павскій считалъ себя въ правѣ поступить въ этомъ случаѣ самостоятельно: но, къ сожалѣнію, онъ предоставилъ самому читателю устранить возникающія противъ его взгляда сомнѣнія. Развѣ не думаетъ ли г. Павскій, что латинское *hi-c* и русское *ъ, а, о* существуютъ не отъ первобытныхъ временъ, когда индо-германскіе языки, еще не отдѣленные отъ своего корня, покоились въ его иждрахъ, а только позднѣе заимствованы изъ греческаго языка? Какъ ни трудно согласиться съ такимъ мнѣніемъ, но я предполагаю его у г. Павскаго вовсе не произвольно, чтобы только оподозреть его взгляды. Этому намѣренія читатель не можетъ мнѣ приписать, какъ скоро собственными глазами убѣдится, что самъ г. Павскій русскія: *небо, ити, есть* производитъ съ греческаго или латинскаго (*νέφος, nubes, itum, ἔστι*), ставя ихъ въ одинъ разрядъ съ словами: *январь, февраль, ангелъ* и т. д.⁵). Еще менѣе окажется затрудненій приписать высказанное мною предположе-

кращено изъ *ῆσῶν*: буква *σ* между двумя гласными, какъ извѣстно, часто выпускается. Объяснить *ἔντι* изъ *ἔσαντι*, можетъ быть, было бы труднѣе.

4) См. его *Сравн. Грамматику*, отд. 3 стр. 370.

5) См. I, стр. 139, въ главѣ: *О передѣлкѣ словъ, переходящихъ къ намъ изъ чужихъ языковъ*. Какъ скоро г. Павскій не находитъ объясненія какому-либо русскому слову въ самомъ русскомъ языкѣ, онъ тотчасъ готовъ производить его изъ другихъ, родственныхъ и неродственныхъ языковъ, допуская притомъ самыя насильственныя словопроизводства, нерѣдко напоминающія производство слова: *Schornstein* отъ *черная стѣна*. Такъ напр. *плюха* онъ производитъ отъ нѣмецк. *blauen, opleuha* — отъ *abblauen* (II. A. стр. 91), *бесстыдую* отъ лакон. *μωσίδδω* (II. A. стр. 93), *полоть* отъ *Picken* (II. A. стр. 102), *непста* отъ *pupta* или *υμφευτη* (II. A. стр. 103), *будень* отъ англ. *busy day* (II. A. стр. 220), *дешевъ* отъ англ. *dog cheap* (II. B. стр. 27) и т. д.

ніе г. Павскому, когда примемъ въ соображеніе слѣдующее обстоятельство. До сихъ поръ въ опредѣленной формѣ прилагательныхъ находили только одно мѣстоименіе: г. Павскій открылъ ихъ два, и — что всего страннѣе — не находитъ ни малѣйшаго затрудненія объяснить происхожденіе этихъ двойныхъ окончаній рабскимъ подражаніемъ греческому, въ которомъ предъ прилагательнымъ, уже имѣющимъ будто бы членъ въ окончаніи $\sigma\zeta$ ⁶⁾, η , $\sigma\nu$, ставится еще самостоятельный членъ \acute{o} , $\acute{\eta}$, $\tau\omicron$, когда говорится объ опредѣленномъ лицѣ или вещи⁷⁾.

Если вышеупомянутыя формы *ому*, *ну* и *ны* происходятъ не отъ другаго какого-либо мѣстоименія, а дѣйствительно составляютъ надежи особеннаго прономинальнаго корня, то я готовъ признать этотъ корень за одно и то же съ санскр. *a*. Но это мѣстоименіе ничего не имѣетъ общаго ни съ санскр. *sa*, ни съ греческ. \acute{o} .

У.

Что представляютъ окончанія именительнаго падежа въ русскомъ языкѣ?

Г. Павскій дѣлитъ всѣ имена, по ихъ окончаніямъ въ именительномъ, на три класса: на имена *членныя* — существительныя муж. рода на *ъ*, *ь* и *й*, жен. р. на *a* и *я*, и средн. на *о* и *e*; на имена *бесчленныя* — существительныя муж. на *a* и *я*, *о* и *e*, жен. р. на *ь* и средн. на *я*; на имена *двучленныя* — прилагательныя опредѣленныя.

Окончанія перваго класса *ъ*, *a*, *о* г. Павскій ставитъ на одну доску съ санскр. *as*, *ā*, *at*, съ греч. $\sigma\zeta$, η (α), $\sigma\nu$, лат. *us*, *a*, *ut* и въ послѣдней инстанціи съ мѣстоименіемъ *ъ*, *a*, *о*, которое, какъ мы видѣли, равно, по его мнѣнію, санскр. *sa*, *sā*, греч.

6) Букву ζ , конечно, сравнивали, какъ увидимъ ниже, съ густымъ придыханіемъ члена \acute{o} , но это мѣстоименіе является только признакомъ именительнаго, а въ прилагательныхъ трехъ окончаній только въ мужескомъ родѣ.

7) П. Б. стр. 13 и далѣе.

ō, ḥ, то и лат. *hi-c, hac-c, ho-c*. Такъ какъ г. Павскіи допускаетъ, что конечныя согласныя *s* и *m* (*n*) утрачены въ славянскомъ языкѣ, и что *z* и *o* соотвѣтствуютъ гласнымъ въ окончаніяхъ *as, os, us* и *am, om, um*¹⁾, то для подтвержденія его предположенія слѣдовало доказать не только то, что полныя окончанія *as, ā, am* содержатъ въ себѣ членъ или мѣстоименіе, но и то еще, что гласная этихъ окончаній принадлежитъ также мѣстоименію.

До сихъ поръ согласную букву въ окончаніяхъ *as, os, us* отдѣляли отъ предыдущей гласной и принимали за одно и то же съ *s* санскритскаго мѣстоименія *sa* и густымъ придыханіемъ члена *ō*. Боппъ считаетъ *s* только отличіемъ именительнаго падежа, а не общимъ родовымъ отличіемъ, которымъ бы имя сопровождалось во всѣхъ падежахъ и формахъ словопроизводства, потому что оно дѣйствительно является только въ именительномъ. Сверхъ того, окончаніе *s* встрѣчается не только въ мужескихъ именахъ, но и въ женскихъ²⁾, когда они для отличія своего рода не имѣютъ долгой гласной въ окончаніи.

Окончаніе *a* женскихъ именъ, первоначально во всѣхъ языкахъ, безъ сомнѣнія, долгое, служитъ своею долгою отличіемъ этого рода, и въ такомъ значеніи является какъ въ существительныхъ и прилагательныхъ, такъ и въ разсматриваемомъ нами членѣ (санскр. *sā* = ḥ). Превращеніе его въ мѣстоименіе ни къ чему не ведетъ, потому что объяснить долгую гласную въ мѣстоименіи не легче и не труднѣе, чѣмъ въ существительномъ или въ прилагательномъ; а производить окончаніе *a* и ḥ именно отъ *sā* и ḥ еще менѣе можетъ придти въ голову строгому этимологу. Женскія на *ā* (*a*) не принимаютъ отличительной буквы именительнаго и, стало быть, не содержатъ въ своемъ окончаніи мѣстоименія *sa*³⁾.

1) П. А. стр. 263.

2) Рѣдкіе случаи, гдѣ *s* въ греческомъ и латинскомъ является даже въ среднемъ родѣ (какъ въ ἡλιξ и *felix*), Боппъ справедливо считаетъ неправильными порожденіями позднѣйшаго времени.

3) Если бы женскія на *a*, говоритъ г. Павскій (II, стр. 264), имѣли отличительную букву именительнаго, то падежа этого нельзя бы было отличить отъ вин. множ. Но этой будто бы причинѣ Греки и Римляне говорили въ имен. ἡῶρα, *anīma*, а не ἡῶρας, *anīmas*. Образованіе грамматическихъ формъ происходило, стало быть, обдуманно съ расчетомъ!

Окончаніе *m* (*n*) средняго рода почти единогласно признается отличіемъ не именительнаго, а винительнаго: въ такомъ значеніи эта буква употребляется и въ именахъ мужескихъ и женскихъ. Этотъ *m*, какъ и всѣ вообще падежныя окончанія, Боппъ принимаетъ за мѣстоименіе, которое впрочемъ ничего не имѣетъ общаго съ *sa* и *ô* и не составляетъ родоваго отличія. Такъ какъ мѣстоименіе *sa* = *ô* не принимаетъ *m* (*v*) ни въ именительномъ, ни въ винительномъ сред. р., то это *m* еще труднѣе произвести отъ *sa* = *ô*, чѣмъ окончаніе женскаго *a* и *η*.

Гласную *a* въ окончаніи *as*, *am*, которой въ греч. соотвѣтствуетъ *o*, въ лат. *u*, въ слав. *ъ* и *o* (*ѣ*), до сихъ поръ относили къ темъ слова, потому что она встрѣчается какъ въ склоненіи, такъ и въ производствѣ и сложеніи словъ: г. Павскій, напротивъ, считаетъ ее «соединительною» гласною; точно также называетъ онъ и женское *a*, какъ будто и этой гласной есть что связывать⁴⁾. Г. Павскій не счелъ за нужное объяснить, на какомъ основаніи принимаетъ онъ эту гласную за соединительную; но совершенно ясно, для чего это было ему нужно. Во что бы то ни стало, въ окончаніи *ъ*, *a*, *o* онъ непременно хочетъ найти членъ; но такъ какъ тождества этихъ окончаній съ самимъ членомъ, то-есть съ согласными *s* и *m*, доказать невозможно, то онъ старается искусственно навязать этимъ окончаніямъ именительнаго и предшествующія имъ гласныя⁵⁾, заставляя ихъ своимъ приговоромъ играть роль соединительныхъ гласныхъ. Но онъ не сообразилъ, что если *ъ* въ окончаніи именительнаго соотвѣтствуетъ соединительной гласной, то уже не можетъ быть въ то же время и мѣстоименіемъ *ъ*, потому что это послѣднее, по мнѣнію г. Павскаго, должно соотвѣтствовать буквѣ *s* санскритскаго мѣстоименія *sa* и густому придыханію греческаго *ô*.

4) П. А. стр. 265.

5) Для того же говорится еще, что отличіе именительнаго не вовсе исчезло въ славянскомъ, какъ утверждаетъ Боппъ. Г. Катковъ (тамъ же стр. 123 и далѣе) находитъ даже ясныя слѣды первобытнаго *s* въ словахъ *блѣбрысь*, *пѣтухъ* (*x* = *s*) и *слеза*. Въ словѣ *слеза* буква *з* есть будто бы древнее окончаніе имен., а *a* — родовое окончаніе. Съ такимъ же правомъ букву *m* въ *дѣхрица* и *лагута* можно выдавать за окончаніе именительнаго, а букву *a* за окончаніе женск. рода. Но эти неудачныя объясненія стоятъ у г. Каткова особняками, не имѣющими связи съ остальнымъ содержаніемъ его сочиненія.

Причисливъ ъ, соотвѣтствующій санскр. *as*, къ падежнымъ окончаніямъ, г. Павскій получилъ множество первообразныхъ словъ, какъ напр. *ходъ*, *гробъ*, *зовъ* и т. д.⁶⁾, которыя въ сущности такія же производныя, какъ напр. *бод-ръ*, *спь-ль*, *би-тъ*, *да-нъ* и т. д., съ тою только разницею, что въ первыхъ образовательный элементъ состоитъ изъ одной гласной, а въ послѣднихъ изъ гласной съ предыдущею согласною. Къ кореннымъ словамъ причисляются также: *смьхъ*, *слыхъ*, *слухъ*, *знакъ* и подобныя, причемъ буквы *x* и *k* объявляются простыми вставками для защиты коренной гласной и для поддержки окончательнаго ъ (!)⁷⁾.

Давно уже признано и г. Павскій допускаетъ, что окончаніе именительнаго ъ соотвѣтствуетъ въ санскритскомъ не только окончанію *a*, но и *u*, которое вовсе не составляетъ родоваго отличія и которое самъ г. Павскій считаетъ не соединительною гласною, а принадлежащею къ темѣ слова. Если бы ъ въ словѣ *сынъ*, совершенно тождественномъ съ санскр. *synu-s*, былъ членъ, то онъ долженъ бы былъ стоять здѣсь вмѣсто двухъ ъ (ѣѣ), и одному изъ нихъ приводилось бы быть соединительною буквою, хотя и нечего здѣсь связывать. Г. Павскому сдается, что темы съ конечнымъ *a* вытѣснили въ славянскомъ темы съ *u*: но съ такимъ же правомъ можно утверждать противное. Слоги *ек* и *ѣк*, такъ часто употребляемые въ старослав. въ словахъ, кончащихся какъ на *ъ*, такъ и на *ь* и *и*, по остроумному соображенію Боппа, суть не иное что, какъ развитіе вышеупомянутаго *u*. Въ русскомъ языкѣ *ов* и *ев* употребляются въ родительномъ множественнаго⁸⁾, въ которомъ *ынѣ*, при совершенномъ безгласіи ера, является не иное что, какъ самая тема слова, совершенно

6) П. А. стр. 16 и далѣе. Къ кореннымъ словамъ причисляется также *словъ* въ *богословъ* (стр. 21), хотя *словъ* происходитъ отъ *слово*, а это въ свою очередь сокращено изъ *словес* = санскр. *śavas*. Съ такимъ же правомъ можно бы поставить возлѣ *слава* — простую форму *славъ* на основаніи слова *Мстиславъ*, а возлѣ *слива* — *сливъ* изъ *черносливъ*.

7) П. А. стр. 20 и слѣд.

8) Довольно оригинально объясняетъ г. Павскій род. пад. на *овъ* (П. А. стр. 295). И по его мнѣнію, отличительный знакъ род. есть ъ; но этотъ ъ, говоритъ онъ далѣе, не можетъ быть прибавленъ къ еру именительнаго безъ вставки бѣглой гласной. Такимъ образомъ происходитъ *ов* или, по обыкновенному правописанію, *ой*. Допустить окончаніе *овъ*, которое бы вполне соотвѣтствовало мягкому окончанію *ей* = *евъ*, невозможно по законамъ нашего правописанія (какъ будто

также, какъ родительные мн. *временъ* и *ребятъ*⁹⁾ представляютъ оканчивающіяся согласными темы: *времен*, *ребят*, или какъ прилагательныя на *овъ* и *евъ*¹⁰⁾: *Петров-ъ*, *Васильев-ъ*, и на *овий*: *словнов-ий*, *конев-ий* и т. д.

Къ числу примѣровъ, въ которыхъ старославянскіи ѣ соотвѣтствуетъ санскритскому и на концѣ словъ, принадлежатъ два прилагательныя: *льгъ-къ* = *laghu* и *сладъ-къ* = *svādu*, которыя встрѣчаются только усиленныя окончаніемъ *къ* = *ka*. Въ производныхъ: *льго-сть*, *льго-та*, *сладо-сть* вмѣсто ѣ мы видимъ о, которое, вмѣстѣ съ *ѣ*, одержало верхъ надъ всѣми гласными, вытѣснивъ даже характеристическое окончаніе женскаго рода а: *млато-вици*, *мѣже-оукици*, *кок-кода*, *пѣте-вожда*, *славо-любик*. Это о, употребляемое въ сложеніи, равно и ѣ, происшедшій въ твор. един. чрезъ ослабленіе звука о, дѣлаетъ въ мнѣхъ глазахъ вѣроятнымъ, что и въ именительномъ пад. ѣ произошла изъ о, которое стояло здѣсь на мѣсто древнѣйшаго а.

Въ пользу такого происхожденія ѣ говоритъ еще нѣсколько мужескихъ именъ на о (*е*), сохранившихся въ русскомъ языкѣ донынѣ, какъ напр. *карло*, *инько* и т. д.¹¹⁾ Г. Павскій (И. А.

формы, образуемая паромъ, размѣриваются извѣстными законами орфографіи, какъ циркулемъ), а окончаніе *ой* допустить неудобно, потому что въ имена, кончающіяся на твердое придыханіе, вошло бы такимъ образомъ мягкое окончаніе *й* противъ главнаго правила склоненій (!!!). По этому принята въ помощь придыхательная буква *в*, имѣющая силу поддерживать знакъ родительнаго падежа — ѣ. Буква *в* въ именит., по мнѣнію г. Павскаго, составляетъ, какъ мы видѣли, при знакъ этого падежа: стало быть, окончаніе родительнаго прибавляется къ окончанію именительнаго!

9) Боппъ въ *Сравн. Грамм.* стр. 353.

10) Г. Павскій (И. А. стр. 267) оконч. *овъ* въ *барсовъ* и т. д. считаетъ за окончаніе род. ед., принимая это окончаніе за одно и то же съ санскр. *as* и зенд. *ō*. Но онъ не замѣчаетъ при этомъ, что *в* въ *овъ* представляетъ еще гласную, которая могла бы поставить его въ большое затрудненіе.

11) Такое же отношеніе между о и ѣ находится въ перв. л. множ. въ руснскомъ нарѣчій: *бѣдѣмо* или *бѣдѣмѣ*, а въ повел. только *бѣдѣмо* (см. Le-wicki въ томъ же сочин. стр. 106). Въ глаголитскихъ рукописяхъ окончаніе *мо* весьма обыкновенно (см. Прейса въ Ж. М. Н. Пр. 1843, отд. II, стр. 211). Миклошичъ (въ *Fogtenlehre*, стр. 37) полагаетъ, что форма на *мо* заимствована изъ живыхъ нарѣчій. Но въ живыхъ нарѣчійхъ формы иногда древнѣе, чѣмъ въ мертвыхъ языкахъ. Такъ напр. въ Остроміровомъ Евангеліи вмѣстѣ съ формою *късѣтъ* встрѣчается и *къ*, которой нынѣ, по крайней мѣрѣ здѣсь въ Петербургѣ, вовсе не слышно: развѣ частицу *не*, въ фразахъ: *не куда итти*, *не чего дѣлать*, принять за слияніе съ формою *къ*: въ такомъ случаѣ вм. *не* правильнѣе было бы писать *нѣ* (ср. *нѣтъ*), и мнѣ любопытно было встрѣтить это правописаніе у Трельяковского: въ своей просьбѣ, поданной въ Сенатъ (см. Москвит. 1831. № 11,

стр. 178) справедливо думаетъ, что это *o* древиѣ ера, который произошелъ, по его мнѣнію, уже изъ этого *o*, соотвѣтствующаго *o* въ греческомъ окончаніи *os*. Мужескія имена на *o* (*e*) онъ причисляетъ къ бесчленнымъ, какъ говоритъ онъ (II. А. стр. 180), потому только, что «они забыли силу и происхожденіе своей членной (*sic!*) гласной *o* и охотно припрыкаютъ къ именамъ, отличеннымъ бесчленною буквою *a*.» Послѣ (II. А. стр. 263) г-нъ Павскій опять забылъ, что это *o* онъ считалъ за одно и то же съ греческимъ *o* въ *os*: онъ представляетъ это *o* одинаковымъ съ зендскимъ окончаніемъ именительнаго *ô*, которое, какъ должно быть ему извѣстно, соотвѣтствуетъ въ греческомъ не *o*, а полному окончанію *os*. Такъ какъ древнія конечныя согласныя въ славянскомъ языкѣ вездѣ исчезли безъ слѣда, то мы не видимъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать въ этомъ *o* будто бы вошедшій въ него *s*.

Но есть и такіе случаи, гдѣ окончаніямъ *z* и *o* соотвѣтствуетъ гласная, которая въ древиѣишія времена составляла не конецъ темы, но имѣла послѣ себя еще согласную. Такъ, въ словѣ братъ *z* соотвѣтствуетъ слогу *ar* въ санскритскомъ *bhrâtar* и *er* въ латинскомъ *frater*; буква *o* въ словахъ небо, слово и т. д. соотвѣтствуетъ принадлежащему къ темѣ слогу *as*: *navhas*, *çavas*, который сохранился и въ славянскомъ въ формѣ *es* въ множественномъ небеса, слова и въ прилагательныхъ: небесаиъ, словаиъ и пр.

Въ словахъ, заимствованныхъ съ греческаго, *z* замѣняетъ *o*, принадлежащее вмѣстѣ съ предыдущею согласною къ темѣ, въ муж., а *o* замѣняетъ *o* именъ средняго рода: ангелъ = ἀγγελο-ς, муро = μύρο-ν.

Мужескія на *a*, напр. *воевода*, *вельможа* и т. д., г. Павскій велѣдъ за Боппомъ удачно сравниваетъ съ латин. *scriba*, *pagricida*, *coelicola* и греч. *νεφέληγερέτα*. Это *a*, какъ учитъ уже и Боппъ¹²⁾, древиѣ латинскаго *u* и греческаго *o* втораго склопенія, и славянскаго *z*, который и соотвѣтствуетъ обыкновенно санскритскому *a*. Но г. Павскій ошибочно утверждаетъ (II. А.

отд. IV, стр. 230), онъ пишетъ: «для того, что сему въ той Канцеляріи явствовать иль почему.»

12) Въ *Сравн. Грамм.* I отд. стр. 137. II отд. стр. 346.

стр. 172), будто и въ санскр. много муж. именъ на *a*, не принимающихъ отличія именительнаго падежа: въ эту ошибку онъ введенъ былъ Бопповымъ словаремъ. Здѣсь, какъ и во всѣхъ санскритскихъ словаряхъ, всегда ставится тема слова, а именительный падежъ приводится только тогда, когда онъ образуется изъ темы не совсѣмъ правильно, потому что правильные именительные падежи умѣютъ производить всякій начинающій.

Почему первобытное *a* въ старославянскомъ ослабѣло въ именахъ мужескаго рода до звука *z*, а въ этой буквѣ наконецъ и вовсе потеряло звукъ, тогда какъ окончаніе средняго рода сохранилось въ видѣ *o* (*e*) до нашего времени, — этого явленія, мнѣ кажется, нельзя объяснить фонетическими законами. Утрата окончанія *s* не могла имѣть здѣсь вліянія, потому что мужескія имена допустили такое же ослабленіе звука и въ вшительномъ падежѣ, гдѣ въ другихъ родственныхъ языкахъ оказывается, какъ въ именахъ средняго рода, *m* или *n*.

Перехожу къ окончанію *ь*. Въ женскихъ именахъ эта буква произошла изъ древнѣйшаго *i*, которое опять является въ родительномъ, не имѣющемъ собственного окончанія: *память*, *памяти*. Въ санскритскомъ въ этомъ случаѣ мы имѣемъ также *i*: *matī* отъ *mat*, какъ *память* = *па-ма-тъ* отъ *мдн-ѣ-ти*. Именительные, подобные *любовь*, *свекровь*, въ древности выговаривались, какъ извѣстно, *любы*, *свекры* и склонялись подобно именамъ, кончащимся согласною, какъ въ санскритскомъ женскія на *i*. Изъ косвенныхъ падежей, въ которыхъ темы, оканчивающіяся согласною, сходились съ темами, кончащимися на *i*, первыя, по примѣру послѣднихъ, образовали себѣ новыя, усиленный именительный падежъ на *i* (*ь*). Въ словахъ: *мать* и *дочь* древнѣйшее *i* еще является въ области славянскихъ языковъ: *мати*, *дзшти*. Но именительные *матерь* и *дочерь* образовались уже изъ косвенныхъ падежей позднѣе. Въ старославянскомъ было еще нѣсколько мужескихъ именъ на *z*, которыя склонялись одинаково съ женскими на *z*, исключая творит. единств. и именит. множ.¹³⁾ Нынѣ эти мужескія имена присоединились

13) См. Миклошича *Formenlehre* стр. 8 и слѣд. Род. множ. на *ей* происх. дятль отъ старославянскаго окончанія *ии*, и искони принадлежатъ только тѣмъ именамъ, которыхъ тема оканчивается буквою *i*. Въ формѣ ПЛЪТИИ, въ которой

къ склоненію тѣхъ мужескихъ именъ, въ которыхъ окончаніе *ь* произошло изъ первоначальнаго *ja*. Это *a*, снова выступающее въ немѣющемъ своего окончанія родительномъ, сходномъ съ родительнымъ именъ на *z* (мѣжъ, мѣжа), ослабѣвая, измѣнилось послѣ *j* сперва въ *e*, потомъ въ *i* и наконецъ въ *ь*¹⁴). Старинное мѣжъ, нынѣ *мужъ*, соотвѣтствуетъ санскритскому *mapi-shja* и въ первоначальномъ своемъ видѣ точно также не содержитъ въ себѣ родоваго члена, какъ слово *кѣкѣ*, соотвѣтствующее санскритскому *vṛka*. Полное окончаніе *ja* сохранилось въ *кѣльможа*, которое къ слову *кѣльможь* относится точно также, какъ *кѣкѣода* къ *на-кѣдѣ*.

Словопроизводный слогъ *арь* въ *золотарь*, *мытарь*, *словарь* соотвѣтствуетъ лат. *arius, arium*¹⁵). Стало быть, *ь* стоитъ здѣсь вмѣсто *iu*, которое соотвѣтствуетъ въ санскритскомъ тому же *ja*. Къ этому классу словъ присоединились имена, кончающіяся на *r*, напр. *царь* = *caesar*, *деверь* = санскр. *devar* = лат. *levig*. Если суффиксъ *тель* (*спаситель* и пр.) дѣйствительно то же, что санскрит. *tag*, греч. *τηρ, τωρ* и лат. *tor*, то и это окончаніе надобно, согласно съ Боппомъ¹⁶), признать усиленнымъ.

Именительные *камень* и *корень*, въ древности *камы*, *кору*, подобно словамъ *матерь* и *дщерь*, образовались изъ косвенныхъ падежей темы, первоначально оканчивавшейся согласною.

Усиленное смягченіе въ формахъ, подобныхъ *кѣждѣ*, достаточно объясняется вліяніемъ *j*. Г. Павскій (И. А. стр. 28) въ мужескихъ именахъ на *ь* признаетъ образовательною буквою только *i* и полагаетъ, что къ происшедшей изъ *i* буквѣ *ь* придается еще родовою членъ *z*, который послѣ *ь* долженъ также перейти въ *ь*, и что стеченіемъ этихъ двухъ *ь* производится

второе *и* я считаю за *ji*, *i* составляетъ падежное окончаніе и соотвѣтствуетъ литовскому *i* въ *jaunikki-ū*, а *j* предъ *i* составляетъ эвфоническую вставку. Г. Павскій букву *й* въ окончаніи *ей* принимаетъ за намѣстника *ь*, а *e* за соединительную гласную, которая соединяетъ *ь* именительнаго съ *ь* родительнаго. Объ окончаніи *ей*, когда оно замѣняетъ *й*, ср. сказанное выше, стр. 66, 67, подъ № 7.

14) Миклошичъ (тамъ же) производитъ *мѣжъ* отъ *мѣжъjz*; Боппъ (въ *Сравн. Грамм.* стр. 364) представляетъ темою форму *кѣрчjz*; но оба не обратили вниманія на то, что *z* и *zi* несомнѣстимы съ *j*. Слогъ *ек*, являющійся въ склоненіи *кѣрчъ*, обязанъ своимъ происхожденіемъ только смѣшенію формъ.

15) Павскаго И. А. стр. 159.

16) См. *Сравн. Грамм.* II отд. стр. 345.

усиленное смягченіе согласной¹⁷⁾. Такъ какъ мы вообще не видимъ въ славянскомъ языкѣ члена *ѣ* въ смыслѣ г. Павскаго и не можемъ представить себѣ выговора *ѣ* послѣ *ѣ*, то рѣшительно остаемся при вышеупомянутомъ Бопповомъ объясненіи *ѣ*.

Перехожу къ послѣднему окончанію мужескихъ именъ — къ *и*. Этому *и* въ старославянскомъ соотвѣтствуетъ *и*, которое, по Миклошичу, въ именительн., винительн. и звательн. един. и родительн. множеств. надобно выговаривать *и*, а въ прочихъ падежахъ *ji*¹⁸⁾. Добровскій¹⁹⁾ даже и пишетъ: кой, рай, змѣй, край и т. д. Въ древнѣйшія времена и въ старославянскомъ въ началѣ словъ и послѣ гласной всегда выговаривалось какъ *ji*: это я осмѣливаюсь теперь утверждать съ полною увѣренностью. Я никакъ не могу представить себѣ, чтобъ изобрѣтатель азбуки могъ пренебречь на письмѣ различіемъ выговора *i* и *ji*, когда въ другихъ случаяхъ онъ такъ строго различаетъ чистыя гласныя отъ ютированныхъ. Начертаніе *и* (ср. стр. 63, поясн. 2) также говоритъ въ пользу выговора *ji*, равно и соотвѣтствующая форма женскаго рода *и* и средняго *к*. Тамъ, гдѣ нынѣ *i* съ предыдущею гласною мы выговариваемъ двугласно и пишемъ *и*, въ старослав. языкѣ *i* въ сочетаніи *ji*, вѣроятно, произносилось короче, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выговоръ *ji* сохранился донынѣ. Это короткое *i*, которое съ предыдущимъ *j* я считаю за одинъ и тотъ же звукъ съ буквою *ѣ* въ сложеніи съ прочими согласными, былъ причиною того, что оно вполнѣдствіи, подобно

17) Въ старославянскомъ, какъ замѣтилъ уже Миклошичъ (Lautlehre, стр. 43), есть усиленное смягченіе даже предъ *ѣ*, происшедшаго изъ *ѣ*, въ повелительныхъ: *ѣѣждь*, *даждь*, *иждь*. Изъ *иждь* или *ѣждь* произошло русское *миѣ*. Последняя форма доказываетъ, что г. Павскій не слѣдуетъ, какъ полагали, провинциальному выговору, когда утверждаетъ, что *дождь* выговаривается *дошъ*. По поводу удвоенной формы *даждь* = *да-д-и* обращаю вниманіе читателя на другой удвоенный глагольный корень, котораго, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ никто не считалъ удвоеннымъ. Это глаголъ *глад-глад-ти*, безъ всякаго сомнѣнія, тождественный съ санскритскимъ корнемъ *gar* (*gr*) *sonim edere, canere, laudare*. Отъ простаго корня *глад* происходитъ *гладъ* *vox*, которое уже Миклошичъ (*Radices linguae slovenicae veteris dialecti*) сравнивалъ съ литовскимъ *garsas*. Онъ же сравнивалъ и *гладгладти* съ санскритскимъ *gar*, но второе *г* принималъ за вставку для усиленія звука, а *глад* — за суффиксъ. Старинный *г* сохранился въ словѣ *граи cantus* (*брано-граи cantus corvi*).

18) *Formenlehre*, стр. 6.

19) *Грамм. языка слав. по древнему нарѣчію*, стр. 323.

ерю, совершенно исчезло, а оставшіяся послѣ него j превратил-ся въ гласную и съ предыдущею гласною составилъ двуглас-ную²⁰).

Ji въ именительномъ есть ослабленіе *ja*²¹), которое мы и встрѣчаемъ въ неизмѣняемомъ окончаніи родительномъ (кѣ-и, кѣ-и). Какъ *ъ* и *ь* мѣняются мѣстами съ *а*, такъ и *ji* (и) съ *ja* (я): *сѣдин* = *сѣдина*, *вѣтти* = *вѣтина*, *писчии* = *писчиа*²²). Отно-шеніе между *змиа* и *змии*, *выа* и *выи* въ *жестокыи*, совершенно такое же, какъ между *слава* и *славъ* въ *Мстиславъ*, и между *слива* и *сливъ* въ *черносливъ*.

Суффиксъ и (*ji*) въ *дѣ-и* (*злосдѣи*, *кзносдѣи*), *лѣ-и* (*водолѣи*), *гно-и*, *во-и* (*након*, *прѣвои*), *кро-и* (*окрои*), *лоуча-и* (*полоучаи*, *прилоучаи*), *обыча-и*, *вѣнча-и* и т. д., означая какъ дѣйствующее лицо и орудіе, такъ и дѣйствие и отвлеченное понятіе со-стоянія (*вѣнчаи superbia*, *граи cantus*²³), *знои aestus*, *изкои cae-des*, *многодѣи magnificentiā*), въ точности соотвѣтствуетъ слово-производному *ъ* въ словахъ: *доброрѣкъ*, *добротѣкъ*, *прѣорѣкъ*, *морѣкъ*, *наносъ*, *потѣкъ*, *прѣкъмъ* и т. д. *J*, предшествующій въ этомъ окончаніи буквѣ *i*, вставленъ только для избѣжанія зія-нія, а *i* цыпѣ точно также исчезло въ выговорѣ, какъ въ выше-упомянутыхъ словахъ буква *ъ*.

Суффиксъ *ии* = *ii* есть санскритское окончаніе *ija* или *ija*, греч. *ιου-ς*, лат. *ii-s*. Онъ образуетъ прилагательныя, которыя дѣлаются иногда существительными. Примѣры: *вѣтти* отъ *вѣтѣъ* (ср. *прикѣтѣъ*, *сѣвѣтѣъ*), *сѣдин* отъ *сѣдѣъ*, *жрѣкии* отъ *жрѣкъъ*, *змии*, *можеть* быть, отъ *зѣмѣи* = *зѣмѣи* (въ словосложеніи *зѣмѣ*; ср.

20) Уже въ первой статьѣ я рѣшительно утверждалъ, что *й* въ *ай*, *ой* есть гласная, а отнюдь не согласная (*j*). Въ добавокъ къ тому, привожу здѣсь новое доказательство, которое мнѣ кажется немаловажнымъ. Извѣстно, что въ русскомъ языкѣ мягкія согласныя произносятся на концѣ словъ твердо: *г* какъ *к*, *д* какъ *т*, *в* какъ *ф* и т. д. Но буквѣ *j* соотвѣтствуетъ, какъ весьма вѣрно замѣтилъ Рау-меръ (Die Aspiration und die Lautverschiebung, стр. 17), твердый звукъ *ch* въ *Sichel*, соотвѣтствующій и звуку *ch* въ *milch*, *dich* и *g* въ *Sieg* (а въ *siegen* *g*, стоя между двумя гласными, выговаривается какъ *j*). По этому, если бы *й* въ *ай* было то же, что *j*, оно, по общему закону русскаго выговора, должно бы произноситься какъ нѣмецкое *ch*.

21) Миклошичъ (Formenlehre, стр. 8 § 4) говоритъ, что *кѣди* пишется вѣ-сто *кѣдѣъ*.

22) У Миклошича въ Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti.

23) Ср. 17-е примѣчаніе.

также: по *васи* земли²⁴⁾, *славии* отъ *слава*²⁵⁾, *чѣтии*²⁶⁾ отъ неупотребительнаго *чѣтѣ* (чтеніе), *божии* отъ *богѣ*, *рабочій* отъ *работа*, *охочій* отъ *охота*, *хожій* (въ сложеніи съ предлогами) отъ *ходѣ*, *пѣжій* (тоже въ сложеніи) отъ *пѣзда*, *досужій* отъ *досугѣ*²⁷⁾, *воловій* отъ *волов*, то-есть отъ усиленной темы *воль*.

Суффиксъ *атаи* въ *козатаи* = *козотани*, *зѣтани*, *оратани*, *позоратани*, *прѣлогатани*, *сѣгладатани* и *ходатани*²⁸⁾ уже г. Павскій (II. А. стр. 26) сравнивалъ съ латышскимъ *taja*, имѣющимъ въ имен. *tais*²⁹⁾. Въ литовскомъ языкѣ этотъ суффиксъ выговаривается *toja*, а въ имен. имѣетъ *tojis*: *pradėtojis Anstifter*, *padengtojis Tüncher*, *prabėgtojis Vorläufer*, *waldytojis Erbherr*, *atpirktojis* и *iszganytojis Erlöser*, *sutwėrtojis Schöpfer*, *dūtojis Geber*³⁰⁾ и т. д. Какъ латышское *i* въ *tais* и литовское *ji* въ *tojis*, такъ и соотвѣтствующія имъ славянское и и русское *ii* ничего не имѣютъ общаго съ членомъ, а составляютъ словопроизводное окончаніе.

Нигдѣ нѣтъ ничего, похожаго на мѣстоименіе, соотвѣтствующее русскому *ѣ*, *а*, *о*!

Что *i* въ окончаніи *ji* стоитъ на одной ступени съ *z*, доказываетъ еще форма заимствованныхъ словъ: это и (*i* съ эвфоническимъ *j*) является въ нихъ точно также, какъ *z*, на мѣсто гласной, принадлежащей къ темѣ: и послѣ гласныхъ, *z* послѣ согласныхъ: *ангѣлѣ* = *αγγελος*, *тоурѣ* = *ταῦρος* = *tauru-s*, *олѣи* = лат. *oleum* = литов. *alėju-s*, *иерѣи* = *ιερεύς*. Слова, заимствованныя позднѣе, съ утраченнымъ *i* и превратившимся въ гласную *j*, какъ напр. *борей* = *βορέας*, совершенно соотвѣтствуютъ

24) Miklosich, Monumenta linguae palaeoslovenicae, стр. 161.

25) Г. Павскій (II. Б. стр. 37) производитъ *славій* отъ *славить*: въ такомъ случаѣ *сЛАВИ*-и стояло бы на одной ступени съ *КЛАНЧА*-и.

26) Г. Павскій (II. Б. стр. 37) производитъ прилагательное *четій* отъ глагольнаго корня и окончаніе *ій* сравниваетъ съ окончаніемъ санскр. *bhavija* отъ *bhū*, *быть*. Древнѣйшая форма *bhavija* не возможна, но ея мѣтъ въ дѣйствительности. Въ употребленіи известна форма *bhavija*, но она производится вышѣ не отъ *bhū*, но отъ образованной изъ этого корня формы *hhava*.

27) Почему г. Павскій (II. Б. стр. 38) формы *рабочій* и др. производитъ отъ глаголь, мнѣ не совсѣмъ ясно.

28) Если не ошибаюсь, въ словарѣ Миклошича нѣтъ болѣе именъ на — *АТАИ*.

29) Г. Павскій невѣрно приводитъ (II. Б. стр. 38) именительный *walditajas*: должно быть *walditais*, см. Rosenberger, Formenlehre der lettischen Sprache in neuer Darstellung, стр. 44 и далѣе.

30) Я держусь орфографіи Нессельмана.

словамъ съ сокращеннымъ окончаніемъ, какъ напр. *Ликуръ* = *Λυχοῦργος*³¹⁾. Въ вышеприведенныхъ заимствованныхъ словахъ мужское окончаніе и относится къ *ъ* совершенно также, какъ средняго рода окончаніе *к* въ словѣ *ѡвангѣли* = *εὐαγγέλιον*-у къ окончанію *о* въ *мѣро* = *μέτρον*-у. Какъ нѣтъ никакого основанія принимать *ъ* и *о*, соотвѣтствующія буквѣ *ο* въ греч. *ος* и *ου*, и буквѣ *и* въ латин. *us* и *um*, за мѣстоименіе или родовой членъ, такъ неумѣстно подобное мнѣніе и объ *и*, потому что оно точь въ точь приходится на мѣстѣ *о* и *и*, когда имъ предшествуетъ не согласная, а гласная.

Объ окончаніи опредѣленныхъ прилагательныхъ намъ немного осталось еще сказать. Такъ какъ я въ простомъ прилагательномъ не нахожу мѣстоименія *ъ*, *а*, *о*, то рѣшительно отвергаю мнѣніе, будто бы опредѣленные прилагательныя содержать въ своемъ окончаніи два члена. До сихъ поръ всѣ были согласны, что эти прилагательныя образуются чрезъ присоединеніе старославянскаго мѣстоименія *и*, *я*, *к*, потому что полную форму его можно прослѣдить почти во всѣхъ падежахъ. Г. Павскій, напротивъ, требуетъ вниманія къ открытому имъ мѣстоименію *ъ*, *а*, *о*, и вслѣдствіе того утверждаетъ, что опредѣленные прилагательныя сложены съ этимъ мѣстоименіемъ. До сихъ поръ раздѣляли слоги слѣдующимъ образомъ: *добра-аго*, *доброу-оумоу*, *добры-имъ*, *добрѣ-къмъ*, *добра-ихъ*, *добры-имъ*, *добры-ими*: отъ г. Павскаго мы узнаемъ (П. Б. стр. 161), что надобно дѣлать иначе, именно: *добр-аа-го*, *добр-уу-му*, *добр-ьи-мъ*, *добр-ьъ-мъ*, *добр-ьи-хъ*, *добр-ьи-мъ*, *добр-ьи-ми*, и что среднія двойныя буквы представляютъ, вѣроятно, долгія гласныя. Долгота же гласной допускается здѣсь, по объясненію г. Павскаго, въ замѣну соединительныхъ гласныхъ, необходимыхъ при сочетаніи словъ и въ замѣну тѣхъ гласныхъ, которыя стояли предъ мѣстоименными окончаніями: *го*, *му*, *мъ*, *хъ*, *мъ*, *ми*. Этотъ, во всякомъ случаѣ оригинальный взглядъ мы не будемъ на первыи разъ оспаривать, потому что онъ, какъ кажется, не находитъ себѣ послѣдователей.

31) Въ имени *Дунай* и произошло, по видимому, изъ *е*; по крайней мѣрѣ въ супрасльской рукописи употребляется форма *доунакъ*, см. Miklosich, Lexicon linguae palaeoslovenicae, стр. 40, b.

Старославянское мѣстоименіе и, ѡ, ѣ уже Боппъ³²⁾ сравнивалъ съ лит. *jis, ji* и съ санскр. относительнымъ *ja*. Какъ мужское и (*ji*), такъ и среднее *ѣ* стоятъ вмѣсто древнѣйшаго *ja* и, стало быть, первоначально не были родовыми отличіями. Въ литовскомъ опредѣленные прилагательныя образуются чрезъ прибавленіе того же мѣстоименія: *geras-is, gego-ji, gegain-jam, gegai-jei* и т. д. Когда же г. Павскій (И. Б. стр. 23) упрекаетъ Боппа за то, что окончаніе *as* онъ производитъ отъ санскр. *ja-s*, то я долженъ замѣтить, что такого страннаго мнѣнія Боппъ, сколько мнѣ извѣстно, не высказалъ ни въ томъ мѣстѣ, па которое ссылается г. Павскій, ни въ какомъ-либо другомъ.

Въ заключеніе, совокупимъ все сказанное объ окончаніяхъ подъ общіе взгляды.

1) Уже въ старославянскомъ, какъ писалъ Боппъ еще въ 1835 году, нельзя найти никакого слѣда древняго отличительнаго знака именительнаго падежа.

2) Старославянскія окончанія *ъ, ѡ, и, ѣ, ѡ, ѣ*, по своему происхожденію точно также не представляютъ въ себѣ мѣстоименія, означающаго родовое отличіе, какъ *а* и *ѡ* мужескихъ именъ.

3) Древнія *и, а* и *ja* въ старославянскомъ только въ мужескихъ именахъ ослабѣли до звуковъ *ъ* и *и*, и только вслѣдствіе того въ имен. ед. произошло различіе между мужескимъ и среднимъ родомъ.

4) Древнее отличіе женскаго рода *а* уже въ старославянскомъ совершенно сблизилось съ первоначально краткимъ *а* мужескихъ именъ, такъ что между мужескими и женскими именами по формѣ не осталось никакого различія ни въ именительномъ ед., ни въ другихъ падежахъ.

5) Въ славянскихъ прилагательныхъ древнее *а* (*я*) является признакомъ женскаго рода; при всемъ томъ, оно не составляетъ ни старорусскаго мѣстоименія *а*, ни греч. *ή*, ни санскр. *sā*.

6) Окончанія *ъ, ѡ, и* и *ѣ, ѡ, ѣ* (*ѣ*) уже въ старославянскомъ

32) Въ *Сравнительной Грамматикѣ*, отд. III, стр. 533 и далѣе.

употребляются для обозначенія рода, но это не даетъ намъ права принимать ихъ ни за членъ, ни за мѣстоименіе³³⁾.

7) Въ нынѣшнемъ русскомъ совершенно безгласный *ѣ* только на бумагѣ является родовымъ отличіемъ. Если бы о немъ не упоминали вовсе, а говорили просто, что всѣ имена, оканчивающіяся несмягченною согласною, суть мужескаго рода, то былъ бы прямо выраженъ общепонятный законъ, имѣющій приложеніе не только къ русскому, но и къ польскому. Русское *волкъ* (= санскр. *vṛka-s*), не смотря на свой *ѣ*, въ такой же мѣрѣ испорчено, какъ польское *wilk* и франц. *sauf* (= лат. *salvus*). Но въ *wilk* и въ *sauf*, конечно, никто не будетъ искать мѣстоименія и вмѣстѣ родоваго признака.

8) Русское *й*, не смотря на то, что употребляется только въ мужескихъ именахъ, иногда не составляетъ даже существенной части прежняго полнаго словопроизводнаго суффикса безъ родоваго значенія, а составляетъ только остатокъ эвфонической вставки для избѣжанія зіянія.

9) Определенныя прилагательныя въ славянскомъ содержатъ въ себѣ только одно мѣстоименіе, именно: древнее *и*, *я*, *к*, которое только въ женскомъ родѣ представляетъ первобытное родовое отличіе.

33) Въ повѣйшей формѣ именительнаго *колесо*, которая образовалась или изъ множественнаго, или изъ старинныхъ косвенныхъ падежей единственнаго и вытѣснило изъ употребленія древиною форму *коло*, окончаніе *о* является настоящимъ родовымъ отличіемъ.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ПРОТОКоловъ
ТРЕТЬЯГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ,

съ 9 января по 4 июня 1852 года.

Засѣданіе 9 января.

А. Броссе читалъ отрывокъ изъ древней русской литературы, по списку XVII вѣка: *О войнѣ царицы Динары, дочери иверскаго царя Александра Мелека, съ царемъ перскимъ.* (Напечатанъ въ «Бюллетенѣ».)

Непремѣнный Секретарь предложилъ Отдѣленію представленное А. Погодинымъ рукописное сочиненіе г. Григорьева: *Формы и словарь цыганскаго языка.* Поручено рассмотреть А. Бетлингу.

А. Кеппенъ представилъ окончанный имъ *Этнографическій атласъ европейской Россіи*, на которомъ границы пространства, занимаемыхъ инородцами, отмѣчены, на основаніи официальныхъ данныхъ, разными красками. Положено хранить въ академической библіотекѣ.

А. Броссе представилъ три грузинскія рукописи, присланныя г-мъ Кебадзе, и приобретенныя имъ для академической библіотеки. Показавъ содержаніе рукописей, г. Броссе предложилъ Отдѣленію поручить г. Кебадзе приобрести покупкою книги, относящіяся къ Грузіи.

Читано предписаніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 14 декабря 1851 года, при которомъ Е. С. препроводилъ на разсмотрѣніе Академіи сочиненіе директора второй одесской гимназіи, г. Беккера: *Берегъ Понта Эвксинскаго.* Авторъ находитъ слѣды Неоптолемовой башни и древняго города Никоніи, но полагаетъ, что окончательное подтвержденіе этого открытія зависитъ отъ раскопокъ, произведенныхъ на мѣстѣ. Не имѣя собственныхъ средствъ для произведенія такого

рода изысканій, г. Беккеръ обратился съ просьбою о содѣйствіи къ Министерству Народнаго Просвѣщенія. А. Стефани, которому Непремѣнный Секретарь предварительно сообщилъ предложеніе г. Министра, донесъ Отдѣленію, что догадки г. Беккера имѣютъ достаточную степень вѣроятности при тѣхъ средствахъ, какія были въ его распоряженіи, и что его просьба заслуживаетъ уваженія. Рѣшено сообщить этотъ отзывъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

Президентъ Академіи, графъ С. С. Уваровъ, при письмѣ отъ 24 декабря 1851 года къ Непремѣнному Секретарю, представилъ Академіи, отъ имени автора, сочиненіе графа А. С. Уварова: *Исслѣдованіе древностей южной Россіи и береговъ Чернаго моря*. Выпускъ первый. С. Пб. 1851. Отдѣленіе приняло этотъ даръ съ особеннымъ участіемъ и поручило А. Стефани рассмотретьъ сочиненіе и, если возможно, напечатать о немъ отзывъ въ «Бюлетенѣ».

Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ отношеніемъ отъ 18 декабря сообщилъ Непремѣнному Секретарю ноту Императорско-Австрійскаго Посольства, которою оно ходатайствуетъ о доставленіи барону фонъ-Гаммеру-Пургсталу находящейся въ азіатскомъ музеумѣ Академіи арабской рукописи: *Risalet Fi hall-il-akd we nesr-in-nasm*. Отдѣленіе поручило г. Дорну передать испрашиваемую рукопись въ канцелярію Непремѣннаго Секретаря для препровожденія въ Азіатскій Департаментъ.

Предсѣдатель Астраханской Казенной Палаты, г. Казаченко, при письмѣ отъ 12 декабря, представилъ въ даръ Академіи 174 монеты, собранныя имъ во время пребыванія на службѣ въ Грузіи и въ Астрахани. Поручивъ Непремѣнному Секретарю благодарить за приношеніе, Отдѣленіе положило передать монеты съ ихъ реестромъ А. Дорну для разбора по разрядамъ и поручило гг. директорамъ и консерваторамъ нумизматическихъ собраній Академіи опредѣлить тѣ монеты, которыя могутъ быть обогащеніемъ для академическихъ собраній.

Учитель усть-сысольскаго уѣзднаго училища, г. Михайловъ, представляя при письмѣ отъ 17 декабря свое сочиненіе подъ заглавіемъ: *Описаніе Устьвыма*, — плодъ путешествія, совершеннаго имъ, при содѣйствіи начальства, для изученія исторіи и древностей зырянскихъ, просилъ Академію подвергнуть это сочиненіе критическому разсмотрѣнію. Отдѣленіе передало эту просьбу А. Шегрену на разсмотрѣніе.

Читано письмо изъ Аѳинъ, отъ 22 октября, которымъ г. Евлампіосъ извѣщаетъ Академію о новыхъ книгахъ, изданныхъ въ Греціи, которыя онъ послалъ для академической библіотеки чрезъ Одессу.

Главный библіотекаръ лейденскаго университета г. I. Гель, при письмѣ отъ 22 октября, прислалъ арабскую рукопись, содержащую посланія *Abou-Is'haq ess-Ssâbi*, о доставленіи которой Академія ходатайствовала по просьбѣ г. Хвольсона. Бывъ немедленно передана Не-

премѣннымъ Секретаремъ А. Куннику, рукопись нынѣ опять возвращена вмѣстѣ съ благодарностью отъ г. Хвольсона, который сдѣлалъ уже изъ нея нужныя извлеченія, вслѣдствіе чего она имѣетъ быть отправлена чрезъ посольство къ г. Гелю.

Членъ-корреспондентъ Академіи г. Лаппенбергъ представилъ въ даръ Академіи книгу: *Urkundliche Geschichte des hansischen Stuhl-hofs zu London*, изданную въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, не назначенныхъ для продажи. Определено благодарить за приношеніе и представить книгу общему собранію Академіи.

Непремѣнный Секретарь, съ разрѣшенія Президента Академіи, читалъ: 1) предложеніе, составленное еще покойнымъ А. Грефе и подписанное АА. Шегреномъ и Броссе, о правахъ А. Дорна на степень ординарнаго академика на мѣсто покойнаго Френа, и перечень сочиненій г. Дорна; 2) донесеніе по тому же предмету отъ А. Броссе, какъ представителя отдѣленія восточныхъ языковъ. Положено ба-лотировать г. Дорна въ слѣдующее засѣданіе.

А. Стефани избранъ Отдѣленіемъ въ директоры нумизматическаго и египетскаго музеевъ Академіи, на мѣсто покойнаго Грефе.

Засѣданіе 23 января.

А. Стефани представилъ Отдѣленію, съ одобреніемъ къ изданію въ «Бюлетенѣ», *Извѣстіе г. Муральта о греческихъ рукописяхъ Императорской Публичной Библиотеки съ рисунками весьма древнихъ вре-менъ*. (Напеч. въ «Бюлетенѣ».)

Читано письмо графа А. С. Уварова отъ 15 января, которымъ благодаритъ Академію за благосклонный пріемъ, оказанный его сочиненію.

Отдѣленіе приступило къ ба-лотированію г. Дорна на степень ординарнаго академика. По собраніи голосовъ, А. Дорнъ оказался избраннымъ единодушно. Положено: заявить о семъ въ общемъ собраніи Академіи.

Засѣданіе 6 февраля.

А. Броссе прочелъ: *Rapport adressé à Son Excellence M. le Prince Vorontsov, lieutenant de Caucase, sur trois excursions archéologiques de M. Dmitri Meghwineth-Koutsevoz, de Gori*. По желанію автора, это донесеніе оффиціально представлено г. Намѣстнику Кавказскому.

А. Бетлингъ представилъ Отдѣленію сочиненіе хранителя библиотеки, г. Шифнера, подъ заглавіемъ: *Berichtigungen und Ergänzungen zu der Schmidt'schen Ausgabe des Dsanglun, nach den Hülfsmitteln des Asiatischen Museums der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*, и предложилъ издать оное отдѣльною книгой совершенно одинаковаго формата съ Шмидтовымъ изданіемъ Дзанглуна. Одобрено.

А. Кунникъ читалъ донесеніе, въ которомъ возобновилъ вопросъ, уже занимавшій Отдѣленіе, вопросъ о новомъ изданіи двухъ сочиненій

Круга о русской нумизматикѣ и византійской хронологіи, съ примѣчаніями и дополненіями, внесенными рукою самого автора въ экземпляры, переплетенные для этой цѣли съ бѣлыми листами (см. выше, въ Отчетѣ за 1851 г. стр. 21). При этомъ случаѣ, г. Куникъ снова указалъ на важность изученія византійскихъ историковъ, и замѣтилъ, что если бы даже премія, предложенная Академіею въ 1848 году, не привела ни къ какому результату, это нисколько не освободитъ Академію отъ дальнѣйшихъ усилій, ни истощитъ ея средствъ къ ихъ продолженію. Однимъ изъ такихъ средствъ къ поощренію византійскихъ изслѣдованій, безспорно, было бы изданіе помянутыхъ сочиненій Круга, и г. Куникъ изъявилъ готовность, если угодно Отдѣленію, тотчасъ приступить къ изданію Круговой нумизматики, если только Отдѣленіе не откажетъ въ необходимомъ содѣйствіи къ облегченію неизбежныхъ въ подобномъ дѣлѣ механическихъ трудовъ, которыхъ онъ не можетъ принять на себя безъ ущерба для своихъ собственныхъ занятій. Къ счастью, г. Куникъ нашелъ ученаго, способнаго и готоваго на такой трудъ, въ д-рѣ Ф. Мейерѣ, ученикѣ обоихъ Гриммовъ, Лакмана и Штура. Отдѣленіе единодушно одобрило этотъ планъ и поручило г. Кунику не откладывать его выполненія.

А. Шегренъ представилъ донесеніе о вышеупомянутомъ *Описаніи Устьвыма*, г. Михайлова: онъ находитъ въ сочиненіи похвальное стремленіе къ прекрасному и полезному, равно и здоровое прагматическое и критическое направленіе, но съ другой стороны замѣчаетъ также нѣкоторыя ошибки, упущенія и смѣлыя предположенія. Положено сообщить г. Михайлову копію сего донесенія.

А. Кеппенъ, видя изъ вѣдомостей Министерства Государственныхъ Имуществъ, что Мещеряки живутъ въ пензенской губерніи, но не находя нигдѣ о томъ обстоятельныхъ свѣдѣній, просилъ Отдѣленіе обратиться къ пензенскому губернатору съ просьбою о доставленіи росписи деревень, населенныхъ Мещеряками, съ показаніемъ числа жителей, мужскаго и женскаго пола, въ каждой деревнѣ. Отдѣленіе положило исполнить желаніе г. Кеппена.

А. Шегренъ, напоминая Отдѣленію о просьбѣ г. Александра Вальда въ Нижнемъ-Новгородѣ, доложенную имъ 28 ноября прошлаго года, просилъ Отдѣленіе объ исходатайствованіи покровительства начальника губерніи, которое доставило бы г. Вальду содѣйствіе мѣстныхъ властей его лингвистическимъ изысканіямъ.

Тотъ же академикъ, напоминая Отдѣленію свою просьбу, предложенную въ засѣданіи 18 апрѣля 1851 года, и ссылаясь на опредѣленія Отдѣленія того же числа и 9 іюня, объявилъ, что въ нынѣшнемъ году онъ желалъ бы исполнить свое намѣреніе посѣтить еще разъ остатки Ливовъ въ Курляндіи и пополнить свои изслѣдованія объ ихъ языкѣ, для котораго онъ составилъ грамматику и словарь. На это путешествіе

онъ назначаетъ 4 мѣсяца нынѣшняго лѣта. Принимая во вниманіе, что остатки Липовъ быстро исчезаютъ съ каждымъ годомъ, Отдѣленіе признало всю важность и настоятельную необходимость изслѣдованія обѣихъ языковъ, и, изъявивъ готовность поддержать просьбу г. Шегрена всѣмъ своимъ авторитетомъ, опредѣлило просить разрѣшенія у г. Министра Народнаго Просвѣщенія на предполагаемое путешествіе.

Онъ же, г. Шегренъ, представилъ въ даръ для бібліотеки азійскаго музеума экземпляръ осетинскаго перевода Псалтири, изданный въ 1848 году учителемъ тифлисской семинаріи, г. Медловымъ.

А. Дорнъ представилъ Отдѣленію восточныя монеты, отобранныя имъ изъ собранія г. Казаченко, съ подробнымъ ихъ перечнемъ.

А. Бетлингъ донесъ о сочиненіи г. Григорьева: *Формы и словарь цыганскаго языка*, что хотя въ настоящемъ своемъ видѣ оно не можетъ быть издано Академіей, тѣмъ не менѣе содержитъ въ себѣ данныя, достойныя вниманія, и что, вслѣдствіе того, азійскій музеумъ можетъ пожертвовать нѣкоторою суммою для пріобрѣтенія рукописи, если авторъ согласится предоставить ее въ полное распоряженіе Академіи. По изъявленіи согласія А. Дорномъ, Отдѣленіе приняло заключеніе г-на Бетлинга, и поручило А. Кунику сообщить это заключеніе автору рукописи чрезъ посредство А. Погодина.

Непремѣнный Секретарь передалъ членамъ Отдѣленія адресованное на его имя письмо г. Президента Академіи, въ которомъ Е. С. объясняетъ, каковы были его личныя сношенія съ покойнымъ академикомъ Грефе въ продолженіе слишкомъ сорока лѣтъ. Отдѣленіе, живо тронутое почестью, оказываемою знаменитымъ Президентомъ памяти своего достойнаго сочлена, положило напечатать это письмо и раздать всѣмъ членамъ Академіи. (См. выше, стр. 46—50.)

Читано письмо изъ Гёттингена отъ 27 января, которымъ профессоръ К. Фр. Германъ благодаритъ Академію за избраніе его въ число своихъ членовъ-корреспондентовъ.

АА. Броссе и Дорнъ сообщили извлеченія изъ двухъ писемъ, полученныхъ ими изъ Тифлиса, отъ г. Ханькова (оба напечатаны въ «Бюллетенѣ»).

Засѣданіе 20 февраля.

А. Кеппенъ представилъ объяснительную записку къ своей этнографической картѣ европейской Россіи (напечатана въ «Бюллетенѣ»).

А. Куникъ читалъ записку *О русскихъ періодическихъ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ съ 1728 по 1831 годъ*. Бывъ первоначально наведенъ на этотъ трудъ желаніемъ нѣкоторыхъ академиковъ, г. Куникъ, при обзорѣ помянутыхъ изданій, убѣдился, что Академія, отъ самаго основанія своего, никогда не упускала изъ виду важнѣйшаго изъ назначеній ея учрежденія, именно — питать между соотече-

ственниками расположеніе къ серьёзнымъ занятіямъ и распространять между ними просвѣщеніе чрезъ посредство періодическихъ сборниковъ, издаваемыхъ на русскомъ языкѣ. Такіе сборники издавала она въ теченіе болѣе столѣтія, и число ихъ довольно значительно. Каковы бы ни были причины прекращенія сихъ опытовъ, Отдѣленіе полагаеть, что въ настоящее время нельзя откладывать предпріятія подобнаго изданія, и что положить тому начало слѣдуетъ историко-филологическому отдѣленію, такъ какъ труды его болышею частію живѣе интересуютъ соотечественниковъ, что доказывается, между прочимъ, изданіемъ «*Mélanges russes*», которое опередило прочія спеціальныя изданія Академіи. Посему Отдѣленіе рѣшилось, продолжая изданіе своихъ «Разсужденій» (*Mémoires*), «Извѣстій» (*Bulletin*) и «Сборниковъ» (*Mélanges*) въ прежнемъ ихъ видѣ, положить нынѣ основаніе сборнику на русскомъ языкѣ, съ тѣмъ, чтобы въ составъ его входили статьи, соответствующія потребностямъ русскаго ученаго образованія, будутъ ли они написаны на русскомъ, или переведены, или извлечены изъ сочиненій, написанныхъ на другихъ языкахъ. Обдумать и привести въ исполненіе это предположеніе Отдѣленіе поручило особой комиссіи, которую составило изъ АА. Устрялова, Броссе и Кунника.

Профессоръ александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ, г-нъ Кастрень, донесъ Отдѣленію, что, такъ какъ трехлѣтній срокъ, дарованный ему, по возвращеніи изъ этнографическаго путешествія, для литературной обработки его изслѣдованій и наблюденій, окончился, то содержаніе, которымъ онъ пользовался, и самыя сношенія его съ Академіей должны прекратиться. По этой причинѣ онъ счелъ своею обязанностию отдать Академіи отчетъ объ успѣхѣ своихъ занятій въ теченіе даннаго ему срока и о степени окончательной обработки, какую онъ болѣе или менѣе успѣлъ дать своимъ сочиненіямъ. Кромѣ *Остатковъ Грамматики*, изданной Академіею, и двухъ сравнительно-лингвистическихъ трактатовъ объ алтайскихъ языкахъ, изданныхъ въ Гельсингфорсѣ на латинскомъ языкѣ, г. Кастрень приготовилъ къ изданію: 1) *Граматику самоѣдскихъ языковъ*, на 175 письменныхъ листахъ, 2) *Этнографическое обозрѣніе алтайскихъ народовъ*, на 90 листахъ, и 3) *Историческое извѣстіе о своемъ путешествіи*, котораго 75 листовъ могутъ быть тотчасъ отданы въ печать. Но такъ какъ однако жъ ни одно изъ этихъ сочиненій не окончено вполне, то г. Кастрень просить Академію принять за извиненіе въ этомъ замедленіи его служебныя обязанности при университетѣ. Считаая «Самоѣдскую Граматику» самымъ важнымъ изъ своихъ трудовъ, г. Кастрень просить Отдѣленіе принять ее, когда она будетъ кончена, въ свою собственность и въ полное распоряженіе. Отдѣленіе, желая видѣть все сочиненія г. Кастрена изданными Академіей, положило испросить его согласія передать все ихъ Отдѣленію, предложивъ, въ видѣ вознагражденія, по сту экземпляровъ каждаго со-

чиненія. Предоставляя выборъ языка для ихъ изложенія усмотрѣнню автора, Отдѣленіе изъявило готовность перевести ихъ иждивеніемъ Академіи, если бы г. Кастрентъ заблагодарасудилъ написать ихъ на шведскомъ.

Засѣданіе 5 марта.

А. Дорнъ представилъ записку: Ueber eine Handschrift der arabischen Bearbeitung der Geschichte des Josaphat und Barlaam. (Напеч. въ Бюлл.)

А. Стефани читалъ продолженіе своихъ изслѣдованій подъ заглавіемъ: Papega archaeologica (IX и X ст.). (Напеч. въ Бюлл.)

А. А. Устряловъ, Броссе и Куникъ, которымъ поручено было составить программу русскаго ученаго сборника, представили Отдѣленію планъ этого изданія. Оно будетъ выходить въ неопредѣленные сроки, книжками отъ осьми до пятнадцати листовъ въ большую осьмунку: 40 или 45 листовъ составятъ томъ. Редакція изданія будетъ поручена особому комитету, составленному изъ академиковъ, избираемыхъ на годъ. Одобряя всѣ эти предположенія, какъ относительно плана, такъ и вразсужденіи перемѣнъ, какія могутъ произойти, вслѣдствіе того, въ другихъ изданіяхъ Академіи, Отдѣленіе составило редакціонный комитетъ изъ трехъ подписавшихъ настоящій планъ изданія и А. Бетлинга, и поручило имъ немедленно приступить къ изданію.

А. Устряловъ представилъ реестръ русскихъ монетъ, найденныхъ въ собраніи г. Казаченко; ихъ оказалось 20: 8 серебряныхъ и 12 мѣдныхъ.

А. А. Устряловъ, Броссе и Кеппенъ представили Отдѣленію донесеніе объ ученыхъ трудахъ и литературныхъ заслугахъ коллежскаго совѣтника К. Веселовскаго, начальника статистическаго отдѣленія въ Департаментѣ Сельскаго Хозяйства при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ. По изъявленіи г. Веселовскимъ желанія поступить въ Академію въ званіи адъюнкта политическихъ наукъ, подписавшіе донесеніе считаютъ его вполне достойнымъ этого званія и подкрѣпляютъ свое предложеніе, со стороны Физико-Математическаго Отдѣленія Академіи, подписью А. Купфера, какъ лучшаго цѣнителя метеорологическихъ трудовъ г. Веселовскаго, и со стороны Второго Отдѣленія подписью г. Арсеньева, извѣстнаго и уважаемаго знатока русской статистики. Предложеніе это сдѣлано съ разрѣшенія Президента Академіи и, сверхъ того, было испрашиваемо согласіе г. Министра Государственныхъ Имуществъ, который отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, какъ о способностяхъ и познаніяхъ г. Веселовскаго, такъ и о его характерѣ. По разсужденіи о достоинствахъ предложеннаго кандидата, Отдѣленіе положило приступить къ балотировкѣ его въ слѣдующее засѣданіе.

Засѣданіе 19 марта.

А. Бетлингъ представилъ записку: Ueber die Sprache der Zigeuner in Russland. Nach den Grigorjev'schen Aufzeichnungen mitgetheilt. (Напеч. въ Бюлл.)

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предписаніемъ отъ 6 марта, препроводилъ на разсмотрѣніе Академіи татарскіи переводъ Правилъ касательно пожаровъ въ деревняхъ, — переводъ, сообщенный Его Сіятельству г. Министромъ Государственныхъ Имуществъ. По порученію Отдѣленія, переводъ сей былъ сверенъ съ оригиналомъ А. Дорномъ и возвращенъ имъ при донесеніи, которое представлено Отдѣленіемъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

Другимъ предписаніемъ, отъ 11 марта, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ Непремѣнному Секретарю Казыцкую Азбуку, составленную священникомъ Диалогенскимъ, для разсмотрѣнія ея со стороны учебнаго достоинства и въ цензурномъ отношеніи. Г. Шифнеръ, которому книга эта передана была на разсмотрѣніе, въ своемъ донесеніи напомнилъ Академіи, что другой подобный трудъ того же автора былъ уже одобренъ покойнымъ А. Шмидтомъ, и о настоящемъ сочиненіи также одобрительно отзывался въ обоихъ указанныхъ отношеніяхъ. Копія съ этого донесенія представлена г. Министру.

Третьимъ предписаніемъ, отъ 13 марта, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія препроводилъ на разсмотрѣніе Академіи сообщенный г. Военнымъ Министромъ учебникъ кавказско-татарскаго языка, г. Макарова, исправленный по замѣчаніямъ А. Дорна и снабженный объяснительнымъ примѣчаніемъ автора. Г. Военный Министръ желаетъ знать, можетъ ли этотъ учебникъ въ настоящемъ видѣ быть введенъ въ руководство въ новочеркасской гимназіи, или нѣтъ ли другаго учебника, который бы заслуживалъ предпочтенія? — Поручено г. Дорну составить донесеніе.

Четвертымъ предписаніемъ, отъ 18 марта, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ А. Кешпену отправиться въ путешествіе по Бессарабіи и Крыму на годъ, съ сохраненіемъ академическаго оклада.

Читано письмо отъ 24 сентября изъ Неаполя, отъ г. Джуліо Минервини, съ посылкою для академической библиотеки восьми книгъ археологическаго содержанія, изданныхъ въ Неаполѣ въ разные годы послѣдняго десятилѣтія. На основаніи отзыва А. Стефани объ ученомъ достоинствѣ этихъ сочиненій, Отдѣленіе поручило Непремѣнному Секретарю изъявить г. Минервини искреннюю благодарность Академіи за его полезное приношеніе.

Отдѣленіе приступило къ балотировкѣ г. Веселовскаго на степень адъюнкта Академіи по политическимъ наукамъ. По собраніи голосовъ, избраніе оказалось единодушнымъ и имѣетъ быть объявлено общему собранію въ слѣдующемъ засѣданіи.

АА. Броссе, Шегренъ и Дорнъ представили Отдѣленію донесеніе, вызванное разными спеціальными потребностями восточныхъ наукъ, которыя, по ихъ мнѣнію, заслуживаютъ полнаго вниманія Отдѣленія. Именно, въ области литературы мусульманскихъ, монгольской, китайской и тибетской ощутительна надобность въ ревностныхъ и способныхъ дѣятеляхъ. Находя въ Отдѣленіи вакантное мѣсто адъюнкта, подписавшіе донесеніе предлагаютъ на это мѣсто кандидата с. петербургскаго университета г. Шифнера, уже извѣстнаго Академіи многими трудами, которые свидѣтельствуютъ о его необыкновенной способности къ изученію языковъ и о замѣчательныхъ успѣхахъ его въ области языковъ центральной Азіи, особенно въ языкѣ тибетскомъ. Оцѣняя давнія заслуги г. Шифнера и его постоянство въ занятіяхъ, и припоминая услуги его Отдѣленію, которое онъ неразъ выводилъ изъ затрудненія, когда надобно было отдавать отчеты о книгахъ на упомянутыхъ языкахъ, члены Отдѣленія съ удовольствіемъ приняли извѣстіе, что Президентъ Академіи разрѣшилъ предложить его избраніе въ адъюнкты. Положено балотировать г. Шифнера въ слѣдующее засѣданіе.

Засѣданіе 16 апрѣля.

А. Стефани прочелъ отзывъ о сочиненіи графа А. С. Уварова: *Исслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря.* (Напеч. въ Бюлл.)

А. Дорнъ прочелъ два извѣстія: 1) Ueber die dem Asiatischen Museum seit dem Jahre 1850 zugekommenen Muhammedanischen Handschriften, и 2) Die berühmtesten muhammedanischen Schönschreiber.

А. Шегренъ представилъ и прочелъ записку г. Кастрена, подъ заглавіемъ: Was bedeuten die Wörter *Jumala* und *Ukko* in der finnischen Mythologie? (Напечатана въ «Бюллетенѣ», равно и извѣстія г-на Дорна).

А. Броссе представилъ и прочелъ статью, сообщенную г. Ханьковымъ, въ Тифлисѣ, подъ заглавіемъ: Note sur le yarlygh d'Abou-Said-Khan, conservé sur les murs de la mosquée d'Ani. Положено напечатать въ «Бюллетенѣ».

А. Дорнъ, по порученію Отдѣленія, вторично разсматривавшій учебникъ кавказско-татарскаго языка, составленный учителемъ сего языка г. Макаровымъ въ Тифлисѣ, донесъ, что замѣченные имъ въ первой редакціи сего труда ошибки большею частію исправлены, и что за тѣмъ сей учебникъ, за неизмѣнимъ лучшаго, можетъ быть напечатанъ и принятъ въ руководство при обученіи кавказско-татарскому языку въ тифлисскомъ училищѣ. Впрочемъ А. Дорнъ поставляетъ на видъ, что онъ одобряетъ сію книгу не въ качествѣ академика, а въ качествѣ бывшаго профессора, которому изъ опыта извѣстны всѣ трудности преподаванія восточныхъ языковъ безъ пособія печатнаго руко-

водства. Потому онъ не желаетъ, чтобы на заглавномъ листѣ или гдѣ либо въ предисловіи было объявлено, будто эта книга одобрена Академіею Наукъ. Возраженія же г. Макарова на первый отзывъ г-на Дорна онъ проситъ хранить при дѣлѣ на случай справокъ. Отдѣленіе, одобривъ сіе мнѣніе и утвердивъ заключеніе г. Дорна, положило копію съ онаго передать на усмотрѣніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

А. Куникъ изложилъ, въ особомъ мнѣніи, необходимость учрежденія *спеціальной академической бібліотеки*, то-есть книгохранилища, которое заключало бы въ себѣ полное, по мѣрѣ возможности, собраніе всѣхъ книгъ, картъ, плановъ, газетъ и другихъ поврежденныхъ изданій и сборниковъ, календарей и проч., изданныхъ отъ Академіи съ самаго ея учрежденія. Къ сожалѣнію, и нынѣ уже многія изъ старѣйшихъ изданій сего рода не существуютъ даже въ самой бібліотекѣ Академіи, и могутъ быть приобрѣтены развѣ только случайно. Отдѣленіе, признавъ и оцѣнивъ всю пользу такого учрежденія, назначило для дальнѣйшаго соображенія мѣрѣ къ приведенію его въ исполненіе комиссію изъ Непремѣннаго Секретаря и АА. Шегрена, Стефани и Куника.

А. Броссе представилъ Отдѣленію пять изданій канцеляріи и типографіи Намѣстника Кавказскаго, по части грузинскихъ древностей, исторіи и литературы.

А. Дорнъ представилъ принесенный г-мъ Ханыковымъ въ даръ Азіатскому Музеуму знакъ отличія, учрежденный Шамилемъ и жадумый имъ своимъ сподвижникамъ: на немъ арабская надпись: «Кто заботится о послѣдствіяхъ, храбрымъ быть не можетъ.» Экземпляръ сей принадлежалъ Гейдеръ-Бегу, помощнику извѣстнаго наиба Хаджи-Мурада.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предписаніемъ отъ 23 марта препровождая въ Академію 27 арабскихъ, персидскихъ и татарскихъ книгъ, увѣдомляетъ, что вдова полковника Аббасъ-Кули-Бакиханова, Секна-Ханумъ, приноситъ ей книги въ даръ Академіи Наукъ. Въ видѣ сего, г. Министръ предлагаетъ Академіи оцѣнить стоимость сего приношенія. А. Дорнъ, по разсмотрѣннн книгъ, донесъ, что онѣ принадлежать къ числу лучшихъ произведеній мугаммеданской литературы, и изложивъ заключеніе о нихъ соотвѣтственно требованію г. Министра, предполагаетъ напечатать въ «Бюлетенѣ» подробное ихъ описаніе.

Произведено балотированіе старшаго учителя гимназіи Шифнера въ адъюнкты Академіи по части восточной словесности и преимущественно средне-азійскихъ языковъ. По собраніи голосовъ, г. Шифнеръ оказался избраннымъ единодушно. Положено заявить о семъ въ общемъ собраніи 1 мая.

Засѣданіе 7 мая.

А. Броссе читалъ записку подъ заглавіемъ: *Inscriptions et antiquités géorgiennes, recueillies par M. le colonel Bartholomeï*. Положено напечатать въ «Бюллетенѣ».

А. Куникъ представилъ записку г. Муральта подъ заглавіемъ: *Le monastère de Valaam. Histoire et étymologie du nom*. Положено напечатать въ «Бюллетенѣ».

А. Шегренъ представилъ составленную чиновникомъ почтоваго вѣдомства въ Гельсингфорсѣ г. Векстремомъ подробную карту Финляндской Лапландіи, съ объяснительнымъ текстомъ на французскомъ языкѣ. Положено передать АА. Беру и Гельмерсену для напечатанія въ сборникѣ, издаваемомъ ими подъ заглавіемъ: *Veitragе* и т. д.

А. Кеппенъ представилъ экземпляръ вышедшаго изъ печати своего путешествія въ землю Донскихъ Казаковъ, объявивъ притомъ, что Государыня В. К. Елена Павловна удостоила его принять посвященіе сей книги имени Ея Высочества.

А. Шегренъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія о послѣдовавшей въ Гельсингфорсѣ, 25 апрѣля, кончинѣ доктора Кастрена, путешествовавшаго съ 1845 по 1849 годъ, по порученію Академіи, по сѣверо-западной Сибири для этнографическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій. Отдѣленіе приняло сію прискорбную вѣсть съ теплымъ сочувствіемъ, и поручило А. Шегрену озаботиться принятіемъ приличныхъ мѣръ для доставленія Академіи ученаго наслѣдія Кастрена, относящагося до сибирской экспедиціи, на тѣхъ условіяхъ, какія поставлены были при жизни Кастрена въ собраніи Отдѣленія, бывшемъ 20 февраля.

Г. Вице-Президентъ Академіи увѣдомилъ Отдѣленіе, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ командировку А. Шегрена на 4 мѣсяца въ балтійскія губерніи для продолженія начатыхъ имъ въ 1846 году этнографическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій. (Г. Шегренъ отправился изъ С. Петербурга 22 мая.)

Начальникъ Главнаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, членъ-корреспондентъ Академіи, князь М. А. Оболенскій, сообщилъ Непремѣнному Секретарю портфель, содержащій копии съ писемъ Петра Великаго на 202 листахъ, о доставленіи коихъ просилъ А. Устряловъ.

Профессоръ гиссенскаго университета Вулдерсъ представилъ программу предпринимаемаго имъ изданія персидско-латинскаго словаря съ просьбою о покровительствѣ его изданію. Поручено разсмотрѣть А. Дорну.

Профессоръ живыхъ языковъ въ специальномъ училищѣ въ Парижѣ, г. Дюлоріе, обратился къ Непремѣнному Секретарю съ просьбою о сообщеніи «Исторіи нашествія Монголовъ», соч. армянскаго монаха Малакія, и «Исторіи Аговановъ», соч. Моисея Каганкатоватси. Поручено А. Броссе выдать поминутыя сочиненія для доставленія г. Дюлоріе.

Засѣданіе 19 мая.

А. Броссе представилъ и прочелъ записку подъ заглавіемъ: *Sur un second envoi d'inscriptions géorgiennes par M. Bartholomei avec explication*. Записка эта имѣетъ быть напечатана въ «Бюллетенѣ».

Члены комиссіи, составленной для разсмотрѣнія проекта г. Куника относительно спеціальной бібліотеки академическихъ изданій, изложили въ донесеніи свое мнѣніе о пользѣ и настоятельной необходимости этого заведенія. Что касается устройства и надзора въ этой бібліотекѣ, то въ настоящее время они не считаютъ еще умѣстнымъ сдѣлать какое-либо предложеніе, полагая, что прежде всего надобно составить полный каталогъ всѣмъ изданіямъ Академіи, имѣющимъ войти въ составъ этого заведенія (какъ-то: книгамъ, ландкартамъ и т. д.). Этотъ трудъ, безъ сомнѣнія, значительно облегчится инвентаремъ книжнаго магазина Академіи, а инвентарь имѣетъ быть представленъ Отдѣленію въ непродолжительномъ времени. Тогда можно будетъ по крайней мѣрѣ начать поиски книгъ, не находящихся въ академическомъ магазинѣ и вышедшихъ изъ книжной торговли, равно и обдумать систему для каталога и расположенія книгъ. Одобряя это донесеніе и принимая его заключеніе, Отдѣленіе поручило дальнѣйшее исполненіе г. Кунику.

А. Дорнъ, не присутствовавшій за болѣзнію, прислалъ въ засѣданіе литографированную копію каталога восточныхъ рукописей главной тунисской мечети: копія эта, заказанная еще покойнымъ Френомъ, исполнена въ Парижѣ г-мъ Рено (Reinaud).

Г. пензенскій гражданскій губернаторъ доставилъ свѣдѣнія, требованныя Академією, по желанію А. Кеннена, о *Мещерякахъ*, проживающихъ въ пензенской губерніи. Положено благодарить за доставленіе и хранить доставленное до возвращенія г. Кеннена.

Засѣданіе 1 июля.

А. Куникъ представилъ на усмотрѣніе Отдѣленія карту окрестностей С. Петербурга, снятую шведскимъ полковникомъ Абрагамомъ Кроньортомъ въ 1698 году, за пять лѣтъ до взятія крѣпости Ниеншанца Петромъ Великимъ. Копія этой карты, хранящаяся въ академической бібліотекѣ, относится къ 1737 году и сдѣлана инженеромъ С. І. Шварцемъ, о жизни котораго г. Кунику удалось собрать нѣсколько любопытныхъ подробностей. Полагая, что изданіе этого любопытнаго документа по праву принадлежитъ Академіи, Отдѣленіе предложило г. Кунику немедленно приготовить его къ изданію.

А. Дорнъ представилъ три арабскія рукописи и одну персидскую, присланныя изъ Казани профессоромъ Готвальдомъ въ той мысли, что онѣ послужатъ, можетъ быть, къ пополненію азіатскаго музеума

Академіи. Такъ какъ первыхъ трехъ рукописей нѣтъ въ азіатскомъ музеумѣ, а послѣдняя составляетъ роскошный экземпляръ въ каллиграфическомъ отношеніи, то г. Дорнъ находитъ полезнымъ приобрести эти рукописи для музеума, и Отдѣленіе изъявило на то согласіе.

А. Бетлингъ донесъ, что вслѣдствіе порученія, данного Отдѣленіемъ въ Калькуттѣ, куплено на счетъ азіатскаго музеума 27 санскритскихъ рукописей и списокъ одного афганскаго сочиненія.

Г. Вице-Президентъ Академіи сообщилъ предложенію г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія арабскую рукопись, представленную бухарскимъ муллою въ троицкую таможду. По предварительномъ разсмотрѣніи рукописи, А. Дорнъ, на предложеніе г. Министра, письменно донесъ, что рукопись содержитъ въ себѣ *Извѣстія Ибнъ-Котеиба*, одного изъ уважаемыхъ между древними арабскими историческими писателями, и хотя книга эта напечатана, тѣмъ не менѣе рукописный экземпляръ ея стоитъ покупки. Одобрено.

Онъ же, г. Вице-Президентъ, увѣдомилъ Академію о своемъ согласіи на приобретеніе, для азіатскаго музеума, литературнаго наслѣдія покойнаго Френа, которое состоитъ изъ книгъ и изъ собственноручныхъ его ученыхъ записокъ. Поручено А. Броссе принять и внести въ азіатскій музеумъ по реестру, составленному А. Дорномъ, и въ случаѣ надобности озаботиться составленіемъ инвентаря.

Г. Намѣстникъ Кавказскій, возвращая Непремѣнному Секретарю донесеніе А. Броссе о путешествіи г. Мегвинеть-Буцезова, увѣдомляетъ, что, поручивъ перевести это донесеніе на русскій языкъ для помѣщенія въ газетѣ «Кавказъ», Его Свѣтлость считаетъ приличнымъ напечатать оное и въ академическомъ «Бюллетенѣ». По изъясненіи на то согласія г-номъ Броссе, рукопись передана А. Бетлингу для провожденія въ типографію.

Г. Наравей изъ Парижа прислалъ для академической бібліотеки брошюру подъ заглавіемъ: *Notes sur la Bible et sa Chronologie réelle*. Принято съ благодарностью.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ III ОТДѢЛЕНІЯ

съ 18 июня по 20 августа 1852 года.

Засѣданіе 18 июля.

А. Бетлингъ представилъ Отдѣленію статью г. Шифнера, подъ заглавіемъ: *Kleinere Beiträge zur finnischen Mythologie*. Согласно съ желаніемъ автора, положено напечатать ее въ «Бюллетенѣ».

Непремѣнный Секретарь, встрѣтивъ въ библиографическихъ извѣстіяхъ одной берлинской газеты заглавіе книги: *Посланіе къ Императорской Академіи въ С. Петербургъ*, и зная, что подобнаго посланія Академія не получала, счелъ своею обязанностью приобрести экземпляръ этой книги и представить ее Отдѣленію. Полное заглавіе ея есть слѣдующее:

Sendschreiben an die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg über die Angriffe des Kaiserl. wirklichen Staatsrathes Herrn von Köhler auf mehrere antike Denkmäler des Königl. Museums zu Berlin, von Dr. E. H. Tölken. Erstes Sendschreiben. Köhlers Treue und Gründlichkeit. Berlin 1852. (95 стр. въ-8°). Отдѣленіе поручило А. Стефани подробно разсмотрѣть книгу и представить отчетъ о ея содержаніи.

Г. Руссвурмъ, свидѣтельствуя свою признательность за Демидовскую премію, присужденную его сочиненію о Шведахъ по берегамъ Эстоніи и острова Руно, равно и за пособіе на его изданіе, просить Академію довершить свое поощрительное вниманіе къ его труду, дозволивъ посвятить оной ея имени. Отдѣленіе, изъявивъ на это желаніе свое согласіе, предоставило Непремѣнному Секретарю увѣдомить о томъ г. Руссвурма.

А. Куникъ представилъ Отдѣленію письмо изъ Лüneбурга отъ 26 апрѣля, при которомъ директоръ тамошней реальной школы, докт. Фольгеръ, посылаеть, отъ имени Лüneбургскаго Археологическаго Общества, въ даръ Академіи нѣсколько изданій Общества. Отдѣленіе, принимая даръ, поручило г. Кунику благодарить г. Фольгера и назначить изъ числа академическихъ изданій книги, какія онъ найдетъ приличнымъ послать поминутому Обществу въ благодарность за его приношеніе.

Засѣданіе 20 августа.

А. Стефани читалъ № X своихъ *Parerga archaeologica*. Определено: печатать въ «Бюллетенѣ».

Г. Президентъ препроводилъ въ Академію историческое разсужденіе А. Погодина, въ рукописи, подъ заглавіемъ: *Изслѣдованіе о мѣстѣ погребенія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго*. Согласно съ желаніемъ Его Сіятельства, определено издать разсужденіе въ «Ученыхъ Запискахъ» Академіи.

Непремѣнный Секретарь сообщилъ Отдѣленію разсужденіе, представленное на соисканіе Круговой преміи—единственный трудъ, явившійся на предложенную Академію задачу. Разсужденіе состоитъ изъ четырехъ большихъ тетрадей in-4°, съ прибавленіемъ пятой, содержащей алфавитный указатель, и снабжено девизомъ: *Si quid novisti rectius istis, candidus imperti; si non, his utere mecum*. Къ разсужденію

присовокупленъ, по обыкновенію, запечатанный пакетъ съ тѣмъ же девизомъ вмѣсто адреса. Для разбора этого сочиненія избраны Отдѣленіемъ академики: Устряловъ, Броссе, Дорнъ и Куникъ.

А. Куникъ представилъ рукописное разсужденіе д-ра Р. Минцова, подъ заглавіемъ: *Recensio populorum, quos Ovidius exsul potos habuit*. Поручено разсмотрѣть гг. Стефани и Кунику.

Отдѣленіе разсматривало программу «Ученыхъ Записокъ», предназначенную къ помѣщенію во Введеніи этого изданія.

А. Дорнъ сообщил Отдѣленію, что нумизматическіе матеріалы, составляющіе часть ученаго наслѣдія покойнаго Френа, прежде изданія въ свѣтъ, требуютъ тщательнаго пересмотра; потому онъ, г. Дорнъ, предполагаетъ начать изданіе посмертныхъ трудовъ знаменитаго ориенталиста первымъ дополненіемъ къ его *Recensio numorum*. Дополненіе это представлено было Отдѣленію въ 1844 году и содержитъ въ себѣ обзоръ нумизматическихъ приобрѣтеній азіатскаго музеума съ 1826 года, когда издано *Recensio*, до 1842 года включительно: ученая обработка его совершенно окончена и изданіе сдѣласть честь столько же памяти автора, какъ и Академіи. Заглавіе этому дополненію г. Дорнъ предполагаетъ слѣдующее: *C. M. Fraehnii, Academici Petropolitani, opera numismatica posthuma, edidit Bernh. Dorn. I. Nova suplementa numorum muhammedanorum*. Одобрено.

А. Стефани представилъ и прочелъ критическій разборъ изданнаго подъ именемъ «Посланія» къ нашей Академіи сочиненія берлинскаго профессора Тэлькена. Выслушавъ эту статью и находя тонъ ея изложенія приличнымъ. Отдѣленіе положило напечатать ее въ «Бюллетенѣ» — не для того, чтобы защитить ученую славу своего покойнаго археолога, а для того, чтобы не оставить въ невѣдѣніи тѣхъ, кто хочетъ судить беспристрастно о разсматриваемыхъ вопросахъ. Отдѣленіе полагаетъ, что, издавая этотъ критическій разборъ, оно поступаетъ согласно съ желаніемъ самаго г. Тэлькена и расположено считать его «Посланіе» какъ бы небывшимъ.

А. Беръ сообщил Отдѣленію слѣдующее извѣстіе. Недавно жители Алавскихъ острововъ замѣтили, что употребляемая ими казенная печать совершенно имъ неясна. Они посылали ее на разсмотрѣніе въ стокгольмскую Академію, но, не получивъ оттуда объясненія, сдѣлали съ своей печати отиски и раздаютъ ихъ ученымъ, посѣщающимъ ихъ острова. Г. Беръ охотно взялъ на себя показать одинъ изъ такихъ отисковъ III Отдѣленію нашей Академіи. Такъ какъ простой взглядъ на начертанія отиска не ведетъ ни къ какому результату, то Отдѣленіе положило отложить рѣшеніе этой задачи до возвращенія г. Шегрена. Между тѣмъ, по желанію г. Бетлингга отискъ переданъ ему для показанія г. Шифнеру.

